

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова»

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ — XIX

*Материалы международной научно-практической
конференции молодых ученых*

(Улан-Удэ, 28–29 апреля 2026 г.)

Научный редактор
В. А. Родионов, д-р полит. наук, доц.

Ответственный редактор
И. Г. Аюшиева, канд. ист. наук, доц.

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
имени Доржи Банзарова
2026

УДК 94(5)(082)
ББК 63.3(59:94)
А 355

Утверждено
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета
Протокол № 4 от 11.06.2026

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Редакционная коллегия

О. Б. Бальчиндоржиева, д-р филос. наук, доц.
Н. Б. Бадмацыренова, канд. филол. наук, доц.
М. В. Золхоева, д-р филос. наук, проф.
О. Д. Тугулова, канд. филол. наук, доц.

Рецензенты

Д. И. Бураев
д-р ист. наук, проф. кафедры истории и регионоведения стран Азии,
БГУ им. Д. Банзарова
И. С. Цыремпилова
д-р ист. наук, проф., проректор по научной работе и международной деятельности,
ВСГИК

А 355 Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность — XIX: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых (Улан-Удэ, 28–29 апреля 2026 г.) / научный редактор В. А. Родионов; ответственный редактор И. Г. Аюшиева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2026. — 258 с.
ISBN 978-5-9793-2153-0
DOI 10.18101/978-5-9793-2153-0-1-258

Сборник включает в себя статьи студентов, аспирантов и молодых ученых научных и образовательных учреждений России и Китайской Народной Республики, посвященные актуальным вопросам истории, политики, философии, литературы, языков стран и народов Азиатско-Тихоокеанского региона.

Адресовано широкому кругу специалистов в области востоковедения.

УДК 94(5)(082)
ББК 63.3(59:94)

ISBN 978-5-9793-2153-0

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2026

Содержание

Историко-политические традиции, экономические и социально-культурные процессы в странах АТР

Абидуева Н. Ц.-Д. Опиумные войны и переосмысление китайской национальной идентичности	6
Балюкина А. С. Малое и среднее предпринимательство в финансовой системе Республики Корея (2021–2026)	9
Боровик А. В. Факторы успеха специальной экономической зоны Шэньчжэнь	12
Галданова А. В. Стратегия продвижения китайской модели развития в ООН и международных финансовых организациях	15
Дондокова В. Б. Политика геноцида японской армии во Второй мировой войне в Азии	19
Дондокова Д. Б. Трансформация политики КНР на Корейском полуострове в условиях китайско-американского сближения и изменения глобального баланса сил (1971–1988 гг.)	23
Доржиев Э. Б. Наследие культурной революции в цифровом пространстве Китая	26
Ильина Е. Л. «Тибетский вопрос» как один из факторов эскалации конфликта в китайско-индийских отношениях (1949–1951 гг.)	31
Леонтьева Т. В. Реализация закона о программе по монгольской письменности	35
Попова И. Н. Развитие информационной безопасности в Республике Корея	40
Рабданова Н. П. Политика сдерживания и конфронтации США в отношении КНР	44
Соколова Ю. Н. Интерпретация внутренней социокультурной политики Китая 1960-х и 1970-х годов в политической и общественной жизни ГДР	47
Сономдоржиева С. Б. Классические традиции в современной культуре Республики Корея	51
Урсова А. Ю. Экологический императив Китая как новый нормативный стандарт морской логистики в АТР: вызовы и адаптационная стратегия для Российской Федерации	55
Ухинжапова С. М. Роль БРИКС в реализации внешнеполитических стратегий Китая	60
Цыренова Д. В. Китайская миграция в Россию в 1990-е годы: движущие факторы и социально-экономические последствия	64
Чжан Цзяци. Риторические стратегии в медиадискурсе Китая о «сообществе единой судьбы человечества»	68

Литература, фольклор, мифология Востока

Ангархаева С. А. Мотив странствий в поэзии Китахара Хакусю	72
Бадеева К. П. Сансарические мотивы в поэзии Линь Хуэйинь: три лирических воплощения круговорота бытия	76
Банзаров К. В. Флористические образы в поэзии Сюй Чжимо	80
Батожаргалова С. Б. Метафорическая лексика в создании образов женственности и национальной идентичности (Мо Янь «Большая грудь, широкий зад»)	85
Батуева С. Ц. Типология сверхъестественных существ в сборнике «Ляо Чжай Чжи и» Пу Сунлина	89
Белых Е. В. Голос с того света: специфика нарратологических стратегий в романе Юй Хуа «Седьмой день»	92
Будаева А. С.-Д. Женский образ в повести Чжан Айлин «Гневная дама»: стратегические модели выживания	96
Будаева М. Б. Символика числа 8 в японских мифах и легендах	99

Бутханова Е. В. Образ наложницы Юй в жизни и на сцене в романе Лилиан Ли «Прощай, моя наложница»	102
Буянтуева Я. С. Формы репрезентации травмы в произведениях Хан Ган	105
Ван А. С. Приемы аниме-нарратива в романе Го Цзинмина «Ледяная фантазия»	109
Васильева А. С. Образы животных в современном китайском медиапространстве	113
Гурдармаева Э. Б. Стратегические формы поведения персонажей в художественной структуре романа «Сон в красном тереме»	117
Дугарова И. Б. Проблематика рассказа гонконгской писательницы Си Си «Меловый круг города Фэйту»	122
Дун Синьюй. Формирование образа Пушкина в Китае в ранний период (1900–1930)	125
Колчин К. Ю. Влияние английского романтизма на поэзию Симадзаки Тосона (на примере цикла «Печаль о Байроне»)	128
Коногорова Я. О. Поэзия Цю Цзинь как акт революционного самопожертвования	132
Манелова А. И. Роль художественной детали и символики в прозе Лао Шэ и Шэн Кэи	136
Молонова Д. Б. Даосские мотивы в поэзии Ли Инно	139
Мункуева А. Б. Сравнение речевых портретов Вэй Усяня и Цзинь Гуаньяо, персонажей романа Мосян Тунсю «Магистр дьявольского культа»	142
Номоконова В. Ч. Абсурд как подлинное бытие в ощущениях: интерпретация ранних авангардных рассказов Юй Хуа	148
Рыжук М. В. Психологические портреты женских персонажей в романе Линь Юй-тана «Моменты в Пекине»	152
Садовская О. А. Социальное давление и кризис самоидентичности подростка в романе Ли Гёнхва «Я».	155
Салчак Ч. Ч.-О. Особенности творческого метода Юй Хуа: от авангардной деконструкции к «мозаике воспоминаний»	158
Селезнева М. А. Буддийские поэтические образы в современной корейской поэзии на примере сборника Мун Сук «불이론»	161
Чжан Дари. Метафора каннибализма в рассказе Лу Синя «Записки сумасшедшего»	165
Шинкевич К. И. Субъект лирики в туманной поэзии и русском символизме	169
Янечек В. Е. Поэтика абсурда в рассказе Лю Цысиня «Тайюаньская любовь»	173

Исследования языков стран АТР и проблемы обучения в образовательном пространстве

Аглеева В. А. Стратегии самопрезентации китайской молодежи (на материале платформ 微信, 微博, 抖音, 小红书)	177
Антонов Р. С. Опыт использования ИИ для создания иллюстративной наглядности при формировании лексических навыков посредством чэньюй	181
Батомункуева Е. Д. Роль языка в формировании национального имиджа Китая	185
Беспалова К. А. Рамочные конструкции в современном китайском языке как средство организации дискурса и формирования коммуникативной компетенции русскоязычных обучающихся	190
Бужинаева А. А. Методика применения интерактивных учебных материалов при формировании грамматических навыков на уроках китайского языка	194
Дамдинова А. В. К развитию семантики лексических единиц <i>terge</i> и <i>ongyuca</i> в современном монгольском языке	198
Джаватова А. К. Монгольский язык в интернет-среде: проблемы и способы решения	202
Иванова А. П. Охранные имена в монгольской антропонимической традиции.	206
Катулина В. О. Социокультурные основания китайского делового дискурса	209

Масленникова С. Э. Применение интерактивного контента в процессе развития лексической компетенции на уроках китайского языка	213
Машанова В. Е. Проблематика перевода с английского на китайский: автоперевод и андрогинная субъективность (на примере романа Линь Юйтана «Между слезами и смехом»)	217
Мункуева Т. С. Образование в Корее: история и влияние	221
Павловская А. А. Лексикографическая репрезентация концепта <i>учитель</i> в японском языке	225
Проха М. О. Аббревиация в политической лексике современного монгольского языка	229
Сенникова А. А. Анализ перевода монгольского рассказа Г. Болормы «Саарал Улиан» на русский язык	234
Соколова М. О. Стратегия обучения в портретном интервью и ее лингводидактический потенциал в преподавании РКИ для медицинских направлений (на материале видеорубрики «10 глупых вопросов»)	238
Сундуев С. В. Гидронимия Кудинской долины	242
Фомичев А. Э. Междисциплинарный подход в обучении китайскому языку: внедрение изобразительного искусства и преодоление начертательных трудностей	245
Французова К. Б. Анализ эргонимии Элисты и Улан-Батора	250
Эрдынеева А. Б. Антропонимы как средство художественной характеристики персонажей в сборнике Мо Яня «Позднеспелые люди»	254

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ АТР

УДК 93/94

ОПИУМНЫЕ ВОЙНЫ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© Абидуева Нарана Цырен-Дылыковна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
narana.abiduyeva@bk.ru

Статья посвящена влиянию опиумных войн на изменение китайской национальной идентичности. Рассматриваются причины и последствия Опиумных войн и их интерпретации в китайской и английской историографии. Актуальность исследования состоит в восприятии населением Китая себя и других государств во второй половине XIX — первой половине XX в., на которое значительное влияние оказывают Опиумные войны, воспринимаемые в Китае как «век унижений»

Ключевые слова: опиумные войны, национальная идентичность, трансформация идентичности, век унижения, историческая память.

THE OPIUM WARS AND THE RECONSIDERATION OF CHINESE NATIONAL IDENTITY

Abidueva Narana

Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
narana.abiduyeva@bk.ru

This article analyses the impact of the Opium Wars on the evolution of Chinese national identity. It examines the causes and consequences of the Opium Wars, as well as their interpretation in Chinese and British historiography. The relevance of this study lies in China's perception of itself and other states during the 19th–20th centuries, which are significantly influenced by the Opium Wars, which marked the beginning of the 'Century of Humiliation'.

Keywords: Opium Wars, national identity, transformation of identity, Century of Humiliation, historical memory.

Опиумные войны стали одним из ключевых событий в истории Китая и одними из многих колониальных войн в истории Великобритании. Они привели к изменениям во многих сферах жизни китайского общества. Для Китая данные события стали началом «века унижений», тогда как для Великобритании началом торгового влияния и усилением колониальной экспансии. Вследствие этого в обеих странах возникли новые трактовки причин и последствий Опиумных войн [3]. В китайской историографии почти полностью делается акцент на национальном унижении и борьбе за суверенитет, тогда как, в английской историографии мнения исследователей сильно варьируются, то оправдывая, то критикуя действия Запада. Особое внимание уделяется сильному влиянию данных событий на национальную идентичность китайского народа вследствие полуколониальной зависимости от Запада. Поражение Китая в опиумных войнах вызвало глубокий шок у самих китайцев и правящей цинской династии. Для европейских держав это лишь подтвердило их планы по колонизации Китая [4; 5].

Одной из главных причин конфликта считается торговый дисбаланс, возникший в результате попытки расширения торгового влияния Великобритании в Китае. Китай обладал преимуществом в торговых отношениях, так как большинство китайских товаров получили популярность среди европейских государств (чай, фарфор, шёлк), тогда как на английские то-

вары, напротив, отсутствовал спрос. Англичанам приходилось расплачиваться серебром из-за чего возник отток серебра [2; 6].

Англия, стремясь решить эту проблему начала продавать опиум. Опиум получил широкое распространение среди китайцев, что повлекло за собой резкий подъём спроса и волну зависимостей среди местного населения. По поручению императора комиссар Линь Цзэсюй уничтожил крупную партию опиума. Из-за военно-технической отсталости Китай потерпел поражение в Первой опиумной войне (1840–1842) и подписал Нанкинский договор, ставший первым из серии «неравноправных» договоров. В дальнейшем началась Вторая опиумная война (1856–1860), завершившаяся уже заключением целого ряда неравноправных договоров [2; 6].

Столкновение с Западом совпало с естественной сменой династийного цикла, в связи с этим на фоне упадка государства возникло много восстаний; «Свергнем Цин, восстановим Мин» под таким лозунгом выступало тайное общество «Триада», христианское восстание Тайпинов (1850–1864), мусульманские восстания и т.д. Среди этих значимых событий, сыгравших важную роль в переосмыслении национального самосознания, следует отметить Тайпинское восстание. Восстание Тайпинов можно рассматривать как попытку трансформации идентичности через призму христианской религии. Восставшие стремились к объединению общества на основе новой религиозной идеологии, сильно отличавшейся от традиционной конфуцианской этики. Национальная идентичность по Энтони Смит — это чувство принадлежности нации как к связанному целому, основанному на общей культуре, истории, территории и мифах. Общая память создаёт базовый конструкт, который объединяет людей в группы. В контексте Опиумных войн память об этих событиях стали настоящим историческим потрясением, навсегда изменившим китайскую национальную идентичность.

Китай до начала конфликта традиционно воспринимал себя как «срединное государство» (кит. 中国, пиньинь: *Zhōngguó*, Чжунго) и с древних времён занимал доминирующее положение в регионе. Данная концепция лежит в основе традиционной китайской картины мира и обозначает культурное и политическое превосходство над другими странами. Вследствие этого цинский Китай и без того проводивший политику самоизоляции отказывался от модернизации, считая, что особой нужды в этом нет. Также на такое решение повлиял устоявшийся конфуцианский консерватизм, который был направлен на сохранение традиционных ценностей и отказа от всего нового. Однако после многочисленных военных поражений и подписаний неравноправных договоров Китай был вынужден пересмотреть своё место в мире.

«Век унижений» изменил взгляды китайцев на собственную самооценку, а это в свою очередь означало, что нужны изменения не только в военной и экономической сфере, но и в патриотической мысли. Мао Дзэдун — лидер Коммунистической партии объявил: «Китайский народ отныне поднялся с колен!» (中国人站起来了). Данная фраза означает, что до этого момента китайский народ находился «на коленях» (под гнётом) более 100 лет [7].

Дэн Сяопин, лидер второго поколения китайского руководства продолжил работу Мао Дзэдуна, но в отличие от своего предшественника понимал необходимость развития экономических отношений с другими государствами, поэтому он предложил курс «открытых дверей» или курс на реформы и открытость миру. «Курс открытых дверей» означал дипломатический курс на развитие сотрудничества между странами. Китай начал стремиться к независимости, при этом оставаясь в тени и придерживаясь стратегии «韬光养晦» (скрывать свои способности и выжидать), то есть избегать открытой конфронтации с другими странами. На формирование данной стратегии повлияли столкновения с Западом, которые ослабили государство [1, с. 6]. Поражение в Опиумных войнах положило начало периоду широко известному в китайской историографии как «век унижений» (百年国耻). Данный период характеризуется утратой политического и экономического суверенитета под давлением иностранных держав. Из основных событий этого периода помимо опиумных войн выделяют Китайско-японскую войну (1894–1895) и Японскую интервенцию в Китае (1931–1935). Эти исторические процессы окончательно привели к ощущению национального унижения.

Завершением «века унижений» признают провозглашение Китайской Народной Республики (1 октября 1949 г.). Указанные события способствовали созданию устойчивого восприятия Китая как жертвы внешних угроз. Вместе с этим в общественном сознании появилось стойкое чувство национального унижения и утраты прежнего величия. Провозглашение создания КНР ознаменовало начало современного этапа «великого возрождения китайской нации», что под собой подразумевает идеологическую концепцию, выдвинутую Си Цзиньпином под названием «Китайская мечта». Подобное понятие сформировалась в ответ «американской мечте», сосредоточив в себе концепцию «гармоничного мира» Ху Цзиньтао. Некоторые исследователи рассматривают китайскую мечту как стремление к мировому господству. Однако на национальном уровне это к тому же может означать намерение решить вопрос о статусе Тайваня («единый Китай», «два берега — одна семья») [3, с. 129]. Опиумные войны всё ещё оказывают влияние на современный Китай, а термин «век унижений» не теряет своей актуальности и активно используется для поднятия патриотического духа у китайского народа.

Литература

1. Богданова Н. А., Солнцева Е. Г. К вопросу о дипломатии КНР: основные теории Дэн Сяопина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2022. № 08/2. С. 6–9.
2. Врядий С. Ю. Трансформация исторической памяти: актуализация образа Линь Цзэсюя (1785–1850) в политической историографии // Россия и АТР. 2024. № 2. С. 125–150. URL: https://www.academia.edu/download/121709413/Russia_and_ATR_2024_2_125_150.pdf (дата обращения: 23.01.2026).
3. Гудилина Е. Н. Влияние тематической вариативности на интерпретацию концепта «мечта». Китайский опыт // Полития. 2025. № 3(118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tematicheskoy-variativnosti-na-interpretatsiyu-kontsepta-mechta-kitayskiy-opyt> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Кораблин К. К., Локтева О. А. Колониальная политика европейских государств в Китае во время Первой (1840–1842) и Второй (1856–1860) «опиумных войн» (историко-правовой анализ) // Современная наука: от теории к практике. 2020. С. 111–124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43043898> (дата обращения: 23.01.2026).
5. Кошмаров М. Ю. Исследование генезиса и трансформации нарративов о конфликте Китая и Запада // Конфликтология/nota bene. 2024. № 1. С. 74–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-genezisa-i-transformatsii-narrativov-o-konflikte-kitaya-i-zapada> (дата обращения: 23.01.2026).
6. Макарова О. С. Основные события и правовые последствия первой опиумной войны 1840–1842 гг. в Китае // XXII Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции. 2018. С. 271. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/XXII%20ЦарСелЧт2018-1.pdf#page=271> (дата обращения: 23.01.2026).
7. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1977. Т. 5. 568 с.

Сведения об авторе

Абидуева Нарана Цырен-Дылыковна, студентка 3-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: narana.abiduyeva@bk.ru

Abidueva Narana Tsyren-Dylykovna, 3rd year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Сведения о научном руководителе

Бураев Дмитрий Игнатьевич, доктор исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: dburaev58@yandex.ru

Buraev Dmitry Ignatievich, Cand. Sci. (History), A/Prof., Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ (2021–2026)

© **Балюкина Анна Сергеевна**

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
vin.ishko171@gmail.com

В данной статье анализируется взаимосвязь между малым и средним предпринимательством (МСП) и финансовой системой Республики Корея в период с 2021 по 2026 г. Анализ такого экономического вызова, как постпандемийное восстановление, позволит рассмотреть влияние на доступ МСП к финансированию и взаимодействию с банками, фондовыми рынками и государственным финансовым институтам.

Ключевые слова: малое и предпринимательство (МСП) в Республике Корея, финансовая система РК, экономическая политика, государственная поддержка, постпандемийное восстановление, 2021–2026 гг.

SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES (SMES) IN THE FINANCIAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KOREA 2021–2026

Baluykina Anna Sergeevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
vin.ishko171@gmail.com

This article analyzes the relationship between small and medium-sized enterprises (SMEs) and the financial system of the Republic of Korea in the period from 2021 to 2026. An analysis of such an economic challenge as the post-pandemic recovery will allow us to consider the impact on SMEs' access to finance and interaction with banks, stock markets and public financial institutions.

Keywords: Small and medium-sized enterprises (SMEs) in the Republic of Korea, financial system of the Republic of Korea, economic policy, government support, post-pandemic recovery, 2021–2026.

Введение. Малое и среднее предпринимательство (МСП) выступает основой динамичного роста экономики занимая до 99,9% предприятий (около 7,7 млн предприятий), создавая до 81% рабочих мест, стимулируя инновации и поддержку стабильности, обеспечивая до 50% ВВП Республики Корея. Корея наравне с другими государствами в период с 2021 по 2026 г. столкнулась с рядом сложнейших вызовов: последствия глобальной пандемии, стремительной цифровой трансформацией, усилением конкуренции на международных рынках и растущими значениями экологических, социальных и управленческих (ESG) факторов. Эти изменения оказали глубокое влияние на взаимодействие с финансовой системой и другие аспекты деятельности МСП. В данной работе рассматриваются влияние такого экономического вызова, как постпандемийное восстановление на взаимодействия МСП и финансовой системы РК.

Малое и среднее предпринимательство в финансовой системе Республики Корея в конце периода пандемии COVID-19

Период пандемии COVID-19 стал для Республики Корея временем перехода от режима «выживания» к стратегии адаптации малых и средних предприятий к новым экономическим реалиям. Взаимодействие МСП и финансовой системы в годы пандемии определялось беспрецедентным уровнем государственного вмешательства, которое в последствии сменилось на давление со стороны банков из-за растущих долгов по кредитам [1; 4].

Ключевыми аспектами данного государственного вмешательства стали:

- Государственная поддержка МСП. Финансовая система функционировала в режиме максимальной благосклонности к МСП.

В данную аспекты вошли такие программы как прямая финансовая помощь и компенсации (손실보상금, 재난지원금), доступность кредитов, поддержка занятости и доходов (고용유지지원금). Это позволило избежать массового банкротства предприятий [1; 2; 4].

- Мораторий на выплату кредитов. Правительство страны применяло такие меры как льготные каникулы, для отсрочки оплаты кредитов и налогов.

Это создало «финансовый буфер» и одновременно с этим заложило риски скрытых задолженностей [1; 3]. В 2021 г. требования ESG (экология, социальная ответственность, управление) стали обязательными для получения финансирования. Крупные финансовые фонды (KODIT, KIBO) начали предоставлять льготные гарантии и кредиты для малого и среднего предпринимательства, которое внедряло экологически чистые технологии [2; 9]. В то же время банки стали требовать от МСП раскрытия нефинансовой отчетности для проведения ESG-аудита. Без соответствия стандартам ESG предприятиям становилось все труднее получать внешние инвестиции и поставки от крупных компаний. На конец 2021 г. объем долга МСП составлял около 886 трлн вон с уровнем просроченных платежей исторического минимума 0,21% благодаря государственной поддержке. Несмотря на все трудности объем ВВП в это время составил около 2072 трлн вон, это +4,3% к прошлому году [3; 4; 8].

2022 г. совпал с периодом глобальной инфляции и ужесточения монетарной политики Банком Кореи. Это привело к резкому росту процентных ставок в банках с 0,5% до 3,5%, которые ударили по МСП сильнее чем по крупным корпорациям, для некоторых это значило рост долгов в 2–3 раза. По этой причине финансовая система столкнулась с проблемой — предприятия не могли покрывать процентные платежи за счет прибыли. К концу 2022 г. объем долга вырос до 956 трлн вон с уровнем просроченных платежей в 0,32%. МСП начали ощущать давление из-за стоимости сырья и инфляции, что отразилось на ВВП, он составлял 2161 трлн вон, это +2,6% к 2021 г. [3; 5].

Чтобы помочь в решении проблем с растущими долгами МСП в 2022 г. был запущен масштабный проект New Start Fund, по выкупу просроченных долгов МСП и индивидуальных предпринимателей (ИП) для последующего списания части основного долга или снижения ставок, что помогло снизить нагрузку на банковский сектор. Объем фонда размером 30 трлн вон позволил списывать от 60 до 90% долгов для наиболее пострадавших предприятий [2; 4; 5]. По мимо этого государственные финансовые институты (IBK, KDB) перешли к адресной поддержке наиболее перспективных и технологичных компаний.

В этот же год с приходом новой администрации в Министерство МСП изменилась стратегия: от субсидий к инвестициям. Правительство стало стимулировать создание частных венчурных фондов. Вместо того чтобы просто давать кредиты с льготами, система стала поощрять привлечение инвестиций в акционерный капитал МСП [7–9].

А в 2023 г. начался поэтапный переход к завершению кредитных каникул и нормализации: финансовые институты стали проводить реструктуризацию долгов, чтобы избежать «кредитного обрыва» и накопления задолженностей. Объем долга МСП превысил отметку в 1000 трлн вон, а уровень просроченных платежей возрос до 0,52% в банковском секторе, в небанковском секторе он резко подскочил до 5% [3; 6; 8]. Была предпринята программа «мягкой посадки»: вместо резкой отмены льгот банкам было поручено переводить краткосрочные кредиты МСП в долгосрочные (на 10 и более лет) с фиксированной ставкой. Приоритетом в поддержке стали МСП, работающие в цепочках поставок полупроводников, аккумуляторов и биофармацевтики. ВВП составил 2236 трлн вон, это +1,4% к 2022 г. [6; 10].

Традиционные банки начали больше использовать Big Data (технологии обработки больших объемов данных, которые повышают точность оценки кредитоспособности). Вместо залогов недвижимости, банки анализируют данные о продажах в реальном времени, отзывы и активность предприятий для оценки. Это позволила малому бизнесу получать кредиты более легко, а также усилило конкуренцию [9]. В 2023–2024 гг. правительство Республики Корея также анонсировало новые программы поддержания бизнеса, что подтверждает курс на системную помощь МСП. И в 2024 г. ВВП уже составил 2360 трлн вон, это +2,5% к данным 2023 г. Как итог, к концу 2023 г. финансовая система Республики Корея подошла к критической точке:

- Общий долг МСП достиг рекордных уровней (свыше 900 триллионов вон). Это стало бременем, которое замедляет экономический рост [3; 5; 10].
- Традиционный микробизнес оказался в глубоком долговом кризисе. Из-за чего часть компаний не способных поддерживать свою работу закрылись [5].
- Переход к рейтинговой системе в отношении ESG для получения дешевых кредитов. МСП, которые не соблюдали эти требования, начали постепенно вытесняться с финансового рынка [2; 9].

Однако благодаря дальнейшей помощи от правительства в последующие годы ВВП страны стал расти и к 2025 г. составил 2480 трлн вон, это +2,2% к 2024 г.

Литература

1. Абдулханова М. С. Меры по поддержке предприятий малого и среднего бизнеса Республики Корея в период пандемии // КиберЛенинка [сайт]. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 20.04.2026).
2. В Южной Корее запустят программу поддержки бизнеса на \$57 млрд. URL: <https://www.interfax.ru/business/946265> (дата обращения: 19.04.2026).
3. Bank of Korea. Economic Statistics System (ECOS). Seoul: Bank of Korea, 2024. URL: <https://ecos.bok.or.kr> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Korea Development Institute (KDI). Policy Implications of Post-Pandemic SME Recovery in Korea / KDI. – KDI Research Paper No. 23–15, 2023. 42 p. URL: <https://www.kdi.re.kr/> (дата обращения: 19.04.2026).
5. Korea Federation of Small and Medium Business (KOSME). 2023. Survey on the Financial Health and Credit Conditions of Small and Medium Enterprises. Seoul: KOSME, 2023. 48 p. URL: <https://www.kosme.or.kr/> (дата обращения: 20.04.2026).
6. Korea Institute of Finance (KIF). Trends in SME Financing and Non-Performing Loans, 2023 / KIF. Financial Market Report Series, No. 23–04. Seoul: KIF, 2023. 40 p. URL: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** (дата обращения: 20.04.2026).
7. Малкина М. А. Опыт применения мер и инструментов государственного стимулирования и поддержки экспорта Республикой Корея // Электронный научный архив УрФУ. 2023. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/133913/1/978-5-91256-641-7_2023_161.pdf (дата обращения: 20.04.26).
8. Ministry of SMEs and Startups (MSS), Republic of Korea. 2023 SME Policy Funding Report (2023 년 중소기업 정책자금 운용실적). Seoul: MSS, 2024. 34 p. URL: <https://www.mss.go.kr/> (дата обращения: 19.04.26).
9. OECD. SME and Entrepreneurship Policy in Korea 2023 / OECD. – OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship. Paris: OECD Publishing, 2023. 187 p.
10. Statistics Korea (KOSTAT). Business Demography Statistics 2023: Number of Enterprises, Employment, and Value Added by Size Class. Daejeon: KOSTAT, 2023. 56 p. URL: <https://kosis.kr/>

Сведения об авторе

Балюкина Анна Сергеевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: vin.ishko171@gmail.com

Baluykina Anna Sergeevna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Бритова Виктория Римовна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: mengly@mail.ru

Britova Viktoriia Rimovna, Cand. Sci. (Hist.), A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ФАКТОРЫ УСПЕХА СПЕЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ШЭНЬЧЖЭНЬ© **Боровик Алина Владilenовна**Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
borovik-lia101@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые факторы успеха специальной экономической зоны Шэньчжэнь, ставшей наиболее успешным примером реализации политики «реформ и открытости» в Китайской Народной Республике. Особое внимание уделяется роли государственной политики, привлечению иностранных инвестиций и интеграции в мировую экономику. Делается вывод о комплексном характере факторов успеха и их взаимосвязи.

Ключевые слова: политика реформ и открытости, специальные экономические зоны (СЭЗ), факторы успеха СЭЗ.

SUCCESS FACTORS OF THE SHENZHEN SPECIAL ECONOMIC ZONE**Borovik Alina Vladilenovna**Dorzhii Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
borovik-lia101@mail.ru

The article examines the key success factors of the Shenzhen Special Economic Zone, which has become the most successful example of the implementation of the «Reform and opening-up» policy in the People's Republic of China. Particular attention is paid to the role of government policy, the attraction of foreign investment, and integration into the global economy. The study concludes that the success of Shenzhen is determined by the complex and interconnected nature of these factors.

Keywords: policy of reforms and openness, special economic zones (SEZ), success factors of the SEZ.

С конца 1970-х гг. Китай приступил к проведению политики реформ и открытости (改革开放). Главными целями этой политики стали модернизация национальной экономики и активное включение Китая в мировую экономику. Эти территории были своеобразными экспериментальными площадками для рыночных реформ, целью которых было привлечь иностранные инвестиции и способствовать экспорту [3].

Шэньчжэнь (深圳) был одним из первых и наиболее знаковых таких экспериментов. Его развитие стало примером: за несколько десятилетий он превратился из маленького приграничного поселения в один из ведущих инновационных и экономических центров Китая.

Однако, практика свидетельствует о неоднородности эффективности китайских СЭЗ, что обуславливает необходимость углубленного анализа факторов, способствовавших исключительному успеху СЭЗ Шэньчжэнь.

Факторы формирования СЭЗ Шэньчжэнь

Географический фактор. Шэньчжэнь, расположенный на юге провинции Гуандун и в непосредственной близости от Гонконга, смог извлечь максимальную выгоду из своего удачного местоположения. Близость к одному из крупнейших в мире финансовых и торговых центров обеспечила городу прямой и быстрый доступ к передовым технологиям, инвестициям из-за рубежа и эффективным методам управления [4]. Кроме того, выход к Южно-Китайскому морю способствовал развитию внешней торговли и формированию экспортно-ориентированной экономики. Учитывая, что Шэньчжэнь в целом являлся частью наиболее экономически активного региона дельты Жемчужной реки, а это один из самых быстрорастущих регионов Китая, можно сказать, что близость Шэньчжэня к Гонконгу значительно усилила его в экономическом плане. Иными словами, географически Шэньчжэнь был и есть ворота Китая в мир [2].

Институционально-правовые факторы. Институциональные условия также оказались важными, поскольку в этой зоне был введён особый правовой режим, отличной от остальной страны. Передача местным властям широких полномочий в вопросах регулирования экономической деятельности и самостоятельного привлечения инвестиций привела к более гибкой системе управления [3]. С целью активизации предпринимательской деятельности в СЭЗ были реализованы меры по сокращению административных барьеров. Одним из наиболее значимых мер стало упрощение процедуры регистрации предприятий, в первую очередь компаний с иностранными инвестициями. Были также упрощены процедуры получения разрешений на предпринимательскую деятельность, строительство объектов, осуществление внешнеэкономической деятельности. Выполненные реформы привели к снижению административных процедур и уменьшению расходов, связанных с реализацией инвестиционных проектов, что оказало положительное влияние на уровень предпринимательской и инвестиционной активности в СЭЗ [7]. Важным шагом стало также расширение полномочий местных органов власти, которые теперь могли самостоятельно рассматривать и согласовывать многие вопросы, связанные с экономической деятельностью.

Это позволило ускорить процесс принятия решений, сделав его более эффективным. Взаимодействие между государственными структурами и предпринимателями стало более продуктивным. В результате в СЭЗ сложились более благоприятные условия для бизнеса, чем в большинстве других регионов страны, что стало дальнейшим стимулом для притока внутренних и иностранных инвестиций. Реализация этих мероприятий создала предпосылки для притока иностранного капитала, что впоследствии сильно повлияло на развитие СЭЗ Шэньчжэнь.

Социально-демографические факторы. Рост населения города стал неотъемлемой частью истории Шэньчжэня. Образование СЭЗ привело к огромному притоку населения из других частей Китая, в результате чего население Шэньчжэня выросло в несколько раз. Из сельскохозяйственных регионов приехали миллионы людей, и эти мигранты стали обеспечивать экономику дешёвой и доступной рабочей силой. И этот фактор, в свою очередь, стал одним из главных факторов формирования в городе в первые годы развития трудоёмкой промышленности [5]. В свою очередь, рост населения привёл к формированию подвижного рынка труда и развитию предпринимательской активности, и вместе эти факторы оказались решающими для того, чтобы обеспечить экономическому росту Шэньчжэня постоянные трудовые ресурсы.

Инвестиционная привлекательность и внешнеэкономическая интеграция СЭЗ Шэньчжэнь

Фактически одним из ключевых инструментов экономической политики стали налоговые льготы. Для предприятий с иностранным капиталом были установлены сниженные ставки налога на прибыль. Наряду с этим значительную роль играла политика, направленная на активное привлечение прямых иностранных инвестиций (直接外国投资). В первые годы создания специальных экономических зон (СЭЗ) основу инвесторов составили гонконгские компании, что было обусловлено не только близким географическим соседством, но и уже существующими деловыми связями [1]. Большая часть иностранных инвестиций в тот период направлялась в промышленные отрасли с ориентацией на производство продукции для экспорта.

Именно на экспорт была ориентирована одна из ключевых черт СЭЗ практически с самого начала их создания. Лучшим примером для подражания стал Шэньчжэнь, который вскоре превратился в важное звено международных производственных цепочек. Благодаря притоку зарубежных инвестиций и технологий он стал для многих транснациональных корпораций площадкой для производства и сборки продукции. Опыт Шэньчжэня показал, что экспортно-ориентированная модель развития эффективна, и впоследствии она была распространена на всю страну, став одним из факторов быстрого развития индустриальных производств и роста экономики КНР. Интеграция означала не только приток инвестиций, но и активный обмен знаниями, технологиями и управленческим опытом [6]. Взаимодействие с зарубежными

партнерами способствовало повышению квалификации рабочей силы и развитию местных компаний. С течением времени Шэньчжэнь эволюционировал от модели, основанной на трудоемком производстве, к более сложным формам участия в мировой экономике, включая создание и выпуск высокотехнологичных изделий.

Таким образом, специальной экономической зоне Шэньчжэнь удалось добиться успеха благодаря целому ряду факторов. Это и выгодное географическое расположение, дающее преимущества, и благоприятный институциональный климат, и активная политика властей, направленная на поддержку, а также наличие значительных трудовых ресурсов, питавших экономику. Свой вклад внесли и экономические меры стимулирования, в частности, привлечение иностранного капитала и создание экспортно-ориентированной модели. Позже одним из ключевых факторов стал переход к инновациям и высоким технологиям, благодаря чему Шэньчжэнь смог развить новые отрасли. Все эти факторы вместе создали уникальный в своем роде уникальную модель экономического успеха, в которой сочетаются и активная государственная политика, и рыночные механизмы, и открытость для внешнего мира.

Литература

1. Енакий И. Р. Региональные особенности формирования инновационных промышленных кластеров Китая на примере провинции Гуандун // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 12. С. 6629–6648.

2. Специальные экономические зоны Китая: причины успеха. URL: <https://spb.hse.ru/ixtati/news/463558202.html> (дата обращения: 01.04.2026).

3. Special Economic Zones: How one city helped propel its country's economic development. URL: <https://www.weforum.org/stories/2022/02/special-economic-zones-how-one-city-helped-propel-its-country-s-economic-development/> (дата обращения: 05.04.2026).

4. Tantri M. L. Trajectories of China's Integration with the World Economy through SEZs: A Study of Shenzhen SEZ. URL: https://www.researchgate.net/publication/258129153_Trajectories_of_China's_Integration_with_the_World_Economy_through_SEZs_A_Study_of_Shenzhen_SEZ (дата обращения: 05.04.2026).

5. To W.-M., Lee P. K. C., Lau A. K. W. Economic and Environmental Changes in Shenzhen — A Technology Hub in Southern China. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/10/5545> (дата обращения: 08.04.2026).

6. Wang S. Successful Experience in the Development of China's Special Economic Zones — Case Study of the Reform of and Innovation in the Shenzhen Financial Industry // Studies on China's Special Economic Zones 2. Singapore: Springer, 2019. С. 47–56.

7. Zeng D. Z. Building engines for growth and competitiveness in China: experience with special economic zones and industrial clusters. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/294021468213279589> (дата обращения: 07.04.2026).

Сведения об авторе

Боровик Алина Владиленовна, магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: borovik-lia101@mail.ru

Borovik Alina Vladilenovna, Master Student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Шохоев Эдуард Климентьевич, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: edbur@inbox.ru

Shokhoyev Eduard Klimentievich, Cand. Sci. (Hist.), A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

СТРАТЕГИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В ООН И МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

© Галданова Александра Валерьевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
a_galdanova@mail.ru

В статье исследуется стратегия Китайской Народной Республики по продвижению собственной модели развития в международных организациях, в частности, инструменты влияния КНР в структурах ООН и международных финансовых институтах. Автор приходит к выводу о том, что Китай стремится к постепенной трансформации системы глобального управления, сочетая принципы взаимного уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды.

Ключевые слова: КНР, китайская модель развития, ООН, международные финансовые институты, «Один пояс, один путь», взаимовыгодное сотрудничество.

STRATEGY FOR PROMOTING THE CHINA'S DEVELOPMENT MODEL IN THE UNITED NATIONS AND INTERNATIONAL FINANCIAL INSTITUTIONS

Galdanova Alexandra Valerievna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
a_galdanova@mail.ru

The article examines the China's strategy for promoting its development model within international organizations with a particular focus on the mechanisms of Chinese influence in the UN and international financial institutions. The author concludes that China aims to gradually transform the global governance system by integrating the principles of mutual respect for sovereignty, non-interference in internal affairs, equality, and mutual benefit.

Keywords: China, Chinese development model, United Nations, international financial institutions, Belt and Road Initiative, mutually beneficial cooperation.

Исторический опыт взаимодействия Китайской Народной Республики с международными организациями отражает поэтапное изменение приоритетов внешней политики и трансформацию внутреннего курса страны. Если на ранних этапах Пекин придерживался осторожного или изоляционистского подхода, то с 1990-х гг. начался процесс активного включения в многосторонние институты.

Современный период характеризуется активным участием Китая в универсальных международных организациях для продвижения собственной модели развития и укрепления международного влияния. В связи с этим особое внимание стоит уделить исследованию механизмов, с помощью которых КНР интегрирует свои инициативы в существующие международные институты. Вместо того чтобы навязывать альтернативную систему, Пекин интегрирует собственные подходы в уже действующие механизмы глобального управления постепенно. Такой метод позволяет избегать открытого противостояния с либеральной парадигмой развития и последовательно трансформировать существующую систему изнутри, делая ее более подходящей собственным принципам и интересам [3].

В настоящее время Организация Объединенных Наций (ООН) выступает основной площадкой, где Китай продвигает свою модель развития. Прежде всего КНР стремится согласовать свои инициативы с Целями устойчивого развития (ЦУР), разработанными Генеральной ассамблеей ООН. Важную роль здесь играет инициатива «Один пояс, один путь», которая первоначально представляла собой проект экономического и инфраструктурного сотрудни-

чества, но со временем ее концепция получила более широкое обоснование как инструмент содействия устойчивому развитию.

Взаимодействуя с институтами ООН, Китай сформировал подход, в рамках которого транспортные коридоры, энергетические объекты, цифровая инфраструктура и промышленные зоны рассматриваются не просто как отдельные проекты, а как материальная основа для решения комплексных задач от ликвидации бедности до стимулирования инноваций и обеспечения устойчивого экономического роста [10, с. 65]. В рамках этой стратегии создаются совместные аналитические платформы, разрабатываются критерии оценки соответствия проектов ЦУР, а также формируется сообщество экспертов, которое продвигает идею взаимодействия китайских инициатив и глобальных приоритетов. Благодаря этому «Один пояс, один путь» всё чаще упоминается в документах и дискуссиях ООН как потенциально значимый механизм развития.

Другим важным направлением внешнеполитической стратегии Китая является развитие сотрудничества «Юг – Юг» и трехстороннего сотрудничества, в рамках которых КНР предоставляет финансовые ресурсы и технологии, ООН оказывает методическую и экспертную поддержку, а третьи страны выступают реципиентами — получателями помощи [5]. Данная стратегия реализуется путем организации обучающих программ, запуска пилотных проектов, передачи технологий и создания консультационных механизмов. Подобный подход позволяет Китаю укреплять своё присутствие в странах Азии, Африки и Латинской Америки, формировать устойчивые коалиции в рамках ООН и снижать уровень политической настороженности со стороны государств глобального Юга [11]. Активно используя площадки ООН, Пекин стремится интегрировать собственный опыт модернизации, в частности, успешные практики индустриализации, сокращения бедности и инфраструктурного строительства в международную повестку.

Распространение концепций «сообщества единой судьбы человечества», «взаимовыгодного сотрудничества» и «инклюзивной глобализации» в рамках международных организаций представляет собой дополнительную стратегию КНР, направленную на продвижение собственных нормативно-ценностных установок в системе глобального управления. КНР системно использует международные форумы, саммиты и площадки ООН, где руководство страны представляет свои инициативы как универсальные и соответствующие интересам всего мирового сообщества. При этом активно используются концепты взаимозависимости, трансграничных вызовов и совместного развития [2]. Например, во Всемирной торговой организации Пекин продвигает концепцию инклюзивной глобализации, обеспечивая учёт специфических потребностей экономик развивающихся стран, снижение торговых барьеров и реформирование глобальной торговой системы. КНР посредством критики протекционизма и односторонних ограничительных мер позиционирует себя как защитника многостороннего подхода [7, с. 12].

Более того, Китай активно участвует в миротворческих операциях под эгидой ООН. Он входит в состав Специального комитета по операциям по поддержанию мира, являясь вторым крупнейшим поставщиком контингентов для ООН (после США) и вторым крупнейшим донором по объему их финансирования [1, с. 142]. Миротворческая деятельность обеспечивает формирование образа Китая как ответственной державы, что укрепляет доверие развивающихся стран. Кроме того, Пекин получает возможность продвигать принципы своей внешнеполитической доктрины (приоритет государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела и мирное сосуществование), тем самым представляя свою модель как альтернативу западным подходам. Наконец, участие в миротворческих операциях создаёт благоприятные условия для реализации китайских инвестиционных проектов, демонстрируя эффективность модели в постконфликтном восстановлении.

Китай последовательно усиливает свои позиции и в финансовых международных организациях, таких как Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк. В рамках данных институтов страна последовательно добивается увеличения квот и голосов. Так, реформы квот и голосования в МВФ 2023 г. привели к значительному росту роли Китая, который

стал одним из крупнейших акционеров фонда [8]. Это позволяет ему влиять на принятие решений по кредитной политике, создает предпосылки для продвижения альтернативных подходов к макроэкономической стабильности, а также более активной роли государства в экономике.

Кроме того, Китай создает собственные финансовые организации, среди которых особую роль играют Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития (НБР). Через деятельность данных институтов продвигается китайский подход к развитию, опирающийся на приоритет инфраструктурных инвестиций и принцип невмешательства во внутренние дела государств. В отличие от МВФ и Всемирного банка, АБИИ и НБР ориентированы на реализацию концепции взаимовыгодного сотрудничества и не сопровождает предоставление финансирования жёсткими требованиями, что придает им востребованность среди развивающихся стран [4, с. 120]. Таким образом, Китай образует альтернативный центр финансовой влияния, способный составить конкуренцию традиционным западным институтам.

Одним из ключевых способов распространения китайской модели развития является инициатива «Один пояс, один путь», выступающая в качестве комплексного механизма трансграничного финансирования инфраструктурных проектов. Посредством данной программы Китай за счёт капитала Банка развития и Экспортно-импортного банка предоставляет долгосрочные кредиты государствам Азии, Африки и Латинской Америки, финансирует инфраструктурные проекты в этих странах, а также интегрирует проекты с международными финансовыми структурами. «Один пояс, один путь» позволяет КНР показывать эффективность своей модели развития, основанной на государственном планировании и инвестициях в инфраструктуру [6, с. 154].

Дополнительным способом продвижения китайской модели выступает процесс интернационализации национальной валюты КНР — юаня (жэньминьби). Включение юаня в корзину специальных прав заимствования МВФ в 2016 г. признало прогресс Китая в реформировании финансовой системы и его растущую роль в мировой экономике. Одновременно Китай проводит стратегию по расширению двусторонних валютных своп-соглашений и развитию альтернативных платёжно-расчётных механизмов. Реализация данного курса способствует диверсификации системы международных расчётов, снижению зависимости от доллара США и укреплению финансового суверенитета государств-партнёров [9, с. 236].

В заключение стоит отметить, что участие Китая в ООН и международных финансовых институтах носит комплексный стратегический характер. Государство продвигает свою модель развития через расширенное присутствие в структурах ООН, финансово-инвестиционные инструменты, продвижение собственных принципов и концепций, а также миротворческую деятельность. КНР выступает как активный субъект переустройства системы глобального управления, который не противопоставляет себя существующему международному порядку, а интегрирует альтернативное видение развития при соблюдении принципов многостороннего сотрудничества в действующие институты глобального управления.

Литература

1. Ли Ц. Миротворческая деятельность Китая в ООН: особенности, вызовы и перспективы // Вестник Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 2023. № 4. С. 142–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorcheskaya-deyatelnost-kitaya-v-oon-osobennosti-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 05.04.2026).
2. Полный текст речи председателя КНР Си Цзиньпина на виртуальном заседании ВЭФ-2022. URL: http://russian.news.cn/2022-01/17/c_1310428217.htm (дата обращения: 05.04.2026).
3. Baumann M.-O., Haug S. How China is reshaping UN development work // The Loop. 2023. URL: <https://theloop.ecpr.eu/how-china-is-reshaping-united-nations-development-work/> (дата обращения: 04.04.2026).
4. Callaghan M., Hubbard P. The Asian Infrastructure Investment Bank: Multilateralism on the Silk Road // China Economic Journal. 2016. Vol. 9, No. 2. P. 116-139.

5. Fast Facts on China's South-South and Global Cooperation. URL: <https://www.undp.org/china/publications/fast-facts-chinas-south-south-and-global-cooperation> (дата обращения: 04.04.2026).
6. Hillman J. The Emperor's New Road: China and The Project of The Century // Yale University Press. 2020. P. 151–158.
7. Hopewell K. Clash of Powers US-China Rivalry in Global Trade Governance // Cambridge University Press. 2020. 33 p.
8. IMF Quota and Governance Publications. URL: <https://www.imf.org/external/np/fin/quotas/pubs/index.htm#section1> (дата обращения: 05.04.2026).
9. Lee Y. W., Lim K. Renminbi internationalization and research agenda for currency network expansion // Review of International Political Economy. 2025. No. 32(1). P. 226–241. URL: <https://doi.org/10.1080/09692290.2024.2393835> (дата обращения: 05.04.2026).
10. Lewis D. J., Yang X., Moise D., Roddy S. J. Dynamic synergies between China's Belt and Road Initiative and the UN's Sustainable Development Goals // Journal of International Business Policy. 2021. No. 4(1). P. 58–79. URL: <https://doi.org/10.1057/s42214-020-00082-6> (дата обращения: 04.04.2026).
11. Perspectives on China's International Development Cooperation. URL: <https://www.undp.org/china/publications/perspectives-chinas-international-development-cooperation> (дата обращения: 04.04.2026).

Сведения об авторе

Галданова Александра Валерьевна, магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: a_galdanova@mail.ru

Galdanova Alexandra Valerievna, Master Student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Аюшиева Ирина Гармаевна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: aig1973@mail.ru

Ayushieva Irina Garmaevna, Cand. Sci. (Hist.), A/Prof, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА ЯПОНСКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В АЗИИ

© Дондокова Виктория Баировна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
viktoria_05v@mail.ru

В статье рассматривается геноцид как явление на примере японской оккупации Китая, в результате которой были совершены ужасные события, такие как отряд 731, Нанкинская резня, а также показано дальнейшее развитие взаимоотношений между государствами через призму прошлого.

Ключевые слова: геноцид, японская оккупация, отряд 731, Нанкинская резня, политика трёх «всех», международные отношения.

THE GENOCIDE POLICY OF THE JAPANESE ARMY DURING WORLD WAR II IN ASIA

Dondokova Viktoriia Bairovna

Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
viktoria_05v@mail.ru

The article examines genocide as a phenomenon using the example of the Japanese occupation of China, which resulted in horrific events such as Unit 731 and the Nanjing Massacre, and also shows the further development of relations between states through the prism of the past.

Keywords: genocide, Japanese occupation, Unit 731, Nanjing Massacre, Three Alls Policy, international relations.

Введение. Политика геноцида, которую вела Япония в отношении Китая в первой половине XX в., является одной из самых трагических и противоречивых страниц истории Дальнего Востока. Зверства «Отряда 731», где живых людей использовали для чудовищных экспериментов, Нанкинская резня с сотнями тысяч убитых и политика трёх «всех», унесшая миллионы жизней, были направлены на уничтожение китайского народа. Однако, несмотря на масштаб преступлений, после войны Япония избежала полноценного наказания, а отказ Китая от репараций в 1972 г. породил сложные юридические и моральные споры, которые делятся и по сей день. В данной работе рассматриваются ключевые проявления японского геноцида в Китае и его последствия для современных отношений между двумя странами.

Политика геноцида японской армии в Китае во Второй мировой войне и современные взаимоотношения между Китаем и Японией

Громким и бесчеловечным инцидентом стал «Отряд 731», существование которого Японии официально признала лишь в 1990-х. До этого он числился в документах как «отдел профилактики и очистки воды» Квантунской армии. Перед сотрудниками стояли сугубо практические, но бесчеловечные цели: изучить пределы организма при воздействии холода, давления, болезней и снарядов.

Руководил отрядом хирург Сиро Исии. Он выступал за создание программы биологического оружия. Главным оружием он видел бактерии чумы. В 1928 г. в Европе он изучил опыт применения газов, признанный там бесчеловечным, но счел его эффективным. Благодаря поддержке министра армии, Исии быстро рос в звании: в 1936 г. он возглавил «Отряд 731» в звании майора, закончив войну генерал-лейтенантом. Свои звания и награды Исии получил за убийство огромного количества военнопленных и гражданского населения. По самым большим оценкам было убито около полумиллиона человек.

Центральная база находилась в 20 км от Харбина. У заключённых не было имён. Каждому при входе выдавали трёхзначный номер и запирали в одиночной камере в цепях. Персонал называл их «бревнами». Этот термин возник как чёрная шутка, потому что по документам здание отряда официально считалось лесопилкой.

Японские ученые публиковали результаты своих исследований в международных журналах, ссылаясь на опыты над «маньчжурскими обезьянами».

Около 70% заключённых составляли китайцы. При этом, пол и возраст людей были не важны. Некоторых женщин даже насильно оплодотворяли, чтобы проводить опыты на беременных. В пытках участвовало около 300 ученых, почти не проявлявших жалости [6].

Заключённых заражали чумой, тифом, сибирской язвой. Выживший сотрудник Синодзука Ёсио пояснял: «Мы не пытались их спасти. Чем быстрее человек заболит, чем быстрее умрет, тем лучше была наша работа»

Для изучения ЗППП заключённых заставляли насиловать женщин, исследуя плоды и новорожденных. Самой страшной практикой была вивисекция (разрезание живых людей без анестезии), чтобы видеть распространение патогенов по органам.

Отряд сбрасывал «чумные бомбы» на деревни Китая, вызывая массовые эпидемии. В 1942 г. заразили водоемы в провинции Чжэцзян холерой и тифом, но эпидемия вышла из-под контроля, убив 1700 японских солдат. Целью был запуск эпидемий в нескольких странах, включая США, Китай и СССР [4].

Летом 1945-го Исии приказал уничтожить штаб и запретил обсуждать результаты. в 1945 г. американская разведка нашла Исии и заключила сделку. Он передал данные в Форт-Детрик (центр биооружия США) в обмен на свободу. Бзнаказанный Исии умер в Токио в 1959 г.

На Токийском процессе («Восточный Нюрнберг») СССР требовал рассмотреть преступления отряда, однако по настоянию США этот вопрос в Токио не рассматривался. СССР провел Хабаровский процесс 1949: 12 военных преступников во главе с генералом Ямадой признали вину. Они получили сроки от 2 до 25 лет. Позже были амнистированы в 1956 г. при «перезагрузке» отношений с Японией. Сейчас в Харбине на месте отряда 731 действует «музей смерти». От отряда уцелело два корпуса и блокпост. Остальное — руины, фундаменты, «колючка» по периметру [7].

Вопрос о Нанкинской резне стал одним из предметов расследования Токийского трибунала о японских военных преступлениях. В материалах записано, что после падения города 13 декабря 1937 г. японские солдаты, словно варвары, несколько дней убивали всех подряд. «На китайцев охотились как на кроликов, стреляя в каждого, кто шевелился». За первые 2–3 дня погибло 12 тыс. мирных жителей. За 6 недель — более 200 тыс. человек (подтверждено захоронением 155 тыс. тел). Было зафиксировано 20 тыс. изнасилований, после которых женщин убивали и уродовали. Трибунал признал, что японцы не считали китайцев полноценными противниками, ведя «карательную войну» с целью наказать народ за отказ признать превосходство японской расы [5, с. 9].

Следующей ступенью бесчеловечности стала «Политика трех всех» («Убивай всех, жги дотла, грабь всё»). Одобрённая имперской ставкой в 1941 г., она применялась генералом Окамурой. Японцы сжигали деревни, изымали продовольствие, убивали всех мужчин от 15 до 60 лет, подозреваемых в помощи партизанам. По данным японского историка Химэты (1996), эта политика привела к гибели более 2,7 млн мирных китайцев — что намного страшнее Нанкинской резни по масштабам [2, с. 657].

Также стоит отметить, что официальных извинений со стороны Японии не было, как и репараций, однако сама Япония ссылается на совместные заявления 1972 г., где японская сторона признала «ответственность за тот серьезный ущерб, который Япония нанесла в прошлом во время войны китайскому народу», и принесла извинения. В свою очередь, КНР «в интересах дружбы между китайским и японским народами» отказалась от требований к Японии о выплате репараций [3].

Отказ от репараций стал мощным инструментом, чтобы заставить Японию разорвать официальные отношения с Тайванем и признать законным правительством всего Китая

именно КНР. Также, Китай рассчитывал, что отказ от репараций откроет путь для крупномасштабного экономического сотрудничества и помощи со стороны Японии, хотя формально эти вещи не связывались, но ожидания были такими. Ссылаясь на данное соглашение, Япония настаивает на том, что китайские граждане не имеют права на индивидуальные иски о компенсациях за военные преступления. Начиная с 2007 г. Верховный суд Японии вынес несколько решений, которые стали прецедентными, а именно суд постановил, что статья 5 Совместного заявления 1972 г. означает отказ всех китайцев от права требовать компенсации, а не только отказ правительства. На основании этого иски китайцев были отклонены, даже если суды признавали сам факт страданий. К примеру, в 2007 г. 198 китайских истцов просили около 1,9 млрд иен, но Верховный суд Японии отклонил их апелляцию, сославшись именно на этот отказ [9].

Китайское правительство категорически не согласно с японской трактовкой этого отказа. Китай заявляет, что отказ правительства от межгосударственных репараций не распространяется на право отдельных граждан требовать компенсации за личные страдания [1].

В результате Япония так и не выплатила Китаю репарации в традиционном понимании, и это стало ещё одной причиной для нападков на Японию и осложнений в японо-китайских отношениях в связи с исторической памятью. Своеобразной заменой репараций и их дополнением при компенсации ущерба жертвам японской агрессии стала официальная помощь развитию (ОПР) в виде грантов, технического содействия и бесплатных или низкопроцентных иеновых займов. В 2016 г. японская корпорация Mitsubishi Materials впервые извинилась перед бывшими китайскими рабочими, насильно угнанными в Японию в годы Второй мировой войны, и согласилась выплатить троим из них по 100 тысяч юаней (около 15 тысяч долларов). Ранее в тот же день агентство Киодо сообщило о компенсациях более 3,7 тыс. граждан КНР. Отмечается, что это первый случай выплаты компенсации японской компанией, несмотря на то что японские суды до сих пор отклоняли подобные иски [8].

Таким образом, несмотря на заключённое соглашение 1972 г., где прямо говорилось об отказе Китая от репараций, мы видим сложный комплекс проблем, касательно интерпретации данного соглашения. Китай всё так же требует от Японии извинений и придерживается позиции, при которой от обвинений отказывалось само правительство Китая, но китайский народ всё ещё ждёт официальные извинения от Японии и репарации. Япония же отклоняет все иски, апеллируя соглашением 1972, в котором Китай, как и весь его народ, отказывался от обвинений по отношению к Японии.

Литература

1. BBC News 中文. 中国反对日本法院华工案判决. / BBC News 中文. 2009. 20 нояб. URL: https://www.bbc.com/zhongwen/trad/world/2009/11/091120_japan_chinalabor (дата обращения: 16.04.2026).
2. Bix, Herbert P. Hirohito and the Making of Modern Japan. New York: HarperCollins, 2000. 840 с.
3. Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1972. 29 Sept. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html> (дата обращения: 16.04.2026).
4. Unit 731: The unspeakable horrors of biological warfare experiments // OpIndia. 2021. 9 June. URL: <https://www.opindia.com/2021/06/unit-731-japan-china-usa-russia-biological-warfare-bioweapons-plagues-cholera-world-war/> (дата обращения: 16.04.2026).
5. Михель Д. В. Нанкинская резня: японские военные преступления в ходе Второй мировой войны и память о них // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2025. № 3. С. 5–25.
6. «Бревна» для победы великой Японии (18+) // Новая газета. 2016. 23 дек. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/12/22/70982-brevna-dlya-pobedy-velikoy-yaponii> (дата обращения: 17.04.2026).

7. «Отряд 731». Как судили японских военных преступников // Радио Свобода. 2023. 6 дек. URL: <https://www.svoboda.org/a/otryad-731-kak-sudili-yaponskih-voennyh-prestupnikov/29889610.html> (дата обращения: 16.04.2026).

8. РИА Новости. Японская компания выплатит компенсации бывшим подневольным рабочим из Китая // РИА Новости. 2016. 1 июня. URL: <https://ria.ru/20160601/1441493140.html> (дата обращения: 17.04.2026).

9. 中国新闻网. 日本法院判 731 部队和南京大屠杀受害者索赔败诉 // 中国新闻网. 2007. 5 月 9 日. URL: <http://www.chinanews.com.cn/gj/ywdd/news/2007/05-09/931517.shtml> (дата обращения: 17.04.2026).

Сведения об авторе

Дондокова Виктория Баировна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: viktoria_05v@mail.ru

Dondokova Viktoriia Bairovna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Аюшиева Ирина Гармаевна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: aig1973@mail.ru

Ayushieva Irina Garmaevna, Cand. Sci. (Hist.), A/Prof, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ КНР НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
В УСЛОВИЯХ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО СБЛИЖЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ
ГЛОБАЛЬНОГО БАЛАНСА СИЛ (1971–1988 гг.)**

© Дондокова Димида Баировна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
d.dimida@bk.ru

Политика Китайской Народной Республики на Корейском полуострове в 1970–1980-е гг. формировалась под влиянием изменений международной системы и глобального баланса сил. Сближение КНР и США, а также советско-китайское противостояние способствовали пересмотру внешнеполитических приоритетов Пекина. В этих условиях наблюдается переход к более сложной модели, сочетающей стратегическое сдерживание и дипломатическое маневрирование. Анализ периода позволяет выявить становление прагматичной линии китайской политики.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, китайско-американское сближение, Корейский полуостров, внешнеполитическая трансформация, баланс сил, стратегическое маневрирование, КНДР, Республика Корея, холодная война, региональная стабильность.

**TRANSFORMATION OF CHINA'S POLICY ON THE KOREAN PENINSULA IN THE
CONTEXT OF SINO-AMERICAN RAPPROCHEMENT AND CHANGING GLOBAL
BALANCE OF POWER (1971–1988)**

Dondokova Dimida Bairovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
d.dimida@bk.ru

The policy of the People's Republic of China on the Korean Peninsula in the 1970s–1980s was shaped by changes in the international system and the global balance of power. The rapprochement between China and the United States, as well as the Sino-Soviet confrontation, led to a revision of Beijing's foreign policy priorities. As a result, a more complex model emerged, combining strategic restraint and diplomatic maneuvering. The period reflects the formation of a pragmatic line in China's foreign policy.

Keywords: People's Republic of China, Sino-American rapprochement, Korean Peninsula, foreign policy transformation, balance of power, strategic maneuvering, North Korea, South Korea, Cold War, regional stability.

Вторая половина XX в. стала временем заметной перестройки международной системы. Ослабление жесткого противостояния двух блоков сопровождалось усложнением структуры международных отношений и постепенным смещением глобального баланса сил. В этих условиях все более значимую роль начинали играть процессы, выходящие за рамки классической биполярной логики. Одним из наиболее показательных проявлений этих процессов является сближение Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки в 1970-х гг. Существенную роль в этом процессе сыграли дипломатические инициативы, связанные с деятельностью Генри Киссинджера, которые привели к визиту американского президента в Пекин в 1972 г. и последующей нормализации отношений в 1979 г. [5, с. 112]. Эти события не только изменили двусторонние отношения, но и повлияли на структуру международной системы, открыв Китаю возможность более активного участия в мировой политике.

Однако для более полного понимания причин китайско-американского сближения необходимо учитывать более широкий стратегический контекст. К концу 1960-х гг. отношения

КНР с Советским Союзом значительно ухудшились, что сопровождалось ростом напряженности и даже вооруженными столкновениями на границе. В результате советский фактор стал восприниматься китайским руководством как одна из главных угроз национальной безопасности [5, с. 194]. В этой ситуации нормализация отношений с США рассматривалась не как идеологический разворот, а как прагматичный шаг, направленный на снижение внешнего давления и расширение пространства для политического маневра.

Именно в этой логике следует рассматривать формирование своеобразного стратегического треугольника США — КНР — СССР. Такая система позволила Китаю занять более самостоятельную позицию, избегая жесткой привязки к одному из центров силы [1, с. 232]. Соответственно, внешняя политика КНР начала приобретать более гибкий и многовекторный характер. Для Восточной Азии это означало снижение вероятности прямой конфронтации между сверхдержавами и постепенное изменение региональной динамики безопасности.

На этом фоне естественным образом усиливается значение внутренних факторов, определяющих трансформацию китайской внешней политики [2, с. 505]. В период Мао Цзэдуна она во многом основывалась на идеологическом соперничестве и революционной риторике, что соответствовало логике раннего этапа холодной войны. Однако по мере изменения международной обстановки такая модель начала демонстрировать свои ограничения.

Переход к более прагматичному курсу особенно отчетливо проявился с приходом к власти Дэн Сяопина. В новых условиях на первый план вышли задачи экономической модернизации, требующие стабильной внешней среды, доступа к технологиям и расширения международных связей [6, с. 158]. В результате внешняя политика Китая стала все в большей степени определяться практическими соображениями, а не идеологическими установками. Это выразилось в стремлении к снижению напряженности и поиску более гибких форм взаимодействия с различными государствами.

Логичным продолжением этих процессов стало переосмысление китайской политики на Корейском полуострове. Традиционно данный регион рассматривался Пекином как зона жизненно важных интересов, прежде всего в контексте обеспечения национальной безопасности. В предыдущий период китайский подход строился на безусловной поддержке КНДР как союзника в рамках антиимпериалистического противостояния [3, с. 82]. Однако в новых условиях такая однозначная линия стала уступать место более сложной и разнонаправленной стратегии. Сближение с Соединенными Штатами объективно поставило перед Китаем задачу предотвращения кризисов на полуострове, способных осложнить внешнеполитический курс и подорвать процесс нормализации отношений [4, с. 99]. В этой связи политика Пекина в отношении КНДР начала постепенно меняться. Сохраняя стратегическую значимость Северной Кореи как буферного государства, Китай стал проявлять все большую осторожность в оценке ее внешнеполитических действий.

Показательно, что характер китайской поддержки постепенно трансформировался. Если ранее он основывался преимущественно на идеологической солидарности, то в 1970–1980-е гг. все большее значение приобретал рациональный расчет. Китай стремился сохранить стабильность на своих границах и одновременно избежать втягивания в потенциальные конфликты. В этом проявлялась попытка контролировать риски, не разрушая при этом союзнические отношения. В результате сложилась модель, которую можно охарактеризовать как «управляемое союзничество». Ее сущность заключалась в сочетании поддержки КНДР с элементами сдерживания ее наиболее рискованных шагов. Такой подход позволял Китаю сохранять влияние на северокорейское направление, одновременно минимизируя угрозы дестабилизации [3, с. 99]. Следует отметить, что данная стратегия реализовывалась в условиях, когда возможности прямого влияния на Пхеньян были ограничены. Северокорейское руководство стремилось к сохранению определенной автономии, балансируя между Пекином и Москвой. Это, в свою очередь, требовало от Китая более гибких методов взаимодействия, основанных на сочетании политической поддержки, экономической помощи и осторожного сдерживания.

Параллельно с этим происходили изменения и в отношении Китая к Республике Корея. Если в предыдущие десятилетия южнокорейское государство воспринималось исключительно

но как часть враждебной системы союзов США, то в 1970–1980-е гг. такой подход начал постепенно пересматриваться. Существенную роль в этом сыграли как внешние, так и внутренние факторы. С одной стороны, экономическое развитие Республики Корея привлекало все большее внимание Пекина. С другой — политика реформ и открытости в самой КНР способствовала усилению значения внешнеэкономических связей. В результате Китай начал рассматривать Южную Корею не только как политического оппонента, но и как потенциального партнера в экономической сфере [6, с. 190]. Этот процесс носил постепенный и ограниченный характер. Речь шла не о немедленной нормализации отношений, а о расширении неофициальных контактов и наблюдении за развитием южнокорейской экономики. Тем не менее, именно в этот период были заложены предпосылки для последующего сближения.

В рассматриваемых условиях китайская политика на Корейском полуострове приобрела двойственный характер. С одной стороны, сохранялась стратегическая поддержка КНДР, с другой — постепенно расширялись возможности взаимодействия с Республикой Корея. Фактически Пекин начал выстраивать более сложную, многовекторную модель поведения, ориентированную на балансирование интересов и расширение дипломатического маневра [6, с. 11]. Не менее важным фактором, определявшим данную трансформацию, стали внутренние изменения в Китае. Экономические реформы требовали стабильной внешней среды, поэтому любые региональные кризисы рассматривались как потенциальная угроза модернизации [6, с. 156]. В этих условиях корейский вопрос стал восприниматься не только как элемент системы безопасности, но и как часть более широкой стратегии развития. К концу 1980-х гг. результаты этих изменений стали очевидны. Китай сумел сохранить свои позиции в КНДР, не утратив при этом возможности для расширения контактов с Республикой Корея. Это свидетельствовало о переходе к более гибкой и адаптивной внешнеполитической модели.

Таким образом, политика КНР на Корейском полуострове в 1971–1988 гг. представляла собой последовательную адаптацию к изменяющимся международным и внутренним условиям. Именно в этот период были заложены основы прагматичной стратегии, сочетающей элементы преемственности и новизны, что в значительной степени определяет характер китайской политики в регионе и в последующие десятилетия.

Литература

1. Chen J. China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation. New York: Columbia University Press, 1994. 356 p.
2. Christensen T. J. Domestic Sources of China's Foreign Policy // The China Quarterly. 1996. No. 146. P. 500–523.
3. Garver J. W. China's Quest: The History of the Foreign Relations of the People's Republic of China. Oxford: Oxford University Press, 2016. 889 p.
4. Goldstein A. China's Search for Stability with America // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84, No. 5. P. 85–98.
5. Kissinger H. On China. New York: Penguin Press, 2011. 592 p.
6. Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power. Oxford: Oxford University Press, 2013. 408 p.

Сведения об авторе

Дондокова Димида Баировна, магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: d.dimida@bk.ru

Dondokova Dimida Bairovna, Master Student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Аюшиева Ирина Гармаевна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: aig1973@mail.ru

Ayushieva Irina Garmaevna, Cand. Sci. (Hist.), A/Prof, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

НАСЛЕДИЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЯ

© Доржиев Эрдэм Борисович

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
disai02@mail.ru

В статье рассматривается, как культурная революция и её результаты повлияли на современные механизмы управления обществом. Особое внимание посвящается тому, как трансформировались практики массового идеологического давления в условиях развития среды интернет и индустрии видеоигр. На примере феномена «сяофэньхунов» и ряда конфликтов в глобальной игровой индустрии рассматриваются механизмы горизонтальной цензуры, цифрового активизма и их взаимосвязь с государственной политикой КНР.

Ключевые слова: Китай, видеоигры, информационные технологии, игровая индустрия, цензура.

THE LEGACY OF THE CULTURAL REVOLUTION IN CHINA'S DIGITAL SPACE

Dorzhiev Erdem Borisovich

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
disai02@mail.ru

This article examines how the Cultural Revolution and its aftermath influenced modern mechanisms of social governance. Particular attention is paid to the transformation of practices of mass ideological pressure in the context of the development of the internet and video game industries. Using the example of the «xiaofenhong» phenomenon and a number of conflicts in the global gaming industry, the mechanisms of horizontal censorship, digital activism, and their relationship with Chinese state policy are examined.

Keywords: China, video games, information technology, gaming industry, censorship.

Истоки Культурной революции в Китае. В 1966 г. по улицам Пекина шли хунвейбины. Они сжигали книги и знания, в своём стремлении очистить Китай от «идеологического яда» прошлого поколения. Спустя шестьдесят лет можно ли сказать, что мы вновь это видим? Погромы и скандалы теперь происходят не на улицах городов, а в социальных сетях. Современная медиаиндустрия Китая, и прежде всего сфера видеоигр, превратилась в новое поприще «цифровой Культурной революции», где граница между государственным ограничением и агрессивным общественным активизмом стали куда более размытыми.

По мнению Мао Цзэдуна, на период 1960–1970-х гг. внутри партии смогли проникнуть люди, не разделяющие идеологических взглядов, что стояли во главе основания партии. Неизвестные, но потенциальные носители ревизионистских идей представляли угрозу всё тому, что построил Мао Цзэдун: потеря личной власти, перерождение КПК в буржуазную партию и конце концов — реставрация капитализма. Н. Хрущёв резко осудил И. Сталина 25 февраля 1956 г. На XX съезде КПСС за его политику, репрессии, ошибки. И. Сталин на протяжении десятилетий изображался как вождь нации.

Мао Цзэдун воспринял сообщения Н. Хрущева крайне негативно. Именно тогда Мао Цзэдун и обвинил Хрущёва в предательстве идеалов марксизма-ленинизма и ревизионизме. Он уверился в том, что после его смерти, с его делом могут поступить также. Сам Мао Цзэдун не распоряжался созданием отрядов «Красной охраны»/Хунвейбинов. Они возникли сами 25 мая 1966 г., вдохновлённые речами преподавателя Не Юаньцзы, что призывала молодёжь вступить в борьбу против ревизионистов. Мао Цзэдун выразил исключительную поддержку мотивам Хунвейбинов, отправив им письмо в Университет Цинхуа 1 августа 1966 г.

Мао стал воспринимать историю партии как постоянную борьбу с внутренними врагами. Таким образом, он для себя сделал вывод, что любая организация со временем становится всё более бюрократичной и «остывает» к своим революционным идеям. Соответственно, партию необходимо громить руками масс, чтобы правящий состав не застыл.

Хунвейбины стали ударной силой для целей Культурной революции, при том факте, что они не входили ни в чьи изначальные планы. Но при этом они идеально подошли к его стратегии опоры на массы против внутренних врагов. «Красная охрана», можно сказать, возникла стихийно, но Мао удалось вовремя пойти во главе этого порыва и использовать его в своих целях. Прежде всего, Хунвейбины — это движение фанатиков, на начальных этапах революции их действия были относительно безобидными, пока те не стали врывать в чужие дома и устраивать обыски, чтобы уличить в неверности партии и наказать.

В период политики Культурной Революции также было озвучено уничтожение «Четырёх пережитков» — Старое мышление, старая культура, старые привычки, старые обычаи. Авторы идеи создали расплывчатое определение старого и активисты (хунвейбины) могли подогнать под эти рамки что угодно.

Трансформация дела Хунвейбинов. Принято считать, что экономический рост и технологическая модернизация Китая бесспорно дистанцировали современное общество от радикальных настроений эпохи Мао. Однако за фасадом стерильных мегаполисов скрываются всё те же социальные и психологические установки. Китайский пользователь нашего времени не изменил свою модель поведения, но поменял средства оказания давления. Социальные механизмы остались прежними: коллективизм, нетерпимость к инакомыслию и готовность к мобилизации по первому сигналу сверху — всё это позволяет говорить о том, что «хунвейбинство» в цифровом пространстве является прямой эволюцией практик 1960-х гг. Можно сказать, произошёл переход методов из одной среды в другую.

В эпоху цифровизации и глобализации, несмотря на Великий Китайский Файрвол (Золотой Щит, комплексная система государственной цензуры и контроля интернета в КНР, блокирующая доступ к иностранным сайтам (Google, Facebook, YouTube) и контенту, противоречащему политике КПК.) гораздо проще выразить своё мнение человеку из другого региона. А западным разработчикам, в свою очередь проще начать продавать свой продукт на территории Китая, если тот доказал своё соответствие идеалам партии или не имеет никаких элементов, что вызвали бы вопросы.

Нынешнюю китайскую публику потребителей видеоигрового контента смело можно назвать одной из самых чувствительных к содержанию, поскольку при наличии у них претензий, китайские игроки начинают пытаться нанести ущерб своим обидчикам. За историю игровой индустрии уже набралось несколько скандалов, вызванных поведением китайских игроков. Самый заметный случай привязан к событиям мероприятия «The Game Awards». Это самая престижная награда в индустрии видеоигр, присуждаемая наиболее выдающейся игре в творческом и техническом плане за прошедший год.

В декабре 2024 г. Китайские фанаты игры Black Myth: Wukong обрушили рейтинг игры Baldur's Gate 3 в Steam. Black Myth: Wukong являлся долгожданным проектом от китайской студии Game Science, индустрия видеоигр в Китае имеет специфику того, что высокобюджетные игры от крупных профессиональных студий и издателей могут не окупить себя в продаже, так как в Китае большую популярность собирают более простые, сервисные игры — проще в разработке, их легче монетизировать и распространять. По этой причине столь амбициозный проект, основанный на романе «Путешествие на Запад» и эстетика которого погружает игрока в атмосферу мифов и легенд Китая воспринимался с национальной гордостью. Но вопреки их ожиданиям, во время церемонии «Игра года», Black Myth: Wukong не смог занять первое место и стать игрой года. Впоследствии сооснователь студии Фэн Цзи выразил своё разочарование о случившемся, а ещё позднее своё мнение по поводу итогов «Игры года» выразил Свэн Винке (якобы в ответ на комментарий Фэн Цзи), основатель студии Larian Studios и тот, кто вручал награду «Игра года» в 2024 г., студии, создавшей Baldur's Gate 3. В своей речи он сообщил, что разработчики должны стремиться создавать ви-

деоигры не ради прибыли, а ради любви. Его слова, предположительно, были вырваны из общего контекста перевода и китайскими фанатами Black Myth: Wukong были восприняты как насмешка за поражение. В ответ на это, китайские игроки стали массово занижать оценки Baldur's Gate 3 в Steam, в отместку за его слова. Система защиты игр от ревью-бомбинга (явление в сети Интернет, которое характеризуется тем, что многочисленные группы людей оставляют в Интернете отрицательные пользовательские отзывы об изданных работах, чаще всего о видеоиграх или кинофильмах, в попытке нанести ущерб продажам или популярности продукта) в Steam обнаружила подозрительную активность и скрыла негативные отзывы игроков, поскольку их содержание ни коим образом не касалось самой игры.

Репутация Baldur's Gate 3 не пошатнулась, так как во всём остальном мире имеет гигантское сообщество фанатов, и хоть в этом случае китайские ценности не были задеты, поведение китайских игроков получило огласку.

«Сяофэньхуны»

«Маленькие розовые», «Розовая охрана» (кит. 小粉红, сяо фэньхун, англ. Little Pinks) — это термин, описывающий новое поколение молодых китайских националистов, которые активно и агрессивно защищают интересы и имидж Китая в интернете. Они представляют из себя добровольное движение горизонтальной цензуры, которые навязывают патриотические взгляды отечественным и зарубежным компаниям-разработчикам. Как правило, это люди, родившиеся в период 90-х или 00-х гг. — период экономического подъёма. Термин появился приблизительно в 2008 г. на литературном форуме *Jinjiang*, где преобладали молодые девушки (и дизайн форума был розовым). Позже значение расширилось на всех молодых патриотов, независимо от пола.

Они активно ищут в играх «антикитайские» элементы, например, неправильные карты границ, упоминания Тайваня или Тибета и иницируют кампании по травле или жалобы регуляторам. Они создают пространство, в котором разработчикам будет выгоднее самим соблюдать жесткую цензуру, нежели получить порицание розового лагеря, понизить свой рейтинг и авторитет их руками.

Возвращаясь к Black Myth: Wukong — сам релиз игры также не состоялся без скандалов. Во время выпуска The Guardian & BBC решили осветить скандал вокруг вопроса, что Game Science раздала стримерам «Инструкцию», в которой просила во время стримов не говорить на определённые темы, такие как пропаганда феминизма, политика Китая или изоляция из-за COVID-19. Предположительно, это было связано с тем, что задолго до выхода Black Myth: Wukong уже столкнулась со шквалом западной критики, где игру обвиняли в сексизме и отсутствии разнообразия и отсутствии инклюзивности.

Сяофэньхуны стали яростно защищать отечественный проект, называя западные обвинения политическими нападениями. Финансовый и рекламный успех игры во всём мире стал новым знаком китайской мягкой силы, а её критика как попытка политизировать достижение КНР и как атака на китайскую культуру и идентичность. Дело дошло до того, что китайские активисты построили теорию, что корпорация Sweet Baby Inc пыталась вымогать деньги у Game Science, навязывая свои консультационные услуги по инклюзивности и разнообразию, а когда это не получилось, стали побуждать западный мир раскритиковать китайскую игру.

На платформе Weibo хэштеги в поддержку игры набрали миллиарды просмотров. Любые попытки критиковать игру внутри Китая за «оскорбление женщин» или сексизм жестко пресекались активистами, а платформа заблокировала более 100 аккаунтов за «иррациональные комментарии» и «разжигание гендерной оппозиции» при обсуждении игры.

Подобные случаи не единичны:

Devotion (2019) — Самый известный пример от Тайваньской студии Red Candle Games. В игре нашли скрытую надпись на стене «Си Цзиньпин — Винни-Пух». В течение 24 часов после «вброса» информации в Weibo игра получила десятки тысяч отрицательных отзывов в Steam от пользователей из материкового Китая. В том же году игры сняли с продажи по всему миру, включая Steam, китайский издатель лишился лицензии. Ещё позже GOG также отказался принимать игру в своём магазине из-за сообщений игроков.

Life is Strange: True Colors (2021) В одной из локаций на фоне висел флаг Тибетского правительства в изгнании. В результате произошла скоординированная атака в Steam. Китайские игроки массово ставили игре низкие оценки, обвиняя разработчиков в поддержке сепаратизма. В отзывах дублировались одни и те же лозунги: «Тибет — часть Китая». По итогу, студии Deck Nine пришлось вносить изменения, чтобы успокоить рынок.

Витубер Kiryu Coco во время прямых трансляций показала скриншоты своей аналитики YouTube. В списке стран, откуда их смотрят, **Тайвань** был указан отдельной строкой от Китая. Китайские пользователи на платформе Bilibili (где у Hololive была огромная аудитория, поскольку контент также транслировался в Bilibili) сочли это нарушением принципа «одного Китая», что закономерно спровоцировало скоординированную атаку: В чаты трансляций на YouTube хлынули тысячи ботов, которые спамили политическими лозунгами, бессмысленным текстом и личными оскорблениями. Активисты организовали смены, чтобы чат Коко был непригоден для общения на постоянной основе.

Агентство **Cover Corp** (владелец Hololive) сначала отстранило девушку от стримов на три недели и выпустило два разных заявления. В версии для Китая они извинялись за «ущерб национальным чувствам», а в версии для остального мира — за «техническую ошибку». Это разозлило всех: китайцы сочли извинения неискренними, а западные фанаты — предательством свободы слова.

Давление оказалось настолько сильным, что Cover Corp приняла радикальное решение — полностью закрыть китайское подразделение (Hololive China). Все китайские витуберы были распущены. Несмотря на поддержку агентства после возвращения Kiryu Coco, травля со стороны китайских хейтеров не прекращалась на протяжении года. В итоге в июле 2021 г. Коко покинула проект. В китайских соцсетях (NGA, Weibo) были обнаружены целые «методички» по тому, как обходить фильтры YouTube, как жаловаться на рекламодателей Hololive и как деморализовать стримеров. Этот случай показал, что для «розовых» не существует срока давности или случайных ошибок — любая деталь, касающаяся статуса Тайваня, воспринимается как объявление войны.

Заключение

Главное доказательство связи — это социальное взаимодействие. В 1966 г. Молодёжи разрешили демонстрировать агрессию, если цель агрессии — это враг нации. Современные активисты поступают схожим образом: если они находят неактуальные (старые) или чуждые нации смыслы, то тут же поднимают скандал. Цель остаётся прежней — избавить китайский народ от того, что называют идеологическим ядом.

Часто после начала атаки государственные издания КНР (вроде *Global Times*) выпускают статьи, одобряющие спонтанные «патриотические порывы молодежи». Это служит косвенным, красноречивым доказательством того, что действия «маленьких розовых» идут в русле официальной политики, даже если они не получают прямых приказов от правительства. Что это, если не «цифровое Хунвейбинство»?

Шестьдесят лет спустя Культурная революция не исчезла — она мутировала и переселилась в цифровое пространство. Сегодня несколько пикселей на экране или одна неосторожная фраза в стриме могут вызвать такую же волну ярости, как когда-то сожжённые книги и разгромленные дома. Видеоигры, некогда считавшиеся безобидным развлечением, превратились в новое поле битвы за умы и идентичность. И пока сохраняется готовность мобилизовать молодёжь против «врагов сознания», наследие 1966 г. будет продолжать влиять на глобальную медиаиндустрию.

Литература

1. Бондарева В. В. Движение «красной охраны» в первые годы «культурной революции» в Китае (1966–1967): взгляд отечественных и зарубежных исследователей // Научный диалог. 2020. № 8. С. 346–366.

2. Дертев А. В. Китайский игровой рынок и государство: прошлое, настоящее и будущее // Восточная Азия: прошлое, настоящее и будущее. 2021. Москва: Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2022. С. 168.

3.Кондорский Б. М. Исторические основы и предпосылки «Культурной революции» // НПФ «Синбиас» Conference: исторические события в жизни Китая и современность. 2016. С. 234–243.

4.Gary King, Jennifer Pan How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression // American Political Science Review. 2013. P. 4.

5.Hit Game Black Myth: Wukong faces backlash after telling players not to discuss ‘feminist propaganda’ // The Guardian. 2024. URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/aug/28/black-myth-wukong-game-controversy-china-streamers> (Date of treatment: 10.04.2026).

6.Kayleigh Madjar Japanese YouTubers suspended over Taiwan talk // Taipei Times. 2020. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2020/10/01/2003744399>

7.Kecheng Fang, Repnikova M. Demystifying «Little Pink»: The creation and evolution of a gendered label for nationalistic activists in China // SAGE Publications Inc New Media & Society. 2018.

Сведения об авторе

Доржиев Эрдэм Борисович, магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: disai02@mail.ru

Dorzhiiev Erdem Borisovich, Master Student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Родионов Владимир Александрович, доктор политических наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: vladimir_198025@mail.ru

Rodionov Vladimir Alexandrovich, Doctor of Political Sciences, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

«ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС» КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА В КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1949–1951 гг.)

© **Ильина Елизавета Леонидовна**

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
orient_konf@bsu.ru

В первые годы после своего образования КНР прошла непростой путь становления дипломатических отношений, и пограничная политика Китая в отношении Индии является отражением этого сложного процесса. Между КНР и Индией существовали давние исторически унаследованные пограничные вопросы, которые продолжали постепенно нарастать. В нынешнее время Китай и Индия, как две влиятельные страны, играют немаловажную роль в формировании будущего мироустройства. Поэтому урегулирование конфликтов между ними имеет огромное значение для поддержания стабильности на международной арене.

Ключевые слова: Китай, Индия, Тибет, китайско-индийские отношения.

THE TIBETIAN ISSUE AS THE FACTOR OF THE CONFLICT'S ESCALATION IN RELATIONS BETWEEN CHINA AND INDIA (1949–1951)

Irina Elizaveta Leonidovna

Dorzhii Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
orient_konf@bsu.ru

In the early years following its establishment, the People's Republic of China faced significant challenges in establishing diplomatic relations, and China's border policy toward India reflects this complex process. Long-standing, historically inherited border issues existed between the People's Republic of China and India, and these issues continued to gradually escalate. Today, China and India, as two influential countries, play a significant role in shaping the future world order. Therefore, resolving conflicts between them is of paramount importance for maintaining stability on the international stage.

Keywords: China, India, Tibet, China-Indian relations.

15 августа 1947 г. Британская Индия обрела независимость и была разделена на два суверенных государства — Индия и Пакистан. Через 2 года, 1 октября 1949 г. было провозглашено образование Китайской Народной Республики, крупной страны, граничащей с Индией. Несмотря на различия государственных идеологий, скептическое отношение Индии к режиму Коммунистической партии Китая, которая представляла интересы широких народных масс, и чьи идеи противоречили кастовой системе, Индия проявила гибкость во внешней политике в отношении Китая. 7 октября 1949 г. правительство Индии направило телеграмму, в которой говорилось: «Правительство Индии приняло к сведению образование Центрального народного правительства Китая и тщательно рассмотрело сложившуюся ситуацию... Индия и Китай уже несколько столетий поддерживают прочные дружеские отношения, и правительство Индии верит, что эта дружба должна продолжаться и впредь» [7, с. 24]. Спустя чуть более двух месяцев, 30 декабря, Индия вновь направила телеграмму, где заявила о признании КНР и выразила желание установить дипломатические отношения. И после совместных усилий двух сторон, 1 апреля 1950 г. они официально установили дипломатические отношения.

Казалось, что, установив за такое короткое время дружественные отношения, правительство Индии, которое тогда возглавлял Джавахарлал Неру, и КНР во главе с Мао Цзэдуном, преодолели имевшиеся между ними погранично-территориальные разногласия. Однако неразрешенные территориальные споры между ними до сих пор продолжали обострять ситуа-

цию. Так, в новых исторических условиях не мог оставаться вне поля зрения обеих стран «тибетский вопрос».

История возникновения территориального конфликта между Индией и Китаем берет свое начало еще в XIX в., задолго до образования КНР и прихода к власти КПК. В 1882 г. экономика Британии столкнулась с кризисом. Газета «Таймс» полагала, что из-за наличия в Тибете крупного рынка, правительству Британской Индии непременно следует войти в этот регион. Но Британия стремилась не только к экономической выгоде, но и к контролю над Тибетом, чтобы превратить его в стратегическую зону, отгородившись таким образом от влияния Российской Империи. Чжоу Энлай, который являлся важным политическим деятелем при руководстве Мао Цзэдуна и занимал пост первого главы Госсовета КНР, упоминал: «После того как британские империалисты полностью установили безраздельное господство в Индии...они, используя Индию в качестве базы, направили острие своей агрессии и экспансии на юго-западные и северо-западные границы Китая...В 1911 г. в Китае произошла революция, свергнувшая царствующую династию. Британские империалисты воспользовались этой возможностью, чтобы попытаться отделить Тибет от Китая» [8, с. 9].

Симлская конвенция 1914 г. определила статус Тибета как автономную территорию под сюзеренитетом Китая, и утвердила линию Мак-Магона, границу между Индией и Китаем, большая часть которой проходит вдоль Гималаев. Для Китая, Тибет — это неотъемлемая часть страны и стратегически важный регион, поэтому китайцы не признали Симлские соглашения, и оставили этот вопрос открытым [5, с. 97].

После обретения независимости в августе 1947 г. Индия приступила к включению в состав своего государства тех территорий, которые были показаны на картах ушедших английских колонизаторов как индийские [4, с. 101]. Она стремилась расширить свое влияние и добиться стратегических интересов. Помимо этого, индийское правительство неоднократно изменяло на картах китайско-индийской границы, включая обширные китайские территории в состав Индии, а также одновременно с этим активно предоставляло тибетскому правительству военную помощь и поддерживало сепаратистские настроения среди населения Тибета.

В письме индийским министрам от 1 декабря 1949 г. Джавахарлал Неру писал: «Мы признаем автономию Тибета под неким неопределенным сюзеренитетом Китая. Мы не можем юридически отрицать наличие данного сюзеренитета. Но мы хотим, чтобы Тибет обладал автономией и вел с нами прямые дипломатические отношения, и мы должны приложить все усилия для достижения этой цели» [6, с. 340].

По мнению Чжоу Энлая, китайско-индийский пограничный конфликт и действия Индии, совершенные после обретения независимости, являются наследием британской империалистической агрессии: «...Индийское правительство унаследовало амбиции британского империализма в отношении китайского Тибета и всегда рассматривало Тибет как свою сферу влияния или, по крайней мере, стремилось превратить Тибет в буферную зону между Китаем и Индией» [8, с. 15].

Как уже упоминалось выше, Китай не признавал заключение Симлской конвенции, утверждая, что соглашение было подписано без согласия Пекина, поэтому после образования КНР, поражения и бегства с материкового Китая Гоминьдана, остался лишь Тибет — единственный регион, который еще предстояло освободить. В начале января 1950 г. Мао Цзэдун писал, что «признание КНР правительствами таких стран, как Индия, Пакистан и Великобритания, создает благоприятные условия для направления в Тибет войск и возвращения его в лоно Родины» [3, с. 38].

Стремясь отстоять свои интересы в Тибете, 12 августа 1950 г. правительство Индии направило китайской стороне письмо, в котором говорилось, что Индия не намерена завоевывать новые территории в Тибете, но надеется сохранить права, унаследованные от британского правительства. Правительство Индии также напомнило, что признанная, граница между Индией и Тибетом должна и впредь оставаться нетронутой и предложило провести трехсторонние переговоры между Китаем, Индией и Тибетом для совместного обсуждения путей решения тибетского вопроса.

Правительство Китая, стремясь заставить местное правительство Тибета перейти к переговорам, 6 октября 1950 г. начало Чамдоскую операцию. В результате этой операции Народно-освободительная армия Китая (НОАК) одержала победу над сепаратистами и установила контроль над Тибетом.

В ноябре 1950 г. были созваны руководители ведомств Индии для обсуждения мер по сохранению статуса-кво в Тибете. Вице-премьер В. Пател выступил за оказание вооруженной помощи местным властям Тибета, но не получил поддержки из-за образовавшейся напряженной обстановки с Пакистаном. Но Индия все же пыталась оказать давление на китайское правительство дипломатическими путями. Так, в письме, направленном правительством Индии, осуждалось проявление агрессии по отношению к Тибету и ставились под сомнение перспективы вхождения КНР в состав ООН. В свою очередь правительство КНР ответило довольно резко. Оно указало, что ввод армии Китая в Тибет для защиты границ является исключительно внутренним делом Китая, в которое ни одно иностранное правительство не имеет права вмешиваться. Также было сказано, что тибетский вопрос не имеет абсолютно никакого отношения к вопросу о получении Китаем законного места в ООН, а связывание этих двух вопросов с целью угрожать Китаю лишь вновь демонстрирует враждебное отношение Индии к ним [9, с. 166].

Между Тибетом и КНР 23 мая 1951 г. был подписан «Договор из 17 пунктов». Согласно данному договору, Тибет возвращался в состав КНР, части НОАК могли присутствовать в Тибете, а подразделения тибетской армии должны были войти в состав НОАК [3, с. 39].

Таким образом, взаимоотношения Китая и Индии того периода носили двойственный характер. С одной стороны, между ними были быстро установлены дипломатические отношения, но с другой, существующие территориальные споры создавали напряженность и затрудняли дальнейшее развитие отношений. Так, тибетский конфликт можно рассматривать как ключевой этап формирования противоречий между КНР и Индией, который в конечном итоге привел к пограничной войне 1962 г., в результате чего пограничный спор стал «политическим бременем» для всех последующих правителей Индии.

Литература

1. Астафьев Г. В., Дубинский А. М. Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики. Москва: Мысль, 1974. 307 с.
2. Границы Китая: история формирования / под ред. В. С. Мясникова, Е. Д. Степанова. Москва: Памятники исторической мысли, 2001. 469 с.
3. Жуй Чжун Ситуация на Тибете в 1950-х гг.: политика Мао Цзэдуна и Далай ламы // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsiya-na-tibete-v-1950-h-gg-politika-mao-tszeduna-i-dalay-lamy> (дата обращения: 05.04.2026)
4. Жуй Чжун Южный Тибет (Таванг) в китайско-индийских отношениях // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhnyy-tibet-tavang-v-kitaysko-indiyskih-otnosheniyah> (дата обращения: 09.04.2026).
5. Ростованова М. Г. Проблема урегулирования китайско-индийских пограничных споров с 1950-х гг. по настоящее время // Скиф. 2022. № 7(71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-uregulirovaniya-kitaysko-indiyskih-pogranichnyh-sporov-s-1950-h-gg-po-nastoyashee-vremya> (дата обращения: 02.04.2026).
6. Parthasarathi G. Jawaharlal Nehru: Letters to Chief Ministers, 1947–1964. Jawaharlal Nehru Memorial Fund. 1985. № 340. 341 p.
7. 王泰平主编。新中国外交 50 年。北京：北京出版社，1999 年，第 70 页。[Ван Тайпин: 50 лет дипломатии в новом Китае. Пекин: Пекинское изд-во, 1999, с. 70]
8. 建国以来周恩来文稿。第 3 册。中央文献出版社，2008 年版，第 179 页。[Рукописи Чжоу Эньлая со времен основания Китайской Народной Республики. Пекин: Центральное литературное изд-во 2008. Т. 3. С. 179]

9. 中华人民共和国对外关系文件集（1949–1950）第一集》。北京：世界知识出版社，1957 年，第 165–166 页 [Сборник документов по международным отношениям Китайской Народной Республики (1949–1950), издание один. Пекин: Всемирная пресса знаний, 1957. С. 165–166.]

Сведения об авторе

Ильина Елизавета Леонидовна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, email: bailuqq@mail.ru

Irina Eliaveta Leonidovna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Родионов Владимир Александрович, доктор политических наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: vladimir_198025@mail.ru

Rodionov Vladimir Alexandrovich, Doctor of Political Sciences, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНА О ПРОГРАММЕ ПО МОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

© Леонтьева Тамила Валерьевна

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва
tamila.leontyeva@gmail.com

Статья посвящена анализу традиционной монгольской письменности, пути ее создания и становления. Особое внимание уделяется современной языковой политике Монголии, включая ключевые законодательные акты о возвращении к историческому письму. Также затрагиваются основные трудности при переходе, включая поколенческий разрыв, технологические и лингвистические сложности. Несмотря на это, монгол бичиг активно используется и популяризируется в монгольском обществе.

Ключевые слова: монгол бичиг, традиционная монгольская письменность, кириллица, языковая политика Монголии, закон о внедрении монгол бичиг, возрождении письменности.

IMPLEMENTATION OF THE LAW ON THE MONGOLIAN WRITING PROGRAMME

Leontyeva Tamila Valeryevna

Moscow State Linguistic University, Moscow
tamila.leontyeva@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the traditional Mongolian script, the history of its creation, and its development. Special attention is paid to the modern language policy of Mongolia, including key legislative acts regarding the return to the historical script. The main challenges of the transition are also addressed, including the generational gap, as well as technological and linguistic difficulties. Despite this, Mongol Bichig continues to be actively used and promoted in Mongolian society.

Keywords: Mongol Bichig, traditional Mongolian script, Cyrillic alphabet, language policy of Mongolia, law on the implementation of Mongol Bichig, revival of the script.

Традиционная монгольская письменность, известная как «монгол бичиг» представляет собой вертикальную систему письма, изначально созданную для записи монгольского языка. Его пишут сверху вниз, а столбцы располагаются слева направо. В учебных материалах количество букв в алфавите старописьменного монгольского языка варьируется от 23 до 31 буквы. Старописьменный монгольский язык берет свое начало примерно с начала XIII в. Считается, что монголы переняли вертикальное уйгурское письмо через кереитов. Однако существует и другая версия, согласно которой в 1204 г. Чингисхан, завоевав племя найманов, взял в плен уйгура, который на основе уйгурского алфавита и разработал монгольскую письменность для государственных нужд Чингисхана. Сами уйгуры заимствовали письменность у согдийцев. Уйгурская «вязь» восходит к древне-арамейскому письму, происходящему от финикийского алфавита. Таким образом, уйгурская письменность была известно монгольским племенам примерно в X в.

В 1940-х гг. под влиянием СССР Монголия перешла на кириллицу. После распада Советского Союза многие общественные и политические силы Монголии активно призывали к полному возврату традиционной письменности, но идея не была реализована в связи с возникающими при переходе сложностями. Тем не менее, в 1991 г. Малый Хурал МНР издал постановление № 36 «О ведении с 1994 г. официальных правительственных дел на монгольской письменности в Монгольской Народной Республике и обеспечение подготовки перехода на неё». Кроме того, 1 сентября 1991 г. было принято решение начать преподавать традиционную письменность в школах, а также использовать ее в тексте Конституции Монголии, национальной валюте и во всех государственных органах.

В феврале 2015 г. Великий Государственный Хурал Монголии принял Закон «О монгольском языке», который подтвердил официальный статус монгольской кириллицы, установив, что делопроизводство страны должно вестись на кириллическом монгольском письме.

В марте 2020 г. Правительством Монголии было принято решение о возвращении с 2025 г. к историческому письму. Приведем текст данного постановления, а также его перевод:

Оригинал текста	Перевод
Засгийн газрын 2020 оны 96 дугаар тогтоолын хавсралт МОНГОЛ БИЧГИЙН ҮНДЭСНИЙ ХӨТӨЛБӨР III 2.1. 2025 оноос төрийн албан хэргийг кирилл болон монгол бичгээр хөтлөн явуулах, цаашид бүх нийтээр монгол бичигт шилжихэд монгол бичгийн сургалт, судалгаа, хэрэглээний орчныг бүрдүүлж, бэлтгэлийг бүрэн хангахад хөтөлбөрийн зорилго оршино. 2.2. Хөтөлбөрийн зорилгыг дараахь зорилтын хүрээнд хэрэгжүүлнэ: 2.2.1. монгол бичгийн хэрэглээний орчныг бүрэн бүрдүүлэх; 2.2.2. монгол бичигт сургах ажлыг шинэ шатанд гаргаж, үр дүнд хүргэх; 2.2.3. албан хэргийг кирилл болон монгол бичгээр хөтлөн явуулах, цаашид монгол бичигт бүрэн шилжих эрх зүй, технологийн орчин бүрдүүлж, бэлтгэл хангах; 2.2.4. монгол бичгийн сургалт, судалгаа, сурталчилгааны ажлын агуулга, арга хэлбэрийг боловсронгуй болгох. 2.3. Хөтөлбөрийг 2020–2024 онд хэрэгжүүлнэ [6].	Приложение к постановлению Правительства № 96 от 2020 г. III НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО МОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ 2.1. Цель Программы заключается в том, чтобы с 2025 г. вести государственное делопроизводство на кириллице и монгольской письменности, а также полностью обеспечить подготовку и создать среду для обучения, исследования и применения монгольской письменности для последующего всеобщего перехода на монгольскую письменность. 2.2. Цель Программы будет реализована в рамках следующих задач: 2.2.1. Создать условия для использования монгольской письменности. 2.2.2. Вывести обучение монгольской письменности на новый уровень и добиться высоких результатов. 2.2.3. Создать правовую и технологическую среду, а также обеспечить подготовку для ведения делопроизводства на кириллице и монгольской письменности и для последующего полного перехода на монгольскую письменность; 2.2.4. Совершенствовать содержание, методы и формы работы по обучению, исследованию и популяризации монгольской письменности. 2.3. Программа будет реализована в 2020–2024 гг.

Специфика традиционного письма вызывает ряд трудностей, особенно в условиях параллельного использования кириллицы. Главная проблема для монголов заключается в необходимости перехода от привычного языка к языку культурного наследия, изучение которого требует огромных усилий, влечет за собой технологические и лингвистические сложности и в настоящее время не находит широкой поддержки среди значительной части населения и чиновничества.

Вопрос возвращения традиционной письменности в общественную и официальную жизнь Монголии также выявила разрыв между поколениями. Молодёжь, воспитанная и обученная на кириллице, в большинстве своем слабо владеет традиционным письмом. Хотя многие молодые люди поддерживают инициативу как важный шаг для сохранения культурного наследия, на практике слабое владение классическим письмом остаётся серьёзным барьером. В ответ на эти вызовы правительство Монголии активно внедряет образовательные программы для повышения грамотности в сфере традиционной письменности, включая как формальные курсы, так и неформальные обучающие мероприятия и публичные выставки.

Кроме того, некоторые эксперты утверждают, что стремление возродить традиционную письменность может быть формой протеста против насаждения кириллического письма в советские годы. В целом, отношение монгольского общества к возрождению традиционного письма можно назвать положительным. Несмотря на практические трудности, популяризация традиционного письма воспринимается не только как культурная миссия, но и как эстетический акт, обладающий глубоким историческим смыслом. На данный момент традиционное письмо активно используются на всех уровнях и в различных сферах: официальное де-

лопроизводство, СМИ, образование, малый бизнес и т.д. Рассмотрим реализацию закона о внедрении монгол бичиг на примерах вывесок:

Рис. 1. Монгол Улсын Дээд шүүх — Верховный суд Монголии

Рис. 2. «Эрдмийн хэт цахиваас, хөгжлийн гал бадармой» — МУИС-ын уриа. «От искры знаний возгорится огонь развития» — девиз МУИС-а (Монгольского государственного университета).

Кроме того, в последнее время наблюдается тенденция к внедрению традиционного письма в публицистическом дискурсе. Рассмотрим эту тенденцию на примере электронного портала «Хүмүүн бичиг сонин»:

Рис. 3. «Эх оронч худалдан авалт хийхийг уриаллаа» — «Призываем [поддержать отечественного производителя]», — новость о проведении выставки национальной продукции в Монголии

Рис. 4. «Дэлхий нийтийн анхаарлыг татаж байна» — «Притягивает внимание всего мира» — новость о форме монгольских спортсменов на Зимних Олимпийских играх.

Таким образом, возрождение традиционного монгольского письма является сложным и многогранным процессом, затрагивающим историческое наследие, культурную идентичность, политические решения и практические вызовы современности. Тем не менее, в последние годы наблюдается положительная тенденция в данной сфере, дающая надежду на закрепление традиции, не только на бытовом, но и на государственном уровне.

Литература

1. Бадмаева Л. Б. Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/staropismennyy-mongolskiy-yazyk-i-sovremennyy-buryatskiy-yazyk> (дата обращения: 17.03.2026).
2. Гороочин Г. О реализации закона о государственном монгольском языке.
3. Старописьменный монгольский язык: учебное пособие / Н. О. Кокшаева; Калм. гос. ун-т. Элиста 2002. 176 с. КВИ 5-230-20158-4.
4. Eurasian-research.org (2025). Последний акт декоммунизации: возрождение традиционной письменности в Монголии. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-last-act-of-de-communization-the-reintroduction-of-the-traditional-script-in-mongolia/?lang=ru> (дата обращения: 08.04.2026).
5. Facebook.com (2025). Хүмүүн бичиг сонин. URL: <https://www.facebook.com/Khumuun-bichig/photos> (дата обращения: 08.04.2026).
6. Legalinfo.mn (2020). Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр III (дата обращения: 08.04.2026).

Сведения об авторе

Леонтьева Тамила Валерьевна, студентка, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, e-mail: tamila.leontyeva@gmail.com

Leontyeva Tamila Valeryevna, student, Moscow State Linguistic University, Moscow

Научный руководитель

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, e-mail: dug-vema@mail.ru

Vasilyeva Dugvema Natar-Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), Moscow State Linguistic University, Moscow

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

© Попова Ирина Николаевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
irinapopova394@gmail.com

Республика Корея является одним из мировых лидеров в области цифровизации и информационных технологий, что закономерно сопровождается повышенным вниманием к вопросам информационной безопасности. Высокий уровень проникновения интернета, стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и облачных вычислений, а также геополитические особенности — соседством с Северной Кореей, обладающей значительным киберпотенциалом — формируют уникальный контекст для развития национальной системы кибербезопасности. Настоящая статья посвящена анализу понятийных основ и государственной политики Республики Корея в сфере информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, кибербезопасность, Республика Корея, государственная политика, национальная стратегия кибербезопасности, киберугрозы, защита критической инфраструктуры.

INFORMATION SECURITY DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF KOREA

Popova Irina Nikolaevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
irinapopova394@gmail.com

The Republic of Korea is one of the world leaders in fields of digitalization technology, which is naturally accompanied by increased attention to information security issues. The high level of Internet penetration, the rapid development of artificial intelligence and cloud computing technologies, as well as the geopolitical features of its proximity to North Korea, which has significant cyber potential, form a unique context for the development of a national cyber security system. This article is devoted to the analysis of the conceptual foundations and state policy of the Republic of Korea in the field of information security.

Keywords: information security, cybersecurity, Republic of Korea, state policy, national cybersecurity strategy, cyber threats, protection of critical information infrastructure.

Правовая система Республики Корея предлагает четкое и многоаспектное определение информационной безопасности, закрепленное в профильном законодательстве. Согласно ст. 2 Закона «О содействии развитию индустрии информационной безопасности», под информационной безопасностью понимается создание управленческих, технологических и физических средств для достижения двух основных целей.

Во-первых, это предотвращения уничтожения, модификации, утечки и иных нарушений целостности и конфиденциальности информации, которые могут возникнуть в процессе ее сбора, обработки, хранения, поиска, передачи и приема. Во-вторых, это реагирование на инциденты, стихийные бедствия, киберпреступления и иные угрозы с использованием технологий безопасности (криптографии, аутентификация, идентификация и мониторинга), а также безопасная эксплуатация соответствующего оборудования и объектов.

Важной особенностью корейского подхода является разграничение понятий «информационная безопасность» и «кибербезопасность». Если первое понятие охватывает более широкий спектр вопросов защиты информации в любом ее виде, то второе, согласно Указу Президента «О регулировании сферы кибербезопасности» от 2024 г., фокусируется на противодействии кибератакам и угрозам. Под кибератакой и угрозой понимаются действия по втор-

жению, нарушению работы, парализации или уничтожению информационно-коммуникационных устройств, сетей и систем с использованием электронных средств, включая хакерские атаки, компьютерные вирусы, DDoS-атаки и электромагнитное воздействие.

Закон «О содействии использованию информационно-коммуникационных сетей и защите информации» (ст. 48) конкретизирует запрещенные деяния, включая несанкционированный доступ к сети, уничтожение или изменение данных и программ, распространение вредоносного ПО, а также действия, направленные на нарушения стабильной работы сети.

Таким образом, понятийный аппарат информационной безопасности в Республике Корея характеризуется 1) комплексностью (охватывает управленческие, технологические и физические аспекты); 2) функциональностью (включает как превентивные меры, так и реагирование); 3) иерархичностью (разграничение информационной и кибербезопасности); 4) правовой определенностью (четкие дефиниции запрещенных действий).

Государственная политика в области информационной безопасности в Республике Корея.

Государственная политика Республики Корея в сфере информационной безопасности прошла значительную эволюцию. Ключевым рубежом, стимулировавшим развитие национальной системы кибербезопасности, стали масштабные кибератаки 2003 г., которые выявили уязвимость критической инфраструктуры. С тех пор правительство последовательно укрепляло нормативную базу и институциональную структуру.

В 2024 г. Управление национальной безопасности Республики Корея представило обновленную Национальную стратегию кибербезопасности, сменившую предыдущую версию 2019 г. Необходимость обновления была обусловлена растущим количеством и масштабом киберугроз, а также признанием того факта, что «возможности полного предотвращения и реагирования ограничены на технологическом уровне из-за того, что приемы и киберугрозы становятся разнообразнее, сложнее и точнее».

Стратегия определяет три ключевых цели: 1) наступательная киберзащита и проактивное реагирование; 2) расширение глобального лидерства; 3) повышение устойчивости к киберугрозам. Особенностью новой стратегии является переход от оборонительного подхода к комплексному, включающему наступательные действия по упреждению киберугроз. Кроме того, в документе прямо указывается обоснование для развития наступательного киберпотенциала.

Одной из ключевых проблем, которую призвана решить новая стратегия, является фрагментация системы управления кибербезопасностью. Исследования отмечают, что в Республике Корея долгое время отсутствовал единый координирующий центр, а функции по обеспечению информационной и кибербезопасности были распределены между различными министерствами и ведомствами.

В ответ на это в 2024 г. была проведена реформа, направленная на централизацию управления. Ключевая роль в новой системе отводится Национальной разведывательной службе, а также создан единый координационный орган — Национальный комитет кибербезопасности. В разработке и реализации политики участвуют также Министерство науки и информационно-коммуникационных технологий, Министерство внутренних дел и безопасности, Финансовая служба, Комиссия по защите персональной информации и другие ведомства.

В октябре 2024 г. эти ведомства совместно разработали «Межведомственные комплексные меры по обеспечению информационной безопасности», которые включают как краткосрочные практические задачи, так и среднесрочные цели в рамках разрабатываемой Национальной стратегии кибербезопасности.

Современная государственная политика Республики Корея в области информационной безопасности реализуется по нескольким ключевым направлениям.

Первое направление — усиление защиты критической инфраструктуры. Проводится масштабная проверка более 1600 IT-систем в государственном, финансовом и телекоммуникационном секторах. Ужесточаются требования к сертификации по Системе управления информационной безопасностью: осуществляются внеплановые аудиты с имитацией реальных хакерских атак, а в случае обнаружения критических уязвимостей сертификат может быть

аннулирован. Второе направление — стимулирование инвестиций в информационную безопасность. Государство переосмысливает безопасность не как издержки, а как инвестиции. Внедряется система публичной оценки уровня информационной безопасности компаний, а обязанность по раскрытию информации о кибербезопасности распространяется на все публичные компании. Законодательно закрепляются обязанности генеральных директоров в области безопасности, расширяются полномочия руководителей служб информационной безопасности. Данные за 2021–2023 гг. показывают, что 10 крупнейших южнокорейских компаний инвестировали в кибербезопасности более 100 миллиардов вон каждая, причем Samsung Electronics лидирует с показателем 712,6 миллиарда вон.

Третье направление — развитие индустрии информационной безопасности как национальной стратегической отрасли. Государство поддерживает создание платформ безопасности на базе искусственного интеллекта, ежегодно оказывая поддержку 30 компаниям в сфере безопасности нового поколения. Расширяется подготовка специалистов: ежегодно готовится более 500 «белых хакеров», модернизируются специализированные образовательные программы в семи вузах бакалавриата и девяти — магистратуры.

Четвертое направление — международное сотрудничество. Республика Корея активно участвует в международных учениях по кибербезопасности, в том числе под эгидой НАТО, и расширяет партнерские связи с США, Японией, Великобританией и странам Индо-Тихоокеанского региона. В августе 2025 г. Корея председательствовала на первой встрече министров по цифровым технологиям и ИИ АТЭС, где обсуждались меры по противодействию цифровым угрозам, включая дипфейки и дезинформацию.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Республика Корея сформировала развитую и динамично развивающуюся систему информационной безопасности, характеризующуюся четким понятийным аппаратом, комплексной нормативно-правовой базой и многоуровневой институциональной структурой. Государственная политика последних лет демонстрирует переход от реактивной модели защиты к проактивной, включающей элементы наступательной киберобороны, а также стремление занять лидирующие позиции в глобальной кибербезопасности. Ключевыми направлениями дальнейшего развития остаются централизация управления, стимулирование частных инвестиций, подготовка кадров и адаптация к новым технологическим вызовам, связанным с развитием искусственного интеллекта и квантовых вычислений.

Литература

1. Ministry of Science and ICT. (2024, October 22). Inter-Ministerial Comprehensive Information Security Measures Announced.
2. Act on the Promotion of Information Security Industry (Act No. 13343, Jun. 22, 2015). Korea Legislation Research Institute.
3. Волощак В. И. Политика Республики Корея по обеспечению кибербезопасности: цели, инструменты, международное сотрудничество 88 Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 7–22.
4. Regulations on Cybersecurity Services (Presidential Decree. 2024. No. 34287. Mar. 5.). Korea Legislation Research Institute.
5. Kim J., & Lee S. Cyber Security Systems and Prospects: Focusing on the US, UK, Japan, and South Korea // Korean Journal of Security Convergence. 2020. № 9(4).
6. Act on Promotion of Information and Communications Network Utilization and Information Protection, etc. (Act No. 9119, Jun. 13, 2008). UNODC Cybercrime Repository.
7. Обновленная национальная стратегия кибербезопасности Республики Корея. (2024). Национальный оборонно-безопасный центр.
8. Ministry of Science and ICT. (2025, August 4). В Корее состоялась встреча министров науки и ИКТ АТЭС.

Сведения об авторе

Попова Ирина Николаевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: irinapopova394@gmail.com

Popova Irina Nikolaevna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Аюшиева Ирина Гармаевна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: aig1973@mail.ru

Ayushieva Irina Garmaevna, Cand. Sci. (Hist.), A/Prof, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

ПОЛИТИКА СДЕРЖИВАНИЯ И КОНФРОНТАЦИИ США В ОТНОШЕНИИ КНР

© Рабданова Надежда Павловна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
nrabdanova@list.ru

Политика сдерживания США в отношении КНР в период с 1949 г. до начала 1970-х гг. придерживалась жёсткого курса, включавшего дипломатическое непризнание КНР, экономические санкции, военное сдерживание и идеологическую конфронтацию. Однако эта политика не достигла своей главной цели — падения коммунистического режима в КНР.

Ключевые слова: КНР, США, политика сдерживания, конфронтация

US CONTAINMENT AND CONFRONTATION POLICY TOWARDS CHINA

Nadezhda Pavlovna Rabdanova

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
nrabdanova@list.ru

From 1949 to the early 1970s, the US containment policy toward China was a tough one, including diplomatic non-recognition, economic sanctions, military containment, and ideological confrontation. However, this policy failed to achieve its primary goal — the collapse of the communist regime in China.

Keywords: the PRC, the USA, policy of containment, confrontation.

По мнению многих исследователей, политика США в отношении КНР с 1949 г. до начала 1970-х гг. прошла два крупных этапа: «сдерживание и изоляция» и «сдерживание и взаимодействие». На первом этапе администрация Г. Трумэна не признавала новое правительство КНР, ситуация усугубилась после начала Корейской войны (1950–1953 гг.), были введены санкции против КНР. Второй этап, начавшийся при Р. Никсоне, ознаменовался постепенным ослаблением изоляции и налаживанием каналов коммуникации [6].

1 октября 1949 г. было провозглашено образование Китайской Народной Республики. Однако США отказывались признавать Пекинское правительство и продолжали поддерживать Чен Кайши и гоминьдановский режим на Тайване. США препятствовали вступлению КНР в ООН в период с 1949 по 1971 г., признавая правительство в Тайбэе в качестве единственного и законного представителя Китая в ООН.

Корейская война (1950–1953 гг.) оказала значительное влияние на экономику КНР. США инициировали экономические санкции: полный запрет на торговлю с КНР и финансовые транзакции, распространив его через Координационный комитет по экспортному контролю (СОСОН). КНР включили в группу стран Z с жесткими экспортными ограничениями. Однако, экономическое эмбарго способствовало укреплению советско-китайских отношений и стимулировало Китай к развитию собственной промышленности.

Центральным элементом американской стратегии стала поддержка Тайваня, обусловленная идеологическим противостоянием коммунизму и стратегической важностью острова. Поддержка Тайваня в 1950-е годы подтверждается документами «Договор о взаимной обороне» (1954 г.) и Формозская резолюция (1955 г.), которые стали инструментом военно-политического противостояния США и КНР. Данные соглашения давали полномочия президенту США применять вооруженную силу для защиты Тайваня и прилегающих островов [3].

В сентябре 1956 г. в ходе беседы с президентом Индонезии Мао Цзэдун сформулировал основу китайской стратегии взаимодействия с США: «Во-первых, решительная борьба, крики каждый день... Во-вторых, не торопиться, это не должно публиковаться в газетах». В ито-

ге стратегия Мао оказалась успешной, она позволила сохранить позицию КНР в вопросе Тайваня, а с другой стороны, обеспечила гибкость через диалог [4].

В октябре 1950 г. Китай ввел в Корею военные силы «Китайские народные добровольцы» с целью предотвращения появления американских войск у границы КНР, поддержки союзника КНДР, утверждения статуса КНР как державы в азиатском регионе. Вмешательство Китая в конфликт было неожиданным для США.

Во время первого кризиса в Тайваньском проливе (1954–1955 гг.) КНР начала обстрелы Тайваньских островов и захватила остров Ицзяншань, в последствии США приняли Формозскую резолюцию. Второй кризис (1958 г.) стал продолжением первого кризиса в проливе из-за спорных островов (Цзиньмэнь и Мацзу). В результате острова остались под контролем Тайваня. Таким образом, КНР проверяла решимость США защищать Тайвань, где американское правительство продемонстрировало поддержку острову, но при этом избегая масштабного вооруженного конфликта [3].

Государственные СМИ КНР, включая газету Жэньминь жибао регулярно публиковали материалы с обвинениями США в агрессии, колониализме и вмешательстве Вашингтона во внутренние дела Китая. В публикациях использовали лозунги: «Долой американский империализм!»; «Защитим Родину!»; «Поддержим корейских братьев!», с целью укрепления патриотического духа населения. Кроме этого, велась активная дипломатическая работа в странах Юго-Восточной Азии, где продвигали образ КНР как лидера антиимпериалистического фронта [4].

Параллельно правительство Китая сохраняло хрупкий мир с США через дипломатические механизмы, которые помогали избежать прямого военного конфликта. Примером могут служить китайско-американские переговоры на уровне послов в Варшаве (1955–1968 гг.), которые были единственным официальным каналом связи между двумя странами.

Параллельно с жесткой пропагандой и дипломатическими контактами КНР активно начала развивать военно-промышленный потенциал, в том числе и ядерную программу, с целью изменения баланса сил в свою пользу и обеспечения безопасности страны в случае военного конфликта.

К концу 1960-х гг. созрели объективные условия для изменения политики. Во-первых, экономическая блокада не привела к краху КНР, даже напротив страна укрепила свои позиции на международной арене. Пекин развивал связи со странами «третьего мира» и поддерживал антиколониальные движения, что ослабило эффект изоляции, к которой стремилась Америка. Одновременно Китай развивал ядерную программу. Во-вторых, советско-китайский раскол перерос в открытую конфронтацию, кульминацией стал вооруженный конфликт на острове Даманский (Чжэньбао) в марте 1969 г. [1] Вашингтон внимательно следил за советско-китайскими отношениями, президент Р. Никсон и его советник по национальной безопасности Г. Киссинджер увидели разногласия между двумя коммунистическими державами и не упустили возможность укрепить позиции США в холодной войне, который привел к нормализации китайско-американских отношений. В-третьих, война США во Вьетнаме истощала американские ресурсы и требовала поиска союзника для урегулирования конфликта, а вовлечение Китая в диалог могло помочь завершению войны.

Переломным моментом в китайско-американских отношениях стала «пинг-понговая дипломатия» (апрель 1971 г.), т.е. серия спортивных обменов между США и КНР, которые помогли наладить отношения между странами. Фраза «Маленький мяч может сдвинуть большой мяч» символизирует запуск масштабных политических изменений. Вслед за этим последовал тайный визит Г. Киссинджера (июль 1971 г.) и официальный визит Р. Никсона в Китай (февраль 1971 г.), ставший первым визитом американского президента в КНР [2]. В итоге был подписан ключевой документ «Шанхайское коммюнике», в котором США признали принцип «одного Китая», подтвердив, что Тайвань является частью КНР. Также стороны договорились о развитии в областях науки, торговли и культуры [5].

Таким образом, политика США по сдерживанию КНР не достигла своей цели, не привела к падению коммунистического режима, но надолго приостановила двусторонние отношения

между странами. Китай, в свою очередь, опираясь на формулу «решительной борьбы и ожидания», сумел укрепить свои позиции на политической арене.

Литература

1. Беляев К. А. История советско-китайских отношений в пограничных регионах в период развития конфликта на острове Даманский // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сборник научных трудов. Москва: [б. и.], 2016. С. 227–231.
2. Чунхуа В. Установление дипломатических отношений между КНР и США (1972–1978 гг.) // Весті БДПУ. Сер. 2. 2022. № 4. С. 63–67.
3. Xu G. Congress and the U. S. China Relationship, 1949–1979. Akron: University of Akron Press, 2007. 412 p.
4. 全球安全倡议概念文件 (全文). URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjbxw_new/202302/t20230221_11028322.shtml (дата обращения: 11.04.2026).
5. 王婷婷. «乒乓外交»的回忆和启示. URL: <https://huazhi.nju.edu.cn/d2/a1/c32155a512673/page.htm> (дата обращения: 11.04.2026).
6. Chang, Gordon H. Friends and Enemies: The United States, China, and the Soviet Union, 1949–1972. Stanford: Stanford University Press, 1990. 416 p.

Сведения об авторе

Рабданова Надежда Павловна, магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail nrabdanova@list.ru

Rabdanova Nadezhda Pavlovna, Master Student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Родионов Владимир Александрович, доктор политических наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: vladimir_198025@mail.ru

Rodionov Vladimir Alexandrovich, Doctor of Political Sciences, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ 1960-х И 1970-х ГОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГДР

© Соколова Юлия Николаевна

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва
pochta.mne.a.ne.vam@gmail.com

Статья анализирует интерпретацию социокультурной политики в Китае (1966–1976 гг.) в политической и общественной жизни ГДР, опираясь на официальные позиции и общественное восприятие. Исследование фокусируется на динамических изменениях отношения Восточной Германии к маоистским реформам и их влиянии на социалистический блок. Методология анализа источников опирается на политическую коммуникативистику и дискуртологию. Полученные результаты подчеркивают прагматичный баланс ГДР между лояльностью СССР и экономическими интересами с КНР.

Ключевые слова: социальная политика, Китай, ГДР, Мао Цзэдун, социалистический блок, официальная позиция, общественное восприятие, СЕПГ.

INTERPRETATION OF CHINA'S DOMESTIC SOCIAL AND CULTURAL POLICY OF THE 1960S AND 1970S IN THE POLITICAL AND PUBLIC LIFE OF THE GDR

Sokolova Yulia Nikolaevna

Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow
pochta.mne.a.ne.vam@gmail.com

The article analyzes the interpretation of sociocultural policy in China (1966–1976) in the political and public life of the GDR, drawing on official positions and public perception. The study focuses on the dynamic changes in East Germany's attitude toward Maoist reforms and their influence on the socialist block. The methodology of source analysis is based on political communicativistics and discourse analysis. The results obtained highlight the GDR's pragmatic balance between loyalty to the USSR and economic interests with the PRC.

Keywords: Social policy, China, GDR, Mao Zedong, socialist bloc, official position, public perception, SED.

Введение

Внутренняя социокультурная политика Китая 1960–1970-х годов в современном политическом и академическом дискурсе рассматривается как неоднозначное явление, оказавшее значительное влияние на развитие левой общественно-политической мысли как в социалистическом, так и в капиталистическом блоках. Оценки этой политики, обозначаемой в русской и европейской историографии как Культурная революция, существенно различаются; настоящее исследование направлено на анализ ее интерпретации в общественной и политической жизни ГДР. Выбор Германской Демократической Республики обусловлен ее идеолого-стратегической ролью как проводника социализма в непосредственном соприкосновении с западным миром. Методологической основой исследования выступают принципы политической дискуртологии. Для анализа интерпретаций в политической сфере применялся контент-анализ официальных документов СЕПГ, архивных материалов и публикаций печати ГДР (Neues Deutschland, FAZ, TAZ, BDP); для изучения общественного и интеллектуального восприятия использовались работы публицистов и популярная литература того времени. Объект исследования — общественно-политический и культурный дискурс ГДР 1960–1980-х

годов; цель — проследить динамику интерпретации Культурной революции в условиях изменения политической конъюнктуры.

Анализ источников

Резкой смене позиции правительства ГДР по отношению к политике Китая в середине 1960-х предшествовал период тесных дипломатических контактов и прагматической взаимной симпатии [11]. В конце 1950-х обе страны переживали кризисы: КНР — последствия «Большого скачка», ГДР — второй Берлинский кризис, что способствовало их сближению. Однако политический климат социалистического блока определялся СССР и КНР. Их идеологический раскол, начавшийся после XX съезда КПСС в 1956 году и усиленный Карибским кризисом, завершился разрывом отношений между КПК и КПСС более чем на двадцать лет [1]. Как союзник СССР в рамках Варшавского договора и СЭВ, ГДР сохраняла зависимость от Москвы. Под влиянием сино-советского конфликта СЕПГ поддерживала критику «ультралевых курсов» Мао как угрозы единству лагеря. Эрих Хонеккер в 1967 году заявлял, что Мао и его сторонники изолировали Китай на международной арене. В целом позиция ГДР представляла баланс между союзнической лояльностью и собственными экономическими интересами. Эту адаптивность демонстрирует эпизод 1961 года, когда во время Берлинского кризиса были расстреляны граждане, пытавшиеся пересечь границу. На встрече с Чэнь Цзи посол ГДР заявил о законности подобных мер: «...полиция должна расстреливать нарушителей границы» [3], что отражало солидарность с жесткими методами китайской политики. Разрыв отношений СССР и КНР осложнил торговлю ГДР с Китаем и потребовал дипломатической гибкости. Министр внешней торговли Дитрих Лемке вспоминал о необходимости игнорировать антисоветскую риторику китайской стороны, сохраняя деловые контакты [13]. При этом террор Красной гвардии 1966–1969 годов освещался ограниченно, что объяснялось хаосом первых лет революции и трудностями доступа к достоверной информации [12]. Одновременно ГДР демонстрировала лояльность СССР. Народная палата в 1989 году характеризовала китайскую политику до реформ Дэн Сяопина как период насильственных эксцессов [13]. Несмотря на идеологические разногласия, Восточный Берлин рассчитывал на поддержку Китая в берлинском вопросе. В публикациях ВДР Китай 1960-х описывался как государство, переживавшее хаотичные и насильственные потрясения [6]. По инициативе СЕПГ Культурная революция в прессе противопоставлялась задачам социалистического развития, подчеркивалась необходимость «научно-технической революции» под партийным контролем, а китайский опыт рассматривался как пример ошибок, которых следует избегать [7]. В итоге позиция ГДР маневрировала между обязательствами перед СССР, осуждением радикального курса Мао и необходимостью сохранять экономические контакты с КНР. В 1980-е годы Хонеккер стремился использовать попытки восстановления отношений с Китаем как доказательство способности ГДР проводить более самостоятельную внешнюю политику. Одновременно власти распорядились изъять из обращения публикации, критиковавшие Китай [8].

Восприятие Культурной революции в культурно-общественном пространстве ГДР формировалось под строгим контролем СЕПГ, где она служила примером классовой борьбы с акцентом на критику «ультралевых экстремизмов» Мао в контексте лояльности советскому марксизму-ленинизму. В обществе события 1966–1976 годов обсуждались преимущественно через официальную прессу и культурные институты, вызывая смешанные реакции — от идеологического интереса молодежи до скепсиса интеллигенции. Пережившие 11-й пленум ЦК СЕПГ 1965 года нередко воспринимали китайские события как отражение репрессий в самой ГДР. В газетах *Neues Deutschland* и *Neue Zeit* Культурная революция трактовалась как борьба с ревизионизмом, сопровождаемая предупреждениями о хаосе хунвейбинов [16]. Дискуссии в FDJ и профсоюзах подчеркивали необходимость партийного контроля над массовыми инициативами, усиливая самоцензуру в литературе и искусстве. Западногерманская пресса также использовала китайский опыт как негативный пример. В *Frankfurter Allgemeine Zeitung* отмечались страх перед хаосом и массовым террором периода Культурной революции [3]. *Die Tageszeitung* подчеркивала, что Китай после имперской диктатуры, колониальных репрессий и неудачной революции не смог быстро пройти политическое обновление

[15]. В академической среде маоизм рассматривался как урок необходимости партийной дисциплины и отказа от массовых кампаний. В немецкой научной литературе политика Мао нередко характеризовалась как «катастрофа для всей нации». Анализ работ 1966–2008 годов выявил устойчивые оценки: политика Мао рассматривалась как подрыв правовой системы и фактор расширения политических ошибок, приведших страну к хаосу.

Заключение

Таким образом, интерпретация социокультурной политики Китая 1966–1976 годов в ГДР носила прагматичный и изменчивый характер, обусловленный зависимостью от СССР и собственными внешнеполитическими интересами. Официальная риторика СЕПГ выполняла функцию политического баланса: сочетала лояльность советской линии и осуждение «левого экстремизма» с сохранением дипломатических контактов с Китаем. В общественно-культурной сфере китайский опыт использовался как предупреждение против неконтролируемых массовых кампаний и средство укрепления партийной дисциплины. В интеллектуальной среде существовали более сложные оценки, однако отсутствие плюрализма ограничивало их публичное выражение. В целом интерпретация китайской политики в ГДР выступала не столько отражением объективной оценки событий, сколько элементом идеологической стратегии и дипломатической практики, направленной на поддержание устойчивости социалистической системы и баланс между союзническими обязательствами перед СССР и национальными интересами.

Литература

1. Усов В. Н. История КНР: учебник: в 2 томах. Т. 2. 1966–2004 гг. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2006. 957 с.
2. Kloubert R. Der Quereinsteiger. 3. Aufl. Berlin: WJS Verlag, 2004. 296 S.
3. Psarris D. China in den Medien: Rhetorik und Topoi in der deutschen Qualitätspresse. Berlin: Dissertation, 2014. 291 S.
4. Weggel O. Geschichte Chinas im 20. Jahrhundert. Stuttgart: Kröner, 1989. 380 S.
5. Yu N. Die Chinapolitik der DDR in den 1980er-Jahren. Eine außenpolitische Strategie in dem Kampf um Weiterexistenz: Dissertation zur Erlangung der Würde des Doktors der Philosophie. Hamburg: Universität Hamburg, 2015.
6. Ли Ч. Китайская культурная революция (1966–1976) в зеркале немецкой и китайской научной литературы (1966–2008): диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Бонн: Изд-во Рейнского ун-та Фридриха Вильгельма, 2010.
7. Меморандум о беседе между послом и товарищем Чэнь Цзи, членом Политбюро и министром иностранных дел КНР, 31 августа 1961 г. // SAPMO-BArch, ZPA IV 2/20/123.
8. Die Durchführung der Kulturrevolution erfordert eine höhere Qualität in der Leitungstätigkeit // Neues Deutschland. 1968. 25.10. URL: <https://www.nd-archiv.de/artikel/1781981> (дата обращения: 05.04.2026).
9. Berkofsky A. Durchhalteparolen und Falschinformationen aus Peking // Deutschland Archiv. 2022. 30.03. URL: <https://www.bpb.de/506840> (дата обращения: 05.04.2026).
10. China und die Berlin- und Deutschlandfrage: Erst Zuckerbrot, dann Peitsche für Ost-Berlin // Bundeszentrale für politische Bildung (bpb). URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/310578/> (дата обращения: 05.04.2026).
11. China und die DDR in den 1980er-Jahren // Bundeszentrale für politische Bildung (bpb). URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/303741/> (дата обращения: 24.05.2024).
12. Ostberlin, Chinas «Großer Sprung nach vorn» und die Kulturrevolution // Bundeszentrale für politische Bildung (bpb). URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/332037/> (дата обращения: 05.04.2026).
13. Beziehungen von DDR und China // Deutschlandfunk Kultur. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/beziehungen-von-ddr-und-china-100.html> (дата обращения: 05.04.2026).

14. «China ohne Deng» // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1989. 21.02. (цит. по: Psarris D. China in den Medien, 2014).
15. «Mehr als Tyrannenhätschelei» // TAZ. 1989. 16.03. (цит. по: Psarris, D. China in den Medien, 2014).
16. Kinner, K. Die VR China 1966–1976 aus der Sicht der DDR // Zeitschrift Marxistische Erneuerung (Z.MARX). 2011. № 87. URL: <https://www.zeitschrift-marxistische-erneuerung.de/de/article/187.die-vr-china-1966-1976-aus-der-sicht-der-drr.html> (дата обращения: 23.05.2024).

Сведения об авторе

Соколова Юлия Николаевна, студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, e-mail: pochta.mne.a.ne.vam@gmail.com

Sokolova Yulia Nikolaevna, student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, e-mail: pochta.mne.a.ne.vam@gmail.com

Научный руководитель

Кузьменко Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, член Российского общества интеллектуальной истории, заместитель главного редактора научного журнала «Россия: общество, политика, история», член Российского военно-исторического общества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы **при Президенте Российской Федерации**, г. Москва, e-mail: ea.kuzmenko@igsu.ru

Kuzmenko Elena Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation, Member of the Russian Society of Intellectual History, Deputy Editor-in-Chief of the scientific journal “Russia: society, politics, history”, Member of the Russian Military Historical Society, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, e-mail: ea.kuzmenko@igsu.ru

КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

© Сономдоржиева Соелма Бимбаевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
soelma568301@gmail.com

В Республике Корея многовековые традиции не просто сосуществуют, а активно взаимодействуют с глобализацией и модернизацией. Конфуцианские принципы: иерархия в семье, уважение к образованию и трудовая этика вступают в диалог с западными индивидуалистическими моделями. Результатом становится трансформация культурного ландшафта, где сохранение национальной идентичности и адаптация к изменениям представляют собой два неразрывных, взаимозависимых процесса.

Ключевые слова: Республика Корея, глобализация, классические традиции, культурная трансформация, идентичность.

CLASSICAL TRADITIONS IN THE MODERN CULTURE OF REPUBLIC OF KOREA

Sonomdorzhieva Soelma Bimbaevna

Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
soelma568301@gmail.com

In the Republic of Korea, centuries-old traditions not only coexist but actively interact with globalization and modernization. Confucian principles: family hierarchy, respect for education and work ethic enter into dialogue with western individualistic models. The result is a transformation of the cultural landscape, where the preservation of national identity and adaptation to change represent two inseparable, interdependent processes.

Keywords: Republic of Korea, globalization, classical traditions, cultural transformation, identity.

Республика Корея входит в число стран с наиболее динамичным развитием, демонстрируя, как передовые технологии органично уживаются с богатым культурным наследием. Несмотря на масштабную модернизацию, корейское общество не порвало с историческими традициями, веками, оттачивавшимися под влиянием социальных, философских и религиозных идей. Центральное место в ценностной иерархии занимала конфуцианская этика, которая задавала поведенческие нормы, регулировала социальные связи, предписывала семейную субординацию и определяла место человека в обществе. Именно она породила устойчивую общественную модель, держащуюся на уважении к старшим, духе коллективизма, развитом чувстве долга и тяге к знаниям. Ярko иллюстрирует работу этих принципов фильм «Маскарад» (реж. Чу Чхан Мин, 2012). В фильме показано, что даже временно замещающий короля Кван Хэ шут Ха Сон в придворных эпизодах вынужден не просто изображать внешние атрибуты власти, а неуклонно соблюдать систему ритуалов и регламент общения с придворными. Любая его оплошность расценивается как покушение на устоявшийся порядок, что обнажает жесткость социальной пирамиды. Именно этот эпизод показателен для анализа конфуцианской традиции. Здесь ритуал выступает не как внешняя формальность, а как маркер легитимности власти. Даже всесильный временный правитель не может нарушить кодекс поведения, иначе рухнет весь порядок, который держится не на страхе, а на обязательном следовании ритуалу. Фильм демонстрирует, что конфуцианская иерархия воспроизводится не принуждением, а глубоко усвоенными правилами игры.

Однако с конца XX в. традиционная ценностная матрица начинает испытывать ощутимое давление глобализации. Экономическая взаимозависимость, бум информационных технологий и активное проникновение западной культуры спровоцировали подвижки в социальных нормах и паттернах поведения. Следовательно, усилилась культурная диффузия: исконные ценности вступают во взаимодействие с западной системой, где во главу угла поставлены индивидуализм, личная автономия, гендерное равноправие и толерантность. В дораме «Итэвон Класс» (реж. Ким Сон Юн, 2020) главный герой Пак Сэ Рой сознательно отказывается от подчинения корпоративной иерархии и выстраивает собственный бизнес на началах равноправия и личной свободы. Особенно показательны сцены взаимодействия в его команде, где собраны выходцы из разных социальных и культурных слоев, и ценятся не столько соответствие общепринятым нормам, сколько уникальность личности. Значимость именно этой драмы в том, что оно впервые в корейском массовом кино показывает успешного героя, который добивается цели не вопреки отказу от иерархии, а благодаря этому отказу. Традиционная логика требовала бы лояльности к «своим» и уважения к старшим по статусу. Пак Сэ Рой же строит горизонтальные связи, где авторитет завоевывается, а не наследуется. Драма фиксирует сдвиг в массовом сознании, индивидуализм перестает восприниматься как угроза порядку и начинает цениться как ресурс.

Отчетливые трансформации появились в сфере семейно-родственных отношений. Традиционная корейская семья веками строилась на принципах патриархальности и строгой вертикали власти. Во главе рода стоял старший мужчина, чья воля была обязательной для всех остальных. Женщины занимали подчиненное положение, а их главными добродетелями считались послушание, скромность и безоговорочное служение мужу и его семье. Браки заключались не столько по любви, сколько по социальной целесообразности, с целью укрепления родовых связей и сохранения статуса. Дети были обязаны беспрекословно почитать родителей как при жизни, так и после их смерти, что выражалось в сложных ритуалах поминовения предков — Чеса (кор. 제사). Такая модель обеспечивала стабильность и преемственность, но практически не оставляла места для личного выбора и индивидуальных желаний. Сейчас же такая модель семьи, постепенно сдает позиции более гибким моделям. Например: растет возраст вступления в брак, увеличивается количество одиночных домохозяйств (кор. 1인 가구), трансформируется восприятие семейных ролей и обязанностей. Данные процессы во многом связаны с влиянием глобальных социальных стандартов и экономических реалий, что порождает определенную тревогу в корейском обществе, где семья считалась опорой социальной стабильности. Подобные изменения запечатлены в фильме «Ким Чжи Ён, 1982 года рождения» (реж. Ким До Ён, 2019). Через бытовые ситуации здесь показано психологическое давление, которое испытывает женщина, вынужденная соответствовать традиционной роли супруги и матери. Например, сцена в кафе, где героиня слышит, как за соседним столом группа мужчин офисных работников пренебрежительно называют ее «мамчхун», что в переводе с корейского znасит мамочка-вредитель. Это выражение подразумевает, что домохозяйки лишь транжирят деньги мужей и живут за их счет. Фильм показывает не внешний конфликт, а внутренний, то есть разрыв между личными желаниями героини и тем, что общество считает «нормальной» женской судьбой. Сцена с «мамчхун» важна не сама по себе, а как зеркало общественного дискурса. Пренебрежительное слово фиксирует низкий статус домашнего труда, хотя традиционная конфуцианская этика, парадоксальным образом именно этот труд возводила в ранг добродетели. В фильме освещен конфликт между двумя системами оценки женщины: первая это старой системы, то есть быть хорошей женой и матерью и вторая новая система, в которой важной частью жизни является реализовать себя.

Изменения затронули не только социальную сферу, но и повседневную культуру, включая гастрономию. Рядом с традиционной корейской кухней широкое распространение получили блюда западной и других азиатских кулинарных традиций. При этом заимствованные блюда зачастую подстраиваются под местные вкусы, что говорит не о вытеснении исконной культуры, а о ее гибкости и трансформации.

Еще, изменения произошли в сфере моды. Современная корейская мода находится под мощным влиянием западных трендов. Стиль одежды, способы самовыражения и потребительские приоритеты во многом следуют общемировым трендам. В последние годы корейские дизайнеры активно переосмысливают национальный костюм — ханбок, создавая его современные версии [5, с. 41]. Благодаря модернизации традиционный культурный элемент обретает новое содержание и продолжает существовать в условиях глобализации. Перед дизайнерами стоит задача интегрировать ханбок в повседневную жизнь и вывести его на международную арену. Все чаще в телепередачах и журналах появляются публичные персоны в ханбоке в различных вариациях. Это может быть как современная версия костюма, так и традиционный вариант, сочетаемый с западной одеждой. В 2026 г. в рамках выставки PSID в сеульском Dongdaemun Design Plaza прошел показ KANO KOREA, где ханбок был впервые представлен в концепции «K-Modest» скромная мода, объединив традиционные силуэты элементами платков-хиджабов. Данное событие показало, как национальный костюм адаптируется под глобальные культурные запросы, оставаясь при этом узнаваемым. В Южной Корее также популяризируется аренда национального костюма туристами при посещении дворцов и традиционных деревень. И набирает обороты тренд путешествия по миру в ханбоках, молодежь в них фотографируется на фоне знаменитых достопримечательностей, тем самым привлекая внимание мировой общественности к корейской национальной одежде.

Трудовая культура Республики Корея формировалась под определяющим влиянием конфуцианских ценностей, которые и сегодня задают рамки делового общения, организации труда и межличностных отношений в коллективах. в компаниях существует пирамидальная структура, где полномочия по принятию решений принадлежат исключительно лицам более высокой должности. Возраст и срок пребывания в должности часто определяют положение и влияние человека в организации в той же мере, что и формальная должность. Взаимоотношения между начальником и подчиненным строятся на принципах безусловного уважения. Особую роль в рабочей культуре корейцев играют коллективные обеды и корпоративные встречи после работы — хвещик. Хвещик рассматривается не просто как способ отдыха, а как важнейший ритуал, скрепляющий коллектив. Отказ от участия в таких мероприятиях без уважительной причины может восприниматься как нежелание быть частью команды и дурной тон. Однако в последнее время в южнокорейской корпоративной культуре происходят изменения, затрагивающие все аспекты работы — от досуга до базовых ценностей. Например, все больше молодых сотрудников отказываются от традиции хвещик так как порой это отнимает как личное, так и семейное время. Молодежь приносит запрос на горизонтальные связи, прозрачность управления и разумный баланс между работой и личной жизнью, постепенно трансформируя жесткую патриархальную модель в более гибкую и ориентированную на личность.

Несомненно, классические традиции играют важную роль в современной культуре Республики Корея, проявляясь в самых разных жизненных сферах. Глобализация оказывает многогранное воздействие на традиционные корейские ценности. С одной стороны, она способствует переформатированию социальных норм, размыванию иерархических структур и усилению индивидуалистических направлений. С другой, глобальные процессы стимулируют осознанное переосмысления культурного наследия и поиск новых способов его сбережения. Опыт Кореи показывает, что традиции и современность могут не просто уживаться, но и взаимно обогащать друг друга. Заимствование внешних культурных элементов идет рука об руку с сохранением национальной самобытности, формируя уникальную модель развития. Традиции не просто продолжают существовать, но и активно встраиваются в современную жизнь, создавая неповторимый сплав прошлого и настоящего. Несмотря на стремительную модернизацию, корейское общество сохраняет глубокую связь с обычаями, уходящими корнями в многовековую историю. На протяжении почти пяти десятилетий Корея придерживалась последовательной линии развития, и к началу 2000-х гг. ей удалось не только укрепить традиционную культуру, а также добиться позитивного экономического роста, получившего название «Чудо на реке Ханган» [1, с. 17]. Подобное чудо свершилось и в культурной сфере

и получило название «Корейская волна — Халлю». Название дали китайские журналисты, удивленные стремительным распространением корейской культуры, а вместе с ней и моды на все корейское, как в самом Китае, так и в странах Запада, Юго-Восточной Азии, США, России, Европе. «Халлю представляет собой экспорт поп-культуры, развлечений, телешоу и фильмов на мировой рынок» [7, с. 16]. Глобализация выступает как стимул для обновления традиционных ценностей, а не только как фактор перемен. Их адаптация к современным условиям позволяет корейскому обществу сохранять устойчивую культурную идентичность, оставаясь деятельным участником глобального мира. Именно эти сочетания делают Республику Корея одной из самых интересных и самобытных стран современности.

Литература

1. Васильев А. Чудо на реке Ханган, или Страна утреннего солидаризма // Посев: общественно-политический журнал. 2010. № 5. С. 17–19.
2. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2009.
3. Ланьков А. Н. Корея: рывок в современность. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 320–321.
4. Марков В. М. Республика Корея, традиции и современность в культуре второй половины XX в. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. 449 с.
5. Макашина М. А., Фролова А. А., Кардашева Т. О. Ханбок: развитие национального корейского костюма от древности и до наших дней / под общ. ред. В. Г. Хлыстовой. Москва: Изд-во МПГУ, 2023. С. 40–43
6. Обычаи и традиции Южной Кореи — культурные особенности и символизм. URL: <https://perspectum.info/obychai-i-traditsii-yuzhnoj-korei>
7. Рыбальская В. В. Халлю: Интеграция южнокорейской культуры в мировой рынок // Корееведение в России: направление и развитие. 2022. Т. 3, № 2. С. 16–24.
8. Современная культура Южной Кореи. URL: <https://knews-9.ru/sovremennaya-kultura-juzhnoj-korei>
9. Шорманбаева Д. Г. , Сейдинова М. А. , Жиенбаев М. Б. Глобализация и корейская национальная идентичность. URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.66.082/>

Сведения об авторе

Сономдоржиева Соелма Бимбаевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: soelma568301@gmail.com

Sonomdorzhieva Soelma Bimbaevna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Аюшиева Ирина Гармаевна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: aig1973@mail.ru

Ayushieva Irina Garmaevna, Cand. Sci. (Hist.), A/Prof, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ КИТАЯ КАК НОВЫЙ НОРМАТИВНЫЙ СТАНДАРТ МОРСКОЙ ЛОГИСТИКИ В АТР: ВЫЗОВЫ И АДАПТАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Урсова Анастасия Юрьевна

Московский государственный институт (университет) международных
отношений Министерства иностранных дел РФ, г. Москва
nastyalursova@gmail.com

В статье анализируется институционализация экологических требований к морской логистике в АТР под воздействием Китая. Рассматриваются механизмы, посредством которых КНР превращает экологические нормы в универсальный критерий доступа к грузоперевозкам. Обосновывается, что национальные стандарты энергоэффективности Китая (превышающие нормы ИМО) формируют новый барьер входа. Предлагается адаптационная стратегия для России, основанная на принятии китайских норм и превращении их в источник долгосрочного конкурентного преимущества.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, устойчивое развитие, Китай, декарбонизация судоходств, морская логистика, СПГ (сжиженный природный газ), адаптация.

CHINA'S ENVIRONMENTAL IMPERATIVE AS A NEW REGULATORY STANDARD FOR MARITIME LOGISTICS IN THE ASIA-PACIFIC REGION: CHALLENGES AND AN ADAPTATION STRATEGY FOR RUSSIAN FEDERATION

Ursova Anastasia

MGIMO University, Moscow
nastyalursova@gmail.com

The article analyzes the institutionalization of environmental requirements for maritime logistics in the Asia-Pacific region under the influence of China. It examines the mechanisms through which China turns environmental norms into a universal access criterion for freight transportation. It argues that China's national energy efficiency standards (exceeding IMO norms) create a new market entry barrier. An adaptation strategy for Russia is proposed — one based on adopting Chinese norms and turning them into a source of long-term competitive advantage.

Keywords: Asia-Pacific region, sustainable development, China, decarbonization of shipping, maritime logistics, LNG (liquefied natural gas), adaptation.

Введение. Азиатско-Тихоокеанский регион является безусловным эпицентром мировой контейнерной торговли. Через его порты проходят основные грузопотоки, связывающие Китай, страны Юго-Восточной Азии, Индию, Россию и американское побережье. Для Азиатско-Тихоокеанского региона, где расположены крупнейшие порты и проходят самые интенсивные морские пути, устойчивое развитие флота перестало быть абстрактной целью. В этом исследовании мы рассмотрим, как страны АТР выстраивают общую повестку и какие шаги необходимо предпринять, чтобы превратить «зеленое» и автономное судоходство из эксперимента в повседневную реальность. Особое внимание будет уделено опыту Китая, формирующему сегодня глобальную нормативно-технологическую среду через продвижения своих экологические требования как универсальный стандарт для морской логистики. Для российских компаний это означает жёсткий выбор: соответствовать или покинуть рынок. Мы предлагаем дорожную карту, которая позволяет не конкурировать с Китаем, а принять его правила, встроиться в них и на этой основе выстраивать долгосрочное конкурентное преимущество, в том числе через последующее продвижение этих подходов

Интерес к декарбонизации. Международная морская организация (ИМО) в рамках пересмотренной стратегии поставила цель достичь нулевых выбросов парниковых газов к 2050 г. [1]. Для стран АТР, через которые проходят основные торговые пути, это означает необходимость коллективного перехода на альтернативные виды топлива. Согласно исследованиям, без активных мер выбросы сектора могут вырасти на 130% к 2050 г. Техническая работа уже ведётся на уровне Подкомитета ИМО по перевозке грузов и контейнеров (CCC). На 11-й сессии (сентябрь 2025 г.) были завершены проекты «Временных руководств по безопасности судов, использующих водород в качестве топлива» (Interim Guidelines for Safety of Ships using Hydrogen as Fuel) и «Временных руководств по использованию аммиака в качестве топлива» (Interim Guidelines for Use of Ammonia as Fuel). Ожидается, что они будут представлены на утверждение Комитету по безопасности на море (MSC 111) в мае 2026 г. [2; 3]. В рамках принятых ИМО «Руководящих указаний по оценке жизненного цикла топлив» (2024 LCA Guidelines) углеродный след всех судовых топлив теперь рассчитывается по принципу «от скважины до выхлопа» (Well-to-Wake) — с учётом производства, доставки и сжигания [4].

Одним из самых ярких примеров кооперации является «Шелковый альянс» (The Silk Alliance). Инициированный Lloyd's Register Maritime Decarbonisation Hub, этот проект объединяет 11 участников по всей цепочке поставок: судовладельцев (MSC, Yang Ming Marine), верфи (Keppel O&M), поставщиков топлива (Singfar International), производителей двигателей (Wärtsilä) и даже финансовые институты (Азиатский банк развития) [3]. Цель альянса — разработать стратегию перехода на безуглеродное топливо для контейнеровозов, работающих в Азии, и создать «кластер зеленых коридоров» для внутриазиатской торговли. К 2026 г. альянс уже подготовил дорожную карту по внедрению аммиачных топливных систем на пяти ключевых маршрутах

Экологический императив как основа морской логистики Китая. Построение в КНР «экологической цивилизации», концепция которой включена в Конституцию страны на принципах гармоничного сосуществования человека и природы, перехода к низкоуглеродному инновационному развитию и приоритета экологических аспектов потребовало существенно изменить правовую базу природоохранных мероприятий [5].

В первую очередь это касалось морской логистики, главного внешнеэкономического канала КНР. Торговый флот страны является крупнейшим в мире, обладая валовой вместимостью в 250 млн регистровых тонн (около 16% мирового рынка), этот флот обслуживает семь из десяти крупнейших контейнерных портов планеты.

Лидер, порт Шанхай, в 2023 г. обработал рекордные 51,5 млн TEU (двадцатифутовых контейнеров), что почти в 5 раз больше, чем объем всего Балтийского бассейна, такая концентрация грузопотока дает Китаю беспрецедентный рычаг для внедрения единых стандартов [6]. Его функционирование подчиняется двум государственным целям — достичь технологического лидерства одновременно проводя экологическую трансформацию. Объявление целей «пика выбросов к 2030 г.» и «углеродной нейтральности к 2060 г.» превратило экологию из факультативной статьи расходов в жесткий операционный императив. Игнорировать эту «зеленую» составляющую — значит не просто рисковать штрафами, а полностью утратить конкурентоспособность в логистической системе, которая будущее видит только в нулевых выбросах [7].

Зелёный стандарт. Фундаментальным документом, превратившим морскую логистику в Китае из сферы свободного предпринимательства в объект жесткого государственного экологического регулирования, является Закон КНР о предотвращении загрязнения морской среды [8]. Для стимулирования строительства и эксплуатации самых современных судов Китай создает систему финансовых преференций, ключевым критерием для которой является превышение международных норм энергоэффективности. В рамках этой системы Китайское классификационное общество (CCS) присваивает судам классы «зелёного судна». Для получения высшего класса и связанных с ним льгот (налоговых вычетов, скидок на портовые сборы) судно должно продемонстрировать показатели энергоэффективности, которые в бу-

душем могут на 15–20% превосходить требования текущей фазы международного индекса EEDI (Energy Efficiency Design Index, конструктивному коэффициенту энергетической эффективности) ИМО (Международной морской организацией (IMO). Таким образом, де-факто вводится национальный «стандарт EEDI Plus» (условное авторское наименование), хотя формально это комбинация классификационных правил CCS и государственной политики поощрения [9].

Народный банк Китая (PBOC) последовательно усиливает интеграцию экологических критериев в систему регулирования банковского сектора [10].

Этот подход создаёт для финансовых институтов мощный стимул переориентировать кредитные потоки в сторону проектов, соответствующих национальным климатическим целям. В результате банки выстраивают жесткую дифференциацию условий финансирования в приоритетных секторах, таких как судоходство.

Кредитные ресурсы концентрируются на проектах, соответствующих государственным экологическим целям и закрепленных в «Программе действий по достижению пика выбросов углерода до 2030 г.» (《2030 年前碳达峰行动方案》) [11].

В практическом выражении это означает, что судоходные компании, инвестирующие в суда с низким уровнем выбросов (например, на СПГ) или соответствующие повышенным национальным стандартам энергоэффективности, получают доступ к льготному финансированию. В то же время проекты, не отвечающие этим критериям, сталкиваются с существенным удорожанием или полной недоступностью кредитов со стороны китайских финансовых институтов, что отмечается в отраслевых обзорах рынка капитала.

Финансовый вызов заключается в том числе в том, что выбросы превращаются в прямую статью расходов: плата за квоты в рамках ETS (Emissions Trading System), повышенные страховые взносы для судов с высоким углеродным следом и риск потери льготного финансирования резко снижают рентабельность эксплуатации устаревшего флота и создают условия для его модернизации и обновления. Технологический вызов требует немедленных капиталовложений. Правила зон контроля выбросов (ECA) в пределах 12 морских миль от китайского берега и пилотные зоны с нулевыми выбросами в портах, как на Хайнане, фактически принуждают к переходу на дорогое низкосернистое топливо, СПГ или к установке систем очистки выхлопных газов (скрубберов).

Дорожная карта адаптации Российской Федерации. Пекин сознательно конструирует интегрированную нормативно-технологическую среду, в которой экологическое соответствие становится единственным пропуском в логистическую платформу будущего и условием финансовой жизнеспособности. Следовательно, для российских морских логистических компаний — таких как «FESCO», «Совкомфлот» или «Новошип», чьи маршруты напрямую связаны с Китаем, — назрела насущная необходимость в срочной разработке адаптационной стратегии. В заключение статьи предложен последовательный план действий, который объединяет срочную инвентаризацию, стратегическое переформатирование, операционную интеграцию и долгосрочное лидерство в единую систему адаптации к требованиям КНР.

Таблица 1

План адаптационной стратегии РФ

Этап	Сроки	Ключевые действия
Срочная инвентаризация	0–4 мес.	Аудит флота по EEDI+ (CCS, +15–20%). Карта заходов: зоны ЕСА (0,1% серы), Хайнань (нулевые выбросы). Расчёт издержек на топливо, скрубберы, СПГ. Юридическая оценка по ст. 73 и 90 Закона КНР (непрерывные штрафы, до 30% ущерба).

Стратегическое перестроение	4–9 мес.	Программа модернизации → приоритетный список судов под высший класс CCS. «Зелёные» кредиты/облигации через ключевые банки РФ: Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк Переговоры с COSCO, CSSC о поставках оборудования.
Операционная интеграция	9–24 мес.	Альянсы с COSCO Shipping, China Merchants → долгосрочные контракты. Совместные проекты: углеродно-нейтральные линии, бункеровка СПГ/аммиаком.
Стратегическое лидерство	Постоянно	Взаимное признание «зелёных» классов PMPC и CCS. Пилоты с биотопливом, водородом, аммиаком на китайских линиях. Проводник правил КНР для рынка ЕАЭС.

Литература

1. IMO. Resolution MEPC.377(80). 2023. IMO Strategy on Reduction of GHG Emissions from Ships: adopted on 7 July 2023 / International Maritime Organization // Официальный сайт IMO. URL: <https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/OurWork/Environment/Documents/annex/MEPC%2080/Annex%2015.pdf> (дата обращения: 10.04.2026).

2. UNESCAP. 2025 Asia-Pacific Regional Dialogue on Sustainable Maritime Connectivity: мероприятие, 28-29 октября 2025 г. Мумбаи, Индия. URL: <https://www.unescap.org/events/2025/2025-asia-pacific-regional-dialogue-sustainable-maritime-connectivity> (дата обращения: 10.04.2026).

3. LR and partners unveil 'Silk Alliance' green corridor project: пресс-релиз // The Decarb Hub. 26.05.2022. URL: <https://www.thedecarhub.org/press-room/press-releases/lr-and-partners-unveil-silk-alliance-green-corridor-project/> (дата обращения: 10.04.2026).

4. IMO. Resolution MEPC.391(81). Designation of the Mediterranean Sea as an Emission Control Area for Sulphur Oxides and Particulate Matter: adopted on 22 March 2024 // Официальный сайт IMO. URL: [https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MEPCDocuments/MEPC.391\(81\).pdf](https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MEPCDocuments/MEPC.391(81).pdf) (дата обращения: 13.04.2026).

5. 《中华人民共和国环境保护法》 [Zhonghua Renmin Gongheguo Huanjing Baohu Fa – Закон Китайской Народной Республики об охране окружающей среды]: [принят Постоянным комитетом ВСНП 26 дек. 2019 г.] // Официальный сайт Постоянного комитета ВСНП. URL: https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/fl/201404/t20140425_271040.shtml (дата обращения: 10.04.2026).

6. Порт Шанхая в 2024 г. сохранил мировое лидерство по объему грузооборота / Редакция сайта ТАСС. 15.01.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22882075> (дата обращения: 10.04.2026)

7. 《国务院关于印发 2030 年前碳达峰行动方案的通知》 [Guowuyuan guanyu yinfa 《2030 nian qian tan dafeng xingdong fang'an》 de tongzhi – Уведомление Государственного совета о выпуске «Программы действий по достижению пика выбросов углерода до 2030 г.»]: [утверждено Государственным советом КНР 24 окт. 2021 г.] // Официальный сайт Государственного совета КНР (中央人民政府门户网站). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5649731.htm (дата обращения: 10.04.2026)

8. 《中华人民共和国海洋环境保护法》 [Zhonghua Renmin Gongheguo Haiyang Huanjing Baohu Fa – Закон Китайской Народной Республики о предотвращении загрязнения морской среды]: [принят Постоянным комитетом ВСНП 25 декабря 1999 г., с последующими изменениями; текст с изменениями, вступившими в силу в 2018 г.] // Официальный портал Министерства экологии и окружающей среды КНР (中华人民共和国生态环境部). URL: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** (дата обращения: 10.04.2026)

9. International Institute of Green Finance (IIGF). «*The Green Finance Evaluation Scheme: A Key Driver for China's Green Transition*» [«Схема оценки зелёного финансирования: ключевой драйвер зелёного перехода Китая»]: [аналитическая записка]. Пекин, 2021. // Официальный сайт Международного института зелёных финансов (IIGF). URL: <https://iigf-china.com/green-finance-info-2/> (дата обращения: 10.04.2026)

10. 国家金融监督管理总局办公厅

中国人民银行办公厅关于印发《银行业保险业绿色金融高质量发展实施方案》的通知 : 金办发〔2025〕15 号 / 国家金融监督管理总局办公厅, 中国人民银行办公厅. – 2025 年 1 月 17 日. – [Transliteration: Guojia jinrong jiandu guanli zongju bangongting Zhongguo renmin yinhang bangongting guanyu yinfa «Yinhangye bao xianye luse jinrong gaozhiliang fazhan shishi fangan» de tongzhi]. URL: <https://credit.xuancheng.gov.cn/notice-list/30850C1637684584E063C411AB0AA5D1?colId=704BACBD3751F4D3E05302A2AA0AC75F> (дата обращения: 10.04.2026).

11. Guowuyuan guanyu yinfa «2030 nianqian tan dafeng xingdong fang'an» de tongzhi (《国务院关于印发《2030 年前碳达峰行动方案》的通知》) [Circular of the State Council on Issuing the «Action Plan for Carbon Dioxide Peaking Before 2030»]: [утверждён Государственным советом КНР 24.10.2021, обнародован 26.10.2021] // Zhonghua Renmin Gongheguo Zhongyang Renmin Zhengfu (中央人民政府门户网站): [официальный портал Центрального народного правительства КНР]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2021-10/26/content_5644984.htm (дата обращения: 10.04.2026).

Сведения об авторе

Урсова Анастасия Юрьевна, студентка, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет), г. Москва, e-mail: nastya1ursova@gmail.com

Ursova Anastasia Yurievna, student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow

Научный руководитель

Рязанова Наталья Евгеньевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры международных комплексных проблем природопользования и экологии, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет), г. Москва, e-mail: n.riazanova@inno.mgimo.ru

Ryazanova Natalia Evgenievna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Prof., Associate professor of the Department of International Complex problem of nature management and ecology, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow

РОЛЬ БРИКС В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ КИТАЯ

© Ухинжапова Севда Мамедовна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
erdineeva.sew@yandex.ru

Роль БРИКС во внешней политике Китая в последние годы значительно изменилась: из второстепенного направления она превратилась в один из ключевых приоритетов. Пекин рассматривает объединение как важный инструмент реализации многополярного мира и формирования новой глобальной системы управления, параллельно распространяя свое влияние через экономику и культуру. Китай активно развивает имидж БРИКС как объединения, несущего мир и стабильность, использует платформу союза для осуществления своих глобальных инициатив в сфере безопасности. В статье рассматриваются основные аспекты роли БРИКС для Поднебесной, ее взаимоотношения с другими участниками.

Ключевые слова: БРИКС, НБР, «Глобальный Юг», «восходящее» государство, многополярность.

BRICS' ROLE IN IMPLEMENTING CHINA'S FOREIGN POLICY STRATEGIES

Ukhinzhapova Sevda Mamedovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
erdineeva.sew@yandex.ru

The role of BRICS in China's foreign policy has undergone a significant transformation in recent years: from a secondary direction, it has become one of the key priorities. Beijing views the association as an important instrument for advancing a multipolar world and reforming the global governance system, while simultaneously extending its influence through economic and cultural means. China actively cultivates the image of BRICS as a union that brings peace and stability, and uses the platform of the alliance to implement its global security initiatives. This article examines the main aspects of BRICS's role for China, as well as its relations with other members

Keywords: BRICS, NDB, Global South, rising power, multipolarity.

Введение

На рубеже XX–XXI вв. Китай, после длительной обособленной внешней политики, открылся миру, расширив свои торговые связи не только с соседями, но и с западными государствами. Это произошло в результате начала крупных реформ, затронувших все области жизни Поднебесной, в том числе львиную долю экономики, в которую внедрились явные рыночные механизмы [6].

После распада СССР, Китай вел осторожную, выжидательную политику, не выставляя напоказ возможности, даже членство в Совбез ООН не мотивировало на активное вовлечение в мировые события, хотя уже в 2000-е годы экономика страны резко усилилась. Такое положение вещей не могло долго сохраняться, при высокой динамике экономического роста, поэтому уже при Ху Цзиньтао, председателе КНР в 2002–2012 гг., начались подвижки в сторону постепенной активизации деятельности на международной арене. Так в 2005 г. на встрече глав государств — членов ООН по случаю 60-летия организации, он впервые выступил с идеей совместного строительства гармоничного мира, превращая трибуну ООН в «рупор» для оглашения собственных политических принципов. (Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на саммите ООН) [2]. Закономерно, что Западные державы стали внимательнее наблюдать за достижениями нового «восходящего» государства (термин, Янь Сюэтунь, «Лидерство и возвышение великих держав») и по возможности ограничивать его [1].

Понятие БРИКС впервые придумал в 2001 г. в аналитической записке Building Better Global Economic BRICs («Строим лучшую мировую экономику БРИКС») экономист банка «Голдман-Сакс Групп» (Goldman Sachs Group, один из крупнейших мировых инвестиционных банков, штаб-квартира в Нью Йорке) Джим Онил. По мнению Джима и его коллег экономический потенциал роста развивающихся стран — Прогнозы для Бразилии, России, Индии и Китая (к которым позже присоединилась ЮАР) весьма оптимистичны. Согласно расчётам, к 2050 г. совокупная экономика этих четырёх стран превысит суммарный ВВП самых богатых государств мира — так называемой «Большой семёрки» [8]. Аббревиатура БРИКС созвучна английскому слову «bricks» (кирпичи), что стало символичным намеком на фундамент будущей мировой экономики.

Примечательно, что на тот период, не было явных прогнозов о совместных действиях и тем более союзе этих стран. Как показало время эти страны не просто создали союз для повышения экономической мощи, но с потенциалом на геополитическое влияние, где одну из ведущих ролей играет КНР. Объединение БРИКС возникло в 2003 г. Все страны участники имеют экономически важные ресурсы, что в совокупности делает их позиции очень выгодными, а экономический профиль дополняет друг друга. Бразилия — сельское хозяйство, Россия — крупный экспортёр энергоресурсов, Индия — интеллектуальный потенциал, Китай — трудовые ресурсы [2].

Китай, в свою очередь, являясь одним из инициаторов объединения рассматривает площадку БРИКС не только для развития экономических связей с важными поставщиками сырья — Россией, Бразилией, ЮАР и другими участниками, но и место, где он может играть существенную роль и быть услышанным в мире, где доминируют западные нарративы. В условиях геополитической напряженности и санкционного давления Запада, БРИКС помогает Китаю выдвигать следующие идеи:

- Реформирование глобального управления через обновленную ООН, перенаправить вектор власти с узкого круга Западных стран на возможность влияния на мировые решения государствами других регионов, включая развивающиеся страны.

- Объединять «Глобальный Юг», китайская идея о БРИКС как платформы для развивающихся стран и стран с формирующимся рынком. Через механизм «БРИКС+» и поддержку расширения объединения (включение Египта, Ирана, ОАЭ и др.) Китай усиливает представительство и влияние этой группы в мире.

Также БРИКС позиционируется как инструмент «мирного посредничества». Китайские дипломаты подчеркивают, что страны БРИКС обладают опытом в посредничестве и урегулировании конфликтов. В качестве примера приводится историческое примирение Саудовской Аравии и Ирана при посредничестве Китая [4]. Пекин призывает партнеров по БРИКС сообща выступать за диалог вместо конфронтации и способствовать мирному урегулированию кризисов, будь то ситуация в Газе или вокруг Украины. Китай готов вместе со странами БРИКС прилагать усилия для поддержания мира и стабильности, например, на Ближнем Востоке [6].

На фоне торговых войн и протекционизма (в частности, угроз США ввести пошлины против стран БРИКС) Китай выступает за открытую мировую экономику и защиту принципов ВТО. БРИКС рассматривается как щит от односторонних санкций. Через БРИКС Китай продвигает сотрудничество в цифровых технологиях, «зеленом» развитии и создает специализированные исследовательские центры (например, Исследовательский центр по производственным силам нового качества Китай-БРИКС) [5].

Можно выделить несколько ключевых аспектов деятельности БРИКС, в которых Китай является одним из главных двигателей:

- Изменение устройства мировой финансовой системы. Предлагается создать достойную альтернативу доминирующим МВФ и Всемирному банку — Новый банк развития БРИКС. Кроме того, необходимо стремиться к более честному распределению голосов (квот) в уже существующих западных структурах [2].

- Обеспечение финансовой безопасности стран участников, уход от долларовой «зависимости». Предложение: вывести юань на первый план в качестве региональной внутренней валюты для взаиморасчета между странами участниками, ввести независимую платежную систему BRICS Pay, неподконтрольной санкциям и ограничениям США. (Вопрос создания единой валюты для расчётов между странами БРИКС и инвесторами НБР ещё обсуждается [5].

- Участие в решении общемировых проблем: от экологии и здравоохранения до социального неравенства и продовольственной безопасности.

- Дополнительное расширение «мягкой силы» через БРИКС путем стремительного развития образовательных, культурных и научных связей, прежде всего среди участников объединения.

Для всех стран участниц по ряду причин БРИКС имеет разное значение и восприятие. Для ЮАР и Бразилии это в первую очередь экономическая выгода, в основном от торговли с Китаем, в то время как для Москвы и Дэли это, прежде всего, возможность укрепить свое политическое влияние. Для Бразилии Китай — это огромный рынок для реализации самых разных товаров от природного сырья до продовольствия, ЮАР — богатый источник полезных ископаемых и металлов для КНР и других участников. В свою очередь, Китай использует Бразилию и ЮАР как платформы для расширения своего влияния в данных регионах. В Африканские страны Китай также активно проникает через нефтегазовую промышленность, с ростом экономики выросла потребность и на энергоресурсы, такие крупные нефтегазовые китайские корпорации **Sinopec** и **CNPC** являются одними из самых крупных игроков в Африканском нефтегазовом секторе. Большой поток китайских инвестиций приходится на африканскую инфраструктуру. Через открытие институтов Конфуция, в большей степени в странах участницах БРИКС Китай реализует свои образовательные программы [3].

Сегодня Китай выступает глобальным экономическим двигателем и ключевым экономическим лидером, что и в БРИКС проявляется его доминирующими позициями, так как на КНР приходится 70% (по состоянию на 2024 г.) ВВП объединения. Поэтому отношения каждого участника с Пекином влияют на развитие всей организации. Именно КНР служит главным центром притяжения интересов стран — участниц БРИКС. Самый непростой характер носят отношения Китая с Россией и Индией. Между КНР и Индией сохраняются нерешённые территориальные проблемы: пограничные споры и поддержка, которую Пекин оказывает Пакистану. Помимо этого, Китай и Индия — прямые конкуренты в сферах массового производства и экспорта недорогих потребительских товаров и техники. Тем не менее, вопреки соперничеству, в последние годы обе страны стремятся развивать экономическое взаимодействие, на что указывает рост объёма двусторонней торговли. И хотя полного политического согласия пока не удалось достичь, страны пытаются смягчить противоречия через сотрудничество в рамках БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [2].

РФ предоставляет Китаю доступ к дешёвым энергоресурсам, заменяя собой морские маршруты с Ближнего Востока, находящиеся в большей степени под контролем США и Британии. В свою очередь после санкций 2014 г. против России, Поднебесная стала самым крупным поставщиком альтернативных санкционных товаров для нашей страны. Поэтому между Россией и Китаем отсутствует экономическое соперничество. К тому же, РФ и Китай объединяет общий вектор политических интересов прервать затянувшуюся гегемонию США и стремление к многополярному миру. С одной стороны, противоборство с Москвой отвлекает внимание Вашингтона от Пекина, в то же время взгляды России и Китая на перспективы БРИКС и ШОС, а также на доминирование в среднеазиатском регионе, нередко вступают в противоречие, создавая почву для скрытого соперничества.

Таким образом, БРИКС стал для Китая не просто международным клубом, а ключевым механизмом для реализации его внешнеполитической стратегии, направленной на построение более справедливого, с его точки зрения, мирового порядка, где интересы не западных стран будут учитываться в полной мере [7].

Литература

1. Янь Сюэту. Лидерство и возвышение великих держав. 2022. 304 с.
2. Лексютина Я. Китай в БРИКС: мотивация участия // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 81–89.
3. Митина Н. Н., Бай Ижан. Особенности развития нефтегазовой отрасли в Китайской Народной Республике // Инновации и инвестиции 2021. № 4.
4. Соловьева В. А., Ягья Т. С. Деятельность Китайской Народной Республики в рамках БРИКС // Россия в глобальном мире. 2022. № 22(45). С. 117–125.
5. Винник Е. Что такое БРИКС: кто и для чего основал, чем сейчас занимается? URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/cto-takoe-briks-kto-i-dla-cego-osnoval-cem-sejcas-zanimaetsa.html> (дата обращения: 18.03.2026).
6. Роль и деятельность КНР в рамках БРИКС. 24.10.2020. URL: https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/rol_i_deyatelnost_knr_v_ramkah_briks/#evolyuciya-vneshnepoliticheskogo-kursa-kitaya-i-briks (дата обращения: 22.03.2026).
7. Дипломатическая философия китайских лидеров: от Дэна до Си. URL: <https://katchon.com/ru> (дата обращения: 23.03.2026).
8. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 // The Goldman Sachs Group (англ) (дата обращения: 15.03.2026).

Сведения об авторе

Ухинжапова Севда Мамедовна, магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: erdineeva.sew@yandex.ru

Ukhinzhapova Sevda Mamedovna, post-graduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Родионов Владимир Александрович, доктор политических наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: vladimir_198025@mail.ru

Rodionov Vladimir Alexandrovich, Doctor of Political Sciences, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ В 1990-е ГОДЫ: ДВИЖУЩИЕ ФАКТОРЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

© Цыренова Дарья Викторовна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
daria.tsyrenova@yandex.ru

В статье рассматривается миграция между Россией и Китаем в начале 1990-х гг., которая в этот период представляет собой уникальный процесс, зависящий от ряда исключительных условий. Если в 1960–1980-е гг. сотрудничество между двумя странами было крайне конфронтационным, то в 1990-е годы начался революционный переход в массовую трудовую и «челночную» миграцию [2, с. 14]. Распад СССР, дефолт, дестабилизация привели Россию к коллапсу в плановой экономике и дефициту товаров, тем самым открыв двери к появлению дешёвой рабочей силы из Китая и дешёвого импорта. Цель исследования — выявление причин (политических, экономических, институциональных), которые стали движущей силой в развитии китайской миграции, задача — определить социально-экономические последствия китайской миграции для принимающих регионов РФ. В основе статьи лежит гипотеза о китайской миграции в Россию в 1990-е годы как самостоятельный элемент, а не прямым отражением международных отношений между РФ и КНР.

Ключевые слова: китайская миграция, китайские мигранты, Россия в 1990-е годы, челночная торговля.

CHINESE MIGRATION TO RUSSIA IN THE 1990s: DRIVING FACTORS AND SOCIOECONOMIC CONSEQUENCES

Tsyrenova Daria Viktorovna

Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
daria.tsyrenova@yandex.com

The article examines migration between Russia and China in the early 1990s, which during this period represents a unique process dependent on a number of exceptional conditions. While cooperation between the two countries was extremely confrontational in the 1960s–1980s, the 1990s saw a revolutionary transition to mass labor and «shuttle» migration [2, p. 14]. The collapse of the USSR, default, and destabilization led to a collapse Russia's planned economy and a shortage of goods, thereby opening the door to cheap labor from China and cheap imports. The purpose of the study is to identify the causes (political, economic, institutional) that have become the driving force in the development of Chinese migration, the task is to determine the socioeconomic consequences of Chinese migration for the host regions of the Russian Federation. The article is based on the hypothesis of Chinese migration to Russia in the 1990s as an independent element, rather than a direct reflection of international relations between Russia and China.

Keywords: Chinese migration, Chinese migrants, Russia in the 1990s, shuttle trade.

Первым ключевым аспектом китайской миграции в 1990-е гг. стал экономический дисбаланс между Россией и Китаем, сложившийся к началу 1990-х гг. После распада СССР российская экономика пережила системную трансформационную рецессию. Исчезновение государственной распределительной системы повлекло сокращение на почти 40% ВВП в 1990–1995 гг. и разрушение промышленного производства. Рыночная экономика находилась в процессе становления, розничная торговля оказалась парализованной. Одновременно гиперинфляция (1992 г. — около 2500%) привела к стремительному росту цен и обесцениванию сбережения населения, единственным доступным способом приобретения товаров повсе-

дневного спроса (одежда, обувь, бытовая химия, электроника) стал ввоз из-за рубежа. В результате дешёвые китайские товары оказались безальтернативным решением: доступные цены, ввоз малыми партиями, и большой спрос у местного населения, как альтернатива дорогого европейского и турецкого челночного импорта [1, с. 9].

Экономические реформы в Китае (начавшиеся в 1978 г. под руководством Дэн Сяопина) в 1990-е годы привели к быстрому развитию лёгкой промышленности, избыток продукции требовал внешних рынков сбыта. Приграничные провинции (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин) оказались особенно заинтересованы в российском рынке по двум причинам: низкокачественная продукция вполне отвечала российскому спросу 1990-х гг., в то время как западная продукция отличалась труднодоступностью из-за таможенных правил и требований к качеству. Согласно проведённой политике «реформ и открытости», Китай активно поощрял экспорт, в том числе через приграничную торговлю. В этот период активно используется термин «челночная» торговля (кит. «даобао» — «торговля сумками»). В результате проведённых мер на местном уровне разрешилась проблема безработицы большей части приграничного населения и валютных поступлений в страну [3, с. 150].

Даже при наличии благоприятной экономической среды, китайская миграция не приобрела бы столь массовый характер. Вторым, не менее важным фактором стало отсутствие соответствующих законодательных норм. Дело в том, что в первые годы распада СССР Россия не имела специального закона о правовом положении иностранных граждан, тем самым не могла должным образом ввести миграционный контроль. Первый закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» был принят только 15 августа 1996 г. [4]. В данном нормативном правовом акте отсутствовало освещение таких вопросов как: квоты на выдачу разрешений на работу для иностранных граждан, патентная система для трудовых мигрантов, система эффективного контроля за мигрантами, меры наказаний за нелегальное привлечение иностранных граждан к трудовой деятельности. В нынешних реалиях перечисленные меры играют ключевую роль в регулировании таможенных вопросов.

Легальный статус китайского мигранта в России в 1990-е гг. определялся только наличием визы, которая выдавалась по приглашению. В этот период распространилась форма выдачи виз через фиктивные туристические или незаконные коммерческие фирмы. К тому же существовала проблема и на Контрольно-пропускных пунктах (КПП) на Дальнем Востоке, которые в 1990-е годы были слабо оснащены необходимым оборудованием, а из-за отсутствия достаточного количества подготовленного персонала были подвержены коррупции. В результате чего через границу можно было провести неограниченное количество товаров или въехать без надлежащих документов.

Демографический фактор является третьим главным условием миграции. В 1990-е годы Китай испытывал колоссальное демографическое давление: быстрый рост населения, гендерный дисбаланс, преобладание сельского населения спровоцировали избыток рабочей силы. В результате рабочее население Китая решило либо мигрировать в прибрежные города и провинции (Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Шанхай), где благодаря политике реформ и открытости, начатой в 1978 г., иностранные инвестиции привели к высокой трудовой конкуренции, либо искать работу в приграничной торговле с Россией [5, с. 43].

Наиболее активно в приграничной торговле участвовали северо-восточные провинции Китая — Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, которые имели торговые связи с Россией ещё со времён СССР, а также более высокую безработицу по сравнению с прибрежными районами Китая и более низкие доходы, чем в Пекине или Шанхае.

Со стороны России приграничные города (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Чита, Иркутск) стали первыми и главными точками притяжения мигрантов. Позже, по мере открытия приграничных рынков, миграционные потоки населения Китая распространились на запад — в Новосибирск, Екатеринбург, Москву, Санкт-Петербург [6, с. 97].

В целом, социально-политическая обстановка на Дальнем Востоке в период 1990-х гг. выражала взаимную заинтересованность в развитии двухсторонних отношений, тем самым способствовала развитию китайской миграции. Экономическая потребность одной страны

восполнялась за счёт другой, в результате сотрудничество не всегда было взаимовыгодным. Однако такой тип взаимодействия помог решить некоторые экономические проблемы данного периода.

Падение темпов роста промышленного и сельскохозяйственного производства в России привели к распространению незаконного ввоза китайской продукции. Особенно это было заметно в приграничных регионах Дальнего Востока и Сибири. Из-за отдалённости от промышленно развитых регионов России, доля китайских товаров на местных рынках достигала 70–90%. Для жителей этих регионов китайская «челночная» торговля стала условием выживания. Положительный результат этого процесса — развитие рыночной инфраструктуры в России. Именно благодаря сотрудничеству российских предпринимателей с китайскими «челноками» развитие получили: вещевые рынки, оптовые базы, складские помещения, транспортные компании. Отрицательный результат — неравные конкурентные условия для российских производителей и торговцев, из-за чего тысячи российских предприятий закрылись [8, с. 113].

Также отсутствие должного таможенного контроля повлекло за собой утечку капитала из российской экономики. Китайские мигранты вносили вклад в бюджет России на разном уровне, причём денежные средства поступали за оплату виз и регистрационных сборов, налогов (от легальных рабочих мигрантов и от «фиктивных» фирм), за арендную плату во время пребывания и таможенные пошлины на ввозимые товары (даже несмотря на уклонение от уплаты со стороны большинства). Однако преобладающая часть дохода с продаж вывозилась в Китай. Это означало потерю налоговых поступлений и отток капитала из России.

Заметным социальным последствием стал рост бытового национализма. Из-за слаборазвитой экономики и сложных климатических условий на Дальнем Востоке также существовал недостаток рабочей силы. Конечно, нелегальные рабочие прибывали ещё до распада СССР, тем не менее в 1990-е гг. нелегальные мигранты стали вызывать негативные ассоциации у населения России [7, с. 98]. Образ «китайца-челнока», «китайского рынка», «китайской экспансии» стал символом хаоса 1990-х, утраты контроля и «продажи Родины».

В заключение отметим, что китайская миграция в Россию в 1990-е гг. имела неоднозначные последствия, которые проявились в экономической, социальной и правовой сферах. Эти последствия не были запланированы ни российской, ни китайской стороной — они возникли стихийно как результат взаимодействия рыночных сил и институционального вакуума. Важно подчеркнуть, что одни и те же явления (например, насыщение рынка дешёвыми товарами) могли быть позитивны для одних групп населения и негативны для других.

Таким образом, перечисленные факторы действовали не по отдельности, а как система взаимно усиливающих связей, создавая тем самым уникальную для миграции обстановку. Отсюда следует, что китайская миграция в Россию была отдельным элементом взаимоотношений двух стран, а не их прямым следствием (в советский период миграция практически отсутствовала из-за напряжённых отношений). Впоследствии в 2000-е годы массовый миграционный поток под влиянием ужесточения российского законодательства и изменения структуры спроса трансформировался и изменил характер самой миграции.

Литература

1. Баблюян Т. И., Ломанченко С. С. Трансформационный спад в экономике переходного периода (ретроспективный анализ) // Инновации и инвестиции. 2016. № 7. С. 6–11.
2. Балакин В. С., Сяоин Л. КНР И СССР в 1960–1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16, № 1. С. 11–15.
3. Добрынина М. И. Китайская миграция в условиях модернизации: российский вектор // Вестник ЗаБГУ. 2023. Т. 29, № 1. С. 149–157.
4. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федер. закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Погудина Ю. Ю. Трудовая миграция рабочей силы в процессе урбанизации Китая после 1978 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2016. Вып. 2. С. 43–48.
6. Современная миграционная ситуация в приграничных районах Дальнего Востока (мнение экспертов) / Л. Л. Рыбаковский, А. Г. Гришанова, Н. И. Кожевникова и др.; под ред. А. Г. Гришановой; РАН, Ин-т социал.-полит. исслед. Москва, 2001. 45 с.
7. Сотникова В. М., Смертин Ю. Г. Челночная торговля России с Китаем как экономический и социальный феномен 1990-х–2000-х гг. // Клио. 2024. № 8(212). С. 95–99.
8. Чжоу Тяньхэ. Хозяйственная деятельность китайских предпринимателей на Дальнем Востоке России в 90-е гг. // Россия и АТР. 2019. № 3. С. 110–124.

Сведения об авторе

Цыренова Дарья Викторовна, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: daria.tsyrenova@yandex.com

Tsyrenova Daria Viktorovna, Research Assistant, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Родионов Владимир Александрович, доктор политических наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: vladimir_198025@mail.ru

Rodionov Vladimir Alexandrovich, Doctor of Political Sciences, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ КИТАЯ О «СООБЩЕСТВЕ ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

© Чжан Цзяци

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,
chzhan.tczyatci1@dvfu.ru

Ключевой нарратив Китая о «сообществе единой судьбы человечества» анализируется через теорию риторической идентификации К. Берка на материале 20 статей «Жэньминь жибао» (зарубежное издание). Исследование выявляет три взаимодополняющие стратегии формирования межкультурной идентичности: симпатическую, оппозиционную и бессознательную идентификацию. Их синергия трансформирует политические идеи в разделяемую идентичность, укрепляя образ Китая как ответственной державы и демонстрируя роль риторики в борьбе за международную дискурсивную власть.

Ключевые слова: сообщество единой судьбы человечества, теория идентификации, риторические стратегии, китайский медиадискурс, международная коммуникация.

RHETORICAL STRATEGIES IN CHINESE MEDIA DISCOURSE ON THE «COMMUNITY WITH A SHARED FUTURE FOR MANKIND»

Zhang Jiaqi

Far Eastern Federal University, Vladivostok
chzhan.tczyatci1@dvfu.ru

China's key narrative on the «community of shared future for mankind» is analyzed through K. Burke's theory of rhetorical identification, based on 20 articles from the overseas edition of People's Daily. The study reveals three complementary strategies for shaping intercultural identity: sympathetic identification, oppositional identification, and unconscious identification. Their synergy transforms political ideas into a shared identity, reinforcing China's image as a responsible power and demonstrating the role of rhetoric in the struggle for international discursive influence.

Keywords: community with a shared future for mankind, identification theory, rhetorical strategies, Chinese media discourse, international communication.

Концепция «сообщества единой судьбы человечества» — ключевая идея современной китайской дипломатии. Её эффективное распространение в мире влияет на восприятие Китая и его дискурсивное влияние. Однако возникает вопрос: как понятие, сформированное в китайском контексте, сделать приемлемым для людей с разным культурным опытом? Традиционные исследования часто сосредотачиваются на «убеждении», но не объясняют, как такой дискурс находит отклик на эмоциональном и идентификационном уровнях.

Теория риторической идентификации Кеннета Берка (Kenneth Burke) предлагает для этого эффективный инструмент. Хотя Берк подчеркивает, что люди не могут быть идентичны, он также указывает, что когда между ритором и аудиторией существуют определённые сходства или общие черты, они могут в некоторой степени стать сообществом, сохраняя при этом свою уникальность [1, с. 38]. Три стратегии Берка — идентификация через сочувствие, противопоставление и бессознательную связь — позволяют проанализировать, как концепция формирует широкую идентификацию.

В данном исследовании эта теория применяется для анализа формулировок, связанных с концепцией, в «Жэньминь жибао» (зарубежное издание). Это авторитетный канал для международной аудитории, чьи тексты отличаются репрезентативностью и актуальностью. Материалом для данного исследования послужили 20 статей, опубликованных в зарубежном

издании «Жэньминь жибао» за период с 2024 по 2025 г., посвящённых концепции «сообщество единой судьбы человечества». Ключевой вопрос заключается в том, как официальный китайский дискурс, используя языковые стратегии Берка, формирует сознание общности у внутренней и внешней аудитории. Исследование устанавливает связь между теорией и текстом, анализирует применение стратегий и их синергетический эффект, чтобы дать текстуально обоснованные выводы для международного распространения китайских концепций.

Симпатическая идентификация (*identification by sympathy*) основана на установлении гармоничных отношений с аудиторией. Этимологически «симпатия» происходит от слов «sym» (совместный) и «pathy» (чувство). Следовательно, если А и Б разделяют общие чувства, они достигают идентичности. Однако, помимо эмоциональной идентичности, идентификация через симпатию может включать согласование с аудиторией в вопросах ценностей, убеждений, установок, идентичности, знаний и восприятия [4, с. 244]. В процессе продвижения дискурсивного построения «сообщества единой судьбы человечества» Китай умело смягчает восприятие себя как «другого» с помощью данной стратегии, формируя образ союзника и партнёра, связанного с народами всех стран эмоциональным единством и общностью судьбы.

1) После окончания Второй мировой войны поднялась волна национально-освободительных движений, колониальная система мира рухнула. В то же время мир окутала тень холодной войны, а принцип «право сильного» получил широкое распространение. Вновь образованные государства, только что обретшие независимость, стремились защищать государственный суверенитет и развивать национальную экономику.

(Придерживаться и продвигать Пять принципов мирного сосуществования, совместно строить сообщество единой судьбы человечества — Выступление на торжественном собрании, посвящённом 70-й годовщине провозглашения Пяти принципов мирного сосуществования. 28 июня 2024 г.).

Обращение к общей исторической памяти и чувствам выражается в том, что ритор, вспоминая общий исторический опыт, особенно борьбу за национальную независимость и путь развития, стремится вызвать у аудитории эмоциональный резонанс. Помещая Китай в общий исторический контекст новых независимых государств после Второй мировой войны, пробуждают коллективную память широкого круга развивающихся стран о том периоде отстаивания суверенитета и стремления к развитию, устанавливая эмоциональную связь.

2) Мы должны совместно выступать стабильной силой, поддерживающей мир... совместно быть основной движущей силой общего развития... совместно стать стимулирующей силой взаимодействия между цивилизациями.

(Сплотить мощную силу «глобального Юга» для совместного продвижения построения сообщества единой судьбы человечества — Выступление на диалоге лидеров «БРИКС+»)

Пропаганда общих ценностных концепций и видения заключается в том, что риторик чётко излагает разделяемые с аудиторией ценности и общее стремление к лучшему будущему. Последовательное использование параллельных конструкций «Мы должны совместно выступать...» создаёт ощущение срочности и миссии коллективного действия, помещая Китай и страны «глобального Юга» в один лагерь, стремящийся к миру, развитию и взаимообогащению цивилизаций, тем самым усиливая идентичность на основе общих целей.

Идентификация через противопоставление (*identification by antithesis*) означает, что, хотя между ритором и аудиторией существуют различия или противоположность в идентичности, они также могут достичь идентификации, когда перед ними стоит общий противник (например, общие проблемы, вызовы и т.д.). Представление этого противника может подчеркнуть общие черты обеих сторон, способствуя стиранию противоречий и различий между ними [3, с. 62].

3) «В настоящее время односторонняя политика отдельных стран усиливает риски неопределённости в мировой экономике. В условиях ускорения геополитических изменений форум Китай—Латинская Америка может стать важной платформой для коллективного голоса «Глобального Юга», способствуя реформе системы глобального управления».

(Совместное развитие и возрождение, построение общества единой судьбы человечества. Важная речь председателя Си Цзиньпина придает мощный импульс китайско-латинскому сотрудничеству)

Ритор выстраивает коллективную идентичность «Китай — Латинская Америка — глобальный Юг» через противопоставление внешней угрозе. С первых строк текста односторонняя политика отдельных государств характеризуется как фактор, усиливающий неопределенность мировой экономики, и этот посыл апеллирует к чувству общей тревоги у стран, испытывающих на себе последствия подобных действий. Форум Китай — Латинская Америка представлен площадкой, где глобальный Юг получает возможность артикулировать собственную позицию. Граница проведена отчетливо: на одном полюсе располагаются государства, генерирующие риски, на другом — страны глобального Юга, избравшие путь реформ через единство и взаимодействие. Такое построение позволяет четко разграничить идентичности «мы» и «они». В этом нарративе Китай естественным образом становится лидером глобального Юга, что не только укрепляет его связи с развивающимися странами, но и обеспечивает более широкую моральную поддержку его реформаторским инициативам.

4) Изменение климата — это вызов для всего мира, и справиться с ним нужно сообща, объединяя усилия всех стран. Китай, со своей стороны, внёс немалый вклад: он активно добивался вступления в силу и практической реализации Парижского соглашения, а затем взял на себя обязательства по достижению пика выбросов и углеродной нейтральности — и последовательно их выполняет. Страна последовательно придерживается курса на «зелёное», низкоуглеродное и качественное развитие. Сегодня Китай по праву считается и участником, и важным двигателем, и одним из лидеров глобального климатического процесса.

(Под светлым знаменем построения сообщества единой судьбы человечества)

Ритор описывает изменение климата как общую угрозу для всего мира, после чего представляет конкретные действия Китая в качестве ориентира. Перечисляя реальные вклады (продвижение Парижского соглашения, выполнение целей по достижению пика выбросов углекислого газа и углеродной нейтральности), Китай позиционирует себя как лидера в области климатического регулирования. Такой подход задает эталонный стандарт для глобальных ответных действий, и в сравнении с этим стандартом любая страна с недостаточными усилиями или пустыми обещаниями естественным образом оказывается в оппозиционной, критикуемой позиции. Китай укрепляет свой моральный авторитет как представителя Глобального Юга и сторонника реформ, тесно связывая свое лидерство с возвышенной целью сообщества единой судьбы человечества; достигается эффективная мобилизация широкой идентификации и усиление дискурсивного влияния в климатической повестке.

Бессознательная идентификация (*identification by inaccuracy*) представляет собой совпадение между сторонами в размытых, нечетких или даже ошибочных представлениях, что приводит к бессознательному формированию у аудитории идентификации с содержанием риторики [3, с. 62].

5) Председатель Си Цзиньпин указал: «Человечество — это единое целое, а Земля — наш общий дом. Перед лицом общих вызовов никто и ни одно государство не могут остаться в стороне. У человечества есть только один выход — действовать сообща и совместно добиваться мирного сосуществования».

(Продвижение построения сообщества с единой судьбой человечества (изучение и реализация духа четвертого пленума ЦК КПК 20-го созыва))

Это классический пример использования бессознательной идентификации. Оно опирается на эмоционально заряженные и предельно обобщенные метафоры вроде «человечество — единое целое» и «Земля — наш общий дом», сводя сложную и суровую геополитическую реальность к теплоте, гармоничному образу семьи; искусно затушевываются глубокие различия и реальные конфликты интересов между различными странами, цивилизациями и системами. Подобная дискурсивная стратегия представляет сплочённость, совместные усилия, гармоничное сосуществование и взаимозависимое развитие как единственный и самоочевидный выход перед лицом общих вызовов. Это позволяет аудитории, не успев глубоко осмыс-

лить конкретное содержание, пути реализации и потенциальные издержки данной концепции, на эмоциональном уровне интуитивно принять заложенные в ней ценности и логику действий. Таким образом, на уровне бессознательного достигается конструирование идентификации с идеей сообщества единой судьбы человечества.

6) Ещё 170 лет назад Маркс и Энгельс научно предсказали неизбежную тенденцию становления всемирной истории. В условиях углубляющегося развития глобализации сегодня интернациональность общения между людьми стала более глубокой, чем когда-либо прежде, а взаимосвязь и взаимозависимость между странами — более тесными, чем когда-либо в прошлом.

(Продвижение построения сообщества с единой судьбой человечества (изучение и реализация духа четвертого пленума ЦК КПК 20-го созыва))

Классические теоретические предсказания Маркса и Энгельса о неизбежности всемирной истории здесь связываются с современностью посредством особой техники: сложный процесс глобализации подается как линейная и неотвратимая тенденция, а читатель, не успев критически осмыслить происходящее, естественным образом соглашается с подразумеваемым выводом о том, что сообщество единой судьбы человечества представляет собой неизбежное завершение этого исторического течения.

Проведенное исследование демонстрирует, что риторика идентификации выходит далеко за пределы простого убеждения и становится ключевым механизмом в борьбе за международную дискурсивную власть. Применение данного механизма порождает двойной эффект: образ Китая как ответственной державы и морального лидера нового международного порядка укрепляется, а ценностный консенсус, способный преодолеть культурные различия, становится достижимым. Эмоциональная и моральная легитимность для видения сообщества единой судьбы человечества формируется именно благодаря этому сочетанию. Комплексное применение всех трех стратегий превращает политическую идею в разделяемую идентичность, понятную и близкую людям с разным культурным опытом.

Литература

1. 邓志勇 . 修辞批评的戏剧主义范式略论 [J]. 修辞学习, 2007(2):36–40.
2. 肯尼斯·伯克 . 词语的战争 [M]. 何博超, 译 . 上海: 上海文化出版社, 2022:1–10.
3. 李乾丙, 王真真, 周榕, 王相飞. 中国对外主流媒体讲好传统体育故事建构国际认同的修辞策略 [J]. 北京体育大学学报, 2025, 48 (07): 60–73.
4. KENNETH B. A rhetoric of motives [M]. London: University of California Press Berkeley, 1794.
5. Чэнь Сыци Исследование дискурсивного конструирования национальной идентичности и стратегий в национальном дискурсе (на примере выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на 15-й встрече лидеров БРИКС) // Политическая лингвистика. 2024. № 6(108).

Сведения об авторе

Чжан Цзяци, аспирант, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, e-mail: chzhan.tczyatci1@dvfu.ru

Zhang Jiaqi, Research Assistant, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Научный руководитель

Николаева Ольга Васильевна, доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, e-mail: nikolaeva.ov@dvfu.ru

Nikolaeva Olga Vasilyevna, Dr. Sci. (Philology), Far Eastern Federal University, Vladivostok

УДК 821.521

МОТИВ СТРАНСТВИЙ В ПОЭЗИИ КИТАХАРА ХАКУСЮ

© Ангархаева Софья Алексеевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
aestheticmine@mail.ru

Поэзия выдающегося японского поэта Китахара Хакусю во многом включает в себя такие темы как погружение в детские года, поиск подлинного «я». Все это сопряжено метафорическими приемами автора, лирическим описанием разных периодов и событий из жизни, сочетанием традиционного стиля поэзии с современными ему веяниями. Мотив странствий как географических, так и духовных, объединяет поэзию Китахары воедино и проводит красную нить через все произведения автора.

Ключевые слова: Китахара Хакусю, японская поэзия, символизм, мотив странствий.

THE MOTIF OF WANDERING IN THE POETRY OF KITAHARA HAKUSHU

Angarkhaeva Sofia Alekseevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
aestheticmine@mail.ru

The poetry of the outstanding Japanese poet Kitahara Hakushū largely includes such themes as immersion in childhood years, the search for one's true self. All of this is intertwined with the author's metaphorical techniques, lyrical descriptions of different periods and events from his life, and a combination of traditional poetic style with contemporary trends. The motif of wandering — both geographical and spiritual — unites Hakushū's poetry into a single whole and runs like a red thread through all of the author's works.

Keywords: Kitahara Hakushu, Japanese poetry, symbolism, motif of wandering.

Целью данной работы является анализ специфики художественного воплощения мотива странствий в поэтическом творчестве Китахара Хакусю. Мы рассмотрим основные темы поэзии Китахара Хакусю в рамках мотива странствий, выявим философскую основу его «путешествий», а также определим поэтические приёмы, используемые поэтом для создания эффекта «страннического» восприятия мира.

Несмотря на признанное значение Китахара Хакусю для японской литературы, мотив странствий в его творчестве не получил пока системного освещения. Тем не менее, существует ряд исследований, которые составляют базу для настоящей работы. В японской и англоязычной науке значительное внимание уделялось влиянию европейского символизма на раннего Китахару.

Российское литературоведение представлено главным образом фрагментарными упоминаниями в общих трудах по истории японской литературы. Конкретно путешествие Китахары Хакусю на Сахалин описывается в монографии «Сахалин и Курильские острова в японской литературе XX–XXI вв.» Е. А. Иконниковой и А. С. Никоновой. Переводы его стихотворений на русский язык, выполненные А. А. Долиным, создают источниковедческую базу для анализа, однако собственно литературоведческих исследований, посвящённых конкретно мотиву странствий, на русском языке на данный момент не существует.

Китахара Хакусю (наст. имя Китахара Рюкити, 1985–1942 гг.) — японский поэт эпох Тайсё и Сёва. Известен своими произведениями для детей. В 1906 г. вступил в поэтическое об-

щество «Синсися» (яп.「新詩社」— «Общество новой поэзии») и публиковался в журнале «Мёдзё». Критики неоднократно называли его «вундеркиндом от поэзии» — эти слова принадлежали знаменитой поэтессе Ёсано Акико, разглядевшей в юном Китахаре незаурядный дар. Позже стал посещать поэтические вечера Мори Огая, где познакомился со многими поэтами-реалистами, но потерял интерес и вскоре стал посещать «Общество Пана». Вошел в редколлегию литературного журнала «Субару» (от яп. スバル — Плеяды) [2, с. 91].

Странствия во всех смыслах являются одним из центральных мотивов поэзии Китахары. Одной из важных тем духовных скитаний в поэзии Китахары является путешествие в прошлое, к истокам собственного «я». Его ранний сборник «Воспоминания» (яп.『思ひ出』 — «Omoide», 1911) во многом строится как реконструкция мира детства. Он родился в городе Янагава префектуры Фукуока в семье производителей сакэ, и, как он сам признавал, именно переплетение каналов его родного города определило образный строй его стихов, стало источником вдохновения [5, с. 1].

«Воспоминания» — это попытка возвращения ценностей, присущих чистому детскому восприятию. Показательно в этом отношении стихотворение «Прялка» (яп.『糸車』— «Itoguruma», 1910) из ранее упомянутого сборника. Данному произведению посвящена отдельная работа японского исследователя Такэхико Кэммоти. В ней автор отмечает, что это произведение — не просто воспроизведение детских воспоминаний, а «символистское стихотворение, выражающее особый атмосферный и чувственный символизм поэта» [4, с. 91].

Именно в этот момент поэзия Китахары все больше начинает тяготеть к символизму. Исследователи отмечают, что во многом его поэзия переплетается с сочинениями таких поэтов-символистов как Жорж Роденбах, Эмиль Верхарн [4, с. 85]. Он не столько рассказывает о прошлом, сколько воссоздаёт его атмосферу через запахи, звуки, осязательные ощущения.

Прялка в стихотворении символизирует течение по кругу жизни, ее цикличность, и поворачивается она именно в прошлое — в детство лирического героя:

«糸車、糸車、しづかにふかき手のぎ

Itoguruma, itoguruma, shizuka ni fukaki te no tsumugi — «Колесо прялки, колесо прялки вертится тихонько, неторопливо. Долгими печальными вечерами вертится, вертится колесо прялки» (пер. А. Долина).

Прием повторения позволяет погрузиться вглубь воспоминаний автора. Особенно это считается с фонетической точки зрения — чтобы вызвать чувство одиночества и меланхолии, автор широко использует носовые звуки ряда — な (-на) и плавные звуки ряда — ら (-ра).

Запах пыли погружает в атмосферу описываемого и позволяет прочувствовать настроение сцены:

«微かに匂ふ綿くづのそのほこりこそゆかしけれ

Honoka ni niou watakuzu no sono hokori koso yukashikere — «Сладкий дух от шелковой пыли» (пер. А. Долина).

Для читателя пыль — это грязь, но для Китахары (и его лирического героя) это остаток ушедшего времени. Здесь переключается несколько мрачная эстетика декаданса с дзенским принципом ваби-саби (красота в несовершенстве, простоте и естественности).

Духовные странствия Китахара Хакусю составляют не только мотив поэзии, но и его жизненный путь — от декаданса к символизму. В конце своих поэтических скитаний Китахара закрепляется как поэт-символист. Однако перед этим он вместе с публикацией своего первого сборника танка «Цветы павлонии» (яп.『桐の花』— «Kiri-no-hana», 1913 г.) доказал возможность создания традиционных пятистиший в манере модернистского эстетизма [1, с. 378]. В предисловии он описывает через что проходили его современники: «Сердца молодых людей вечно взыскуют более сложной, беспредельной в своей незавершенности музыки.

Они обращаются к Дега, обращаются к Мане, обращаются к Гогену, к Андрееву; их влекут чувства и форма у Штрауса, Бодлера, Роденбаха» [2, с. 92].

Странствия как путешествия пришлись на более поздний период творчества Китахара. В 1916 г. он отправился на считавшийся тогда еще диким остров Хоккайдо, а в 1925 г. посетил Сахалин вместе с делегацией Министерства железных дорог Японии. Свою поездку и впечатления от нее он описал в сборнике «Фуреппу. Ториппу» (фуреппу — брусника на айномском языке, ториппу — это листопадный кустарник из семейства вересковых, имеющий черные плоды), а также в сборнике «Тюлени и облака» (яп. 『海豹と雲』 — «Kaihyō no kumo», 1925) он описал поездку на остров Тюлений.

В разные года жизни посетил такие места Японии как Мисаки, Чиба, Нагано, Сиобара, Сидзуока, Нара. В 1930 г. побывал в Маньчжурии и проехал по Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД), а в 1935 г. совершил поездку на Корейский полуостров [3, с. 15].

Сборник «Фуреппу. Ториппу», написанный по большей части как проза, можно назвать путевым дневником, но помимо описания маршрута, диалогов с попутчиками, автор делится своими наблюдениями о природе, пейзажах Сахалина, о быте местных жителей. Все это сопряжено рядом лирических размышлений и поэтических вставок. В качестве приемов используются повторения, оноματοпоэтическая лексика. Китахара позволяет взглянуть на Сахалин своими глазами. На протяжении всей книги рефреном даются строки, в которых отражено общее настроение героя во время северного путешествия [3, с. 17]:

«心は安く、気はかろし、

揺れ揺れ、帆綱よ、空高く……

Kokorowayasuku, kiwakaroshi, yureyure, hodzunayo, soratakaku... — «На сердце легко, настроение приподнято, Качайся-качайся верёвка от паруса высоко в небе...» (Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Именно в этот период его поэзия приобретает оттенки натурализма — он больше не использует многозначные образы и тяготеет к реалистичному повествованию происходящего. В этом контексте прослеживается тема пути к себе — период трансформаций автора и его творчества. Если ранние сборники изобиловали сложными метафорами в духе западного символизма, то поздние произведения, такие как «Рисунки тушью» (яп. 『水墨集』 — «Suibokushū», 1923) или «Тюлени и облака» (яп. 『海豹と雲』 — «Kaihyō no kumo», 1929), тяготеют к минимализму и лаконичности. Однако в чем он остается неизменен — так это в сосредоточении на собственных настроениях.

По возвращении на родину Китахара обращается к древним хроникам, таким как «Кодзики» («Записи о деяниях древности»). Странствие на север оборачивается странствием во времени — путем в национальную архаику. Его позднее творчество — это попытка синтезировать декадентскую чувственность молодости с аскетичной ясностью дзенской медитации и энергией древнего мифа. Показательно, что, даже почти ослепнув из-за осложнений диабета в 1937 г., он не прекращает путешествовать. В 1940 г. он возвращается в родную Янагаву, совершая тем самым круг — побег из провинции в столицу и возвращение к истокам. Его творческий путь — это непрерывное странствие между полюсами: Запад и Восток, современность и архаика, город и природа, грех и святость.

Из вышесказанного можно сделать заключение, что странствия в поэзии Китахара Хакусю — многоуровневый мотив, отражающий видение автора, специфику творчества и отражение его собственных духовных скитаний и географических путешествий. Через поэзию он проводит читателей по когда-то проложенным им самим путям.

Литература

1. Багряные пионы: шедевры поэзии танка «серебряного» века (конец XIX — начало XX в.) / пер. с яп., предисл., коммент. А. Долина. Санкт-Петербург: Гиперион, 2000. 379 с.: ил. (Японская классическая библиотека; XIII).

2. Долин А. А. История новой японской поэзии в очерках и литературных портретах. Т. 1. Романтики и символисты. Санкт-Петербург: Гиперион, 2007. 315 с.
3. Иконникова Е. А., Никонова А. С. Сахалин и Курильские острова в японской литературе XX–XXI вв.: монография. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2016. 124 с.
4. Кэммоти Т. 北原白秋「糸車」論 [Эссе о стихотворении Китахары Хакусю «Ито гурума»] // 比較文学 (Хикаку бунгаку). 1992. Т. 34. С. 85–98. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/hikaku/34/0/34_85/_pdf (дата обращения: 12.04.2026).
5. Palmé D. Kitahara Hakushū (1885–1942) / D. Palmé // Encyclopædia Universalis: [France]. URL: <https://www.universalis.fr/encyclopedie/kitahara-hakushu/> (дата обращения: 12.04.2026).

Сведения об авторе

Ангархаева Софья Алексеевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: aestheticsmine@mail.ru

Angarkhaeva Sofia Alekseevna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Жанцанова Марина Георгиевна, кандидат культурологии, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: dari9@yandex.ru

Zhantsanova Marina Georgievna, candidate of cultural studies, A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

САНСАРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ЛИНЬ ХУЭЙИНЬ: ТРИ ЛИРИЧЕСКИХ ВОПЛОЩЕНИЯ КРУГОВОРОТА БЫТИЯ

© Бадеева Кристина Пунцуковна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ

bbutitka@gmail.com

Статья посвящена анализу сансарических мотивов в поэзии китайской поэтессы Линь Хуэйинь. На материале стихотворений «Лотосовый светильник» («莲灯»), «Шесть часов пополудни» («六点钟在下午») и «Полуночный звон колокола» («中夜钟声») рассматривается, как буддийская концепция круговорота перерождений (сансары) трансформируется в лирическом дискурсе. В статье будет показано, что Линь Хуэйинь не иллюстрирует религиозную доктрину, а создаёт три различные модели сансарического опыта: 1) полный путь от неведения к нирване («Лотосовый светильник»); 2) сансару как безысходное застревание в повседневности («Шесть часов пополудни»); 3) сансару как телесное страдание, фиксируемое через звуковую метафору колокола («Полуночный звон колокола»). Выделенные модели позволяют говорить о вариативности буддийской темы в творчестве поэтессы.

Ключевые слова: Линь Хуэйинь, китайская литература, буддийские мотивы, сансара, авидья, дуккха, нирвана.

SAMSĀRIC MOTIFS IN LIN HUIYIN'S POETRY: THREE LYRICAL EMBODIMENTS OF THE CYCLE OF EXISTENCE

Badeeva Kristina Puntsukovna

Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

bbutitka@gmail.com

The article analyzes saṃsāric motifs in the poetry of Chinese poet Lin Huiyin (1904–1955). Drawing on the poems «Lotus Lantern», «Six O'clock in the Afternoon» and «Midnight Bell», the study examines how the Buddhist concept of saṃsāra is transformed in lyrical discourse. Three models of saṃsāric experience are identified: the complete path from ignorance to nirvāṇa; saṃsāra as hopeless stagnation in everyday life; and saṃsāra as physical suffering rendered through a sonic metaphor. The variability of Buddhist themes in the poet's work is demonstrated.

Keywords: Lin Huiyin, Chinese poetry, Buddhist motifs, saṃsāra; avidyā, duḥkha, nirvāṇa.

Линь Хуэйинь (1904–1955) — одна из ключевых фигур китайского литературного модернизма 1930–1940-х гг., архитектор, художница и поэтесса, чьё творчество до сих пор остаётся недостаточно изученным в контексте восточной философии. В то время как влияние западного символизма на её лирику неоднократно привлекало внимание исследователей, буддийские мотивы в её поэзии систематически не анализировались. Между тем в стихотворениях Линь Хуэйинь обнаруживается устойчивый комплекс образов и идей, связанных с центральным понятием буддийской философии — сансарой (самсарой), обозначающим бесконечный круговорот рождений, смертей и перерождений, обусловленный кармой и неведением. Вышесказанное определяет *актуальность* статьи.

Цель настоящей статьи — выявить и описать различные модели сансарического опыта в трёх стихотворениях Линь Хуэйинь: «Лотосовый светильник» («莲灯»), «Шесть часов пополудни» («六点钟在下午») и «Полуночный звон колокола» («中夜钟声»).

Для достижения цели поставлены следующие *задачи*: 1) определить буддийское содержание понятия сансары в контексте китайской литературы; 2) проанализировать каждое стихотворение с точки зрения репрезентации стадий сансарического круговорота; 3) сравнить

выделенные модели и сделать вывод о вариативности буддийской темы в творчестве Линь Хуэйинь.

Объектом является поэзия Линь Хуэйинь, **предметом** — сансарические мотивы в трёх избранных стихотворениях.

Методы включают историко-литературный и философско-религиоведческий анализ, а также компаративный метод для сопоставления трёх стихотворений между собой.

Сансара (санскр. संसार, «блуждание») в буддизме обозначает круговорот перерождений, обусловленный кармой и пронизанный дуккхой — страданием, которое может принимать формы физической боли, эмоционального неблагополучия или, в более тонком смысле, фундаментальной неудовлетворённости любым обусловленным существованием. Причина пребывания в сансаре — неведение (авидья) — ошибочное восприятие «Я» как постоянного, независимого и само-сущего. Из неведения возникают привязанность и отвращение («Три яда»), которые порождают кармические действия, закрепляющие существо в круговороте. Освобождение от сансары — (нирвана) понимается в буддизме не как уничтожение, а как угасание трёх ядов и, главным образом, самого корня неведения. Нирвана достигается через осознание отсутствия неизменной души (анатман) [8, с. 27]. В китайском буддизме, особенно в школе чань, акцент смещается на возможность просветления в этой жизни. Три анализируемых стихотворения дают три разных ответа на вопрос о том, как возможно — и возможно ли — освобождение из круговорота бытия.

Стихотворение «Лотосовый светильник» («莲灯») выстраивает полный путь от неведения к нирване. Начальные строки фиксируют авидью (неведение): «如果我的心是一朵莲花，正中擎出一支点亮的蜡，荧荧虽则单是那一剪光，我也要它骄傲的捧出辉煌；不怕它只是我个人的莲灯» / «Когда бы сердце моё стало лотосом, в чьей чаше — яркий огонь свечи, что я возжёл, пусть даже этот мерцающий свет столь мал — я гордо явлю его в сиянии в лучах... пусть он лишь мой, лишь лотосовый светильник». Многократное «я возжёл», «мой светильник» указывает на веру в отдельное «Я». Лотос — традиционный буддийский символ чистоты и просветления, но здесь он дан в модусе потенциальности: форма лотоса уже есть, а суть (просветление) ещё не реализована. Это состояние буддийская философия определяет как авидью — первопричину пребывания в сансаре. Затем героиня осознаёт иллюзорность мира: «照不见前后崎岖的人生 — 浮沉它依附着人海的浪涛，明暗自成了它内心的秘奥» / «... не озаряющий неровный жизненный путь — вздымаясь и опускаясь в людских волнах, он тайну сокрыл в игре собственных теней и сил». «Игра теней» — указание на майю: мир существует не так, как его воспринимает неосвобождённое сознание. Героиня воспринимает временное за вечное, обусловленное за независимое. Образ «людских волн» вводит сансару как океан, в котором существа поднимаются и опускаются (рождаются и умирают) без контроля. Далее следует метафора сансары: «单是那光一闪花一朵 — 像一叶轻舸驶出了江河 — 宛转它漂随命运的波涌，等候那阵阵风向远处推送» / «Лишь вспышка огня, лишь этот единственный цветок — словно челнок, что покинул берег речной — плывёт, изгибаясь по воле судьбы и волн, ждёт, пока ветер не двинет его вдаль». Челнок — классическая буддийская метафора существа в сансаре, лишённого собственной воли, полностью зависимого от кармических «ветров». Героиня осознаёт своё бессилие, и это осознание есть переживание дуккхи в её наиболее глубоком смысле: невозможность найти подлинную опору в зыбком мире. Кульминация — постижение анатмана (отсутствия «Я») и просветление: «算做一次过客在宇宙里，认识这玲珑的生从容的死» / «Быть мимолётным гостем во вселенной всей, узреть изящность рожденья, достоинство конца...». Героиня осознаёт себя «мимолётным гостем» — это прямое постижение анатмана. Нет отдельного «Я», которое можно было бы защищать или за которое цепляться. Финал — нирвана: «这飘忽的涂程也就是个 — 也就是个美丽美丽的梦» / «Весь этот путь — не что иное как лишь прекрасный, прекрасный сон».

Стихотворение «Шесть часов пополудни» («六点钟在下午») раскрывает сансару в повседневной форме: «用什么来点缀六点钟在下午？...点缀在你生命中，仅有仿佛的灯光，颓败

的夕阳，窗外；一张落叶在旋转!» / «Чем разукрасить шесть часов пополудни? ...разукрашены в жизни твоей лишь подобием света, поблёклой зари, за окном, одиноким листом, что кружит!». «Одинокий лист, что кружит» — метафора аниэти (непостоянства) и дуккхи. Вторая строфа: «用什么来陪伴六点钟在下午? 陪伴着你在暮色里闲坐, 等光走了, 影子变换, 一支烟, 为小雨点继续着, 无所盼望!» / «Чем скрасить шесть часов пополудни? ... скрашивают тебя в сумеречной тиши, пока свет угасает, тени ползут, сигаретой, что длится, как дождик мелкий, без всякой надежды!». «Без всякой надежды» — чистая дуккха. Угасание сигареты имитирует ниродху, но без прозрения. Сансара здесь — бесконечное повторение без выхода.

Стихотворение «Полуночный звон колокола» («中夜钟声») написано в период обострения болезни поэтессы. Прерывистый ритм имитирует неравномерное дыхание: «钟声, 敛住又敲散, 一街的荒凉, 听 — , 那圆的一颗颗声响, 直沉下时间, 静寂的, 咽喉, 像哭泣, 像哀恸, 将这僵黑的, 中夜, 葬入» / «Колокольный звон, замолкает и вновь разливается ударом, по безлюдной улице, слушай, этот круглый отзвук, непрерывно утопающее время, безмолвное, горло, будто всхлипывает, будто скорбит, в мёртвую тёмную ночь полночь будет похоронена». Звук колокола в буддийской символике провозглашает пустоту (шуньяту): он возникает, распространяется и растворяется — аналогия сансарического цикла. Строка: «轻 — 重..., 重 — 轻» / «Легко — тяжело..., тяжело — легко...» — передаёт колебание между жизнью и смертью. Поэтесса приходит к «беспредметной сосредоточенности ума» — состоянию, близкому к нирване [3, с. 448].

Анализ выявил три модели сансарического опыта: 1) полный путь от неведения к нирване («Лотосовый светильник»); 2) застревание в повседневной тоске («Шесть часов пополудни»); 3) телесное страдание с возможностью пробуждения («Полуночный звон колокола»). Линь Хуэйинь не иллюстрирует буддийскую доктрину, а вариативно использует её категории для моделирования экзистенциальных состояний — от утопии просветления до тупика. Это делает её лирику уникальным примером нерелигиозного, поэтического восприятия буддизма в китайской литературе.

Литература

1. Анисимова И. В., Тузова А. А. К вопросу о трансформации доктрины сансары в китайском буддизме // Востковедные исследования на Алтае. 2018. № 12. С. 32–39.
2. Булич С. К. Сансара // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Санкт-Петербург, 1890–1907.
3. Геше Джампа Тинлей. Четыре благородные истины — основа учения Будды: комментарий ко второму тому «Ламрим Ченмо» Дже Цонкапы. Москва: Дже Цонкапа, 2020. 448 с.
4. Ермакова Т. В., Островская Е. П. Классический буддизм. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. 256 с.
5. Лучина В. П. Сансара // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичёв и др. Москва: Советская энциклопедия, 1983. С. 592–593.
6. Мялль Л. Э. Сансара // Буддизм: Словарь / под общ. ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатовича, В. И. Корнева. Москва: Республика, 1992. С. 222–223.
7. Пабонгка Ринпоче. Освобождение на вашей ладони / Фонд «Сохраним Тибет». Кн. 2. Москва, 2015. 464 с.
8. Уланов М. С. Учения о сансаре и нирване в буддизме // Духовная культура этноса: материалы круглого стола (Элиста, 27 апр. 2012 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. С. 27–34.
9. 林徽因. 我的心是一朵莲花: 林徽因经典文集. — 延吉市: 延边教育出版社, 2019. 231 页 (Линь Хуэйинь. Мое сердце цветок лотоса: классическое собрание сочинений Линь Хуэйинь. Яньцзи: Образование, 2019. 231 с.).

Сведения об авторе

Бадеева Кристина Пунцуковна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, E-mail: bbutitka@gmail.com

Badeeva Kristina Puntsukovna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Савинова Туяна Баировна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, E-mail: tuyanasavinova@mail.ru

Savinova Tuyana Bairovna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof., Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СЮЙ ЧЖИМО

© Банзаров Кирилл Вячеславович

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
kirillban@gmail.com

В статье рассматривается функционирование флоронимов в поэзии Сюй Чжимо на материале 52 официально изданных стихотворений, из которых выявлено 11 произведений, насыщенных растительными образами. Проводится классификация флористических образов по группам, а также выделяются метафорические конструкции, отражающие синтез традиционной китайской символики и мотивов западноевропейского романтизма. Анализ демонстрирует, что флористический код поэта является маркером переходного этапа от классической китайской поэзии к «новой», характеризующийся индивидуализацией традиционного символизма и рецепцией европейской эстетики.

Ключевые слова: Сюй Чжимо, новая китайская поэзия, флористические образы, флоронимы, символизм, романтизм

FLORAL IMAGERY IN THE WORKS OF XU ZHIMO

Banzarov Kirill Vyacheslavovich

Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
kirillban@gmail.com

This article examines the function of floronyms in the poetry of Xu Zhimo based on a corpus of 52 officially published poems, of which 11 works rich in botanical imagery have been identified. The classification of floral images is carried out according to groups (flowers, trees, plant parts), with particular attention given to metaphorical constructions that reflect the synthesis of traditional Chinese symbolism and motifs of Western European Romanticism. The analysis demonstrates that the poet's floral code serves as a marker of the transitional phase from classical Chinese poetry to the «New Poetry», characterized by the individualization of traditional symbolism and the reception of European aesthetics.

Keywords: Xu Zhimo, New Chinese Poetry, floral imagery, floronyms, symbolism, Romanticism.

Сюй Чжимо — один из главных поэтов литературного общества «Новолуние», яркий представитель китайского романтизма. Флористические образы занимают немалую часть его поэтического творчества.

На материале 52 официально изданных стихотворений Сюй Чжимо выявлено 11 произведений, содержащих флоронимы, их можно распределить по группам: цветы, деревья, части растений и метафорические конструкции, которые сложно отнести к какой-либо из групп. Стоит отметить, что поэзия Сюй Чжимо сочетает в себе флоронимы традиционной китайской символики вместе с западноевропейскими мотивами, в первую очередь американской и английской поэзии романтизма. Сюй Чжимо не использует флоронимы не только для описания пейзажей: они выступают как инструмент выражения любовных переживаний героя.

Идеализация природы вместе с ярким выражением чувств, часто любви, — одни из основных черт романтизма [2, с. 528]: в поэзии Сюй Чжимо именно эти стороны европейского романтизма проявляются наиболее ярко.

Наиболее насыщенным флористическими образами стихотворением Сюй Чжимо является «Дом номер семь в переулке Шиху» (石虎胡同七号): в нем рассказывается о библиотеке

Сунпо (松坡图书馆) в Пекине, а точнее о её втором здании, в котором хранились произведения иностранной литературы, и в котором, по совместительству, работал Сюй Чжимо [12, с. 1]. Для поэта это место было особенным: в нём образовалось литературное общество «Новолуние» (新月派), а годы работы в библиотеке стали самыми продуктивными в плане его поэтического творчества. Стихотворение отражает идиллистическое настроение Сюй Чжимо по поводу места его работы: для него библиотека — это маленький сад, а растения в нём персонифицируются. Есть повторяющийся элемент: «我们的小园庭, 有时» (*В нашем маленьком саду, иногда...*), который, однако, отражает четыре разные ситуации, лучшим образом выраженные через слова «нежность» (温柔), «сновидение» (梦境), вопрос «что поделаться?» (奈何), и «радость» (快乐).

В стихотворении шесть флористических образов: «лоза» (藤), «хурма» (柿), «софора» (槐), «груша» (棠), «орхидея» (兰), «лук» (薤). Трижды растения персонифицируются: «дева лоза» (藤娘), «старец софора/господин софора» (槐翁) и «тётушка яблоня/госпожа яблоня» (棠姑). Первый образ содержит эротические мотивы: «*Легонько посмеиваясь, дева лоза обнажила свою нежную грудь — хурма ладонями её обвивает*» (善笑的藤娘, 袒酥怀任团团的柿掌绸缪). Тем не менее, возможно, антропоморфизация и перенос красоты женского тела на красоту садовых растений призваны подчеркнуть нежность пейзажа избегая вульгарности. Интимность дополняется следующей строчкой с двумя оставшимися образами: «*Великан софора под ветром склонится в объятьях с госпожой грушей*» (百尺的槐翁, 在微风中俯身将棠姑抱搂). Семейственность сада отражается в словах «старец/бабушка» (翁) и «тётя/матушка» (姑).

Следом пейзаж сменяется на дождливый: «*Лягушка одиноко сидит на груди увядающей орхидеи*» (小蛙独坐在残兰的胸前, 听隔院蚓鸣). Здесь слова «умирающий/истрёпанный» (残) и «грудь» (胸前) вновь очеловечивают весьма статичный растительный образ «орхидеи» (兰) — они добавляют драматизма всей картине. Что характерно, несмотря на то что Сюй Чжимо использует традиционно китайские флористические образы, большинство из них совершенно не соотносятся с традиционным применением в китайской поэзии: орхидея обычно олицетворяет верность и используется как символ благородного мужа [14, с. 147], в то время как здесь это просто красивое дополнение к дождливому пейзажу.

Однако в этом же стихотворении есть исключение: флороним «китайский лук» (薤), а точнее выражение «роса на луке» (薤露), которое использовалось ещё со времён становления династии Хань: ханьское юэфу с тем же названием использовало этот образ как символ скоротечности жизни [1] — роса на листьях лука быстро высыхает, так и жизнь угасает стремительно. Сюй Чжимо специально меняет тон с нежного на меланхолический, пейзаж становится осенним, а метафора росы на луке подчёркивает недолговечность идиллии. Введение этого флоронима позволяет Сюй Чжимо подчеркнуть хрупкость счастья и временный характер гармонии, добавив стихотворению глубины и эмоциональной многогранности.

Совершенно новаторское в китайской поэзии разделение цветка на его составные части присутствует в стихотворении «Смерть от любви» (情死): в классической поэзии мог упоминаться какой-то конкретный элемент, например лепестки в стихотворении Ду Фу «Вьющейся речке» (曲江二首) [4] или бутоны у Чжу Шучжэня в «Осыпаются цветы» (惜春) [8], однако никогда не разные части вместе. На перечислении элементов: «лепесток» (花瓣), «чашечка»

(花萼), «тычинка» (花蕊), «шип» (花刺) — демонстрируется безумная, разрушительная любовь героя. Страсть выражена не к цветку в целом, в данном случае к «розе» (玫瑰), а к каждой части по отдельности — из-за анатомизма разбора цветка можно предположить, что они эквивалентны аспектам женской красоты. «Лепестки» (花瓣) используются как отражение визуальной красоты и нежности; чашечка (花萼) — как незаметный, внутренний элемент, который часто игнорируется, этот образ и отражает скрупулёзную тягу; «тычинка» (花蕊) — как самая уязвимая часть цветка, намёк на эротический, запретный центр, а «шипы» (花刺) — как болезненная, самая неприятная часть розы, но для героя это неотъемлемый элемент полного обладания.

Если предыдущее стихотворение представляет почти насильственное влечение, то стихотворение «Она заснула» (她是睡着了) олицетворяет более чистую и гармоничную форму любви. Текст изобилует цветочными образами: «белый лотос» (白莲), «цветок глицинии» (藤花), «роза» (玫瑰), «китайская роза» (月季), «нарцисс» (水仙), «листья/чаша лотоса» (荷盘) и «сердцевина цветка» (花心). Главный образ всего стихотворения — белый лотос, олицетворение спящей девушки. Традиционно в «Сутре о природе Будды» (переведена на китайский в V и VIII вв. [6, с. 145]) приводится образ белого лотоса посреди грязного болота, подчёркивающий чистоту цветка [15]; так и здесь девушка чиста и непорочна в своей дрёме.

Образ «цветов глицинии» неоднозначен для перевода: с одной стороны, само слово «глициния» (紫藤) не упоминается, вместо него используется конструкция «藤花», то есть «цветок вьющегося растения/лианы», но с другой нам повествуют о целой ветки этого растения (折一支藤花), поэтому перевод «ветка цветов глицинии» или «ветка глицинии» подходит.

Однако в классическом произведении «Сад удивительного» (异苑, V в.) «тэнхуа» (藤花) выступает как легендарный цветок, ромбовидный, меняющий цвет в зависимости от времени суток: утром — фиолетовый, в полдень — зелёный, под вечер — желтый, к закату — голубой, а ночью — алый [10]. Данный флороним создаёт иллюзорный ритм всего стихотворения.

Дважды упоминаются розы: популярный западноевропейский образ (без конкретного указания на биологический вид) (玫瑰) и китайский образ чайной розы (月季). Сложность перевода этих двух образов в том, что под словом «玫瑰» изначально подразумевался шиповник морщинистый (rosa rugosa), но с созданием чайно-гибридных роз и переводческих ошибок при продаже европейцами этих цветов, за словом закрепился широко известный ныне образ [16]. Сам образ «玫瑰» в классической китайской культуре носит утилитарный, а не эстетический характер: отмечается их приятный аромат, яркий цвет и съедобность, но не особая красота [11]. Сюй Чжимо намеренно использует нетипичный для китайцев эстетически привлекательный, страстный образ розы, утверждая синкретизм китайского с западным. Такой же смысловой переход наблюдается и для слова «月季»: традиционно образ чайной розы ассоциировался с мужественностью, стойкостью и жизненной силой, но постепенно он вытесняется европейским образом, отражающим женственность, красоту и нежность [3, с. 138].

Розы употребляются в линейке трёх весенних месяцев, за каждым из которых Сюй Чжимо закрепляет собственный цвет и цветок. Третий из них — нарцисс (水仙), в классической китайской культуре символизирует стойкость, изящество и аристократизм духа [7, с. 77], что идёт в разрез с традиционно западным образом нарцисса физического и психического индивидуализма [5, с. 729]. Сюй Чжимо выбирает между китайскими и европейскими образами, создавая собственный словарь.

Среди исконно традиционных образов имеются «киноварная слива» (朱砂梅) в «Радости снежинки» (雪花的快乐), «цветок лотоса» (水莲花) в «Сайонара» (沙扬娜拉), «сосновая роща» (一林松) и «бамбуковая роща» (一丛竹) в «На пути из Шанхая в Ханчжоу» (沪杭车中). Сюй Чжимо и им часто придаёт собственный смысл или даже использует их как часть общего пейзажа. «Киноварная слива», кроме символа завершающейся зимы, ещё и подчеркивает приятный, дурманящий, манящий для главного героя аромат женского тела (啊, 她身上有朱砂梅的清香). С «цветком лотоса» он сравнивает красоту девушки: *«как лотоса цветок стерпеть не в силах прохладный ветерок, застенчива, стыдлива»* (像一朵水莲花不胜凉风的娇羞). Рощи деревьев же подчёркивают фотографичность переменчивости осеннего пейзажа в дороге, этому помогает и сама форма стихотворения «沪杭车中»: *«За сосновой рощей бамбуковая: одни за другими багровые листья кружатся»* (一林松, 一丛竹, 红叶纷纷).

Наиболее характерным для романтической поэзии может считаться стихотворение «Конец весны» (残春), оно начинается с образа «персиковых цветов в вазе» (今天我瓶子里斜插着的桃花), которые Сюй Чжимо сравнивает с «кокетливыми улыбками красавиц» (是朵朵媚笑在美人的腮边挂). Однако, следом в стихотворении раскрывается характерный для романтической поэзии пессимизм в любовной лирике [13, с. 5; 9, с. 29]: *«с ветвей зелёных свисают трупы: красные, белые...»* (红的白的尸体倒悬在青条上).

Особенность использования растительной лексики в поэзии Сюй Чжимо в том, что поэт использует классические образы, но переосмысливает их семантику в угоду пейзажному значению, что, однако, происходит спорадично, либо субъективному переживанию. Кроме того, через поэта можно отследить рецепцию европейской романтической традиции и её внедрение в китайскую поэзию через нетипичные образы и новаторские приёмы вроде анатомизма в «Смерти от любви» и фотографичности в «На пути из Шанхая в Ханчжоу». Исключительно часто цветы становятся эквивалентом женской телесной и духовной красоты.

На примерах стихотворений виден процесс модернизации китайской поэзии в первой половине XX в.: объективный символизм классической китайской поэзии сменяется субъективным экспрессивным символизмом «новой» поэзии.

Литература

1. Ду Фу. 曲江二首 其一 / пер. Н. М. Азаровой // Стихи китайской поэзии. URL: https://www.chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=1536 (дата обращения: 13.04.2026).
2. Ланцевская Н. Ю. Романтизм как часть системы художественных методов в литературе // МНКО. 2023. № 6(103). С. 527–529.
3. Строева О. В. Эволюция образа Нарцисса от архаики до эпохи «селфи» // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 4А. С. 724–734.
4. Чжу Шучжэнь. 惜春 / пер. М. И. Басманова // Стихи китайской поэзии. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=3387 (дата обращения: 13.04.2026).
5. Divine J. J. Philosophical Origins of the Romantic Movement [J] // Modern Schoolman. 1930. Vol. 6, № 2. P. 28–30.
6. Gardner A. Outline of Western Scholarship on Buddha-Nature // Buddha-Nature: A Tsadra Foundation Initiative. 2019. 16 July. URL: https://buddhanature.tsadra.org/index.php/Articles/Outline_of_Western_Scholarship_on_Buddha-Nature (дата обращения: 13.04.2026).
7. Sourgen G. In a Manner that Is My Aversion: Byron's Objections to Romantic Blank Verse // The Byron Journal. 2016. Vol. 44, № 1. P. 1–14.

8. Zimmermann, Michael (1999). The Tathagatagarbhasutra: Its Basic Structure and Relation to the Lotus Sutra. Annual Report of the International Research Institute for Advanced Buddhism at Soka University for the Academic Year 1998, P. 143–168.

陈建. 月季: «中国玫瑰»在世界各地绽放 [N] // 学习时报. 2023. 29 дек. URL: https://paper.cntheory.com/html/2023-12/29/nw.D110000xxsb_20231229_2-A7.htm (дата обращения: 13.04.2026).

9. 广群芳谱: в 100 т. Т. 43. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/廣羣芳譜/卷 043> (дата обращения: 13.04.2026).

10. 洪山, 史晓海, 常艳婷, 等. 中国水仙的种植传播和意象形成研究 [J] // 北京林业大学学报 (社会科学版). 2020. Т. 19, № 4. P. 76–81.

11. 姜荣珠. 先秦时期 蘭의 儒家 象徵 考察 // 한국학연구. 2017. № 53. P. 167–190.

12. 王金华. 从新史料看徐志摩与蔡锷 // 中华读书报. 2024. 30 окт. URL: https://epaper.gmw.cn/zhdsb/html/2024-10/30/nw.D110000zhdsb_20241030_1-05.htm (дата обращения: 9.11.2025).

13. 薤露蒿里 // 搜韵. URL: <https://sou-yun.cn/Query.aspx?type=allusion&id=9311> (дата обращения: 13.04.2026).

14. 异苑: в 10 т. Т. 2. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/異苑/卷 02> (дата обращения: 13.04.2026).

15. 俞佳雁, 卢昕妤, 罗乐, 等. 中国古代月季文化内涵解读及其在当代的发展 [J] // 中国园林. 2025. Т. 41, № 1. P. 133–138.

Сведения об авторе

Банзаров Кирилл Вячеславович, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: kirillban@gmail.com

Banzarov Kirill Vyacheslavovich, Research Assistant, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude.

Научный руководитель

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tugulovaod@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov State University, Ulan-Ude

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ
ЖЕНСТВЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(МО ЯНЬ «БОЛЬШАЯ ГРУДЬ, ШИРОКИЙ ЗАД»)**

© Батожаргалова Сэсэг Баировна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
seseg.batozhargalova@mail.ru.

В статье рассматриваются особенности метафорической лексики в романе Мо Яня «Большая грудь, широкий зад». Автор анализирует систему телесных образов через призму китайских культурно-философских кодов — конфуцианства, даосизма, фольклорной традиции. Выявлено, что Мо Янь раскрывает способы художественной трансформации в контексте постмодернистской эстетики. В ходе исследования выявляется, что гиперболизированные телесные образы выступают отражением исторических и социально-культурных процессов, пережитых Китаем в XX в. Особое внимание уделяется взаимодействию диалектной лексики, гротеска и элементов магического реализма в структуре художественного текста. Научная новизна работы определяется обращением к недостаточно изученным в отечественном литературоведении особенностям нарративной и образной системы произведений Мо Яня.

Ключевые слова: метафорическая лексика, Мо Янь, «Большая грудь, широкий зад», китайская литература, женственность, национальная идентичность, телесность, постмодернизм, магический реализм.

**METAPHORICAL VOCABULARY IN CREATING IMAGES OF FEMININITY
AND NATIONAL IDENTITY (MO YAN'S «BIG BREASTS AND WIDE HIPS»)**

Batozhargalova Seseg Bairovna

Dorzhii Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
seseg.batozhargalova@mail.ru

The article examines the features of metaphorical vocabulary in Mo Yan's novel «Big Breasts, Wide Butt». The author analyzes the system of body images through the prism of Chinese cultural and philosophical codes — Confucianism, Taoism, folklore tradition. It is revealed that Mo Yan reveals the ways of artistic transformation in the context of postmodern aesthetics. The study reveals that hyperbolized body images are a reflection of the historical and socio-cultural processes experienced by China in the twentieth century. Special attention is paid to the interaction of dialectal vocabulary, grotesque and elements of magical realism in the structure of the literary text. The scientific novelty of the work is determined by the appeal to the insufficiently studied features of the narrative and figurative system of Mo Yan's works in Russian literary criticism.

Keywords: metaphorical language, Mo Yan, «Big Breasts, Wide Hips», Chinese literature, femininity, national identity, corporeality, postmodernism, magical realism.

Мо Янь получил Нобелевскую премию, и его проза — это необычное соединение китайской народной традиции с современным постмодернизмом. В романе Мо Янь «Большая грудь, широкий зад» (кит. 丰乳肥臀, Fēngrǔ féitún) особенно ярко проявляется то, как фольклорные образы функционируют в структуре сложного экспериментального повествования. Писатель переосмысляет старые культурные коды Китая, но при этом вписывает их в мировые литературные тренды. Именно поэтому текст до сих пор вызывает интерес у исследователей.

Интерес к данной теме обусловлен необходимостью анализа этнокультурных сигналов и механизмов их художественной репрезентации в современной китайской прозе. В условиях

современной глобализации лексика и стиль становятся важнейшими средствами передачи национально-культурной идентичности. Во время разбора поэтики Мо Яня, видно, как художественными средствами передан исторический опыт Китая XX в. для всего мира. Научная задача исследования заключается не только в описании, но и в анализе как устроена система метафор в романе. В ней телесные образы превращаются в сложные социально-политические аллегории. Через намеренное преувеличение женской физиологии Мо Янь строит многозначную метафору китайской истории. Такой подход соединяет мифологическое ощущение тела с живой и часто жёсткой рефлексией общества. Это взаимодействие лексики и стиля нужно разобрать подробно.

Проблема исследования заключается в том, что в отечественном литературоведении до настоящего времени недостаточно изучены стилистические особенности и художественные новаторства творчества Мо Яня. Чаще всего исследователи ограничиваются общими описаниями и не обращают внимания на диалектную лексику и на то, как именно автор строит повествование. Особенно не хватает работ, которые рассматривали бы лексику не саму по себе, а как часть поэтики постмодернизма. В этой связи данное исследование направлено на восполнение существующего научного пробела посредством детального филологического анализа текста.

Новизна работы в том, что применяется комплексный подход. В русскоязычной науке ещё не разбирали именно на материале этого романа, как у Мо Яня пересекаются фольклорная лексика и постмодернизм. Отдельное внимание в исследовании уделяется функционированию диалектной лексики в структуре художественного текста и её связи с авторской иронией. Это даёт новый угол зрения на творческий метод Мо Яня. Данный роман стал для Мо Яня одним из ключевых этапов его творческого становления. Именно здесь он перешёл к масштабной мифологизации и намеренному преувеличению (гиперболизации) образов. В его зрелой прозе всё чаще встречаются сложные, почти человекоподобные образы, но при этом сохраняется «уникальность формы и особое чувственное восприятие в повествовании» [1, с. 129]. Мо Янь умело соединяет экспериментальные приёмы с традиционными сюжетными схемами.

Новаторство романа видно в том, как автор ломает привычные правила рассказа. В этом он близок к Юань Ма и Су Туну. В тексте отразилась эпоха 1990-х с её «прерывистостью сюжета и потерей целостности мира» [1, с. 128]. И язык метафор помогает писателю заново прожить и осмыслить прошлое. Критики разделились: кого-то раздражает резкое, почти жестокое описание тела, но почти все отмечают, что эта грубость сочетается с удивительной поэзией народного быта. Этот спор оценок только доказывает, насколько роман сложен и важен. Произведение продолжает традиции «литературы поиска корней» (寻根文学, xúngēnwénxué, сюньгэнь вэньсюэ). В этом течении местные говоры хранят память народа. Региональные слова создают ощущение подлинности и выделяют местную культуру на фоне официального языка [9, с. 54–61]. Чжан Хуншань пишет, что именно фольклор и народные предания — основа творчества Мо Яня [9, с. 57].

Телесные метафоры и женские образы

Анатомические метафоры Мо Яня работают через идею плодородия. Автор подчёркивает и физиологическую, и социальную роль женщины. Образы «груди-горы» и «бёдра-долины» отсылают к древнему архетипу матери-земли. Биологическое здесь сливается с культурными символами. Женское тело дано как преувеличенное, огромное — в противовес мужскому аскетизму. Так выделяются матриархальные основы традиционной китайской деревни. Физиологические сцены у Мо Яня становятся социальными аллегориями. Тело героини — это символ коллективного опыта Китая. Писатель, как и другие магические реалисты, создаёт «мифологию повседневности»: обыденное у него связано с сакральным [2, с. 122]. В мире романа «телесный низ» переосмысливается как источник живой силы и даже священного смысла.

Метафоры романа опираются на традиционные китайские коды. Образы земли и природных циклов несут в себе идеи гармонии (от конфуцианства) и единства с природой (от даосизма). Мо Янь связывает женское тело с землёй и через народную мифологию формирует

национальную идентичность. Родовые муки и кормление грудью метафорически перекликаются с историческими катастрофами XX в. Так рождается аллегория национального возрождения. Писатель превращает фольклорные символы материнства в сложные политэкономические метафоры. Женское тело становится полем идеологических битв. Через телесный опыт мы можем понять коллективную травму. Лю Н. справедливо замечает, что у Мо Яня «тема «малой родины» (провинции Шаньдун) постоянно перерастает в тему «большой родины» — Китая, пережившего войны, голод и культурную революцию» [7, с. 149]. Героиня Шангуань Лу — это и есть та самая израненная, но живучая земля.

Постмодернистская игра и гротеск

Особенность стиля Мо Яня в том, что он смешивает традиции с постмодернизмом. Он разрушает (деконструирует) классические символы женственности, добавляя в них иронию и гротеск. Намеренное преувеличение (гипербола) создаёт игру смыслов: старые культурные коды сталкиваются с новыми. Автор нарочно соединяет грубую физиологию с политическими терминами. Получаются противоречивые образы в духе магического реализма. Благодаря этому национальная идентичность показана не как застывший список правил, а как живой и меняющийся процесс. М. А. Бородин и С. Ван пишут, что китайская авангардная литература того времени специально стирала грань между серьёзным и смешным, элитарным и народным [1, с. 128]. Мо Янь блестяще использует этот приём, чтобы разрушать культурные стереотипы.

Отдельно стоит сказать о сыне — Шангуань Цзиньтуне (上官金童, Shàngguān Jīntóng), который на всю жизнь остаётся «духовным карликом». Его детская, почти больная привязанность к материнской груди — это метафора кризиса мужской (патриархальной) идентичности. Если смотреть в контексте китайской истории, этот образ читается как аллегория интеллигенции, которая не смогла взять на себя ответственность за судьбу страны. Так Мо Янь через телесные метафоры задаёт вопрос о психологических корнях национальных катастроф. Выразительность романа держится на сочетании гротеска и диалектной лексики. Гротеск у Мо Яня обнажает механизмы власти и насилия. Натуралистичные сцены родов или смерти всегда имеют двойной, метафорический смысл. Как пишут исследователи, «гротескное тело» у автора не знает границ и постоянно сливается с окружающим миром [2, с. 124]. Гипербола (преувеличение) касается у Мо Яня не только тела, но и времени. Судьба семьи Шангуань охватывает почти целое столетие. Благодаря этому приёму частная история одной семьи становится универсальной. Писатель мифологизирует историю: реальные войны и реформы Китая выглядят как эпизоды глобальной «космической драмы».

Диалектизмы и народный язык

Диалектизмы (особенно шаньдунский диалект) решают в тексте две задачи. Во-первых, они создают эффект подлинности, погружают читателя в среду северного Китая. Во-вторых, они служат инструментом сопротивления официальному языку. В оригинале народная речь противостоит идеологическим штампам. Как справедливо замечают О.П. Касимова и Л. Гун, передать такие диалектные элементы при переводе на русский очень трудно [6, с. 122]. Чжао Паньпань указывает, что местные названия природы служат маркером идентичности [10, с. 300]; у Мо Яня ту же роль играют диалектные названия вещей, еды, обрядов.

Заключение

Итак, метафоры в романе Мо Яня — это не просто красивые слова. Это главный способ строить художественный мир. Телесные образы вырастают из древних символов (мать-земля, идеи конфуцианства и даосизма), но потом переосмысляются через постмодернистскую иронию и гротеск. Благодаря этому автор создаёт глубокий образ женщины, где биологическое и духовное неразрывны. Национальная идентичность раскрывается через судьбу материнского тела, которое становится символом исторического пути Китая. Вместо официальной истории «героев» Мо Янь пишет историю живой человеческой плоти. Женское тело у него — и хранитель народной памяти (через диалекты и обряды), и поле политического насилия. Такой подход позволяет увидеть XX в. не как сухую смену режимов, а как живой опыт страданий и стойкости простых людей. Стиль романа держится на трёх китах: диалектизмы, магический

реализм, авангардные приёмы. Мо Янь продолжает традиции «литературы поиска корней» и возвращает в прозу живой народный язык. В итоге рождается уникальный авторский стиль, который О. П. Родионова называет «китайским постмодернизмом» — экспериментальная форма здесь спокойно уживается с традиционными семейными ценностями [8, с. 112].

Литература

1. Бородина М. А., Ван С. Краткий обзор развития китайской авангардной литературы в XX в. // Филология. 2024. С. 125–129.
2. Груздева Е. Традиции китайской классической литературы и литературы запада в романе Мо Яня «Страна вина» // Филология и культура. Philology and culture. 2023. № 4. С. 120–125.
3. Литературоведение: библиографический указатель / Е. А. Дмитренко, М. Я. Курашова, Е. А. Малютина и др. // Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. 2019. № 6. С. 1–80.
4. Заварзина Г. А. Стилистика русского языка: методические указания для студентов 4 курса дневного отделения факультета русского языка и литературы. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2006. 20 с.
5. Игнатенко А. В. Особенности языковой игры в прозе лю чжэньюня на примере романа «я не пань цзиньлянь» // Вестник СПбГУ. Востоковедение и Африканистика. 2022. № 3. С. 507–523.
6. Касымова О. П., Гун Лэй. Семантическое освоение заимствований из китайского языка в русский // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 10. С. 120–124.
7. Лю Н. Тема «Малой родины» в творчестве Мо Яня // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2016. № 5. С. 148–150.
8. Родионова О. П. Пути развития китайской литературы в XX и XXI вв. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2023.
9. Чжан Хуншань. Сто лет изучения китайского фольклора // София. 2022. № 1. С. 54–61.
10. Чжао Паньпань. Фаунонимическая лексика в древней китайской поэзии и её перевод на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 299–303.
11. Шэ Сяолин, Вэнь Цзянь. Современная китайская художественная проза (1919–1949) в России: ранний перевод, издание и изучение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. № 1. С. 4–18.

Сведения об авторе

Батожаргалова Сэсэг, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: seseg.batozhargalova@mail.ru

Batozhargalova Seseg, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Хандархаева Виктория Викторовна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: khandarkhaeva@yandex.ru

Khandarkhaeva Viktoria Viktorovna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ТИПОЛОГИЯ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВ В СБОРНИКЕ «ЛЯО ЧЖАЙ ЧЖИ И» ПУ СУНЛИНА

© Батуева Самира Цыреновна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
samira.batueva@yandex.ru

В данной работе рассматривается знаменитый сборник «Ляо Чжай чжи и» китайского писателя Пу Сунлина, а также типология сверхъестественных существ внутри новелл сборника. Будут выделены четыре основных типа: лисы-оборотни (хулицзин), призраки (гуй), божества загробного мира и демоны неодушевленных предметов или растений. Для каждой группы будут выявлены общие черты, сюжетные функции, мотивы поведения.

Ключевые слова: Пу Сунлин, «Ляо Чжай чжи и», типология, сверхъестественные существа, хулицзин, гуй.

TYPOLOGY OF SUPERNATURAL CREATURES IN PU SONGLING'S «LIAOZHAI ZHIYI»

Batueva Samira Tsyrenovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
samira.batueva@yandex.ru

This paper examines the famous collection Liaozhai Zhiyi by the Chinese writer Pu Songling, as well as the typology of supernatural beings within the collection's tales. Four main types of classification are identified: fox spirits (hulijing), ghosts (gui), deities of the underworld and demons of inanimate objects or plants. For each group, common features, plot functions and behavioral motives are identified.

Keywords: Pu Songling, Liaozhai Zhiyi, supernatural beings, hulijing; gui.

Среди множества существ, описанных на страницах сборника Пу Сунлина, особое место занимает образ духов-лисиц (хулицзин). Автор переосмысляет привычный негативный образ лисы-соблазнительницы и придает ему новые, зачастую положительные, характеристики, которые делают образ более живым.

Природа хулицзин описана достаточно подробно. В китайской традиции лисы получают способность менять облик к пятидесяти, ста или даже к пятиста годам. Более взрослые особи обычно описываются на страницах новелл как использующие продвинутую, совершенную магию. Лисы, достигшие тысячелетнего возраста, в «Ляо Чжай чжи и» почти не отличимы от людей, в то время как молодые могут лишь частично менять облик, выдавая себя отсутствием тени или наличием хвостом. Тем не менее, они всегда сохраняют уязвимость: специфический запах, боязнь собак или отсутствие отражения в зеркале.

Если с точки зрения «природы» хулицзин похожи между собой, то в зависимости от их характеров и поступков, Пу Сунлин выделяет несколько типов лис:

1. Лиса-соблазнительница. Самый знакомый образ, который был унаследован из более ранней традиции. Такие лисы очаровывают мужчин, а после «высасывают» из них жизненную энергию. (Пример: «Лиса из Ланьшаня»).

2. Лиса-жена. Добрый образ, который раскрывает нам лису как опору для мужа, ведет хозяйство, поддерживает, дает советы. (Пример: «Лиса Синь Шицзе»).

3. Лиса-наставница. Они не вступают с героями в любовную связь, а наставляют, придерживаясь облика пожилой женщины или седого старца. (Пример: «Старая лиса-каллиграф»).

4. Лиса-мстительница. Более редкий тип, который мстит обидчикам близких или своим собственным. Могут быть жестоки. (Пример: «Мечь лисы»).

Автор делает лис очень противоречивыми персонажами, наделяя их положительными и отрицательными качествами в разных пропорциях. Он показывает, что внешность не определяет сущность, и что лисы могут быть добросовестнее людей. Образ несет в себе много интересных мотивов — от изображения более многогранных женских персонажей в литературе до критики общества, и в итоге хулицизм у Пу Сунлина перестает быть просто демоном, а становится сложным философским и художественным образом.

Вторая по численности и значимости категория сверхъестественного в сборнике является гуй. Гуй — призраки, которые изначально были людьми, в отличие от лис (нечеловеческих существ по рождению). Они нередко представляются читателю как молодые девушки погибшие насильственной смертью или покончившие с собой. Призраки не могут обрести покой, если у них есть неотомщенные обиды или они не были похоронены должным образом. Пу Сунлин в своих новеллах использует именно подобные мотивы.

Внешний вид призраков мало чем отличается от людей, обычно это ряд специфичных черт, например, бледная кожа, способность проходить сквозь стены и прочее. Их касания холодны и несут болезни. Во многих новеллах призрак оживает после определенных ритуалов.

Призраки у Пу Сунлина существа не столько страшные, сколько трагичные, вызывающие сочувствие. Через образы призраков обличается несправедливость общества по отношению к женщинам. Многие героини были насильственно выданы замуж, избиты и доведены до самоубийства, а их последующее возвращение становится актом справедливости, который не всегда возможен в реальности, но возможен на страницах сборника о сверхъестественном.

Третья категория — божества загробного мира. Они являются низшими божествами и некой бюрократической системой потустороннего мира. В Китайской религии загробная жизнь устроена по образцу имперского государственного аппарата, то есть в ней есть царь, судьи и т.д. Самое важное в этой категории — сатира. Пу Сунлин активно использует «бюрократическую» модель потустороннего мира, как способ высмеять настоящую. Та же коррупция, те же чиновники и их несправедливые решения. Автор не хочет запугать читателя, а лишь показывает несправедливость и абсурдность такой системы для народа.

Четвертая категория, а также самая разнообразная, — духи неодушевленных предметов, растений и даже явлений природы. В западной традиции такое встречается реже, но в китайском веровании любая вещь при определенном условии способна обрести душу.

В сборнике Пу Сунлина встречаются духи пионов и хризантем, которые принимают вид прекрасных дев, или духи старых сосен или бамбука, в облике благородных старцев. На страницах новелл оживают даже чернильные камни, чайные чашки и статуи Будды. Реже встречаются духи ветра, огня и дождя, которые чаще всего враждебны к человеку или нейтральны. Эта категория ярче всего выражает пантеистическое мировоззрение Пу Сунлина, для которого мир пронизан жизнью и сознанием. Любая вещь, будь то старая или потрепанная, может оказаться живой и осознанной, что создает ощущение чуда, скрытого в повседневности.

После общего анализа можно сделать несколько важных выводов. Первый из них — что за кажущимся хаосом фантастических образов, в сборнике присутствует определенная структура. Сверхъестественные существа сведены к четырем основным типологическим группам: духи-лисы (хулицизм), призраки (гуй), божества и чиновники загробного мира, а также духи неодушевленных предметов и растений. Группы разделены неравномерно — лисы и призраки составляют большую часть существ, именно на них держится основная часть сюжетов, около 70–80%. Боги и духи встречаются заметно реже.

Еще одним важным выводом исследования является то, как Пу Сунлин сознательно разрушает фольклорные стереотипы. Лисы становятся не только соблазнительницами, но и наставницами и женами, призраки превращаются из пугающих сущностей в заслуживающих сочувствие. Автор открыто намекает нам, что моральная оценка зависит не от облика, а от действий.

В произведении значительную роль играет социальная функция сверхъестественных существ. Пу Сунлин скрыто критикует цинское общество через свои работы, таким образом обходя цензуру и заявляя о коррупции чиновников, несправедливости экзаменационных систем, жестокости помещиков и положении женщин через образы призраков, лисов и духов.

Пу Сунлин создал сборник, который не имеет аналогов, и его произведения повлияли на будущее развитие жанра сверхъестественного, вплоть до современного фэнтези и кинематографа. Мир сборника подчинен внутренней логике, его персонажи многомерны, а истории — глубоки и философски.

Литература

1. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном / пер. В. М. Алексеева. Москва: Художественная литература, 1973. 320 с.
2. Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. Москва: Наука, 1978. С. 250–298.
3. Горелов В. И. Пу Сунлин и его «Записи о чудесах». Москва: Художественная литература, 1973. С. 3–24.
4. Сторожук А. Г. Три мира Пу Сунлина: поэтика чудесного в классической китайской новелле. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2010. 240 с.

Сведения об авторе

Батуева Самира Цыреновна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: samira.batueva@yandex.ru

Batueva Samira Tsyrenovna, student, Dorzhi Banzarov Banzarov State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tugulovaod@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov State University, Ulan-Ude

ГОЛОС С ТОГО СВЕТА: СПЕЦИФИКА НАРРАТОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В РОМАНЕ ЮЙ ХУА «СЕДЬМОЙ ДЕНЬ»

© Белых Елизавета Витальевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
seizthed@mail.ru

В настоящей статье исследуется специфика и функционирование нарратологических стратегий в романе китайского писателя Юй Хуа «Седьмой день». Методологической основой исследования послужил аппарат современной нарратологии, в частности ее относительно нового и динамично развивающегося направления — «неестественной нарратологии». Основное внимание уделяется анализу используемых автором повествовательных стратегий, фигуре «мертвого нарратора» как ключевой повествовательной инстанции и особенностям выстраивания нарратива через призму его восприятия.

Ключевые слова: Юй Хуа, нарратология, нарративные стратегии, мертвый нарратор, китайская литература.

A VOICE FROM THE OTHER SIDE: NARRATIVE STRATEGIES AND THEIR SPECIFIC FEATURES IN YU HUA'S NOVEL THE SEVENTH DAY

Belykh Elizaveta Vitalevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
seizthed@mail.ru

This article explores the nature and functioning of narrative strategies in the novel *The Seventh Day* by the Chinese writer Yu Hua. The study is methodologically grounded in the framework of contemporary narratology, specifically its relatively new and rapidly evolving branch — «unnatural narratology». Particular attention is paid to the analysis of the author's narrative practices, the figure of the «dead narrator» as a central narrative agent, and the specific ways in which the narrative is constructed through the prism of their perception.

Keywords: Yu Hua, narratology, narrative strategies, dead narrator, chinese literature.

На рубеже XX и XXI столетий в литературоведении началось достаточно активное трансформирование науки нарратологии, что привело к возникновению в середине 2000-х гг. нового направления — «неестественной нарратологии». Данное направление нарратологической науки сосредоточено на изучении «необычных, странных, невозможных и экстремальных» нарративных практик, которые выходят за рамки привычного представления о действительности [3]. Роман Юй Хуа «Седьмой день» (第七天) представляет собой весьма яркий и показательный пример подобного «неестественного нарратива», поскольку основной повествовательной инстанцией в романе является мертвец, рассказывающий о событиях после своей кончины.

Важнейшей категорией для понимания романа является залог (или же «voice») — категория, введенная в использование Жерраром Женеттом. Данная категория описывает инстанцию, совокупность условий которой порождает повествовательное высказывание. Согласно теоретической модели Жерара Женетта, одного из основателей современной теории нарратологии, мы можем определить, что главный герой романа «Седьмой день» по имени Ян Фэй является примером реализации концепции автодигетического повествователя — такое повествовательное лицо, которое является непосредственным героем своего повествования [2, с. 420]. Кроме того, историю Ян Фэя мы воспринимаем в том числе через фиксированную внутреннюю фокализацию — то есть глазами непосредственного участника событий. Однако,

в отличие от классического автобиографического романа, в рассматриваемом нами произведении статус субъекта речи определяется его принадлежностью к миру мертвых, что и делает его «неестественным нарратором».

В современном нарратологическом дискурсе принято проводить границу между двумя ипостасями повествователя в тексте: так называемым «повествующим я», то есть субъектом в моменте речи (экзегесисе), и «повествуемым я» — объектом рассказа, действующим в прошлом (диегесисе) [4, с. 47]. В исследуемом романе «повествующее я» главного героя Ян Фэя — это тот самый «голос с того света», вещающий из некоего лиминального пространства, представляющего собой нечто вроде лимба, на протяжении первых семи дней после своей смерти: «浓雾弥漫之时，我走出了出租屋，在空虚混沌的城市里孑孓而行。我要去的地方名叫殡仪馆。<...>我的火化时间预约在九点半。<...>我意识到这是一个重要的日子：我死去的第一天。」 [5, с. 4]

Подобный статус нарратора в тексте исключителен и парадоксален. Как отмечает М.М. Бахтин в своей работе «Вопросы литературы и эстетики»: «слово о мертвом стилистически глубоко отлично от слова о живом», поскольку мертвые традиционно «изъяты» из сферы обыденного коммуникативного контакта [1, с. 408]. Как мы понимаем, повествователи с «мертвым» статусом — редкость для художественного произведения, поскольку авторам сложно удерживать подобную перспективу на протяжении всего повествования, не давая читателю уйти в рационализацию — то есть, привычное для него реалистическое толкование происходящего. Однако этим нам и интересен Ян Фэй как нарративная инстанция: он сам повествует о себе, присваивая себе право выступать свидетелем и судьей собственного существования (как при жизни, так и в посмертии). Кроме того, Ян Фэй как повествователь и персонаж берет на себя особую функцию передачи читателю конкретного опыта, с которым автор не смог бы столкнуть его, используя более традиционную повествовательную перспективу.

Выше нами уже упоминалось, что в исследуемом романе персонаж Ян Фэй функционирует как автодиегетический нарратор. Однако обращаясь к методологической базе «неестественной нарратологии» мы можем также обозначить его и как паралептического нарратора, нарушающего привычную логику повествования. В произведении Юй Хуа уже мертвый субъект буднично описывает физически невозможные в представлении читателя сценарии: свое присутствие в похоронном бюро, ожидание кремации и общение с другими умершими. Это порождает эффект, который в методологии «неестественной» нарратологии принято называть эффектом онтологической нестабильности. Он воздействует на читателя напрямую, вводя его в замешательство, сталкивая повседневность с чем-то предельно парадоксальным. Кроме того, если опираться на идею В. Шмида о том, что нарратор представляет собой не человека из плоти и крови, а некий «созерцающий ум» [4, с. 26], то мы можем уверенно заключить, что в романе «Седьмой день» этот ум также наделен особыми эпистемологическими привилегиями. Он, путешествующий по воспоминаниям, способен фиксировать детали своей собственной кончины при взрыве в ресторане, где он обедал: «谭家鑫的眼睛瞪着我，以及随后的一声轰然巨响，这就是我能够寻找到的后情景» [5, с. 26], а также реакции окружающих, которые по определению недоступны живому человеку. Так, например, Ян Фэй отмечает крики, толкотню других посетителей у дверей ресторана, и то, как некоторые выбивали окна, чтобы спастись: «这时候饭店的厨房起火了，浓烟滚滚而出，在楼下吃饭的人发出了惊慌的叫声，我抬起头来，看着他们一个个拔腿往外跑去。<...>有几个顾客搬起椅子砸开窗户跳窗而逃。<...>» [5, с. 25].

Следовательно, «повествующее я» героя Ян Фэя смотрит на свое «повествуемое я» с позиции абсолютного знания, что все-таки позволяет нам классифицировать его как паралептического нарратора. Однако стоит подчеркнуть, что подобный взгляд с позиции «абсолютного знания» ограничивается рамками самой фигуры нарратора как центрального субъекта повествования и продиктован его «мертвым» статусом. Повествователь в данном романе не

претендует на всеведение в отношении остального мира и событий, касающихся других героев — в рамках повествования он все же постигает ситуацию наравне с читателем и не обладает никакой дополнительной информацией о будущем мира и собственного бытия. И, тем не менее, статус Ян Фэя как повествователя в романе не сводится однозначно к традиционному рассказу от первого лица. Опираясь на методологию «неестественной» нарратологии, мы склонны определять его как функционирование специфичной, «неестественной» инстанции, которая, являясь фактически мертвой, становится своеобразным «духом повествования», связывающим воедино свой собственный посмертный опыт и опыт других героев романа. Подобная перспектива позволяет автору наделить Ян Фэя как повествователя особой идеологической функцией в произведении для более глубокого воздействия на читателя, чего не удалось бы реализовать в полной мере через более «традиционную» инстанцию.

Как уже было отмечено выше, статус Ян Фэя как «мертвого нарратора» наделяет его особыми эпистемологическими возможностями, недоступными обычному живому человеку, поскольку его посмертная перспектива позволяет нам взглянуть на привычную реальность с позиции «наблюдателя по ту сторону» и тем самым выявить то, что обычно остается незамеченным. В романе Юй Хуа «мертвый нарратор» выступает в том числе инструментом социальной сатиры. Через его восприятие автор обнажает перед читателем проблемы, которые в обществе традиционно принято замалчивать и не замечать: жесткая социальная иерархия, бедность, систематическое угнетение маргинализированного населения. Использование точки зрения умершего повествователя, как нами было отмечено ранее, усиливает эмоциональное воздействие текста на читателя, а также подчеркивает абсурдность реальности, в которой равенство не наступает даже после смерти. Наглядно это утверждение иллюстрирует эпизод в самом начале произведения, когда главный герой добирается до похоронного бюро и видит, что даже здесь умершие разделены по признаку их социального положения и достатка. Одни усопшие разместились в «ВИП-зоне» на диванах с мягкой обивкой, тогда как другие, обделенные материальным достатком, вынуждены ютиться на пластиковых стульях: «<...> 左边是沙发区域，舒适的沙发围成几个圆圈，中间的茶几上摆放着塑料花。塑料椅子这边坐着很多候烧者，沙发那边只有五个候烧者。<...> 沙发那边是贵宾区域，我的身份属于塑料椅子这边的普通区域» [5, с. 8]. Следовательно, стратегия «неестественного повествователя» в романе Юй Хуа реализует социально-критическую функцию: она вскрывает перед читателем пороки системы и делает их гротескными, а потому особенно заметными, превращая частную историю о смерти одного человека в масштабный комментарий о состоянии всего общества.

Таким образом, роман Юй Хуа «Седьмой день» можно рассматривать как весьма репрезентативный пример использования стратегии «неестественной нарратологии», в котором, за счет введения мертвого рассказчика, реализуется основная коммуникативная цель автора — заставить читателя осознать и осмыслить проблемы реальности через ирреальную, невозможную оптику, более глубоко влияющую на восприятие. Ян Фэй, выступающий одновременно как автодиегетический нарратор и паралептическая инстанция, соединяет в себе «повествующее я» и «повествуемое я», и воплощает тем самым уникальную посмертную перспективу, позволяющую ему заново осмыслить собственную смерть и опыт существования по ту сторону жизни. Именно этот «голос с того света» создает в романе особую онтологическую нестабильность и расширяет для читателя границы привычного художественного мира, а также служит инструментом социальной сатиры и несет возложенную на него автором идеологическую функцию, непосредственно воздействующую на читателя. Благодаря такой нарративной стратегии Юй Хуа не просто исследует пограничные состояния человеческого существования, но и обнажает острые противоречия современного общества.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

2. Женетт Ж. Фигуры: в 2 томах / под общ. ред. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. Т. 2. Повествовательный дискурс. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 470 с.
3. Лозинская Е. В. Неестественная нарратология (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2017. № 1. С. 31–47.
4. Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
5. 余华. 第七天. 2 版. 北京: 新星出版社, 2018. 225 页.

Сведения об авторе

Белых Елизавета Витальевна, студентка 4-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: seizthed@mail.ru

Belykh Elizaveta Vitalevna, 4nd year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна, кандидат филологических наук, доцент, г. Улан-Удэ, e-mail: soelma_d@mail.ru

Dashieva Soelma Tsyren-Dashievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ В ПОВЕСТИ ЧЖАН АЙЛИН «ГНЕВНАЯ ДАМА»: СТРАТАГЕМНЫЕ МОДЕЛИ ВЫЖИВАНИЯ

© Будаева Алима Сырен-Доржиевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
abudaeva154@gmail.com

В статье анализируется образ главной героини романа Чжан Айлин «Гневная дама» через призму стратегического мышления. Автор приходит к выводу, что перед нами трагическая диалектика: стратегическое мышление оборачивается одновременно инструментом выживания и средством саморазрушения. Женщины в патриархальном обществе вынуждены прибегать к косвенным стратегиям выживания — притворному подчинению, скрытой манипуляции, выжиданию подходящего момента, чтобы получить власть. Однако подобные стратегии нередко ведут к саморазрушению и консервации репрессивных систем.

Ключевые слова: Чжан Айлин, «Гневная дама», женский образ, стратагемы, гендерные стратегии.

THE WOMAN'S IMAGE IN ZHANG AILIN'S NOVEL «THE ANGRY DAME»: STRATEGIC MODELS OF SURVIVAL

Budaeva Alima Siren-Dorzheevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
abudaeva154@gmail.com

The article analyzes the image of the main character in Zhang Ailing's novel «The Angry Lady» through the lens of strategic thinking. The author concludes that we are witnessing a tragic dialectic: strategic thinking becomes both a tool for survival and a means of self-destruction. In a patriarchal society, women are forced to resort to indirect survival strategies, such as feigned submission, covert manipulation, and waiting for the right moment, in order to gain power. However, these strategies often lead to self-destruction and the perpetuation of oppressive systems.

Keywords: Zhang Ailing, The Angry Lady, female image, stratagems, gender strategies.

Творчество Чжан Айлин (1920–1995) долгое время находилось в тени официальной литературы, однако сегодня эта китайская писательница привлекает внимание исследователей своей беспощадной честностью в изображении женской судьбы. Ю.А. Куприянова замечает: практически во всех произведениях Чжан Айлин главное действующее лицо — жительница мегаполиса, сталкивающаяся с противоречиями республиканского Китая. Однако за внешней канвой бытовых сюжетов скрывается вопрос: какими средствами женщина в традиционном китайском обществе, лишённая доступа к власти и ресурсам, выстраивает стратегию выживания?

В статье анализируется образ героини повести «Гневная дама» (кит. «怨女», 1966) сквозь призму стратагемного мышления — системы из 36 военных хитростей, которые в гендерном контексте становятся инструментами непрямого действия. Благодаря им женщина способна добиваться целей, не вступая в открытый конфликт с патриархальным укладом.

В китайской традиции стратагемы — это алгоритмы поведения для победы в ситуации, где прямая сила проигрышна. В Китае первой половины XX в. женщина получила формальные права, но де-факто её ограничивали традиционные императивы. Стратагемное поведение превратилось в повседневную практику. Женщина училась прятать намерения, изображать покорность, использовать семейные узы как рычаги давления. Чжан Айлин показала, как эта вынужденная хитрость разрушает личность, превращая жертву в домашнего тирана.

Главная героиня — Иньди «Серебряная рабыня». Она сирота, живёт у брата. Невестка предлагает ей два варианта: стать наложницей слепого старика или выйти замуж за больного младшего сына богатой семьи Яо. Иньди устраивает аффективную сцену (протест, плач), но соглашается на второй брак. С позиции стратагемного анализа это не поражение, а маневр. Чжан Айлин показывает в этой истерике продуманный перформанс. Иньди выбирает меньшее из зол: в доме Яо она будет законной женой, а не наложницей. Это стратагема № 1 «Переправиться через море, сотворив видимость» (кит. 瞒天过海). Героиня делает вид, что покоряется, но внутренне строит план: перетерпеть, дожидаться сына, получить власть. Текст фиксирует холодный расчёт: *«Она думала о своём. В доме Яо она хотя бы будет хозяйкой, а не прислугой»*. Никакой иллюзии — чистая стратагема.

В семье Яо Иньди сталкивается с враждебностью свекрови и беспомощностью мужа. Прямой бунт невозможен. Она использует стратагему № 7 «Из ничего создать нечто» (кит. 无中生有): будучи никем, она делает себя незаменимой. Она ухаживает за свекровью, выполняет грязную работу, молчит. Чжан Айлин пишет: *«Она научилась молчать. Молчание было её единственным оружием»*. Когда муж умирает, а у Иньди остаётся сын-наследник, она становится регентшей. Здесь срабатывает стратагема № 31 «Соблазнить врага, чтобы использовать его» (кит. 美人计), где роль «красотки» играет демонстрируемая покорность. Иньди усыпила бдительность свекрови и получила власть.

Получив власть, Иньди не может от неё отказаться и воспроизводит систему угнетения. Она не отпускает сына, выбирает невесту по расчёту, мучает невестку. Её стратагемы становятся самоцелью. Это стратагема № 10 «Смеющийся нож, скрывающий улыбку» (кит. 笑里藏刀): внешне Иньди заботлива, но каждое её слово — манипуляция. Чжан Айлин пишет: *«Она не кричала, не била посуду. Она только смотрела пристально и тихо роняла фразы, от которых у снохи холодело внутри»*. Тихая жестокость страшнее открытой агрессии.

Ключевая сцена — эпизод с масляной лампой в финале. Иньди достаёт старую лампу, которую разбила в молодости, и вспоминает аптекаря Сяо Лю — единственного мужчину, который относился к ней по-человечески. Но он был беден, и Иньди, погружённая в логику стратагемного торга, не решилась на побег. Теперь у неё ничего не осталось. Чжан Айлин пишет: *«Она черпала утешение во всём, но внезапно ничего этого не стало. Этих вещей во все не было. В этой жизни с ней ещё ничего не случилось»*. Стратагемы помогли выжить и получить власть, но уничтожили способность к подлинным чувствам. Она выиграла битву за статус, но проиграла войну за душу. В этом отличие женской стратегии от военной: в мире мужчин стратагему можно отложить, а женщина, запертая в семье, не может отказаться от неё даже после победы.

Ю.А. Куприянова справедливо замечает: *«Несмотря на прогрессивное образование, многие горожанки в душе так и оставались непросвещёнными... как же получается, что порой демонстрируют они худшие свои стороны, строптивы и мнительны, как и их прабабки?»* Чжан Айлин воплощает этот парадокс в Иньди. Она умна, но её ум направлен не на изменение системы, а на занятие места палача вместо жертвы. Она не выходит замуж за аптекаря — это «нестатусно». Она не отпускает сына — боится одиночества. Она мучает невестку — та напоминает ей её саму молодую. Травма не лечится стратагемами, а консервируется.

Таким образом, повесть «Гневная дама» — это философское исследование того, как система угнетения воспроизводится самими угнетёнными, когда у них нет иных инструментов, кроме хитрости. Чжан Айлин не даёт моральных оценок, она фиксирует механизм, превращающий «серебряную рабыню» в «гневную даму», а затем в домашнего тирана. Стратагемы помогли Иньди выжить, но уничтожили её как личность. Главный вывод: выигранная с помощью стратагем битва за власть внутри семьи не делает женщину свободной, она лишь переводит её из одного угла клетки в другой. Пока единственным оружием остаётся хитрость, победа неотличима от поражения.

Литература

1. Куприянова Ю. А. Образ новой женщины Китая середины XX в. в произведениях Чжан Айлин // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2014. Вып. 3. С. 100–107.
2. Чжан Айлин. Гневная дама / пер. с кит. URL: <https://www.guxuo.com/xdmj/ zhangailing/yn/index.htm> (дата обращения: 11.04.2026).

Сведения об авторе

Будаева Алима Сырен-Доржеевна, бакалавр, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: abudaeva154@gmail.com

Budaeva Alima Siren-Dorzheevna, bachelor, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Хандархаева Виктория Викторовна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: khandarkhaeva@yandex.ru

Khandarkhaeva Victoria Viktorovna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

СИМВОЛИКА ЧИСЛА 8 В ЯПОНСКИХ МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ

© Будаева Мария Баясхалановна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
budaevamaria549@gmail.com

В статье рассматривается символика числа 8 в японской мифологии. На материале древних текстов и исследований отечественных и зарубежных авторов анализируются основные значения и функции этого числа. Делается вывод о многослойном характере символики числа 8 в японских мифах и легендах.

Ключевые слова: японская культура, религия, мировосприятие, символика чисел.

SYMBOLISM OF THE NUMBER 8 IN JAPANESE MYTHS AND LEGENDS

Budaeva Maria Bayaskhalanovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
budaevamaria549@gmail.com

This article explores the symbolism of the number 8 in Japanese mythology. Drawing on ancient texts and research by both domestic and international scholars, the author analyzes the primary meanings and functions of this number. It is concluded that the symbolism of the number 8 in Japanese myths and legends has a multi-layered character.

Keywords: Japanese culture, religion, worldview, number symbolism.

Числа являются важной частью культуры и языка народа, отражая его представления о мироустройстве. В японской мифологической традиции особое место занимает число восемь, которое регулярно встречается в сюжетах древних мифов и легенд.

В данной работе даётся анализ числа восемь в мифах и легендах, содержащихся в «Кодзики» и «Нихон сёки», для чего необходимо дать характеристику источникам «Кодзики» и «Нихон сёки» и проанализировать мифы и легенды, содержащие число восемь.

Изучением числовой символики в японской мифологии и культуре занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи. Н. В. Кутафьева в статье «Числительные в устойчивых выражениях японского языка» проанализировала категорию количества и способы её выражения в японском языке. Т. М. Гуревич и А. А. Войцехович в совместной работе провели сопоставительный анализ счастливых чисел в Китае и Японии, рассмотрев, в том числе символику числа восемь. Ёсихара Акио на материале «Кодзики» исследовал числовые понятия, встречающиеся в древних мифах.

Наиболее ярко число восемь проявляет себя в древних мифах и легендах, дошедших до нас в двух основных источниках «Кодзики» и «Нихон сёки», которые представляют собой древнейшие письменные памятники Японии, составленные в начале VIII в. «Кодзики» были завершены в 712 г. О-но Ясумаро по поручению императрицы Гэммэй. Текст был записан смешанным китайско-японским письмом и состоит из трёх свитков [4, с. 26].

«Нихон сёки», был написан в 720 г. и представляет собой официальную придворную хронику, написанную классическим китайским письменным языком камбун, что делало её более доступной для китайских дипломатов. Оба памятника включают мифологический раздел, повествующий о деяниях богов (ками) и сотворении японского архипелага. [4, с. 27].

Именно в мифологических разделах «Кодзики» и «Нихон сёки» число восемь встречается особенно часто и такая частотность не случайна. На эту тему существует несколько теорий, объясняющих, почему число восемь занимает особое место в мифологических сюжетах.

Одна из теорий гласит, что восемь является самым большим числом, обозначающим множественность. Однако неверно утверждать, что в древности восемь воспринималось как самое большое число, так как в «Кодзики» уже использовалась десятичная система, и следов восьмеричной системы не обнаружено [6, с. 25].

Также есть теория Мотоори Норинага, известного японского ученого эпохи Эдо, согласно которой число восемь произошло от слова «ия» (много). Про значение множества он писал, что 八 я — это не «восемь», которое при счете следует после «семи», а это древний обычай выражать обилие или нагромождение чего-то [2, с. 76].

Эта теория находит своё подтверждение и в текстах. Так, в одной из легенд встречается образ змея *Ямата-но ороты*, который имел восемь голов и восемь хвостов. Его тело также простиралось на восемь долин и холмов [5, с. 142]. В данном примере восемь не просто точное число, а гиперболическое описание, подчёркивающее необъятность и всепоглощающий характер хаоса. Также пространство, занимаемое змеем (восемь долин и восемь холмов), подчёркивает его космический масштаб.

Однако в текстах «Кодзики» и «Нихон сёки» число восемь используется не только для обозначения неопределённого множества, но и для точного счёта по восемь. Так, в мифе о сотворении Японии говорится: «И вот, потому, что эти восемь островов раньше [других] рождены были, они зовутся Оо-ясиагуни — Страна Восьми Больших Островов» [2, с. 47]. При порождении богов встречаются следующие перечисления: «От бога Аванаги-но ками до бога Куни-но-кухидзамоти-но ками всего восемь богов» [2, с. 52]. В этих фрагментах наблюдается конкретное повторение именно числа восемь. Следовательно, символика числа восемь не сводится исключительно к производному от слова «ия» [6, с. 25].

Существует также теория, согласно которой, символика числа 8 восходит к устройству ритуального алтаря, где учитывались четыре стороны (перед, зад, лево, право) и четыре угла, что давало восемь сакральных направлений. Этот принцип до сих пор встречается в синтоистских обрядах почитания божеств. Однако в «Кодзики» значение числа восемь чаще связано не со сторонами света, а с делением человеческого тела [6, с. 26].

Чтобы понять, как именно символика числа восемь в мифах и легендах связана с делением тела следует обратиться к верованиям древних японцев. Задолго до появления синтоизма в Японии был шаманизм. Этому есть подтверждения в «Кодзики», например, когда богиня солнца Аматаэрасу скрылась в Небесном гроте, богиня Амэ-но-Удзумэ-но микото танцевала в полубезумном состоянии [2, с. 87].

В мире шаманизма, из-за непостижимости рождения человека от человека, в мифах «Кодзики» и «Нихон сёки» боги рожают страну, боги рожают богов [6, с. 26]. Так, когда был убит бог Хи-но кагуцути-но ками (бог огня), из его трупа родились восемь богов [2, стр.57]. Поскольку всё рождается из частей тела, возникает вопрос о том, каким образом происходило деление тела.

В первом свитке «Кодзики» рассказывается, как Идзанаги-но микото, опечаленный и разгневанный смертью Идзанами-но микото, которая получила ожоги после рождения бога огня, разрубил бога огня мечом. Из восьми частей разрубленного тела: голова, грудь, живот, половые органы, левая рука, правая рука, левая нога, правая нога — рождаются восемь божеств [2, с. 57].

Почти в том же порядке восемь частей тела перечисляются в эпизоде посещения Идзанаги страны Ёми: в голове, груди, животе, половых органах, руках и ногах мёртвой Идзанами сидят восемь богов грома. Подобное повторяющееся совпадение позволяет предположить, что в древней японской мифологической традиции существовал устойчивый мотив деления тела на восемь частей [6, с. 26].

Связь числа восемь с делением тела подтверждается не только мифологическими сюжетами, но и ритуальной практикой. Ритуал омовения 禊 *мисоги*, сохранившийся в Юго-Восточной Азии, предполагает последовательное омывание восьми частей тела: левой и правой руки, левой и правой ноги, лица, груди, живота и нижней части тела [6, с. 26]. Подтвер-

ждение этому можно найти и в текстах «Кодзики», и в текстах «Нихон сёки». Например, эпизод омовения Идзанаги после возвращения из страны Ёми. Первым делом, едва спасшись бегством из страны Ёми, Идзанаги-но микото совершил омовение. В «Кодзики» дано следующее описание: «Омовение на дне... Омовение в середине... Омовение на поверхности...» [2, с. 69]. Исходя из этого, можно предположить, что порядок восьми частей тела соответствует порядку омовения.

В итоге, символику числа восемь в мифах можно считать сакральной. Ёсихара Акио, пишет, что изначально сакральность числа восемь возникла из ритуального деления человеческого тела на восемь частей. В более поздние времена, когда жрицы устанавливали алтари и стали почитать богов в четырёх углах (восьми направлениях света), это способствовало дальнейшей сакрализации числа восемь [6, с. 26].

Таким образом, можно говорить о том, что символика числа восемь в японских мифах и легендах представляет собой многослойный феномен, укоренённый одновременно в языке (значение «множества») и в шаманистических представлениях о делении тела на восемь частей и порядке омовения.

Литература

1. Гуревич Т. М., Войцехович А. А. Счастливые числа в Китае и Японии // Концепт: философия, религия, культура. Москва: Изд-во МГИМО, 2020. С. 137–148.
2. Кодзики: записи о деяниях древности / пер. со старояп. и коммент. Е. М. Пинус; науч. ред. В. Н. Горегляд; пер., предисл. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. Санкт-Петербург: ШАР, 1994. 249 с.: ил.
3. Кутафьева Н. В. Числительные в устойчивых выражениях японского языка // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2013. С. 18–27.
4. Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. Москва: Наука, Гл. редакция восточной литературы, 1991. 224 с.
5. Нихон сёки: Анналы Японии: в 2 томах / пер., комм. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. Санкт-Петербург: Гиперион, 1997 (Литературные памятники древней Японии. IV).
6. Yoshihara A. Kojiki ni mirareru sūgainen ni tsuite // Nihon sūgaku kyōiku gakkai shi. 1975. Vol. 57, no. 1. P. 22.

Сведения об авторе

Будаева Мария Баясхалановна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: budaevamaria549@gmail.com

Budaeva Maria Bayaskhalanovna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Жанцанова Марина Георгиевна, кандидат культурологии, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: dari9@yandex.ru

Zhantsanova Marina Georgievna, candidate of cultural studies, A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ОБРАЗ НАЛОЖНИЦЫ ЮЙ В ЖИЗНИ И НА СЦЕНЕ В РОМАНЕ ЛИЛИАН ЛИ «ПРОЩАЙ, МОЯ НАЛОЖНИЦА»

© Бутханова Екатерина Валерьевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
butkhanovakatya@gmail.com

Статья посвящена исследованию образа наложницы Юй в романе гонконгской писательницы Лилиан Ли «Прощай, моя наложница». В истории китайской литературы образ наложницы Юй является одним из самых ярких символов женской верности и трагической жертвенности. Ее судьба и акт самопожертвования стали источником вдохновения для многих писателей, включая писательницу Лилиан Ли. Статья представляет собой анализ женского персонажа Цзюйсянь, а также того, как ее жизнь и судьба переплетается с образом наложницы Юй. Взаимосвязь между образами героев романа и оперными персонажами делает образ Юй более объёмным, а также обогащает смысл всей истории романа «Прощай, моя наложница». В результате исследования выявляются причины, по которым именно Цзюйсянь является «настоящей наложницей» и почему она оказалась вернее канонического образа, чем само театральное искусство.

Ключевые слова: наложница, верность, женский образ, женский персонаж, пекинская опера, литературный герой.

THE IMAGE OF CONCUBINE YU IN LIFE AND ON STAGE IN LILIAN LI'S NOVEL «FAREWELL, MY CONCUBINE»

Butkhanova Ekaterina Valerievna

Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
butkhanovakatya@gmail.com

This article explores the character of Concubine Yu in Hong Kong writer Lillian Li's novel Farewell, My Concubine. In the history of Chinese literature, Concubine Yu is one of the most powerful symbols of female fidelity and tragic sacrifice. Her fate and act of self-sacrifice have inspired many writers, including Li. This article analyzes the female character Juxian and how her life and fate are intertwined with that of Concubine Yu. The interplay between the novel's characters and the opera's characters adds depth to Yu's image and enriches the overall narrative of Farewell, My Concubine. This study reveals the reasons why Juxian is considered the «true concubine» and why she has proven more faithful to the canonical image than theatrical art itself.

Keywords: concubine, fidelity, female image, female character, Peking opera, literary hero.

«Прощай, моя наложница» — это известная сцена из пекинской оперы, изначально называвшаяся «Соперничество между Чу и Хань», и повествующая о событиях после падения династии Цинь, связанных с такими историческими личностями, как Лю Бан (劉邦 — первый император династии Хань) и Сян Юй (項羽 — китайский генерал, возглавлявший движение против династии Цинь).

Наложница Юй (虞姬) — историческая личность периода конца династии Цинь и начала династии Хань. Была горячо любимой наложницей Сян Юя. Юй обладала ослепительной красотой и была талантлива в искусствах. Когда Юй потерпел поражение в войне с Хань, она покончила с собой в лагере, чтобы помочь Сян Юю.

В исторических записках Сыма Цяня (司马迁) в главе «Жизнеописание Сян Юя» содержится следующее: армия под командованием Сян Юя была окружена ханьскими войсками и объединенных сил союзных правителей. Ночью, Сян Юй услышал, как со всех сторон доносятся песни Чу. Для Сян Юя это означало, что Хань уже захватила Чу. Но рядом с Сян Юем была наложница по имени Юй, которая всегда следовала за ним. В сложившихся обстоятельствах Сян Юй запел печальную песню о том, как бы защитить свою Юй. Наложница Юй, разделив печаль своего правителя, также начала петь для него: «汉兵已略地，四面楚歌声。君王意气尽，贱妾何聊生?» — «Войска Хань уже захватили земли, со всех сторон слышны песни Чу. Сила духа повелителя иссякла, зачем же мне ничтожной, оставаться в живых?», согласно легенде, после этого Юй жертвует собой ради своего повелителя. Таким образом, формируется известный сюжет «Прощание владыки с наложницей».

В различных драмах и романах образ Юй трактуется так, при жизни она принадлежит повелителю, а после смерти становится его верным призраком. Юй вверяет свою судьбу повелителю, и итоговая трагедия таких женщин проистекает из внутренней слабости и неуверенности самих мужчин.

Гонконгская писательница Лилиан Ли использовала пекинскую оперу «Прощание повелителя с наложницей» в качестве материала для своего одноимённого романа «Прощай, моя наложница». В романе Лилиан Ли «Прощай, моя наложница» главный женский персонаж Цзюйсянь (菊仙) обладает дерзким и волевым характером, даже, несмотря на то, что жизнь забросила её в публичный дом, она все равно сохраняет исключительное чувство собственного достоинства. Она решительная, умная, добрая, опытна в бытовых делах. Она сама покупает свою свободу, чтобы выйти замуж за Дуань Сяолоу. В отношениях с Дуань Сяолоу Цзюйсянь неизменно занимает ведущую позицию, используя свой ум и проницательность, чтобы оберегать его. А будучи объектом ненависти для Чэн Деи, она проявляет к нему огромное терпение и даже испытывает к нему почти материнскую жалость. И именно Цзюйсянь соответствует истинному значению наложницы.

В романе три главных героя: Чэн Деи (程蝶衣), исполняющий женские роли, а именно играет на сцене наложницу Юй, Дуань Сяолоу (段小樓) — исполнитель роли Сян Юя, и Цзюйсянь (菊仙), бывшая куртизанка, ставшая возлюбленной Сян Юя в реальной жизни. В этом любовном треугольнике заслуживает особое внимание то, как в романе переосмысливается традиционный образ наложницы Юй. Некоторые исследователи полагают, что образ Юй был разделен надвое: его унаследовали биологический мужчина Чэн Деи и биологическая женщина Цзюйсянь. Лилиан Ли разделяет эту точку зрения, полагая, что оба персонажа смогли перенять внешнюю красоту традиционной Юй, а также воплотили в себе основные грани ее натуры. Чэн Деи унаследовал ее беззаветную страсть и одержимость Сян Юем, а Цзюйсянь — ее непоколебимую верность и стойкость по отношению к Дуань Сяолоу.

Цзюйсянь, будучи женой Дуань Сяолоу и «наложницей Юй» вне сцены, демонстрирует непоколебимую верность и даже наследует финал наложницы Юй — смерть через самоубийство.

Прожив долгое время в публичном доме, Цзюйсянь научилась видеть людей насквозь, она умело находит чужие слабости и использует их в своих интересах. Она прекрасно понимает личность Сяолоу, его склонность к самовосхвалению и одержимость «сохранить лицо», свойственные его сценическому образу повелителя.

После свадьбы Цзюйсянь и Сяолоу прошли через множество суровых испытаний, когда Сяолоу схватили японские военные, Цзюйсянь умоляла Деи спасти его. Когда после войны Сяолоу подвергся нападению, Цзюйсянь также спасая его, потеряла их нерождённого ребёнка. Каждый раз, когда Сяолоу оказывался в беде, Цзюйсянь использовала любые способы, чтобы выручить его, что во многом перекликается с образом Юй, которая давала советы Сян

Юю и поддерживала его. Однако, история любви и жизни закончилась трагедией в годы «культурной революции». Из-за Сяолоу её заклеили как «члена семьи контрреволюционной банды», но даже под таким давлением она не отрекалась от мужа. В то время как Дуань Сяолоу, наоборот, не желая больше впутывать жену, солгал военным, что никогда не любил её и намерен развестись.

Цзюйсянь была готова делить с Сяолоу и горе, и радость, желая лишь быть с ним до конца, но эта «защита» в её глазах выглядела как предательство. Потеряв всякий смысл жизни, она покончила с собой. Смерть Цзюйсянь символически перекликается с моментом, когда она выкупила себя из публичного дома. Она надела свадебное платье, подтверждая свою верность браку. Уходя из публичного дома, она сняла расшитые туфли и в одних белых носках пришла к Сяолоу, и в таких же белых носках она ушла из жизни, оставшись в итоге ни с чем: «一打开电灯, 迎面是一双半空晃着的, 只穿白线袜子的脚» — «Как только включили свет, в поле зрения появились ноги, свисающие в воздухе, одетые только в белые носки». Ее смерть — это не только повторение акта самоубийства наложницы Юй, но и воплощение сути прощальной песни Юй: «Сила духа повелителя иссякла, зачем же мне ничтожной, оставаться в живых?» — именно того чувства, что стало истинной причиной гибели наложницы Юй.

На протяжении долгого времени, благодаря воспеванию в литературе и искусстве, образ наложницы Юй оказался неразрывно связан с такими традиционными женскими добродетелями, как «верность» и «доброта». В романе именно Цзюйсянь обладает этими чертами и соответствует образу наложницы Юй, а не Чэн Деи, который играет Юй только на сцене, когда Цзюйсянь является ею в реальной жизни. Наложница Юй остаётся с Сян Юем до самого конца, также и Цзюйсянь доказывает свою верность в тяжелых условиях и сохраняет свою верность Дуань Сяолоу.

Литература

1. Лысенко П. В. «Прощай, моя наложница» (1993). Чэнь Кайгэ: Андрогинность в китайской культуре // Terra Aestheticae. 2022. № 1(9). С. 235–249.
2. Трунова А. С. Творчество Лилиан Ли в контексте гонконгской прозы // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек в современном мире. Москва: Изд-во Рос. нового ун-та. № 2.
3. Ли Янь. Psychology Analysis of Real and Fake Yuji's Image in Farewell My Concubine by Lilian Lee / Yan Li // Advances in Social Sciences. 2017. Vol. 6, No. 6. P. 1–5.
4. Psychology Analysis of Real and Fake Yuji's Image in Farewell My Concubine by Lilian Lee [J]. 2017. 06(06): 799–803.

Сведения об авторе

Бутханова Екатерина Валерьевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: butkhanovakatya@gmail.com

Butkhanova Ekaterina Valerievna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tugulovaod@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov State University, Ulan-Ude

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТРАВМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАН ГАН

© Буянтueva Янжима Санжеевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
buyantueva.ya@mail.ru

В статье рассматриваются формы художественного воплощения травматического опыта в произведениях южнокорейской писательницы Хан Ган. Материалом исследования выступают романы «Человеческие поступки», «Вегетарианка». Цель работы заключается в выявлении художественных приёмов, с помощью которых передаётся травматический опыт.

Ключевые слова: Хан Ган, травматический опыт, коллективная травма, травма, репрезентация травмы, историческая память.

FORMS OF REPRESENTATION OF TRAUMA IN THE WORKS OF HAN KANG

Buyantueva Yanzhima Sanzheevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
buyantueva.ya@mail.ru

The article examines the forms of artistic representation of traumatic experience in the works of the South Korean writer Han Kang. The material of the study includes the novels *Human Acts*, *The Vegetarian*. The aim of the study is to identify artistic techniques used to convey traumatic experience.

Keywords: Han Kang, traumatic experience, collective trauma, trauma, representation of trauma.

В современной гуманитарной науке проблема травматического опыта рассматривается в тесной связи с категорией исторической памяти и способами её репрезентации в культуре. Особую значимость приобретает анализ художественных текстов, в которых травма выступает не только как индивидуальное переживание, но и как форма осмысления коллективного прошлого. Литература в данном контексте становится пространством, где происходит символическая переработка травматического опыта и его включение в культурную память общества. Исследователь исторической памяти И. Н. Сидоренко опираясь на концепции Ф. Р. Анкерсмита, отмечает, что прошлое осмысливается и становится частью человеческого опыта через переживание, тогда как его утрата или вытеснение связано с нарушением целостности этого опыта [1].

Травматический опыт характеризуется сложностью выражения и осмысления. Это связано с тем, что пережитое событие нарушает целостность восприятия и не воспроизводится в памяти как последовательный и завершённый рассказ. Воспоминания о травме, как правило, носят фрагментарный характер и фиксируются в виде отдельных, эмоционально насыщенных образов. Как отмечает И. Н. Сидоренко, травма связана с особенностями функционирования памяти и забвения: даже в случае вытеснения она не исчезает полностью, а сохраняется в изменённой форме и продолжает оказывать влияние на человека [1]. В связи с этим при изображении травматических событий важно не только передать субъективное переживание, но и сохранить представление о самом событии. Поэтому в художественных текстах сочетаются два уровня изображения: с одной стороны, фиксируются сами события, с другой — они передаются через воспоминания участников и их переживания.

Философ и теоретик истории Ф. Р. Анкерсмит подчёркивает, что отношение к прошлому формируется не только через знание, но и через переживание утраты, что делает травму важным элементом исторического сознания [1]. Поэтому художественный текст становится од-

ним из основных способов актуализации событий прошлого, позволяя раз за разом переживать определенные воспоминания заново. Это соотносится с нарративным подходом, согласно которому память формируется через повествование. Как отмечает исследователь исторической памяти М. А. Шестакова, историческая память существует в форме рассказа, в котором события не просто воспроизводятся, но и осмысливаются, получая определённую интерпретацию [5]. Это особенно важно при изображении травмы, поскольку её невозможно передать как целостное событие. В связи с этим в литературе используются такие формы повествования как передача событий от лица конкретного персонажа, что позволяет показать травматический опыт через индивидуальное восприятие.

Среди современных корейских писателей к теме исторической памяти и травмы наиболее часто обращается лауреат Нобелевской премии 2024 г. писательница Хан Ган. Как отмечает кореевед М. Осетрова, в её произведениях постоянно присутствуют темы насилия, утраты и внутреннего надлома, при этом тяжёлый травматический опыт передаётся не прямым публицистическим высказыванием, а через художественную форму [6].

В произведениях Хан Ган важную роль играет множественность повествовательных голосов, которая позволяет раскрыть травму как сложное и неоднородное явление. Повествование в её текстах не сводится к единой точке зрения, а строится как многоголосие, через которое одно и то же событие воспринимается по-разному. Наиболее отчётливо это проявляется в романе «Человеческие поступки», посвящённом событиям восстания в Кванджу 1980 г. Д. В. Ситникова и Н. В. Соболева отмечают, что роман фокусируется на судьбах отдельных людей, пострадавших от насилия. По мнению исследовательниц, важной задачей романа становится сохранение и передача памяти о восстании через личные истории погибших и выживших участников событий. Каждая глава передаёт происходящее через восприятие разных персонажей. Такой принцип построения текста направлен на то, чтобы «дать голос» погибшим и пострадавшим. Персонажи выступают не только как индивидуальные образы, но и как собирательные фигуры участников восстания, переживших насилие и его последствия [2]. Так, первая глава повествуется от лица юноши Тонхо, ищущего своего друга Чондэ и его сестру Чонми, тогда как в следующей главе повествование ведётся уже от лица погибшего Чондэ. Такое чередование точек зрения показывает, что травматическое событие не может быть представлено как единый и завершённый рассказ. Оно раскрывается через отдельные переживания, которые дополняют друг друга.

С множественностью голосов связана и фрагментарность повествования. Травматический опыт не воспроизводится как последовательная история: он проявляется в виде разрозненных эпизодов и повторяющихся воспоминаний. В романе события возвращаются через память персонажей, из-за чего создаётся эффект постоянного возвращения к пережитому. Важную роль в раскрытии травматического опыта играют конкретные сцены, в которых показаны последствия насилия. Так, в романе изображается работа с телами погибших в здании провинциальной администрации: герои сортируют трупы, пытаются их опознать, фиксируют следы повреждений. Не менее значимыми являются эпизоды, связанные с действиями военных: показаны задержания, допросы и пытки, последствия которых сохраняются в теле и сознании персонажей даже спустя годы. Особое место занимают сцены последней главы, связанные с матерью погибшего Тонхо, выступающей как собирательный образ. Она вновь и вновь возвращается к моменту гибели сына, испытывая чувство вины и невозможность принять произошедшее. В данном случае травма проявляется не только в момент события, но и в длительном процессе его переживания.

Это особенно заметно в эпизоде, где одна из героинь, Ынсу, уже во взрослом возрасте вспоминает Тонхо:

«На щуплых, какие должны быть у ребёнка, плечах — оружие. Ты стоял и слушал инструктора, кивая головой» [4, с. 92].

В данном фрагменте важно не само событие, а образ, закрепившийся в памяти героини. Она не может избавиться от этого воспоминания, и оно продолжает существовать как источник чувства вины и боли. Возвращение к одному и тому же образу показывает, что травма-

тический опыт остаётся незавершённым и продолжает воздействовать на человека даже спустя время.

В отличие от коллективной травмы, представленной в романе «Человеческие поступки», в произведении «Вегетарианка» Хан Ган обращается к индивидуальному травматическому опыту и способам его выражения. Главная героиня Ёнхе неожиданно для своей семьи решает отказаться от употребления мяса. Это решение было принято из-за кошмаров и внутренних переживаний, которые она никак не могла объяснить. В ходе повествования отказ от мяса ведет к ухудшению здоровья и к постепенному отчуждению от семьи и социума. В финале Ёнхе умирает в больнице. Она отказывается не только от мяса, но и от всего телесного, пытаясь тем самым уподобиться растению.

Исследовательницы Д. В. Ситникова и Н. В. Соболева отмечают, что в творчестве писательницы особое место занимает взаимосвязь тела и личности человека. В «Вегетарианке» травматический опыт выражается через тело героини. Именно физическое состояние Ёнхе становится основным способом передачи её внутреннего состояния. Это особенно заметно в описаниях её внешности. Например:

Она была не такой худой, как в начале своего вегетарианства. Еще в больнице она стала понемногу прибавлять в весе, и благодаря тому, что хорошо питалась у него дома, поправились, и груди ее нежно округлились. <...> Это тело не вызывало сексуального желания, скорее, его хотелось спокойно созерцать [3, с. 107].

В данном эпизоде показано изменение восприятия тела Ёнхе другими персонажами. Оно перестаёт восприниматься как объект желания и утрачивает привычные социальные и гендерные характеристики. Тело героини становится отстранённым, почти обезличенным. Это важно, поскольку травма проявляется не только во внутреннем состоянии персонажа, но и в том, как это состояние отражается во внешнем восприятии. Изменение отношения к телу показывает процесс трансформации внутреннего мира героини.

Ёнхе лежит прямо. Кажется, ее взгляд направлен в сторону окна, но если присмотреться, то в никуда. На лице, шее, плечах, руках и ногах не осталось ни капли жира, совсем как у голодающих в районах бедствия [3, с. 220].

Здесь акцент сделан на физическом истощении героини. Описание строится через перечисление частей тела, что создаёт эффект фрагментарности и усиливает ощущение разрушения. В отличие от прямого объяснения переживаний, автор показывает травму через тело, которое становится основным носителем внутреннего состояния. Физическое истощение в данном случае отражает глубину внутреннего кризиса и постепенное разрушение личности.

Важную роль играет и способ повествования. История Ёнхе передаётся не от первого лица, а через восприятие других персонажей — мужа, зятя и сестры. Такой приём показывает, что травматический опыт не может быть полностью выражен самой героиней. Он раскрывается через наблюдения других людей, которые пытаются объяснить её поведение, но не могут до конца его понять. В результате одно и то же состояние Ёнхе описывается по-разному, в зависимости от точки зрения. Это подчёркивает, что травма не имеет единого объяснения и воспринимается неоднозначно.

Рассмотренные произведения позволяют сделать вывод о том, что травматический опыт в прозе Хан Ган не сводится к единой форме выражения. Он передаётся через совокупность взаимосвязанных художественных приёмов, каждый из которых раскрывает разные стороны травмы. Коллективная травма в романе «Человеческие поступки» показана через множественность повествовательных голосов, что позволяет представить событие как совокупность различных переживаний, не сводимых к одной интерпретации. Трагедия раскрывается через отдельные воспоминания и переживания разных персонажей, поэтому событие воспринимается не как завершённый эпизод прошлого, а как продолжающееся внутреннее переживание.

Индивидуальная травма в «Вегетарианке» раскрывается через тело героини, которое становится основным способом выражения внутреннего состояния и фиксирует последствия пережитого. При этом травматический опыт передаётся как через физическое состояние Ён-

хе, так и через восприятие этого состояния окружающими, что позволяет представить его как внутренний, трудно выражаемый и до конца не осознаваемый процесс.

Объединяющим элементом для этих произведений выступает особый способ передачи травматического опыта, при котором он не представлен как последовательный и завершённый рассказ. В «Человеческих поступках» это проявляется через фрагментарность повествования и возвращение воспоминаний, тогда как в «Вегетарианке» — через повествование, в котором травматический опыт героини передаётся не напрямую, а через взгляды и интерпретации окружающих.

В более широком смысле травма в прозе Хан Ган выступает не только как индивидуальное переживание, но и как форма памяти, в том числе исторической. Она сохраняется в сознании персонажей и передаётся через художественный текст, позволяя зафиксировать опыт насилия и включить его в более широкий контекст осмысления прошлого.

При этом травма не может быть передана как целостное и завершённое событие: она раскрывается через различные художественные формы, среди которых особое значение имеют повествование, телесность и структура текста. Через них травматический опыт предстает как процесс, продолжающийся во времени и влияющий на состояние человека.

Таким образом, художественная проза становится способом сохранения и передачи травматического опыта, при котором травма выступает одной из форм осмысления и репрезентации прошлого.

Литература

1. Сидоренко И. Н. Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения в концепциях Ф. Р. Анкерсмита и А. Ассман // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2023. № 1(269). С. 170–175.
2. Ситникова Д. В., Соболева Н. В. Особенности отражения восстания в Кванчжу в романе южнокорейской писательницы Хан Ган «Человеческие поступки» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 10(904). С. 132–139.
3. Хан Ган. Вегетарианка: [роман] / Хан Ган ; [Пер. с кор. Ли Санюн]. Москва: АКТ, 2018. С. 320.
4. Хан Ган. Человеческие поступки: [роман] / Хан Ган; [Пер. с кор. Ли Санюн]. Москва: Изд-во АСТ, 2020. С. 224.
5. Шестакова М. А. Историческая память: нарративный подход // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2022. № 1. С. 94–104.
6. «Наши люди находят в корейской романтике утешение» — кореевед Мария Осетрова // МОСКОВИЧ MAG. URL: <https://moskvichmag.ru/lyudi/nashi-lyudi-nahodyat-v-korejskoj-romantike-uteshenie-koreeved-mariya-osetrova/?ysclid=moep3w72mm477795117> (дата обращения: 26.04.2026).

Сведения об авторе

Буянтуева Янжима Санжеевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: buyantueva.ya@mail.ru

Buyantueva Yanzhima Sanzheevna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Жанчипова Дэнсэма Булатовна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет, e-mail: densemazh@gmail.com

Zhanchipova Densema Bulatovna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ПРИЕМЫ АНИМЕ-НАРРАТИВА В РОМАНЕ ГО ЦЗИНМИНА «ЛЕДЯНАЯ ФАНТАЗИЯ»

© Ван Алексей Саянович

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
Shiningalexey417@gmail.com

В статье анализируются приемы аниме-нарратива в романе Го Цзинмина «Ледяная фантазия» (幼城), к которым относятся причудливое фантазирование, визуальная живописность и эстетизация повествования. Роман является примером новаторской техники повествования, соединив в себе элементы японской поп-культуры и китайской литературной традиции.

Ключевые слова: аниме-нарратив, Го Цзинмин, «Ледяная фантазия», китайская литература, поколение восьмидесятников.

ANIME NARRATIVE TECHNIQUES IN GUO JINGMING'S NOVEL «ICE FANTASY»

Van Aleksei Sayanovich

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
Shiningalexey417@gmail.com

The article analyzes the anime narrative techniques in Guo Jingming's novel «Ice Fantasy» (Huan Cheng): fanciful fantasy, visual detailing, and aestheticization of story-telling. The novel is an example of innovate narrative technique, combining elements of Japanese pop culture with Chinese literary tradition.

Keywords: anime narrative, Guo Jingming, «Ice Fantasy», Chinese literature, post-80s generation.

Введение

Современная китайская литература представляет собой уникальный феномен, отражающий сложные социокультурные трансформации, произошедшие в китайском обществе на рубеже XX–XXI вв. Особое же место в этом процессе занимает творчество писателей так называемого «поколения восьмидесятников» (八零后), чье взросление как раз пришлось на эпоху экономических реформ, глобализации и стремительного распространения высоких технологий. Представители этого поколения выросли на произведениях японской поп-культуры, ставшей особенно популярной в тот период времени по всему миру. Мультипликация и комиксы стали ключевым источником вдохновения, тем самым система образов и нарративные техники японской анимации впоследствии были перенесены в литературное творчество [2].

Роман Го Цзинмина «Ледяная фантазия» (幻城, 2003) стал одним из наиболее показательных примеров такого явления. Это произведение, несмотря на обвинения в плагиате манги CLAMP RG Veda (яп. 聖伝-RG VEDA, «Риг-Веда: Священное предание»), объединило на уровне повествования в себе характерные черты аниме и литературы. Роман произвел сильное впечатление на литературную критику: профессор Пекинского университета Цао Вэньсюань в предисловии к книге назвал её «необыкновенной», отмечая, что она вносит перелом в «десятилетия заурядности китайской фантастики» [5]. Цель данной статьи заключается в систематизации и характеристике основных приемов аниме-нарратива, использованных Го Цзинмином в романе «Ледяная фантазия», а именно причудливое фантазирование, визуальную живописность и эстетизацию повествования.

1. Причудливое воображение как основа художественного мира романа

Аниме прежде всего относится к мультипликационному искусству, так что в основе любого его жанра (повседневность, романтика, научная фантастика или фэнтези) автор волен создавать миры, работающие не по законам физики, а по собственной внутренней логике, авторской задумке. Профессор Цао Вэньсюань отмечает, что Го Цзинмин доводит этот принцип до предела, создавая некий «кристалл крупной фантазии» [5].

Действия романа «Ледяная фантазия» разворачиваются не на земле, а в «небесном царстве», где находится империя Ледяного снега (幻雪帝国). Однако это мир принципиально отлично от реальности. Например, его обитатели обладают хрустальными зрачками, длинными белыми волосами, неземной красотой, тысячелетней продолжительностью жизни и владеют магией. В этом мире встречаются такие места, как Заснеженный лес (雪雾森林), Город клинка-изгнанника (刃雪城), Священная гора-мираж (幻雪神山), Дворец русалок во льдах (冰海人鱼宫). Названия этих локаций и сами персонажи создают полное ощущение вымышленной реальности — «пустоты, которую фантазия заселяет образами и жизнями» [5].

Основной сюжет романа строится на конфликте между народами Огня и Льда. Эта эпическая война переносится на судьбы двух братьев — Касо и Ин Кунши. Старший брат, Касо, является наследником трона, который для него становится тюрьмой; а младший, Ин Кунши, в это время стремится любой ценой освободить брата. Его попытки облегчить ношу брата (убийство наставника, поджог, насилие над невестой Касо) приводят к братоубийству, после чего младший брат перерождается в образе врага — принца народа Огня Ли Тяньцзиня (罹天怒). Касо узнает правду только в момент его гибели. Подобная сюжетная линия с перерождениями, пророческими снами и кармическими связями как раз-таки часто встречается в аниме, где мотив трагической судьбы главных персонажей перекликается с мотивом спасения и разрушения всего.

Исследователь Чжао Сяофан отмечает, что прием «снов» (梦境), которые оставляют после себя умершие персонажи (Дэ Че, Син Гуй и др.), восходит к жанру «побочных историй» (番外篇, фаньвайпянь) в манге. Сны в романе выполняют несколько ключевых функций. Во-первых, они дают ответы нераскрытые во время повествования вопросы. Во-вторых, они придают сюжету многослойность. В-третьих, они позволяют раскрыть персонажа, который по тем или иным причинам не мог быть раскрыт при жизни.

Таким образом, нарративный прием причудливого воображения заключается в богатом выдуманном мире, необычных персонажах со сложной жизненной ситуацией и их невероятных магических способностях. Он выступает как особый инструмент, организующий и пространство, и время, и систему персонажей [4].

2. Живописность и кадровая организация текста

Вторым ключевым приемом аниме-нарратива является «живописность» (瑰丽画面). При чтении текста романа в сознании читателя появляется целая серия ярких и насыщенных образов, подобных кадрам комикса или аниме. Го Цзинмин, по его собственному признанию, строил роман «по принципу деления на кадры» (как в киносценарии или манге), описывая то, что он и представлял в голове.

Для создания живописных сцен автор довольно часто использует цветовые контрасты. Так, Чжао Сяофан приводил следующий пример: «Я увидел Цзи Цюань, которая погибла на утёсе. Алый трёхзубец пронзил её грудь, пригвоздив к скале. Ветер развеивал её длинные серебристые волосы и белый магический плащ...» [3]. В данном эпизоде сочетание чёрного, алого и белого создает визуально напряжённую, почти кинематографичную композицию.

Го Цзинмин к тому же активно использует повторяющиеся визуальные мотивы, которые выполняют функцию лейтмотивов. Дерево вишни, снег, красный лотос, камень заточения, снежная птица, разбившаяся насмерть, — эти образы проходят через весь роман, создавая тот самый особый атмосферный ряд. Исследователи Ван Чже и Дай Сяофэн выделяют прием интертекстуальности, который часто встречается в современных разнообразных медиа формах, который позволяет преодолеть существующие классические барьеры, создавая возмож-

ности для адаптации на разных платформах [1]. В романе Го Цзинмина такие визуальные мотивы сопоставимы с последовательностью кадров в комиксе: они будто мелькают перед глазами читателя, погружая их в сюжетный мир.

Следует отметить принцип «детализации», характерный для манги: описание позы, жеста, взгляда, цвета одежды или сияния магии. Этот же принцип мы можем наблюдать в романе. Так, например, персонаж возвышается на единороге, медленно падает снег, необычно искривляется воздух от колдовства. Такая визуальная игра делает текст похожим на раскадровку [4].

3. Эстетизация и создание «возвышенного художественного мира»

Третий, и, возможно, самый важный элемент аниме-нарратива, встречающийся в романе, это создание «возвышенного художественного мира» (唯美意境). Этот термин обозначает состояние, когда форма, содержание и эмоция, сливаясь воедино, создают у читателя ощущение прекрасного с долей грусти. Можно выделить два основных способа, которые применяются для создания такого эффекта в «Ледяной фантазии».

Во-первых, это проявляется в запредельной искренности и чистоте чувств персонажей романа. Все персонажи романа движимы самоотверженной любовью. Например, Ин Кунши творит зло, но он делает это ради освобождения брата. Касо же в свою очередь отправляется на Священную гору ради воскрешения брата. Герои искренние, добрые, порой наивные, что подкупает читателей. Такая искренняя прозрачность характерна для жанра сёдзё-манги, где эмоциональная самоотдача является высшей ценностью. Го Цзинмин, по словам Чжао Сяофан, пытается «восстановить самую подлинную и чистую связь между людьми».

Во-вторых, проза Го Цзинмина представляет собой необычное сочетание: «печальная, томная, одновременно пышная и воздушная» [4]. Вот как описывается встреча Касо с своей возлюбленной: «Ли Ло восседала на единороге, вокруг нее повсюду падал пушистый снег. Она соскочила с единорога, и, мягко ступая по снегу, опустилась на колени передо мной, скрестив руки на груди. Вся она была окутана серебристо-голубым сиянием. Она подняла голову и сказала: “Ваше Величество, я пришла, чтобы вернуть вас домой...”» [3]. Фраза «изящно ступать словно лотос» (轻移莲步) — классический поэтический образ, образ снега и сияния в свою очередь воссоздает сцену в фильме.

Таким образом, «возвышенный мир» возникает на пересечении чувств и художественной выразительности. Сцены становятся объектом немного созерцания, что свидетельствует об необычном слиянии китайских классических поэтических образов и эстетики японской анимации.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что роман Го Цзинмина «Ледяная фантазия» является не просто коммерчески успешным проектом, а значимым художественным экспериментом на стыке литературы и аниме. Вклад Го Цзинмина в развитие современной китайской прозы заключается в обогащении её тематического репертуара, в освоении новых повествовательных приёмов, заимствованных из массовой культуры. Несмотря на критику в плагиате, «Ледяная фантазия» доказывает свою художественную ценность. Роман наглядно доказал, что литература способна перенимать приемы других искусств — комикса, анимации, кинематографа — и оставаться при этом литературой.

Литература

1. Ван Ч. Трансмедийное повествование в китайском литературном сетевом дискурсе (онлайн-роман «Основатель пути дьявола») // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 2. С. 182–197.
2. Дорошина Е. Б. Аниме-индустрия как контекст исследований медиаконтента // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2022. № 18. С. 36–37.
3. Го Цзинмин. 幻城 (Ледяная фантазия). Чанчунь: Весенний ветер и литературное искусство, 2003.
4. Чжао Сяофан. 浅析动漫叙事在《幻城》中的运用 // Журнал Хубэйского педагогического университета. 2011. № 4. С. 89–91.

5. Цао Вэньсюань. 喜悦与安慰 (Предисловие к роману «Ледяная фантазия») // Го Цзинмин. 幻城. Чанчунь: Весенний ветер и литературное искусство, 2003.

Сведения об авторе

Ван Алексей Саянович, студент 4-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: atr-konf@mail.ru

Van Aleksei Sayanovich, 4nd year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tugulovaod@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov State University, Ulan-Ude

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

© Васильева Алина Сергеевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
alinavasileva23062004@mail.ru

Статья посвящена тому, как в китайской цифровой среде меняется употребление образов животных. Рассматриваются не только традиционные символы — дракон, тигр, журавль, крыса и панда, но и новые формы их существования в коротких видео, стикерах, рекламе, мемах и бренд-коммуникации. В центре внимания находятся Douyin и Weibo как площадки, где животные получают более подвижные значения: они становятся персонажами, носителями эмоций, визуальными маркерами брендов и удобным способом обращения к аудитории. Анализ показывает, что зооморфные образы в современных китайских медиа не вытесняют традиционную символику, а перерабатывают её под логику цифровой коммуникации.

Ключевые слова: китайские медиа, образы животных, медиадискурс, культурные символы, Китай, Douyin, Weibo.

ANIMAL IMAGES IN THE CONTEMPORARY CHINESE MEDIA SPACE

Vasileva Alina Sergeevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
alinavasileva23062004@mail.ru

The article focuses on the transformation of animal images in the Chinese digital media environment. It considers both traditional symbols, such as the dragon, tiger, crane, rat and panda, and their new forms in short videos, stickers, advertising, memes and brand communication. Special attention is given to Douyin and Weibo as platforms where animal images acquire flexible meanings: they become characters, carriers of emotions, visual markers of brands and a convenient way of addressing the audience. The analysis shows that zoomorphic images in contemporary Chinese media do not replace traditional symbolism but adapt it to the logic of digital communication.

Keywords: Chinese media, animal images, media discourse, cultural symbols, China, Douyin, Weibo.

В китайском медиапространстве образы животных встречаются почти повсюду: в праздничной графике, рекламных роликах, эмодзи, коротких видео, игровых интерфейсах и пользовательских мемах. Такое присутствие нельзя считать только декоративным. Для китайской культуры животные издавна были связаны с представлениями о власти, удаче, долголетию, семейном благополучии и социальной гармонии. Поэтому в цифровой среде они воспринимаются не как случайные картинки, а как знаки, за которыми уже стоит культурная память. В то же время интернет-коммуникация делает эти знаки более гибкими: значение образа зависит от жанра публикации, интонации автора, реакции аудитории и визуального контекста [1, с. 153]. Для понимания современных медиаобразов важно учитывать традиционный символический фон. Дракон в китайской культуре связан с представлениями о силе, власти, небесном порядке и благоприятном начале; тигр часто соотносится с храбростью и защитой; журавль ассоциируется с долголетием и духовной чистотой [1, с. 151]. Эти значения закреплялись не только в мифологии и искусстве, но и в устойчивых выражениях, пословицах и повседневной речи, где животные помогают описывать человеческие качества [3, с. 46]. Однако в современных медиа традиционная символика уже не действует как неподвижный набор значений. Один и тот же образ может сохранять старый культурный смысл и одновременно

получать новую, более лёгкую и развлекательную функцию. Хорошо это видно на примере дракона. В традиционной культуре он воспринимался как сакральный и государственно значимый символ, а в современной цифровой среде все чаще используется как эффектный визуальный код. Его помещают в праздничные заставки, игровые сцены, рекламные баннеры и фэнтезийный контент. При этом же зрителю необязательно подробно знать мифологию дракона: достаточно узнаваемой формы, ассоциации с Китаем, силы и масштабом. Получается, что образ не исчезает и не теряет полностью прежнего смысла, но становится более удобным для массового употребления. В медиапространстве дракон работает уже не только как знак сакральной власти, но и как элемент зрелищности, национального стиля и визуальной привлекательности.

Другой тип трансформации связан с образом панды. На Douyin и других видеоплатформах панда часто представлена не как абстрактный национальный символ, а как узнаваемый персонаж с характером. Пользователи следят за отдельными животными, обсуждают их поведение, дают им эмоциональные оценки и фактически превращают наблюдение за пандой в сериал повседневной жизни. Например, ролики о пандах из исследовательских центров строятся не только на демонстрации редкого животного, но и на эффекте близости: зрителю показывают, как панда ест, играет, ленится, капризничает или взаимодействует с сотрудниками центра. Комментарии к такому контенту часто приписывают животным человеческие чувства и намерения, что усиливает антропоморфное восприятие [4, с. 145]. Похожая логика характерна для контента о домашних животных. В Douyin популярные ролики с собаками, кошками и, в частности, с сиба-ину, где подписи нередко и пишутся как будто от лица самого животного. Такая форма создает иллюзию «голоса» питомца: животное будто само объясняет, почему оно обиделось, радуется, ждёт хозяина или хитрит. Благодаря этому зритель воспринимает ролик не просто как забавную сцену, а как маленький рассказ с персонажем и эмоцией. Здесь зооморфный образ выполняет коммуникативную функцию: он помогает автору установить неформальный контакт с аудиторией и повысить вовлеченность [7, с. 90].

На Weibo образы животных особенно заметны в стикерах, эмодзи и мемных изображениях. Кошка с недовольной мордой, плачущая панда или смешной щенок могут заменить целую фразу. Пользователю не нужно подробно описывать раздражение, усталость, радость или смущение: достаточно отправить изображение животного, и собеседник считывает нужное состояние. В этом случае животное становится не только символом в традиционном смысле, сколько инструментом повседневной эмоциональной коммуникации. Особенно важно, что такие изображения легко воспроизводятся и быстро переходят из одного диалога в другой, поэтому отдельный визуальный образ может закрепиться как узнаваемый знак определённого настроения.

Интересным примером переосмысления является образ крысы. В китайской традиции он неоднозначен: с одной стороны, крыса сможет ассоциироваться с хитростью и мелкой корыстью, с другой с живучестью, плодовитостью и началом нового цикла, поскольку занимает первое место в двенадцатилетнем зодиакальном круге. В медиаконтенте, связанном с годом крысы, чаще подчёркиваются именно положительные качества: сообразительность, активность, способность быстро приспосабливаться. Поэтому противоречивый образ становится более мягким и праздничным. Визуально крысу нередко изображают как маленького симпатичного персонажа, а не как пугающее или неприятное животное. Такой сдвиг показывает, что медиа способны менять эмоциональный оттенок традиционного символа, не отменяя его культурной основы.

Особое место занимает панда, потому что этот образ работает сразу на нескольких уровнях. В развлекательном контенте панда вызывает умиление и эмоциональную близость, а в официальных сообщениях и международных новостях связана с образом Китая и практикой «панда — дипломатии». Передача панд в зарубежные зоопарки обычно сопровождается медийным вниманием, благодаря чему животные становятся частью позитивной репрезентации страны [4, с. 147]. Сила этого образа заключается в его мягкости: панда не выглядит агрессивной, легко запоминается и одинаково хорошо подходит как для детской, так и для взрос-

лой аудитории. Поэтому она оказывается удобным символом «мягкой силы» и культурной узнаваемости. В коммерческом медиапространстве животные также активно используются как элементы бренда. Показателен образ кота визуальной идентичности Tmall (天猫). Здесь животное не просто украшает интерфейс, а помогает сформировать характер платформы: кот ассоциируется с узнаваемостью, подвижностью и дружелюбным стилем общения с покупателем [8, с. 115]. В рекламных компаниях подобные персонажи делают бренд менее официальным и более эмоционально близким. За счёт животного компания может говорить с аудиторией мягче, проще и визуальнее выразительнее, чем через абстрактный логотип или нейтральный текст.

Общей тенденцией современных китайских медиа является усиление антропоморфизации. Животным все чаще приписывают человеческие эмоции, привычки и даже способны давать советы. В рекламе такой прием помогает снизить дистанцию между брендом и потребителем: животное может «волноваться», «радоваться покупке», «выбирать» товар или «подсказывать» решение [2, с. 47]. В отличие от прямого рекламного обращения, подобный образ воспринимается мягче и вызывает меньше сопротивления. Поэтому животные становятся посредниками между коммерческим сообщением и эмоциональной редакцией аудитории. На развитие зооморфных образов влияет и глобальный обмен интернет-контентом. Китайские пользователи заимствуют международные мемы с котами, с собаками и другими животными, но адаптируют их к собственному языковому и культурному контексту. Западный мем может получить китайскую подпись, новый эмоциональный оттенок или связь с местной ситуацией. Одновременно традиционно китайские символы, например, дракон и панда, выходят за пределы национального контекста и становятся частью международной цифровой культуры [7, с. 90]. В результате формируется смешанное пространство, где локальная традиция и глобальный мемный язык не противопоставлены, а постоянно взаимодействуют.

Таким образом, образы животных в современном китайском медиапространстве выполняют несколько функций одновременно. Они сохраняют связь с традиционной символикой, помогают выражать эмоции, делают цифровое общение более наглядным, усиливают привлекательность рекламы и поддерживают узнаваемость культурных образов Китая. На примере дракона видно, как сакральный символ превращается в гибкий визуальный код; на примере панды — как животное становится инструментом эмоциональной и дипломатической коммуникации; но на примере кота и других домашних животных — как зооморфные персонажи входят в повседневный язык соцсетей. Поэтому можно сделать вывод, что животные в китайских медиа не просто украшают цифровой контент, а помогают соединить традиционные культурные значения с новыми формами массовой коммуникации.

Литература

1. Репнякова Н. Н. Семантика образа дракона в китайских народных сказках и идиомах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8(74). С. 150–153.
2. Пономарёва А. А. Символика животных в культуре Китая // Студенческий альманах. 2023. №4 (27). С. 45–49.
3. Хоу Гуаньчжу. Сопоставительный анализ образов животных в китайских и русских пословицах и поговорках // Язык как искусство. 2023. С. 225–231.
4. Завьялова Н. А., Ли Синьци. Образы животных как источник «мягкой силы» Китая // Политическая лингвистика. 2021. № 3(87). С. 140–148.
5. Ду Ц. Жанрово-стилистическое своеобразие имиджа Китая в российских интернет-СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4(58). С. 72–75.
6. Сизых М. М., Лю Ю., Ян Ц. Зооморфное моделирование образа силы в китайской и русской лингвокультурах // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 12(162).
7. Ши Л., Образы животных в китайской культуре и их восприятие в России // Litera. 2024. № 3. С. 89–102.

8. Материалы по китайской фразеологии и символике животных // Сборник научных трудов. 2023. С. 112–118.

Сведения об авторе

Васильева Алина Сергеевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: alinavasileva23062004@mail.ru

Vasileva Alina Sergeevna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский Государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: dashieva.sc@ssau.ru

Dashieva Soyolma Tsyren-Dashievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

СТРАТАГЕМНЫЕ ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

© Гурдармаева Эльмира Баировна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
egurdarmaeva@mail.ru

В статье анализируется применение стратагем в классическом романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме». Целью данной работы является анализ стратагемных форм поведения персонажей, их места в художественной структуре романа, а также того, как эти тактики служат раскрытию характеров и движению сюжета. Исследование показывает, что стратагемы в романе «Сон в красном тереме» — это не просто приемы интриги, а неотъемлемая часть социального механизма, способ выживания и борьбы за власть в условиях строгой иерархии и конфуцианских норм.

Ключевые слова: стратагема, стратегия, тактика, хитрость, «Сон в красном тереме», Цао Сюэцин, Ван Сифэн.

STRATAGEM FORMS OF CHARACTER BEHAVIOR IN THE ARTISTIC STRUCTURE OF THE NOVEL «DREAM OF THE RED CHAMBER»

Gurdarmaeva Elmira Bairovna

Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
egurdarmaeva@mail.ru

The article analyzes the use of stratagems in the classic novel «Dream of the Red Chamber» by Cao Xueqin. The aim of this work is to examine the stratagem-based patterns of behavior of the characters, their place within the artistic structure of the novel, as well as how these tactics contribute to the development of characters and the progression of the plot. The study demonstrates that stratagems in «Dream of the Red Chamber» are not merely devices of intrigue, but an integral part of the social mechanism, a means of survival and a tool for the struggle for power within the framework of a strict hierarchy and Confucian norms.

Keywords: stratagem, strategy, tactics, cunning, Dream of the Red Chamber, Cao Xueqin, Wang Xifeng.

Феномен стратагемности занимает особое место в китайской интеллектуальной и культурной традиции. Как отмечает исследователь Харро фон Зенгер, стратагема представляет собой «средство, с помощью которого человек стремится достичь того, что нельзя достичь обычными средствами» [3, с. 1]. В отличие от европейской традиции, где хитрость часто оценивается негативно, в китайской культуре способность к нестандартным тактическим решениям ассоциируется с мудростью (智, zhì) и рассматривается как социально одобряемое качество при условии, что она применяется в надлежащем контексте [3, с. 4].

Роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме», созданный в середине XVIII в., представляет собой уникальный материал для анализа стратагемных форм поведения. Действия романа разворачиваются в замкнутом пространстве двух ветвей аристократического рода Цзя — домов Жунго (荣国府, Róngguó fǔ) и Нинго (宁国府, Níngguó fǔ). В этом мире, где конфуцианский ритуал всё больше превращается в пустую формальность, а реальные отношения строятся на борьбе за власть, влияние и материальные ресурсы, стратагемы становятся не просто сюжетным украшением, но фундаментальным принципом организации художественной реальности.

Прежде чем обратиться к анализу конкретных сцен, необходимо уточнить понятийный аппарат. В китайской традиции существует целый спектр терминов, связанных со стратегемностью: от военных тактик, зафиксированных в трактате «Тридцать шесть стратегем» (三十六计, Sānshíliù jì), до бытовых уловок, описываемых фразеологизмами — чэньюй). Ключевая особенность стратегемного мышления заключается в опоре на не прямое действие: цель достигается не лобовым столкновением, а через создание таких условий, при которых противник сам оказывается в проигрышной позиции.

Хандархаева Виктория Викторовна в своём исследовании подчёркивает, что «стратегемность является неотъемлемой частью социокультурной традиции Китая» [4, с. 136]. Применительно к литературному тексту это означает, что стратегемы выполняют не только сюжетную функцию (продвижение интриги), но и функцию характерологическую: выбор персонажем той или иной уловки раскрывает его интеллект, моральные установки и социальное положение.

В романе «Сон в красном тереме» можно выделить три основных типа стратегемного поведения: активно-агрессивное (нацеленное на уничтожение соперника), пассивно-оборонительное (нацеленное на сохранение своего положения) и символическое (когда стратегема становится способом философского осмысления реальности).

Центральной фигурой, воплощающей активно-агрессивный тип стратегемности, является Ван Сифэн — молодая управительница дома Жунго. Автор наделяет её умом, энергией и одновременно жестокостью, необходимыми для управления огромным хозяйством, где каждый слуга и родственник стремится урвать свою выгоду. В китайской традиции её образ ассоциируется с выражением «острый язык и железная рука» (辣手, làshǒu).

Наиболее яркий эпизод, демонстрирующий виртуозное владение Ван Сифэн стратегемами, разворачивается с шестьдесят седьмой главы романа, где речь идёт о тайной женитьбе её мужа Цзя Ляня на госпоже Ю. Узнав о сопернице, Сифэн не устраивает открытого скандала — это было бы неэффективно и противоречило бы конфуцианским нормам женского поведения. Вместо этого она разрабатывает многоходовую комбинацию.

Сначала Сифэн делает вид, что смирилась с ситуацией, и даже приглашает госпожу Ю переехать в главный дом, усыпляя её бдительность. Затем, когда в доме появляется новая наложница Цю Тун, подаренная отцом Цзя Ляня, Сифэн запускает механизм стратегемы «убить чужим ножом» (借剑杀人, jièjiàn shā rén). В оригинальном тексте романа эта мысль выражена следующим образом: *«凤姐虽恨秋桐，且喜借他先可发脱二姐，自己且抽头，用借剑杀人»-法，«坐山观虎斗»，等秋桐杀了尤二姐，«自己再杀秋桐»*. То есть: *«Ван Сифэн возненавидела Цю Тун, но при этом обрадовалась возможности использовать её, чтобы избавиться от госпожи Ю. Она применила метод «убить чужим ножом» и тактику «сидеть на горе и смотреть, как дерутся тигры», дожидаясь, пока Цю Тун погубит госпожу Ю, а затем уже сама расправилась бы с Цю Тун»* [5, с. 758].

В том же отрывке мы видим использование ещё одного устойчивого выражения — 坐山观虎斗 (zuò shān guān hǔ dòu). Этот чэньюй, восходящий к древним тактическим трактатам, описывает позицию, при которой наблюдатель намеренно не вмешивается в конфликт, позволяя противоборствующим сторонам истощить друг друга. В применении к Ван Сифэн это означает, что она сознательно отказывается от прямого столкновения с госпожой Ю, предпочитая направить против неё Цю Тун.

Ключевой приём, который использует Сифэн для провокации, — это косвенное подстрекательство. Она обращается к Цю Тун со словами, которые внешне выглядят как предостережение: *«你年轻不知事。他现是二房奶奶，你爷心坎儿上的人，我还让他三分，你去硬碰他，岂不是自寻其死?»* [3, с. 760]. В переводе Панасюка В.А. это звучит как: *«Ты молода и*

неопытна и не видишь опасности, которая тебя подстерегает. Его сердце целиком принадлежит ей. Даже я вынуждена уступать ей и покоряться. Ты погибнешь, если будешь с ней соперничать». Эффект оказывается противоположным прямому смыслу: Цю Тун, услышав это, отвечает с вызовом: «*让我和她这淫妇做一回，她才知道*» («Ну нет, я уж не покорюсь ей! Уж я-то быстро управлюсь с этой девкой!») [5, с. 760]. Так, с помощью притворного предостережения Сифэн добивается того, что Цю Тун начинает открыто травить госпожу Ю.

Другой показательный эпизод связан с передачей Ван Сифэн управления хозяйством Цзя Таньчунь. В разговоре со своей служанкой Пиньэр Сифэн произносит: «*擒贼擒王*» (qínzéi qínwáng) — «Если хочешь поймать разбойничью шайку, поймай сначала главаря» [5, с. 801]. Эта стратагема №18 из классического списка подразумевает необходимость нанесения удара по самому уязвимому и важному звену в системе противника. В контексте романа Сифэн осознаёт, что Таньчунь, взявшаяся за реформы, будет критиковать её прежние методы управления. Вместо того чтобы сопротивляться, Сифэн приказывает Пиньэр не вступать в споры с Таньчунь и даже поддерживать её, чтобы сохранить собственное влияние в долгосрочной перспективе. Это демонстрирует стратегическое мышление Сифэн, которая видит не сиюминутную выгоду, а общую расстановку сил.

Приём «*指桑骂槐*» (zhǐ sāng mà huái) «указать на тутовник, ругая акацию», также известный как стратагема №26, широко используется в романе не только Ван Сифэн, но и другими персонажами. Суть его заключается в том, чтобы высказать недовольство или сделать выговор одному лицу, формально обращаясь к другому. В романе этот метод часто применяется старшими слугами для поддержания дисциплины среди младших, когда прямое обвинение было бы социально неприемлемо. Например, матушка Цзя, не желая прямо упрекать своих невесток, могла сделать замечание прислуге, но так, чтобы смысл был понятен всем присутствующим. Сам термин *指桑骂槐* (zhǐ sāng mà huái) дословно переводится как «указывать на шелковицу, а ругать акацию» и является классическим примером китайского непрямого речевого воздействия.

Стратагема №28 «*上屋抽梯*» (shàng wū chōu tī) «снять с крыши лестницу» описывает ситуацию, когда жертве предоставляется возможность войти в выгодное положение, после чего все пути к отступлению отрезаются. В романе этот приём также связан с действиями Ван Сифэн по отношению к госпоже Ю. Сначала Сифэн приглашает соперницу переехать в главный дом, создавая иллюзию безопасности и даже дружеского расположения. Госпожа Ю, оказавшись в незнакомой обстановке и окружении чужих людей, полностью теряет контроль над ситуацией. Лишившись поддержки и возможности вернуться к прежней жизни, она становится лёгкой мишенью для травли со стороны Цю Тун. Автор показывает, как ложное гостеприимство превращается в ловушку.

Главный герой романа Цзя Баоюй на первый взгляд кажется полной противоположностью своей свояченицы. Он презирует карьеру, чиновничьи экзамены и светские условности, предпочитая общество девушек-поэтесс. Однако его поведение, которое окружающие называют «безумным» (痴, chī), может быть прочитано как пассивная стратагема выживания.

Термин «*假痴不癫*» (jiǎ chī bù diān) описывает стратегию, при которой человек намеренно выглядит глупее или безумнее, чем есть на самом деле, чтобы избежать опасности или снизить к себе интерес со стороны власть имущих. Баоюй не бунтует открыто против отца и дедовских порядков — это было бы для него самоубийственно. Вместо этого он выбирает эксцентричное поведение, которое воспринимается как безобидное чудачество. Это позволяет ему сохранять внутреннюю свободу, не вступая в прямой конфликт с системой. Финальный уход Баоюя в монахи после крушения всех надежд — это уже не тактика, а финальная стратегия полного разрыва с миром (遁入空门, dùnrù kōngmén), который он не в силах изменить.

Совершенно иной тип стратагемности демонстрирует матушка Цзя Му — пожилая глава клана. Её власть основана не на активных действиях, а на умении «не вмешиваться» в нужный момент. Когда между её невестками госпожой Ван и госпожой Син возникают конфликты, матушка Цзя часто занимает позицию стороннего наблюдателя, позволяя противоборствующим сторонам истощить друг друга. Это классическая стратагема «наблюдать с берега, как дерутся тигры» (坐山观虎斗, *zuò shān guān hǔ dòu*), но применённая не на поле боя, а в пространстве семейных отношений. Как отмечает Семанов в своём исследовании, «матушка Цзя предпочитает оставаться над схваткой, сохраняя статус верховного арбитра» [2, с. 163]. Она использует и другие формы непрямого управления, например, создание вокруг себя круга любимых внуков (Баоюй, Дайюй), что позволяет ей получать информацию и сохранять эмоциональный контроль над семьёй.

Помимо поведения персонажей, стратагемность пронизывает и саму архитектуру романа. Ключевым здесь является образ сна. В «Сне в красном тереме» существует два онтологических уровня: явь (повседневная жизнь дома Цзя) и сон (мистическая «Страна Иллюзий» — 太虚幻境, *Tàixū huànjìng*, куда герой Баоюй попадает в видениях). Сама структура повествования представляет собой «ловушку» для читателя: мы заранее узнаём судьбы героев из пророчеств феи Цзинхуань, но наблюдаем, как персонажи, не ведающие будущего, пытаются изменить его с помощью стратагем.

Этот приём создаёт мощный трагический эффект. Все хитрости Ван Сифэн, все попытки матушки Цзя сохранить равновесие, все бунты Баоюя оказываются обречены, потому что судьба клана уже предопределена. Гао Хайюн в своём исследовании трагических мотивов романа отмечает: «Предзнание читателя создаёт эффект трагической иронии — все уловки героев заведомо обречены» [1, с. 18]. Таким образом, сам сон становится генеральной стратагемой автора по отношению к читателю: мы думаем, что читаем бытовой роман, но на самом деле перед нами — притча о тщетности любых человеческих усилий перед лицом судьбы. Название романа 红楼梦 «Сон в красном тереме» — само по себе содержит указание на иллюзорность всего происходящего, что является высшей формой стратагемного осмысления реальности.

Итак, стратагемные формы поведения в романе «Сон в красном тереме» представляют собой не просто набор занимательных уловок, но фундаментальный принцип построения художественного мира. Цао Сюэцинь создал галерею персонажей, для которых хитрость стала второй натурой, необходимым условием выживания в условиях тотального недоверия и лицемерия.

Анализ с привлечением оригинальных китайских формулировок показал, что Ван Сифэн выступает главным носителем активно-агрессивного стратагемного мышления, используя такие приёмы, как 借剑杀人 (*jièjiàn shā rén*), 坐山观虎斗 (*zuò shān guān hǔ dòu*) и 擒贼擒王 (*qínzéi qínwáng*). Её поведение раскрывает трагическую диалектику стратагем: то, что служит защитой в одном контексте, становится орудием уничтожения в другом. Цзя Баоюй и матушка Цзя, напротив, демонстрируют пассивные и символические формы стратагемности — 假痴不癫 (*jiǎ chī bù diān*) и мудрое невмешательство.

Наконец, сам роман построен как «стратагема для читателя»: смешение сна и яви, пророчества, которые сбываются вопреки всем усилиям героев, создают трагический эффект, заставляющий задуматься о границах человеческой свободы и предопределённости.

Таким образом, исследование стратагемных форм поведения в «Сне в красном тереме» позволяет не только глубже понять характеры героев, но и оценить те социокультурные механизмы, которые формировали китайское общество XVIII в. Роман остаётся актуальным и сегодня, поскольку ставит вечный вопрос: может ли человек, живущий во враждебном мире, сохранить себя, не став хитрецом и манипулятором? Цао Сюэцинь не даёт однозначного ответа, но он гениально показывает цену, которую приходится платить за каждую из стратегий.

Литература

1. Гао Хайюн. Трагические мотивы в романе «Сон в красном тереме»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: ИСАА, 2001. 24 с.
2. Семанов В. И. Эволюция китайского романа в XVII–XVIII вв. Москва: Восточная литература, 1970. 212 с.
3. Зенгер Х. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать: знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия / пер. с нем. А. В. Дыбо; общ. ред., вступит. ст. и коммент. В. С. Мясникова. Москва: Прогресс. Культура, 1995.
4. Зенгер Харро фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать: в 2 томах. Москва: Эксмо, 2004. 1550 с.
5. Хандархаева В. В. Стратегемность как неотъемлемая часть в социокультурной традиции Китая // Вестник БНЦ СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2022. С. 135–141.
6. Цао Сюэцин. Сон в красном тереме: роман: в 2 томах / пер. с кит. яз. В. А. Панасюка. Санкт-Петербург: Наука, 2014. 1056 с.

Сведения об авторе

Гурдармаева Эльмира Баировна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: egurdarmaeva@mail.ru

Gurdarmaeva Elmira Bairovna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Хандархаева Виктория Викторовна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: khandarkhaeva@yandex.ru

Khandarkhaeva Victoria Viktorovna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ПРОБЛЕМАТИКА РАССКАЗА ГОНКОНГСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ СИ СИ «МЕЛОВЫЙ КРУГ ГОРОДА ФЭЙТУ»

© **Дугарова Ирина Борисовна**

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
iradugarova@icloud.com

Си Си — яркая представительница литературы Гонконга, получившая признание и любовь читателей не только Гонконга, но и всего китаеязычного мира. В рассказе «Меловый круг города Фэйту» автор использует отсылку к знаменитой пьесе времен династии Юань «Меловый круг» Ли Цяньфу. В данном рассказе, как и во многих других произведениях, Си Си выражает обеспокоенность о будущем города и его жителей в связи с возвращением Гонконга Китаю в 1997 г.

Ключевые слова: Си Си, литература Гонконга, Меловый круг, город Фэйту.

THE MAIN ISSUE OF THE STORY BY HONG KONG WRITER XI XI «THE FERTILE TOWN CHALK CIRCLE»

Dugarova Irina Borisovna

Dorzhii Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
iradugarova@icloud.com

Xi Xi is a prominent representative of Hong Kong literature, who has received recognition and love from readers not only in Hong Kong but throughout the Sinophone world. In the story «The Fertile Town Chalk Circle» the author uses a reference to the famous play «The Chalk Circle» by Li Qianfu during the Yuan Dynasty. In this story, as in many other works, Xi Xi expresses concern about the future of the city and its inhabitants in connection with the return of Hong Kong to China in 1997.

Keywords: Xi Xi, Hong Kong literature, The Chalk Circle, The Fertile town.

Си Си (1937–2022) — одна из самых ярких и самобытных писательниц Гонконга второй половины XX — начала XXI в. Ее творчество, ставшее голосом города и его жителей, занимает почетное место в литературе Гонконга. В некоторых своих произведениях Си Си обращается к судьбе Гонконга, особенно к периоду, предшествовавшему передаче города под юрисдикцию КНР в 1997 г. Писательницу беспокоят вопросы адаптации к переменам и хрупкости привычного уклада. В рассказе «Меловой круг города Фэйту», в котором она переосмысливает классическую китайскую драму эпохи Юань, раскрывается страх и боль целого поколения гонконгцев.

«Меловый круг города Фэйту» («肥土镇灰阑记», 1986) основан на пьесе Ли Цяньфу (известного также как Ли Синдао) династии Юань о судебном процессе легендарного судьи Бао Чжэна (999–1062). Судья Бао был реальным должностным лицом династии Северная Сун, но в фольклоре и операх он возведен в ранг мифического персонажа как представитель правосудия как в мире людей, так и в загробном мире. Пьеса династии Юань рассказывает о двух женщинах, борющихся за пятилетнего ребенка, наследника состояния своего убитого отца. Обе женщины утверждают, что они биологические матери. Судья Бао приказывает поставить мальчика в центр очерченного мелом круга, причем каждый истец должен держать его за руку. Тот, кому удастся перетянуть ребенка на свою сторону, получит родительские права. Судья Бао определяет истинную мать, у которой не хватает решимости причинить боль своему сыну.

Пьеса Ли Цяньфу послужила вдохновением для создания «Кавказского мелового круга» немецкого драматурга Бертольта Брехта (1898–1956), который адаптировал повествователь-

ную форму традиционной китайской драмы в своем знаменитом эпическом театре. «Критики отмечали, что, хотя история Си Си основана на пьесе династии Юань, по форме и духу она ближе к драме Брехта» [1, с. 359]. В «Кавказском меловом круге» судьей выступает писарь Аздак, которого толпа сделала судьей за смелость обличать богачей и защищать бедняков. Но в отличие от юаньской пьесы, в пьесе Б. Брехта служанка спасает сына казненного губернатора, убегает в горы и растит мальчика, как своего родного сына. Богатая мать, вернувшись ради наследства мужа, требует вернуть ей сына. Судья рисует меловый круг, ставит ребенка в центр круга и приказывает им тянуть его за руки. Но приемная мать, не желая делать ему больно, отпускает руку ребенка, и судья решает оставить его ей.

В рассказе же Си Си «Меловый круг города Фэйту» главным действующим лицом становится пятилетний ребенок и повествование идет от его лица. Мальчик по имени Шоулан 寿郎, сын Ма Цзюньцина 马均卿, несмотря на свой юный возраст видит и понимает все происходящее. Рассказчик одновременно является и ребенком в пьесе, и актером играющего на сцене ребенка. Мальчик, ставший свидетелем преступлений против своих родителей, хочет рассказать судье о злодеяниях мачехи, но судья не спрашивает его мнения. Судья Бао допрашивает соседей семейства, повитуху, принимавшую роды у матери ребенка, и других свидетелей, игнорируя самого главного свидетеля — Шоулана. Рассказчик поднимает проблемы традиционного китайского общества, таких как юридическая несправедливость, широко распространенная коррупция правительственных чиновников и принудительная проституция бедных женщин. Более того, он подрывает авторитет судьи Бао, ставя под сомнение мудрость и эффективность использования мелового круга для разрешения спора. Он даже оспаривает то, как решается его будущее без его свидетельских показаний и свободы выбора. 案子已经断了很久了，还断不出什么头路来。为什么不来问问我呢？谁药杀了我父亲、谁是我的亲生母亲、二娘的衣服头面给了什么人，我都知道，我是一切情节的见证。只要问我，就什么都清楚了。可是没有人来问我。«Дело уже давно закрыто, а решения до сих пор нет. Почему бы вам не подойти и не спросить меня? Я знаю, кто отравил моего отца, кто моя биологическая мать, кому мачеха отдала одежду. Я все знаю, я все видел. Просто спросите меня, и все станет ясно. Но никто не пришел спросить меня об этом» (здесь и далее перевод Дугаровой И.Б.) [2, с. 104].

Излюбленный прием Си Си — интертекстуальность, и «Меловый круг города Фэйту» является наиболее удачным примером в ее творчестве. Но в отличие от оперы Ли Цяньфу и пьесы Брехта, история Си Си заканчивается не решением дела в пользу настоящей матери, а протестом рассказчика:

«锣鼓号钹齐鸣吧，投射的灯光，集中到剧场这边来吧，我站在这里，公堂之上，舞台之中。各位观众，请你们倾听，我有话说。六百年了，难道你们还不让我长大吗？ Пусть гонги, барабаны, трубы и тарелки играют вместе, а прожекторы будут направлены в сторону театра. Я стою здесь, над судом, посреди сцены. Уважаемые зрители, пожалуйста, послушайте, мне есть что сказать. Прошло шестьсот лет, неужели вы все еще не даете мне повзрослеть?» [2, с. 119].

«Меловой круг города Фэйту» можно трактовать как аллереорию об отсутствии представительства Гонконга в китайско-британских переговорах 1980-х гг. о его будущем. Рассказ был написан в 1988 г., уже после подписания Объединённой китайско-британской декларации по вопросу передачи Гонконга в 1984 г. Си Си сравнивает вымышленный город Фэйту с Гонконгом, где город становится сценой для разворачивающихся событий. «不过，让我老老实实地告诉你，肥土镇并不在上演戏剧，因为肥土镇本身就是舞台。一切都是真事，何需搬演。这也不是古代，而是现在。不论古代还是现代，旧的尚未过渡，新的仍未到来，这仍是一个灰昧昧的年代». «Позвольте мне честно сказать вам: в городе Фэйту не разыгрывается

спектакль, потому что сам городок Фэйту и есть сцена. Всё происходит по-настоящему, зачем же что-то изображать. И это не прошлое, а настоящее. Неважно, древние ли это времена или современные, старое ещё не ушло, а новое ещё не пришло, это всё ещё сумеречная эпоха» [2, с. 84]. Жителей Гонконга можно сравнить с Шоуланом — ребенком, чьим мнением пренебрегают на переговорах между Китаем и Великобританией, где судьба города решается без их участия. Си Си считает саму идею «мелового круга» абсурдной: достаточно было просто спросить мальчика, с кем он хочет остаться. В этом рассказе, как и во многих других своих произведениях, Си Си выражает боль и отчаяние целого поколения гонконгцев, становясь их народным голосом.

Рассказы Си Си о Гонконге приобрели еще большее значение в годы, последовавшие за возвращением Гонконга Китаю в 1997 г. Антология рассказов Си Си, написанных до 1997 г., была опубликована в 2008 г. — через десять лет после передачи власти — с явным намерением отразить не только ее характерные работы за четыре десятилетия, но и то, «как она пишет о различных изменениях в Китае и Гонконге и как она рассматривает взаимодействие между этими двумя местами» [3, с. 9]. Хэ Фужэнь 何福仁 считает, что антология была издана с расчетом на молодое поколение читателей, и дает краткий обзор исторических вех в отношениях Гонконга и материкового Китая в качестве основы для чтения художественной литературы Си Си, не забывая при этом добавить, что работы Си Си — это «не история и не социология», а «трансформация конкретных социальных проблем в искусство посредством художественной литературы» [3, с. 11].

Творчество Си Си остается живым свидетельством окончания колониальной эпохи в Гонконге, которое передает конкретные социальные проблемы через искусство, позволяя новым поколениям читателей услышать то, что не было сказано вслух на официальных переговорах, но сохранилось в переживаниях людей.

Литература

1. Ng, Daisy S. Y. «46. Xi Xi and Tales of Hong Kong» // The Columbia Companion to Modern Chinese Literature. 2016. P. 355–362.
2. 西西. 手卷 / 西西. 桂林: 广西师范大学出版社, 2016. 231 页.
3. 何福仁. 浮城 1.2.3 : 西西小说新析 / 何福任. 香港: 三联书店香港有限公司, 2008. 188 页.
4. Li Jiayi. Study on the influence of Fairy Tale Realism on Xixi's Novel Creation // International Journal of Education and Humanities. 2023. Vol. 9, No. 1. P. 155–157.

Сведения об авторе

Дугарова Ирина Борисовна, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: iradugarova@icloud.com.

Dugarova Irina Borisovna, Research Assistant, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tugulovaod@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov State University, Ulan-Ude

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПУШКИНА В КИТАЕ В РАННИЙ ПЕРИОД (1900–1930)

© Дун Синьюй

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,
dun.si@dvfu.ru

В 1903 г. последний роман Пушкина «Русская любовная история» (в китайском переводе «Капитанская дочка») был опубликован в Китае, что ознаменовало официальное вхождение Пушкина в китайскую культуру. В данной статье рассматривается период с 1900 по 1930 г. и анализируется процесс раннего вхождения Пушкина в Китай с точки зрения «конструирования образа». В этот период образ Пушкина прошел через определение Лу Синем как «поэта-бунтаря», возвеличивание Ли Дачжао его «свободного духа», а также акцентирование Цюй Цюбо его «народности». По сути, это был избирательный процесс конструирования, субъектом которого являлись сами рассказчики, и который служил литературным потребностям китайской эпохи. Ранние переводы, отличавшиеся «романтическим и лирическим стилем», совместно формировали многогранный образ Пушкина в этот период, закладывая основу для его последующей канонизации в Китае.

Ключевые слова: Пушкин, конструирование образа, Лу Синь, Ли Дачжао, Цюй Цюбо.

THE FORMATION OF PUSHKIN'S IMAGE IN CHINA IN THE EARLY PERIOD (1900–1930)

Дун Синьюй

Far Eastern Federal University, Vladivostok,
dun.si@dvfu.ru

In 1903, the publication of Pushkin's final novel, «The Russian Love Story» («The Captain's Daughter»), in China marked his formal introduction to the country. This paper examines the period from 1900 to 1930, analyzing the early process of Pushkin's introduction into China from a «constructivist» perspective. During this era, Pushkin's image underwent multiple interpretations: Lu Xun's characterization of him as a «Byronic poet,» Li Dazhao's praise for his «spirit of freedom,» and Qu Qiubai's emphasis on his «people-orientedness.» At its core, this was a selective construction centered on the narrators, serving the contemporary needs of Chinese literature. The early translations, characterized by a «romantic and lyrical» style, collectively contributed to the diverse image of Pushkin during this period, laying the foundation for his later canonization.

Keywords: Pushkin, Image Construction, Lu Xun, Li Dazhao, Qu Qiubai.

В 1900 г. Шанхайское общество распространения знаний (Гуансюэхуй) опубликовало журнал «Вестник российских политических событий», где впервые в Китае упоминалось имя Пушкина. Тем самым оно вошло в китайский культурный обиход. Однако подлинное вхождение Пушкина в Китай произошло в 1903 г., когда шанхайское издательство «Дадун шуцзюй» выпустило роман «Капитанская дочка» под названием «Русская любовная история» (также известным как «Реестр цветков и снов бабочки»). Благодаря этому изданию Пушкин вошел в сознание широкой китайской публики. Этот перевод, выполненный Цзи Цзихуэем с японского языка, в предисловии («Сюйянь»), написанном Хуан Хэнанем, характеризовался как любовный роман, воспевающий взаимную сердечную привязанность: в нем «критикуются браки по сговору и прославляются свободный брак, а также верная любовь главных героев» [1, с. 118]. Хотя такое истолкование несколько расходилось с подлинным замыслом пушкинского произведения, в условиях феодального китайского общества, где господствовал принцип «приказов родителей и слов свахи», оно, несомненно, звучало про-

грессивно. Этот роман стал не только самым ранним переводом произведения Пушкина на китайский язык, но и вообще первым переводом русского литературного произведения в Китае. В то время Пушкин воспринимался просто как иностранный писатель, его образу еще не придавалось особого значения. Подлинное конструирование его образа началось с открытия, сделанного Лу Синем.

В 1907 г. Лу Синь написал статью «О силе сатанинской поэзии», в которой впервые обратил внимание на поэзию Пушкина. В этой статье «дается обзор жизни Пушкина, что фактически представляет собой краткую биографию, и затрагиваются некоторые фундаментальные вопросы его мировоззрения и творчества» [2, с. 134]. Образ Пушкина рисуется в ней как образ поэта-бунтаря, «духовного воина». «Особые условия Китая побудили Лу Синя в процессе конструирования образа русского поэта идеологизировать образ Другого в соответствии с китайской культурной моделью» [3, с. 242]. Цель такого конструирования заключалась в том, чтобы, пропагандируя дух, заложенный в поэзии бунтарей, изменить национальный характер и улучшить положение слабой страны и ее народа. Это полностью совпадало с выбором Лу Синя, который оставил медицину ради литературы: он стремился превратить литературу в «кинжал» с помощью своего слова, что также было его поиском смысла жизни. Он поощрял народ смело сопротивляться гнету и переходить к практическим действиям, чтобы пробудить в людях пламенный патриотизм и спасти гибнущую страну. Хотя сконструированный Лу Синем образ Пушкина был односторонним (нивелировалось романтическое, лирическое измерение его поэзии, и он сводился к единому образу поэта-бунтаря), именно это заложило основу для формирования в более поздний, левый период в Китае образа Пушкина как «борца за свободу».

В период Движения 4 Мая Пушкин, с его «уникальным революционным духом—смелостью критиковать и сопротивляться, дерзостью открыто выступать против феодального правления, стремлением к демократии и свободе, а также патриотизмом, выражавшимся в постоянной озабоченности судьбами нации и стремлении спасти отечество» [4, с. 35], глубоко полюбился и почитался китайскими писателями. Такие китайские интеллектуалы, как Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Чжэн Чжэньдо и Гэн Цзичжи, один за другим начали писать о Пушкине и переводить его произведения. Конструирование образа Пушкина в этот период приобрело множественный характер, оказав глубокое влияние на новую литературную революцию и литературное творчество в Китае.

Накануне Движения 4 Мая китайская интеллигенция остро нуждалась в идейных ресурсах для пропаганды свободы и демократии. Призыв к свободе и критика самодержавия в оде Пушкина «Вольность» как нельзя лучше соответствовали потребностям китайской эпохи. Известный китайский революционер Ли Дачжао в своей статье «Русская литература и революция» в 1918 г. высоко оценил оду «Вольность», отметив, что пушкинская поэзия отличается искренностью и пылкостью, что поэт осмеливался напрямую увещевать царя и выступал за укрепление власти с помощью свободы. Независимая мысль и свободный дух, заключенные в его поэзии, сформировали образ Пушкина как «певца свободы». В этой статье Ли Дачжао упоминается только ода «Вольность» и ни словом не говорится о других поэмах, лирических стихотворениях, романах и других произведениях Пушкина. Такое избирательное выдвижение на первый план отражает самоконструирование, в котором доминирует автор (интерпретатор). Ли Дачжао в тот период нуждался не в Пушкине как цельном поэте и писателе, а в «певце свободы», способном своими произведениями предоставить духовные ресурсы для дела просвещения.

В середине и конце 1920-х гг. члены Литературного общества «Исследование литературы», такие как Мао Дунь и Чжэн Чжо, через переводы с английского и японского языков (вторичные переводы) знакомили читателей с произведениями Пушкина. В этот период они находились под посредническим влиянием английского романтизма и японской литературы эпохи Мэйдзи, представляя Пушкина в рамках «мировой литературы» как «русского байронического» и «мирового» поэта-романтика. В отличие от них, Цюй Цюбо — один из первых китайских переводчиков, которые переводили русскую литературу непосредственно с рус-

ского языка. Восприятие Пушкина Цюй Цюбо делало больший акцент на интерпретации «народности» в его творчестве и выдвинул раннюю форму «народности». Это различие проистекает из того, что Цюй Цюбо был одним из первых переводчиков после Движения 4 мая, кто непосредственно переводил русскую литературу с русского языка. Более того, Цюй Цюбо был «первопроходцем и провидцем, который вслед за Лу Синем раньше других осознал, дал точную оценку и всячески превозносил Пушкина — отца русской литературы» [5, с. 61], обладая более глубоким и всесторонним пониманием поэта. Он считал, что поэзия, проза и драматургия Пушкина, описывая реальную жизнь России, черпают материал, фокусируясь на жизни простого народа, и соответствуют общественным потребностям того времени. Это совпадало с внутренним стремлением новой литературы периода Движения 4 мая обратить внимание на народ. Литературные произведения должны уходить корнями в народ, отражать социальную реальность и пробуждать национальное самосознание народа.

Заключение: При ретроспективном анализе процесса восприятия Пушкина в Китае в период с 1900 по 1930 г. видно, что Пушкин начал входить в китайское литературное поле, что привело к формированию многогранной и сосуществующей картины. Лу Синю нужен был «духовный воин», поэтому он увидел в пушкинском творчестве «поэта-бунтаря», призванного спасти страну и народ; Ли Дачжао требовались духовные ресурсы для просвещения народа, поэтому он выдвинул на первый план «свободный дух» произведений Пушкина; Мао Дунь и Чжэн Чжо, нуждаясь в представлении «Пушкина в контексте мировой литературы», подчёркивали его позиционирование в ней, а именно — как «поэта-романтика»; Цюй Цюбо был озабочен литературной революцией периода Движения 4 мая, поэтому он акцентировал «народность», заложенную в творчестве поэта. Каждое из этих прочтений Пушкина представляло собой избирательное конструирование образа реципиентом в китайском контексте. Каждая из интерпретаций произведений Пушкина совместно сформировала его ранний многогранный образ в Китае, что предоставило богатые возможности для последующего переосмысления этого образа.

Литература

1. Чжан Тефу. Проводник Пушкина в «первый приход в Срединную землю»: Цзи Ихуэй и Пушкин // Вестник Сянтаньского университета (Философия и общественные науки). 2000. Т. 24, № 5. С. 117–121.
2. Чжан Тефу. «Искать новые голоса на чужбине»: Лу Синь и Пушкин // Общественные науки Гуандуна. 1999. № 6. С. 133–138.
3. Юй Хан. Русские поэты глазами Лу Синя: «О силе стихов Мало» в аспекте имагологии // Вестник Центрально-Южного университета (Издание по общественным наукам). 2014. Т. 20, № 6. С. 242–247.
4. Цун Цзе. О влиянии Пушкина на движение новой литературы «4 мая» и творчество новой литературы в Китае // Вестник Муданьцзянского педагогического университета (Философия и общественные науки). 2002. № 6. С. 35–36.
5. Ян Яньсун. Китайско-русские литературные связи: Цюй Цюбо и Пушкин // Иностранные языки и перевод. 2000. № 2. С. 61–65.

Сведения об авторе

Дун Синьюй, аспирант, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, e-mail: dun.si@dvfu.ru

Dong Xinyu, Research Assistant, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Научный руководитель

Модина Галина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток.

Modina Galina Ivanovna, Dr. Sci. (Philology), A/Prof, Far Eastern Federal University, Vladivostok

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА НА ПОЭЗИЮ СИМАДЗАКИ ТОСОНА (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА «ПЕЧАЛЬ О БАЙРОНЕ»)

© **Колчин Кирилл Юрьевич**

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
kolchin04443@gmail.com

В отечественном востоковедении поэзия Симадзаки Тосона традиционно рассматривается через призму его прозаических произведений, тогда как стихотворные послания до сих пор не получили адекватной жанровой характеристики. В статье на примере цикла «Печаль о Байроне» (1893) анализируются две линии влияния английского романтизма — шекспировская и байроновская. Сделан вывод, что стихотворные послания Тосона представляют собой самостоятельный жанровый феномен, а результаты могут быть использованы в курсах по истории японской литературы.

Ключевые слова: Симадзаки Тосон, японская поэзия, английский романтизм, стихотворные послания.

THE INFLUENCE OF ENGLISH ROMANTICISM ON SHIMAZAKI TOSON'S POETRY (BASED ON THE CYCLE «SORROW FOR BYRON»)

Kolchin Kirill Yurevich

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
kolchin04443@gmail.com

In Russian Japanese studies, Shimazaki Toson's poetry is traditionally examined through the lens of his prose works, while his poetic letters have not yet received adequate genre characteristics. Using the cycle «Sorrow for Byron» (1893) as an example, the paper analyzes two lines of English Romantic influence — Shakespearean and Byronic. It is concluded that Toson's poetic letters represent an independent genre phenomenon, and the results can be used in courses on the history of Japanese literature.

Keywords: Shimazaki Toson, Japanese poetry, English Romanticism, poetic letters.

Творчество Симадзаки Тосона (1872–1943) традиционно изучается сквозь призму его прозаических произведений — романов «Нарушенный завет» и «Семья». Однако поэтическое наследие автора, в особенности его стихотворные послания, до сих пор не получило адекватной жанровой характеристики. Проблема заключается в том, что эпистолярная лирика Тосона представляет собой переходную форму между классической японской традицией и новой поэзией западного образца. Но механизмы этого синтеза остаются нераскрытыми. Требуется определить, каким образом жанр послания позволил Тосону решить задачи обновления поэтического языка и выражения нового типа личности в литературе периода Мэйдзи (1868–1912).

В отечественном востоковедении поэзия Тосона рассматривалась фрагментарно. Н. С. Шефтелевич в монографии «Новая японская поэзия. Симадзаки Тосон» дает общий обзор поэтических сборников, но не выделяет послания в отдельную жанровую категорию. Т. П. Григорьева и Н. И. Конрад касаются творчества Тосона в контексте традиции и модернизации, однако вопросы поэтики эпистолярной лирики остаются за рамками их исследований. А. А. Долин рассматривает творчество Тосона в целом, не затрагивая жанр стихотворных посланий. В зарубежной науке проблема также не поставлена: послания Тосона либо включаются в общий анализ романтической поэзии, либо игнорируются. Таким образом, назрела необходимость специального изучения стихотворных посланий как самостоятельного жанрового феномена.

Источниковую базу составили стихотворные послания Симадзаки Тосона, прежде всего цикл «Печаль о Байроне» («Баирон-о аварэмита», 1893), включающий шесть стихотворений, адресованных участникам литературного общества «Литературный мир». Методология исследования базируется на структурно-жанровом анализе, позволяющем выявить устойчивые признаки жанра послания, и контент-анализе, необходимом для выделения ключевых моментов и их интерпретации.

Впервые нами сделана попытка рассмотреть стихотворные послания Тосона не как второстепенный раздел поэтического наследия, а как особую жанровую форму, выполняющую функцию художественного синтеза. Новизна подхода состоит в выявлении механизма «индивидуального контекста»: введение фигуры конкретного адресата позволяет Тосону сочетать исповедальность и недосказанность, создавая принципиально новый тип лирического высказывания.

Процесс становления новой японской поэзии в эпоху Мэйдзи неразрывно связан с интенсивным освоением западноевропейской литературной традиции, в рамках которой английский романтизм занял доминирующее положение. Именно английские поэты-романтики послужили для японских авторов не только источником тематических и образных заимствований, но и своеобразным камертоном, позволившим переосмыслить национальную поэтику и выработать новые принципы художественного мышления.

Первое значительное знакомство японской литературы с английской поэзией состоялось благодаря сборнику «Синтайсисё» 1882 г. В нем, наряду с оригинальными стихотворениями, были опубликованы переводы произведений Теннисона, Кэмпбелла и, что особенно важно, элегия Томаса Грея «Сельское кладбище». Именно эта элегия, чья специфическая сентиментальность нашла живой отклик у японских романтиков, оказала решающее воздействие на формирование эстетических вкусов поэтов синтайси. Дальнейшее углубление знакомства с английской литературой происходило благодаря деятельности журнала «Бунгакукай», на страницах которого публиковались развернутые критические эссе о Байроне, Шелли, Вордсворте, Китсе, Россетти и Эмерсоне, а также вольные переложения и подражания. В этот период английский романтизм воспринимался не как единое монолитное направление, а как многогранное явление, дававшее японским поэтам разные модели для подражания: от титанического индивидуализма Байрона и пантеистической созерцательности Вордсворта до утонченного эстетизма Китса и прерафаэлитов. [1, с. 334–337]

В творчестве самого Симадзаки Тосона, признанного классика новой японской поэзии, отчетливо выделяются две линии воздействия, связанные с именами Уильяма Шекспира и Джорджа Гордона Байрона. Влияние Шекспира на Тосона носило преимущественно эстетико-психологический характер и было связано с углублением лирического психологизма.

Влияние Байрона на Тосона имело более опосредованный, но мировоззренчески значимый характер. В отличие от Китакура Тококу, который в ранней поэме «Стихи узника» прямо подражал «Шильонскому узнику», Тосон не занимался сюжетными заимствованиями из байроновских поэм. Однако байронический пафос героического противостояния личности враждебному миру стал одной из доминант его зрелой лирики. В стихотворениях «Песнь об орлах» и «Вечнозеленое дерево» Тосон воспекает стоическое упорство и готовность к борьбе даже перед лицом неизбежного поражения. Эти произведения были призваны сублимировать романтическое стремление к героике, и в них явственно слышны отголоски байроновского культа сильной, одинокой личности. При этом Тосон избегает демонизма и «мировой скорби», свойственных европейскому байронизму, трансформируя бунтарский импульс в этически окрашенную идею нравственного противостояния, что более соответствовало национальной духовной традиции [3, с. 123–127].

Однако наиболее полно и органично английское влияние проявилось не в масштабных романах, а в камерном жанре стихотворного послания, который Тосон начал разрабатывать в начале 1890-х гг. Стихотворное послание в японской традиции имело глубокие корни: обмен стихотворными импровизациями (прежде всего в форме танка) был неотъемлемой частью придворного этикета эпохи Хэйан, средством флирта, выражения дружеских чувств или

скорби. Поэтическое послание было диалогично по своей сути, предполагало конкретного адресата и формировало особое интимное пространство. Тосон усвоил и творчески переосмыслил эту традицию письменного диалога, но наполнил ее совершенно новым содержанием, заимствованным из арсенала английского романтизма. Если в классической традиции такой обмен существовал в рамках жестко регламентированного культурного кода, то Тосон сделал послание инструментом для выражения глубоко личных, исповедальных переживаний, связанных с экзистенциальными вопросами бытия и судьбы художника.

Специфика послания у Тосона заключается во введении категории «индивидуального контекста». В послании, непременно требующем конкретного автора и адресата, появляется особое коммуникативное поле, которое, допуская недоговоренность, вполне может существовать без развернутых пояснительных мест и описаний. Это создает эффект интимности и доверительности, невозможный в безличной лирике. Именно этот механизм позволил Тосону решить ключевую задачу, стоявшую перед поэтами его поколения: как соединить новое, западное содержание с традиционной формой, не разрушая ее.

Наиболее ярким и показательным примером такого синтеза является цикл «Печаль о Байроне» («Баирон-о аварэмитэ», 1893), включающий шесть стихотворных посланий, адресованных друзьям по обществу «Литературный мир» — Хосино Юкэй, Китамура Тококу, Тогава Сэйгацу и другим. Тема цикла — лирическое переживание судьбы поэта, одна из центральных тем европейского романтизма. Индивидуальный контекст, возникающий из действительных отношений между автором и его адресатами, позволяет раскрыть эту тему с привлечением нового, западного материала, хорошо известного и понятного узкому кругу посвященных. В таком контексте Байрон — прежде всего нарицательное наименование поэта, и потому он вполне естественно оказывается в одном ряду и с японцем Сайгё («Послание к Хосино Юкэй»), и с англичанином Вордсвортом («Послание к Китамура Тококу») [2, с. 34–36].

Особого внимания заслуживает «Послание к Тогава Сэйгацу», в котором тема судьбы поэта раскрывается через ассоциации с литературными героями Байрона и Шекспира:

Пусть дует ветер осенний! Смешон преуспевающий поэт.
И сон ли, явь ли — поиск сокровенного в скитаньях?!
Пусть иногда смеюсь, обманутый любовью,
Пусть иногда до слез доводит голод,
Но никогда, ни дня единого в году
Поэту не уснуть спокойно...
О Байрон! И в безумье
Рассвет весны доверь цветам!
Ведь небо, скитальцам бедным сострадая,
Причастно твоему рождению.
О скиталец! Как рассказать твои печали
Миру, забывшему, что есть цветы на свете!

В этом небольшом стихотворении мы видим, как Тосон свободно оперирует образами, отсылающими к английской литературной традиции. Тема отверженности поэта ассоциируется с Чайльд Гарольдом, поэтическое безумие прочитывается через аллюзии на Офелию (мотив цветов и безумия), а ранняя смерть поэта не только прямо указывает на гибель Байрона в Миссолунги, но и продолжает ассоциативный ряд, связанный с шекспировской трагедией — смертью Гамлета. Однако все эти европейские реминисценции помещены в рамку традиционной японской поэтики с ее сезонной символикой (осенний ветер, весенний рассвет) и эстетикой недосказанности. Тема судьбы поэта разрабатывается в нескольких аспектах: отверженность, скитания, трагическая гибель, кажущееся безумие вдохновения, — и каждый аспект находит отклик как в западном, так и в национальном культурном коде [3, с. 35].

Стихотворные послания Симадзаки Тосона представляют собой не просто дань уважения английским романтикам или формальный эксперимент. Это целостный художественный феномен, в котором западная исповедальность, унаследованная от Байрона и Шелли, органично соединяется с восточной недосказанностью и диалогичностью, восходящей к классической традиции. Цикл «Печаль о Байроне» демонстрирует, как индивидуальный контекст, возникающий из обращения к реальному адресату, позволяет ввести в японскую поэзию совершенно новые семантические пласты — тему трагической судьбы художника, его одиночества в прагматичном мире, его жертвенного служения идеалу.

Литература

1. Конрад Н. И. Очерки японской литературы. Статьи и исследования // Лекции по японской литературе периода Мэйдзи. Москва: Художественная литература, 1973. С. 306–401.
2. Шефтелевич Н. С. Новая японская литература. Симадзаки Тосон. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 34–36.
3. Долин А. А. Японский романтизм и становление новой поэзии. Москва: Наука, 1978. С. 123–151.

Сведения об авторе

Колчин Кирилл Юрьевич, студент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: kolchin04443@gmail.com

Kolchin Kirill Yurievich, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Жанцанова Марина Георгиевна, кандидат культурологии, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: dari9@yandex.ru

Zhantsanova Marina Georgievna, candidate of cultural studies, A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ПОЭЗИЯ ЦЮ ЦЗИНЬ КАК АКТ РЕВОЛЮЦИОННОГО САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ

© Коногорова Яна Олеговна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
 anakonogorova@gmail.com

В статье рассматривается поэтическое наследие китайской революционерки и литератора Цю Цзинь (1875–1907) через призму концепции «перформативной жертвенности». Вопреки сложившейся традиции рассматривать творчество Цю Цзинь исключительно как идеологический фон к ее казни, автор анализирует стихотворные тексты как самостоятельный ритуал перехода от частной женской судьбы к публичному революционному действию. Исследуется процесс конструирования лирической героиней маскулинной идентичности «женщины-воина» (нюйся) и деконструкции конфуцианских гендерных ролей. Особое внимание уделено мифологеме «птицы Цзинвэй» и образу «меча» как ключевым элементам, в которых текст сливается с судьбой, а поэзия становится актом сознательного умирания еще до физической казни.

Ключевые слова: Цю Цзинь, китайская литература конца эпохи Цин, женская поэзия, революционное движение, гендерная идентичность, феминизм в Китае, мифологема Цзинвэй, перформативность текста.

THE POETRY OF QIU JIN AS AN ACT OF REVOLUTIONARY SACRIFICE

Konogorova Iana Olegovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
 anakonogorova@gmail.com

The article examines the poetic legacy of the Chinese revolutionary and writer Qiu Jin (1875–1907) through the prism of the concept of «performative sacrifice». Contrary to the established tradition of viewing Qiu Jin's work exclusively as an ideological background to her execution, the author analyzes the poetic texts as an independent ritual of transition from a private female destiny to a public revolutionary action. The article explores the process of the lyrical heroine's construction of the masculine identity of the «warrior woman» (niu yi) and the deconstruction of Confucian gender roles. Special attention is given to the mythologem of the «bird Jingwei» and the image of the «sword» as key elements where the text merges with fate, and poetry becomes an act of conscious dying before physical execution.

Keywords: Qiu Jin, late Qing Chinese literature, women's poetry, revolutionary movement, gender identity, feminism in China, Jingwei mythologem, performative.

Введение

Фигура Цю Цзинь (秋瑾, 1875–1907) занимает уникальное место в истории китайской литературы и общественной мысли. Как отмечает Н.В. Захарова, «Цю Цзинь входит в группу тех китайок начала XX столетия, для которых участие в общественных движениях стало мотиватором увлечения сначала публицистикой, а затем и литературной деятельностью» [1, с. 112]. Однако подобный функциональный подход невольно редуцирует поэзию до уровня вспомогательного инструмента агитации. Мы же настаиваем на том, что поэтическое слово для Цю Цзинь было не средством, а самым актом самопожертвования. В ее случае слово и дело слились настолько неразрывно, что стихи стали ритуальной подготовкой к казни, а казнь — последней, самой сильной строкой ее творчества.

Данная статья опирается на комплекс источников, включая российские исследования Н. В. Захаровой [1–3], компаративистскую работу Н. Исаевой и О. Воробей [4], а также новейшие

переводы стихов Цю Цзинь на английский язык [6] и исторические свидетельства о ее казни [5].

1. Историко-литературный контекст: рождение «новой женщины» в поздней Цин

Для понимания масштаба жертвы, которую принесла Цю Цзинь, необходимо кратко охарактеризовать положение женщины в китайском обществе рубежа XIX–XX вв. Как указывает Н. В. Захарова в диссертационном исследовании, «в традиционном Китае не было школ для девочек. Крестьянки и бедные горожанки были неграмотными, в обеспеченных семьях дочери до замужества (а девочек отдавали замуж в тринадцать — пятнадцать лет) обучались грамоте вместе с братьями» [2, с. 1–2]. Только в 1907 г. маньчжурское правительство специальным указом разрешило создавать школы для девочек [2, с. 2].

Именно в этой среде зарождается движение за права женщин (*нюйцюань*, 女权), катализатором которого стали переводы статей Герберта Спенсера и Джона Стюарта Милля, выполненные Ма Цзюнью в 1900 г. [1, с. 111]. Важной вехой стало «движение против бинтования ног» (*бу чань цзу юньдун*, 不缠足运动), активной участницей которого стала и Цю Цзинь. В одной из своих статей она писала: «Нигде в мире, ни в одной стране нет человека, который был бы в таком рабском положении, как китаянка» [цит. по: 1, с. 114].

Однако Цю Цзинь не ограничилась публицистикой. Ее личный разрыв с угнетением начался с символического акта — разбинтовывания собственных ног. Как сообщает источник, «она подготовила себя к этому путешествию актом, который нагружал символизмом в той же мере, что и физическим усилием: болезненно разбинтовывая свои ноги» [5]. Этот жест сопровождался стихами, в которых она призывала «разбудить души сотен цветов к страстному движению» [5]. Таким образом, уже на раннем этапе поэзия становится документальным свидетельством разрыва с прошлой жизнью.

2. Поэзия как инструмент конструирования новой идентичности

В творчестве Цю Цзинь отчетливо прослеживается эволюция от традиционной женской лирики к боевой, маскулинизированной поэзии. Исследователи Н. Исаева и О. Воробей, сравнивая ее с украинской поэтессой Лесей Украинкой, отмечают, что «Цю Цзинь конструировала свою собственную маскулинную идентичность как женщина-воин» [4, с. 136]. Этот процесс включал не только ношение мужской одежды и владение мечом, но и кардинальную смену поэтического дискурса.

Ключевым текстом этого периода является стихотворение «На мотив “Полноводная река”» («*满江红*»), в котором Цю Цзинь пишет: «Хотя я не мужчина по рождению, / мое сердце сильнее, чем у мужчины» (в переводе И. Ван: «Not a man in the flesh, / unable to walk among them; / but my heart is stronger, / more fierce than a man's!») [6]. Эта декларация — не просто эмоциональный всплеск, а сознательный акт поэтической травести, когда лирическая героиня присваивает себе традиционно мужские атрибуты силы и решимости.

Важнейшим символом в поэзии Цю Цзинь становится меч (*баоцзянь*, 宝剑). Как отмечается в компаративистском исследовании, «если в ранних произведениях Цю Цзинь преобладали мотивы просвещения, то со временем ее протест становился все более настойчивым... ее жизнь и поэтические произведения наполнились образами драгоценных мечей, кинжалов и стали» [4, с. 137]. Меч в ее стихах — это не просто оружие для убийства врага, а фетиш собственной обреченности, инструмент, которым она отсекает от себя прошлую жизнь. В отличие от Леси Украинки, у которой «вера лирической героини со временем исчезает и, возможно, останавливается перед внутренней осторожностью о вероятных социальных последствиях использования “слова-оружия”», у Цю Цзинь эта вера «напротив, усиливается» [4, с. 137].

3. Мифологема Цзинвэй: эстетика обреченного действия

Вершиной поэтического самопожертвования Цю Цзинь стало обращение к древнему мифу о птице Цзинвэй. Как указывает Н. В. Захарова в статье о женской прозе, «название сказа связано с легендой о дочери китайского мифического божества Шэньнуна, которая утонула в

море. После смерти девушка превратилась в птицу Цзинвэй и решила засыпать море. Цзинвэй в представлении китайцев является символом упорства при достижении целей» [3, с. 97].

Цю Цзинь использует этот сюжет в незаконченном сказе «Камень Цзинвэй» («精卫石»), написанном в Японии в 1905–1906 гг. Судьба главной героини, чье имя созвучно с именем автора, «во многом схожа с жизнью Цю Цзинь» [3, с. 97]. Героиня, подобно мифической птице, проявляет решимость и вопреки воле родителей уезжает в Японию, чтобы посвятить себя делу революции.

Выбор именно этой мифологемы глубоко символичен. Это архетип безнадежного, но не прекращающегося действия. Море деспотии и патриархального гнета слишком велико, чтобы его засыпать одному человеку, но сам акт бросания «камней» (стихов, прокламаций, выстрелов) и есть высшая форма существования. Здесь поэзия окончательно перестает быть творчеством и становится документом судьбы. Цю Цзинь не пишет о смерти как о возможном исходе — она живет внутри стихотворения о неизбежной гибели.

Как отмечает Н. В. Захарова в диссертации, «в первое десятилетие XX в. постепенно меняются приоритеты в иерархии литературных жанров. Полемика о важности прозы, развернувшаяся на страницах многочисленных литературных журналов, стимулировала процесс «изменения состава литературы» (Н. И. Конрад)» [2, с. 6]. Творчество Цю Цзинь находится на острие этой трансформации: она первой из китайок обращается к прозаическому жанру *сяошо* (в форме сказа), но при этом сохраняет поэтическую природу своего дара. Ее «Камень Цзинвэй» — это прозаическое произведение, наполненное поэтическими обращениями к читательницам, что делает его уникальным жанровым гибридом.

4. Финальный акт: поэзия как эпитафия

15 июля 1907 г. Цю Цзинь была публично обезглавлена в Шаосине за подготовку антиправительственного восстания [5]. На допросе она не выдала сообщников, но произнесла (или написала) строку, ставшую ее поэтическим завещанием: «*Осенний ветер, осенний дождь — до смерти печалит*» (秋风秋雨愁煞人).

Эта строка — не просто лирическая миниатюра, а лингвистический иероглиф самопожертвования. В китайской поэтике «осень» (秋) — это не только время увядания, но и фамилия самой поэтессы (Цю). Таким образом, строка читается как эпитафия, написанная от первого лица, где субъект лирики полностью растворяется в стихии. Как отмечают исследователи, «ее поэзия — это не акт творчества в привычном смысле, а ритуал прощания» [4, с. 142].

Примечательно, что в англоязычной биографической справке подчеркивается: «Она выдала строку поэзии, но не стала выдавать товарищей» [5]. Этот факт окончательно скрепляет единство слова и поступка: Цю Цзинь умирает не как политическая преступница, а как поэт, чье последнее дыхание облечено в стихотворную форму.

5. Заключение: от поэзии к бессмертию

Анализ поэтического наследия Цю Цзинь в контексте ее биографии и литературного процесса Китая начала XX в. позволяет сделать вывод: ее творчество было не подготовкой к революционной деятельности, а самой этой деятельностью, выраженной в слове. Последовательное разрушение традиционной женской идентичности, конструирование образа «женщины-воина» и обращение к мифологеме Цзинвэй — все это звенья единой цепи поэтического самопожертвования.

Как справедливо отмечает Н. В. Захарова, «хотя всех троих [писательниц] следует отнести к писательницам «второго ряда», их сочинения оставили заметный след в истории литературы Китая» [3, с. 96]. В случае Цю Цзинь этот «заметный след» оказался настолько глубоким, что превратил ее из литератора в культурный архетип национальной героини. Ее казнь 15 июля 1907 г. стала последним стихотворением, идеально рифмующимся с ее жизненным и творческим циклом. Именно это нерасторжимое единство слова и судьбы делает поэзию Цю Цзинь уникальным явлением не только в китайской, но и в мировой литературе — явлением, которое можно с полным правом назвать актом революционного самопожертвования.

Литература

1. Захарова Н. В. Движение за права женщин и рождение периодических изданий для женщин в Китае в эпоху поздней Цин // Вестник Костромского университета. 2019. Т. 25. № 1. С. 111–114.
2. Захарова Н. В. Литературный процесс в Китае в первой четверти XX в. Эволюция прозаических жанров: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2021. 72 с.
3. Захарова Н. В. Становление женской прозы в Китае в начале XX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 12. С. 96–99.
4. Isaieva N., Vorobei O. Lesia Ukrainka and Qiu Jin: The Confluence of Their Poetic Worlds via Translation // Kyiv-Mohyla Humanities Journal. 2021. № 8. P. 121–145.
5. 1907: Qiu Jin, Chinese feminist and revolutionary // Executed Today. 15.07.2011. URL: <https://www.executedtoday.com/2011/07/15/1907-qiu-jin-chinese-feminist-and-revolutionary/>
6. Wang Y. (trans.) A River of Crimson: A Brief Stay in the Glorious Capital by Qiu Jin // China Channel. 12.02.2021. URL: <https://chinachannel.lareviewofbooks.org/2021/02/12/qiu-jin/>

Сведения об авторе

Коногорова Яна Олеговна, студентка 3-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: anakonogorova@gmail.ru

Konogorova Iana Olegovna, 3rd year student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский Государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: dashieva.sc@ssau.ru

Dashieva Soyolma Tsyren-Dashievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ И СИМВОЛИКИ В ПРОЗЕ ЛАО ШЭ И ШЭН КЭИ

© Манелова Афина Ильинична

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
m4.fin@yandex.ru

В статье сравниваются два китайских писателя Лао Шэ (1899–1966) и Шэн Кэи (1973). Авторы пережили разные исторические периоды, но оба склонны к использованию художественных деталей и символов. У Лао Шэ детали показывают социальное неравенство, а символы связаны с традиционной китайской культурой. У Шэн Кэи символы часто касаются женского тела, гендерных ролей и рыночных отношений. На примере повести «Серп луны», «Сказители» и романа «Сестрички с Севера» показано, что Лао Шэ фиксирует трагедию женщины-жертвы, а Шэн Кэи описывает женщину как прагматичного игрока в системе. Различия объясняются не только стилем, но и историческим контекстом: Лао Шэ писал в эпоху войн и голода, а Шэн Кэи в эпоху рыночных реформ и миграции.

Ключевые слова: художественная деталь, символ, Лао Шэ, Шэн Кэи, китайская проза, сравнительный анализ, поэтика, традиции и новаторство.

THE ROLE OF ARTISTIC DETAIL AND SYMBOLISM IN THE PROSE OF LAO SHE AND SHENG KEYI

Manelova Afina Ilyinichna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
m4.fin@yandex.ru

This article compares two Chinese writers — Lao She (1899–1966) and Sheng Keyi (b. 1973). Both tend to use artistic details and symbols. Lao She uses details to show social inequality and symbols tied to traditional culture. Sheng Keyi's symbols often address the female body, gender roles, and market relations. Based on «Crescent Moon», «Storytellers», and «Northern Girls», the article shows that Lao She portrays women as tragic victims, while Sheng Keyi describes women as pragmatic players in the system. These differences stem from both style and historical context: war and famine for Lao She, market reforms and migration for Sheng Keyi.

Keywords: artistic detail, symbol, Lao She, Sheng Keyi, Chinese prose, comparative analysis, poetics, traditions and innovations.

Применение символов и художественных деталей в таком жанре как реализм, это не только про изобразительную функцию, но и про смыслообразующую. С их помощью автор переводит проблематику или повестку произведения на язык образов, который понятен и читателю. В литературе Китая XX–XXI вв. данные изобразительно-выразительные средства приобретают особую остроту. Рассмотрим творчество Лао Шэ (1899–1966), фиксировавшего трагедию «маленького человека» в Пекине 30–40-х гг. прошлого века, и Шэн Кэи (1973), которая описывала судьбы сельских девушек и их трудовую миграцию в Шэньчжэнь в 1990-х [1].

Сопоставительный анализ элементов поэтики у двух авторов показывает нам не только изменения в занимаемом месте женщины в китайском обществе, но и в самом взгляде на письмо: от патриархального гуманизма к феминистской субъектности. Для рассмотрения в статье выбраны четыре темы: телесность как объект и ресурс; голод и еда как измеритель человеческого достоинства; границы «свой/чужой»; природные метафоры (луна, лотос, яблоко) как маркеры женской судьбы.

У Лао Шэ женское тело про нечто страдающее и уязвимое. В повести «Серп луны» (月牙儿) оно превращается в единственный ресурс для выживания. Описывается это через нарас-

тание деталей холода и голода, а позже через дегуманизирующие сравнения. Героиня фиксирует момент, когда «распродав своё тело», она остаётся «с пучком седых волос и темной морщинистой кожей» [3]. Тело здесь принимает все удары общества. Сами сексуальные сцены писатель не описывает детально, но акцентирует состояние героини после: усталость, отращивание, «никчёмность человеческой жизни» [3].

Иной механизм в работах у Шэн Кэи. В романе «Сестрички с Севера» (北妹) тело как валюта, которой можно торговать, выгодно обменивать, но при этом быть ограниченным в поле биовласти. Разберём три детали, работающих как символы:

1. Грудь Цянь Сяохун. Уже в первом абзаце первой главы: «у Цянь Сяохун чересчур большая грудь... её бюст выдаётся вперёд, и судачат о нем так же часто, как распускают сплетни перед воротами вдов» [7]. Её грудь не просто часть тела, это, что одновременно и осуждается, и является предметом рынка. К концу романа героиня оказывается «придавленной собственным бюстом» [7], что становится визуальной метафорой непосильного груза патриархатных ожиданий и рыночной эксплуатации.

2. Девственность как документ. Вторая (не менее важная) героиня романа — Ли Сыцзян, обменявшая свою девственность на временную прописку. Своей репликой: «Что такое девственность? Я не чувствую, что чего-то лишилась. С завтрашнего дня мы свободны» [7] она без цинизма констатирует факт того, что традиционные символы женской «чистоты» обесценились в логике рыночного обмена. «Сделка» не драматизируется в романе, а фиксируется как прагматичная стратегия

3. Тело как место государственного насилия. Сцена принудительной стерилизации Ли Сыцзян в последней части романа как кульминация телесного символа. Тело не часть женщины, а объект демографической политики Китая.

Таким образом, у Лао Шэ «тело» как территория страдания и постепенного уничтожения личности; у Шэн Кэи же это территория обмена, прагматичности и, одновременно, тотального контроля со стороны государства.

Что касается детали социальной границы: Лао Шэ использует голод как базовое условие существования. В «Серпе луны» (月牙儿) героиня греет руки о горячие каштаны и жалеет их есть: «было жалко их есть, потому что я грела ими руки» [3]. Эта деталь (холодные руки и горячие каштаны) передаёт весь конфликт: даже еда не может быть потреблена по назначению, потому что тепло важнее насыщения. Голод лишает героиню права на выбор.

В китайской литературе еда занимает особое место в сюжете, но у Шэн Кэи она практически исчезает из текста как значимая деталь. Героини едят быстро, дёшево, без описания. В «Сестричках с Севера» еда перестаёт быть символом. Вместо этого появляются документы, деньги, чеки, счета (в одном из эпизодов Цянь Сяохун подделывает подписи на чеках отеля) [7]. Деталь чека (бумага с цифрами) вытесняет деталь еды. Общество у Шэн Кэи перешло от выживания к транзакциям.

И Лао Шэ, и Шэн Кэи работают с семиотической оппозицией «своё и чужое пространство», но наполняют они её разным содержанием.

В «Сказителях» у Лао Шэ героиня Сюлянь живёт в городе, где она подвергается унижениям, но уехать не может. Единственное, что ей остаётся, это не продавать себя даже ради выживания. Она как символ лотоса, который «чист, но корнями уходит в тину» [4].

У Шэн Кэи границы проницаемы и жестоки:

1) Деревня («своё») уже не спасает. Цянь Сяохун не может вернуться, потому что она не вписывается ни в деревенские, ни в городские рамки. «Цянь Сяохун, придавленная собственным бюстом, сливается с равнодушной толпой на улицах Шэньчжэня» [7]. Граница стёрта и человек стал чужим везде.

2) Больница — это не дом. У Лао Шэ тюрьма в финале «Серпа луны» (月牙儿) оказывается «прекрасным местом» потому что там «никчёмность человеческой жизни» становится очевидной [3]. В романе «Сестрички с Севера» больница равно пространство принудитель-

ной стерилизации. Деталь операционной и деталь подписанного согласия являются символами биологической власти над женщинами.

Лао Шэ использует традиционные китайские символы, но наполняет их трагическим содержанием: полумесяц и друг, и зеркало героини. Параллелизм работает как лейтмотив в словах героини «Моё сердце — как серп луны: на мгновение блеснёт, открытое, а затем заволакивается непроглядной тьмой» [3]. Он символ угасания, а не цикличности. А традиционный символ чистоты (лотос) у писателя превращается в орудие самоуважения. «Нераспустившийся бутон» [7] и затем «цветок лотоса — Сюлянь» [7] являются противостоянием окружающей социум грязи.

Шэн Кэи идёт против канонических природных метафор. Её самый наполненный символ — «яблочко» Ли Сыцзян, которое трансформируется: «Лицо лежавшей на кровати девушки было похоже на лицо Ли Сыцзян, но было вытянуто в длину, как семечко тыквы, губы бледные... Как так получилось, что личико в форме наливного яблочка вытянулось, превратившись в тыквенную семечку, никто толком не знал» [7].

Здесь не про прекрасную метаморфозу. Яблоко, ассоциирующееся с молодостью, свежестью и здоровьем, становится семечкой высушенной, бесплодной и пустой. Так автор передаёт истощение внутреннего и внешнего состояния персонажа.

Сопоставительный анализ художественной детали и символики в прозе Лао Шэ и Шэн Кэи показывает принципиальное различие художественных стратегий.

Лао Шэ работает в рамках патриархального гуманизма. Он сочувствует женщине, видит её страдания, передаёт их через природные объекты (луна, лотос) и бытовые детали (холод, голод, тюремная камера). Его символика про статичность трагедии и признание её нормой.

Шэн Кэи, напротив, использует деталь и символ как инструмент деконструкции. У её героинь тело не жертва, а ресурс; её яблоко не созревает, а усыхает; её граница между «своим» и «чужим» не охраняется. Женские персонажи не становятся «чистыми лотосами», они маневрируют.

Литература

1. Аюшеева Н. Г., Манелова А. И. Герои и злодеи: бинарные противоположности в романе современной китайской писательницы Шэн Кэи «Сестрички с Севера» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 143–150.

2. Веселова Л. С. Изменение статуса женщины в современном Китае: новые вызовы и возможности // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. С. 1455–1465.

3. Лао Шэ. Избранное. Москва: Прогресс, 1982. 512 с.

4. Лао Шэ. Сказители // пер. Н.А. Спешнева. Москва: Радуга, 1986. 255 с.

5. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2010. 704 с.

6. Молодых В. И., Леонтьева Т. И. Трансформация женского образа в современной китайской художественной литературе // Территория новых возможностей. 2019. Т. 11, № 3. С. 207–219.

7. Шэн Кэи. Сестрички с севера / пер. Н. В. Власовой. Санкт-Петербург: Гиперион, 2016. 488 с.

Сведения об авторе

Манелова Афина Ильинична, студентка 4-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: m4.fin@yandex.ru

Manelova Afina Ilyinichna, 4nd year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Аюшеева Наталья Гармаевна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: ayoush@mail.ru

Ayusheeva Natalia Garmaevna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ДАОССКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ЛИ ИННО

© Молонова Дари Баировна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
darimolonova@mail.ru

Статья посвящена анализу даосских мотивов в творчестве корейского поэта эпохи Корё Ли Инно (1152–1220). На материале стихотворений «Пересадка бамбука», «Беспечное скитание», «Читая биографию Тао Цяня», «Цикада», «Путешествие по горе Чирисан» и других рассматриваются ключевые образы и философские парадоксы, через которые автор переосмысляет трагедию нереализованного таланта в условиях военного переворота 1170 г. Даосизм предстаёт у Ли Инно не как простое бегство от реальности, а как сложная система «духовной самозащиты», включающая мотивы бесполезного как спасительного, вина как инструмента сохранения истинной природы, своевременного ухода от власти и скорбящей чистоты. Особое внимание уделено поэтике парадокса и образам природы как пространства внутренней свободы.

Ключевые слова: корейская классическая поэзия, Ли Инно, даосизм, мотив, тема, духовное уединение, Чжуанцзы, эпоха Корё.

TAOIST MOTIFS IN LEE INNO'S POETRY

Molonova Dari Bairovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
darimolonova@mail.ru

The article analyzes Taoist motifs in the works of Lee Inno (1152–1220), a Korean poet of the Goryeo period. Based on his poems «Transplanting Bamboo», «Carefree Roaming», «Reading Tao Qian's Biography», «Cicada», «Traveling to Jirisan Mountain» and others, the study examines key images and philosophical paradoxes through which the poet reinterprets the tragedy of unrealized talent following the military coup of 1170. For Lee Inno, Taoism is not mere escapism but a complex system of «spiritual self-defense», including motifs of uselessness as salvation, wine as a means of preserving one's true nature, timely withdrawal from power, and mournful purity. Special attention is paid to the poetics of paradox and images of nature as a space of inner freedom.

Keywords: Korean classical poetry, Lee Inno, Taoism, motif, theme, spiritual seclusion, Zhuangzi, Goryeo era.

Поэзия корейского литератора эпохи Корё Ли Инно (1152–1220) формировалась в уникальных исторических условиях. Принадлежа к знатному роду Кёнвон Ли, чьи представители на протяжении поколений вступали в браки с королевским домом, он получил блестящее конфуцианское и буддийское образование. Однако военный мятеж 1170 г. навсегда изменил его судьбу. Гражданские чиновники подвергались гонениям, власть перешла к военачальникам, и Ли Инно, несмотря на первое место на государственном экзамене и службу в Академии указов, так и не получил реальной возможности влиять на государственные дела. Своё положение он горько сравнивал с «измождённой женщиной из публичного дома, что вечно шьёт свадебные платья для других» (стихотворение «Чувства при виде придворных резных указов»). Именно это мучительное противоречие между волей к служению и фактической отстранённостью породило сложную систему даосских мотивов, позволивших поэту сохранить внутреннюю свободу.

Одним из центральных становится мотив «бесполезного как спасительного», восходящий к притчам Чжуанцзы. В стихотворении «Беспечное скитание» Ли Инно обращается к двум классическим образам: большой тыкве, которую Хуэйцзы считал бесполезной, и кривому

дереву, непригодному для мебели. В утилитарной чиновничьей системе ценностей такие вещи не имеют цены. Но Чжуанцзы, а вслед за ним и поэт, видят в этой бесполезности высшую пользу: большую тыкву можно использовать как лодку для плавания по рекам и морям, а кривое дерево избегает топора дровосека. Ли Инно пишет: «Скитаться, пребывая в недеянии и не цепляться за вещи, — это и есть «Беспечное скитание» старца Чжуана». Через этот образ он утверждает, что его собственная «непригодность» с точки зрения карьеры оборачивается подлинной свободой. «В лужице от пролитой чаши и травинка становится лодкой» — абсолютная свобода, по Ли Инно, не требует простора, она возможна в любом месте, если человек освободился от привязанности к мирским меркам пользы и успеха.

Мотив вина занимает в даосской лирике поэта особое место. В стихотворении «Пересадка бамбука в день, когда он пьян» бамбук выступает метафорой совершенного человека (цзюньцзы): он стоек («честь его тверда, как железо»), чист, его внутренняя пустота символизирует отсутствие мирских привязанностей. Однако и этот совершенный бамбук «пьянеет» по воле Небесного Владыки. Опьяневший бамбук «согнул поясицу», и автор задаётся вопросом: «Чем эта жизнь отличается от зернышка проса, плывущего по морю?» — прямая отсылка к даосскому ощущению бренности бытия. Ключевой поворот происходит в финале: пробудившись, бамбук обнаруживает, что долины и холмы сместились, но не сокрушается. Ли Инно цитирует Чжуанцзы: «сохраняя в вине свою истинную природу, никогда не пострадаешь». Вино оказывается не бегством, а парадоксальным путём утверждения подлинного «я». Ещё более радикальную позицию поэт занимает в стихотворении «Читая биографию Тао Цяня, шутиливо написано и представлено Чхве Тхэви». Он иронизирует над знаменитым китайским поэтом Тао Юаньмином, который, несмотря на уход от службы, не мог обходиться без вина как средства обретения свободы. Свою же натуру Ли Инно описывает как изначально лишённую желаний: «Моя природа чиста и лишена желаний, я ни к чему не привязан. Не пьян, но в то же время не трезв, и вот уже пребываю в обители Абсолютной Пустоты». Это заявление о возможности достижения даосского идеала без внешних опор — собственными внутренними силами — является вершиной духовной саморефлексии поэта.

Природа в даосской системе Ли Инно выступает пространством, где человек может раствориться и обрести единство с Дао. В «Прогулке по полю» поэт в одиночестве, с флягой вина, бродит по окрестностям: «Деревня, окутанная на десять ли дымом, примыкает к зеленым полям... Облака за закатным солнцем приносят дождевые струи». Финал показателен: «Не успел я сложить и нескольких строк, как гора уже темнеет, с приходом старости вдохновение притупляется и исчезает». Исчезновение поэтического вдохновения означает здесь не кризис, а высшую степень единения с природой, когда необходимость выражать впечатления словами отпадает. Ещё отчётливее этот мотив звучит в «Прогулке по реке ранней весной», где почти отсутствует авторское «я»: «Лазурные пики громоздятся, словно кончики кистей, глубокая синяя река кажется переполненной тушью... Десять тысяч ли лазурного неба — как целая картина». Человек здесь не отделён от природы, а существует как часть единого природного порядка.

В ряде стихотворений даосская гармония оказывается недостижимой, что придаёт лирике Ли Инно особую скорбную ноту. В «Путешествии по горе Чирисан» поэт отправляется на поиски Персикового источника — утопии, скрытого идеального мира. Он ищет пещеру Синего журавля, но находит лишь крик белой обезьяны в пустом лесу. «Я спросил, где же Персиковый источник? Но плывущие по воде лепестки лишь сбивают с пути». Даосская утопия недостижима как конкретное место, но её следы раскрываются в самой гармонии природы: падающие лепестки, горные потоки позволяют поэту почувствовать присутствие идеала в реальности.

Наконец, даосские мотивы служат поэту для мифологизации собственного происхождения. В стихотворении «Цветы сливы» он обращается к легенде о происхождении фамилии Ли: «Когда-то, запрягши белого оленя в облачную колесницу, он вошёл в нефритовый дворец и пробыл там более восемнадцати лет. Родившись впервые под деревом и получив там фамилию, с тех пор «бессмертные Ли» разрослись и широко раскинули ветви». Белый олень,

облачная колесница, нефритовый дворец — атрибуты даосских бессмертных. Таким образом, Ли Инно выводит свою фамилию из даосского контекста: быть Ли — значит, быть причастным к миру бессмертных. В контексте общей даосской темы это стихотворение утверждает, что его уход от государственной службы — не личное поражение, а проявление родовой природы. Он уходит в уединение не потому, что не смог служить, а потому, что изначально принадлежит к роду, чьё место — среди бессмертных, а не среди чиновников.

Таким образом, даосские мотивы в творчестве Ли Инно образуют сложную и внутренне драматичную систему, не сводимую к простому бегству от реальности. Мотив «бесполезного» позволяет переосмыслить социальную неудачу как высшую форму свободы; мотив вина становится парадоксальным путём сохранения истинной природы; мотив ухода от власти оборачивается «искусством жизни» в смутное время; созерцание природы даёт возможность растворения в Дао, но даже на вершине этой растворённости остаётся место для скорби — как в образе плачущей цикады. Мифологизация происхождения даёт последнее, онтологическое основание для отказа от мира. Ли Инно не был последовательным даосом в религиозном смысле, но он был поэтом, который с редкой глубиной использовал даосскую философию для осмысления собственной судьбы. Его лирика доказывает, что даосизм в средневековой Корее был не просто набором учёных трактатов, а живым инструментом сохранения человеческого достоинства в эпоху, когда привычный конфуцианский порядок рухнул. Именно эта способность превращать личную трагедию в философскую победу и обеспечивает поэзии Ли Инно её непреходящее значение.

Литература

1. Ким Чинён, Чха Чхунхван. Национальное собрание корейских стихов на ханмуне: собрание стихов Мису Ли Инно. Сеул: Тэхакса, 2022. 412 с. (На кор. яз.)
2. Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Корейская литература [до XIII в.] // История всемирной литературы: в 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Наука, 1984. Т. 2. С. 148–154.
3. Троцевич А. Ф. Миф и сюжет в корейской классической литературе. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1996. 188 с.

Сведения об авторе

Молонова Дари Баировна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: darimamolonova44@gmail.com.

Molonova Dari Bairovna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Мункуева Надежда Сергеевна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: nadya1052@yandex.ru

Munkueva Nadezhda Sergeevna, Senior Lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

**СРАВНЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ПОРТРЕТОВ ВЭЙ УСЯНЯ И ЦЗИНЬ ГУАНЬЯО,
ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА МОСЯН ТУНСЮ «МАГИСТР ДЬЯВОЛЬСКОГО КУЛЬТА»**

© Мункуева Аяна Баировна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
a.mun6122@gmail.com

В статье проводится сравнительный анализ речевых портретов персонажей романа Мосян Тунсю «Магистр дьявольского культа» — Вэй Усяня и Цзинь Гуаньяо. Исследование выполнено в русле лингвоперсонологического подхода с опорой на теорию языковой личности Ю. Н. Караулова. Рассматриваются лексические, стилистические и синтаксические особенности речи персонажей, выявляются их коммуникативные стратегии. Установлено, что речь Вэй Усяня характеризуется эмоциональностью, иронией и прямоотой, тогда как речь Цзинь Гуаньяо — сдержанностью и манипулятивностью. Противопоставление речевых портретов двух героев реализует центральную оппозицию романа — конфликт искренности и лицемерия.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, китайская сетевая литература, Мосян Тунсю, магистр дьявольского культа, основатель темного пути, Вэй Усянь, Цзинь Гуаньяо.

**COMPARISON OF THE SPEECH PORTRAITS OF WEI WUXIAN
AND JIN GUANGYAO, CHARACTERS FROM MO XIANG TONG XIU'S NOVEL
'THE GRANDMASTER OF DEMONIC CULTIVATION'**

Munkueva Aiana Bairovna

Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
a.mun6122@gmail.com

This article presents a comparative analysis of the speech portraits of Wei Wuxian and Jin Guangyao, characters in Mo Xiang Tong Xiu's novel The Grandmaster of Demonic Cultivation. The study is based on the linguopersonological approach and Yu.N. Karaulov's theory of linguistic personality. The lexical, stylistic, and syntactic features of the characters' speech are examined, and their communicative strategies are identified. Wei Wuxian's speech is distinguished by emotional expressiveness, irony, and directness, while Jin Guangyao's speech is distinguished by restraint and manipulative complexity. The opposition of speech portraits embodies the novel's central conflict between sincerity and hypocrisy.

Keywords: speech portrait, linguistic personality, Chinese web fiction, Mo Xiang Tong Xiu, The Grandmaster of Demonic Cultivation, Wei Wuxian, Jin Guangyao.

Роман Мосян Тунсю «Магистр дьявольского культа», также известный в русскоязычном пространстве как «Основатель тёмного пути» (魔道祖师), относится к сетевой литературе, получившей широкое международное признание: произведение переведено более чем на 10 языков, включая русский. Мосян Тунсю создала сложную систему персонажей, каждый из которых наделён индивидуальными чертами, раскрывающимися в первую очередь через речь. Речевые особенности, таким образом, становятся главным инструментом в формировании образов персонажей и в управлении восприятием читателя.

В лингвоперсонологическом анализе текста особый интерес представляют два персонажа: Вэй Усянь и Цзинь Гуаньяо. Они являются центральными фигурами повествования и обладают рядом общих черт: исключительным интеллектом, харизмой и умением использовать слова как оружие. При этом их речевые стратегии противоположны: Вэй Усянь предпочитает открытость и прямооту, тогда как Цзинь Гуаньяо — расчётливость и двусмысленность. Цель

исследования — выявить и сравнить их речевые портреты, а также проанализировать влияние этих портретов на развитие сюжета и идейное содержание романа.

Термин «речевой портрет» изучается не только в лингвистике, но и в литературоведении, психолингвистике, юриспруденции; он служит инструментом анализа языковой личности и позволяет исследовать языковые характеристики как отдельных людей, так и целых социальных групп. Интерес к речевому портрету возник ещё в середине XX в., однако наиболее активно развивался в конце XX — начале XXI в. Само понятие ввёл в научный оборот Ю. Н. Карауловым, предложивший трёхуровневую модель языковой личности: вербально-семантический, лингвокогнитивный и прагматический уровни. По сути, речевой портрет — это метод описания и реконструкции языковой личности через анализ речевого продукта [3, с. 37].

В 1960-е гг. М. В. Панов исследовал речевой портрет в контексте фонетического портрета, анализируя произношение конкретных людей. По его трактовке, речевой портрет представляет собой совокупность речевых характеристик человека, проявляющихся в произношении, акценте, темпе речи, интонации и других фонетических параметрах [8, 1990]. Позднее эта трактовка была расширена современными исследователями, которые включили в определение не только фонетические особенности, но и лексико-грамматические, стилистические и коммуникативные. Так, Т. П. Тарасенко рассматривает речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» [9, с. 8] и подчёркивает, что в нём отражаются различные личностные характеристики — возраст, пол, а также психологические, культурные и лингвистические особенности.

Исследование речевого портрета в художественной литературе имеет ряд особенностей, отличающих его от анализа речи реальных людей. Речь литературного персонажа — это результат сознательного творческого построения автора, в котором каждое слово служит повествовательной цели. Как писал М. М. Бахтин, слово в романе всегда «двуголосо», т. е. одновременно принадлежит и персонажу, и автору, несёт в себе черты говорящего и служит инструментом авторской стратегии [1, с. 82].

Вэй Усянь — главный герой романа, талантливый заклинатель и создатель «тёмного пути», который стал изгоем и погиб при осаде горы Луанцзан. Спустя тринадцать лет он возвращается к жизни — на этот раз в теле Мо Сюаньюя. Он встречается с людьми из своего прошлого и приступает к расследованию цепочки загадочных событий.

У Вэй Усяня богатая и разнообразная речь, его словарный запас обширен и не ограничивается одним стилистическим регистром: в одной сцене он может использовать изящные поэтические обороты, а в другой — грубые разговорные выражения. В репликах нередко встречаются разговорные частицы, характерные для неформального общения. За счёт этого создаётся ощущение лёгкости, открытости и отсутствия дистанции между ним и собеседником. Он часто прибегает к оценочной лексике — как к комплименту и похвале или же как к средству насмешки и неодобрения. Отдельно стоит отметить тесную связь юмора и иронии с его личностью. Юмор служит Вэй Усяню самым разным целям: помогает завязать разговор, снять напряжение, защититься, спровоцировать или даже выразить привязанность. Даже оказавшись в смертельной опасности, он не теряет способности шутить.

Речь Вэй Усяня динамична. В ней преобладают короткие, энергичные фразы, нередко восклицательные или вопросительные предложения, риторические вопросы, прямые обращения, повторы и перечисления. Собеседник постоянно вовлекается в диалог: Вэй Усянь задаёт вопросы, реагирует на ответы, перебивает и дополняет сказанное другими. Так он строит не монолог, а диалог, и всё его внимание направлено на собеседника. Однако это не означает, что он считается с чужими чувствами, — он может быть бестактным и назойливым. В конфликтных ситуациях структура его речи меняется: появляются развёрнутые, более сложные конструкции, усиливается логика аргументации, возрастает количество сложных предложений. Это указывает на то, что под маской беспечного шутника скрыт острый, аналитический ум.

Речевой портрет Вэй Усяня на протяжении романа претерпевает заметную эволюцию. В юности его речь предельно беззаботна и непринуждённа, наполнена шутками и сарказмом. После утраты золотого ядра и пребывания на горе Луанцзан в ней появляются нотки усталости, раздражения и горечи, хотя внешняя бодрость сохраняется. После перерождения в теле Мо Сюаньюя его речь снова меняется: герою приходится скрывать свою личность, и это создаёт ситуацию речевой маскировки. Тем не менее его индивидуальный речевой стиль настолько узнаваем, что другие персонажи безошибочно опознают его именно по манере общения.

Цзинь Гуаньяо — один из главных антагонистов романа, незаконнорождённый сын главы клана Цзинь, выросший в публичном доме и прошедший долгий путь от презираемого бастарда до главы Ордена Цзинь. Всю жизнь он стремится к признанию и для достижения цели использует все доступные средства, включая обман, манипуляции и убийства. При этом автор наделяет его искренними чувствами, такими как любовь к матери и привязанность к названным братьям.

Стиль речи Цзинь Гуаньяо сдержан и элегантен. Его речь придерживается единого стиля; она остаётся в высоком регистре и лишена резких стилистических переходов. Такая однородность свидетельствует о постоянном самоконтроле. Лексика Цзинь Гуаньяо отличается от лексики Вэй Усяня и характеризуется прежде всего сдержанностью и обдуманностью. Каждое слово взвешено и выверено. Спонтанных высказываний в его речи практически нет; преобладает формальная и книжная лексика. Он безупречно владеет формами вежливости, использует уважительные формы обращения, подходящие для любой ситуации, и избегает прямых и резких высказываний. Там, где Вэй Усянь мог бы говорить грубо и прямо, Цзинь Гуаньяо находит мягкий, окольный способ формулировать вещи, который, однако, может нести в себе скрытую угрозу. Он мастерски использует литоту как средство влияния на других персонажей. То же касается оценочных высказываний. Как правило, они носят неявный характер, вплетены в контекст и замаскированы под нейтральные утверждения. Прямые и отрицательные суждения появляются в его речи крайне редко и только в моменты крайней эмоциональной напряжённости — например, в финальной сцене в храме Гуаньинь.

Цзинь Гуаньяо часто прибегает к проявлениям скромности, принижая себя и подчёркивая своё «скромное» происхождение. Однако эта самоуничижительность двойственна: с одной стороны, она соответствует нормам конфуцианской вежливости, а с другой — представляет собой манипулятивный приём, призванный вызвать у слушателя сочувствие и желание «поддержать» говорящего.

В отличие от спонтанной, беспорядочной речи Вэй Усяня, речь Цзинь Гуаньяо производит впечатление заранее продуманной, даже когда он участвует в диалоге. В ней часто встречаются условные конструкции типа «если бы..., то...», отражающие его склонность взвешивать различные варианты. Вэй Усянь использует риторические вопросы для провокации и эмоционального воздействия, а Цзинь Гуаньяо — для давления: чтобы подвести собеседника к нужному выводу и создать иллюзию, что тот пришёл к заключению самостоятельно.

Уникальная черта речевого портрета Цзинь Гуаньяо — способность подстраиваться под собеседника. Он адаптирует речь к ожиданиям окружающих: с Лань Сичэнем говорит мягко и доверительно, с Не Минцзюэ — уважительно и покорным тоном, а с подчинёнными — авторитетно, но без грубости. Эта речевая мимикрия отражает его основную жизненную стратегию — адаптацию, умение быть тем, кем его хотят видеть.

Рассмотрим эпизод, завершающий сюжетную линию романа, — сцену в храме Гуаньинь. В этом отрывке появляются все значимые персонажи: Вэй Усянь и Лань Ванцзи, Цзян Чэн, Лань Сичэнь, Цзинь Лин, Цзинь Гуаньяо и Су Шэ, — а также раскрывается вся правда о событиях тринадцатилетней давности.

Здесь Вэй Усянь демонстрирует свой характерный переход между стилистическими регистрами. С одной стороны, он способен на размышления, граничащие с философией: «*Повесить не могу, что всё это из-за такого, как ты... По такой нелепой причине!*» [здесь и далее перевод М. Кулишовой, 7, с. 111] — фраза, выражающая горькое смирение с собственной

судьбой. С другой стороны, в конце отрывка он переходит к намеренно грубому и провокационному замечанию: «*Похоже, звание сына шлюхи — в самом деле слабое место главы ордена Цзинь, а?*» [7, с. 113]. Этот резкий переход — от самоиронии к едкому выпаду — подтверждает, что Вэй Усянь одинаково свободно владеет как «высоким», так и «низким» языком, не будучи привязанным к какому-либо одному социальному классу.

Юмор Вэй Усяня в этой сцене служит сразу нескольким целям. Фразой «*Как же быть? Сдаётся мне, твои слова не лишены смысла*» [7, с. 112] Вэй Усянь отвечает на утверждение Цзинь Гуанъяо: «*был обречён на короткую жизнь*» [7, с. 112]. Это горькая самоирония, защищающая чувства Вэй Усяня. Он не опровергает сказанное и не впадает в ярость, как Цзян Чэн; напротив, отвечает с нарочитой лёгкостью, за которой прячет свою боль. Стоит обратить внимание на авторскую ремарку: «*то ли насмехаясь над собой, то ли с сарказмом по отношению к Су Шэ*» [7, с. 111] — она отражает двойственность этого смеха. Вэй Усянь, оставаясь верным своему характеру, не отвечает на болезненную правду гневом, как Цзян Чэн, и не молчит, как Лань Ванцзи, — лишь смеётся от ироничности ситуации. А вот заключительная реплика: «*Похоже, звание сына шлюхи — в самом деле слабое место главы ордена Цзинь, а? Не удивительно, что ты убил Чифэн-цзуня*» [7, с. 113] — демонстрирует юмор уже как средство провокации и как инструмент перехвата инициативы в разговоре. Это прямое обвинение, лишённое эвфемизмов и дипломатических уловок. Цзинь Гуанъяо выстраивает многоступенчатую аргументацию, прибегая к манипуляциям и перекладыванию вины на других, а Вэй Усянь формулирует своё обвинение одним лаконичным предложением, прямо излагая факты и называя вещи своими именами. Это тоже характерно для его поведения в конфликтных ситуациях.

Оценочный характер речи Вэй Усяня выражен прямо и недвусмысленно. Фраза «из-за такого, как ты», обращённая к Су Шэ, содержит явное пренебрежительное суждение. Слово «*нелепой*» (причине) [7, с. 111] также несёт оценочную коннотацию: событие оценивается не как трагическое или несправедливое, а именно как абсурдное. Это характерно для мировоззрения Вэй Усяня, склонного интерпретировать даже собственную смерть через призму иронии.

Вопросы «*О? Так ты понял, о чём я подумал?*» [7, с. 111] и «*Похоже, звание сына шлюхи — в самом деле слабое место главы ордена Цзинь, а?*» [7, с. 113] — оба риторические, ответов на них он не ждёт. Вопросительная конструкция нужна ему, чтобы повлиять на собеседника. Междометие «*О?*» [7, с. 111] в начале первого вопроса — пример разговорной частицы, создающей эффект непосредственности и живой реакции. Эти реплики Вэй Усяня ясно отражают его сосредоточенность на собеседнике. Первым вопросом он отвечает на слова Цзинь Гуанъяо, вовлекая его в диалог и комментируя высказывания. Заключительная же фраза прерывает монолог собеседника: он обрывает длинную манипулятивную речь Цзинь Гуанъяо, захватывая инициативу и не позволяя довести риторическую стратегию до конца. Подобное поведение в очередной раз доказывает диалогическую природу Вэй Усяня: он не безучастный слушатель, а активный участник коммуникации.

В этом фрагменте Вэй Усянь узнаёт правду о собственном прошлом. Смех, которым начинается отрывок, — это не радостный смех юноши, а горькая реакция человека, осознавшего нелепость причин, по которым погиб не он сам, а дорогие ему люди. И всё же Вэй Усянь не утрачивает своих главных речевых особенностей — иронии, склонности к провокации и прямоты.

Цзинь Гуанъяо в этом эпизоде проявляет свою нарочитую вежливость. Он называет собеседника почтительным «*молодой господин Вэй*» [7, с. 111], следуя всем нормам приличия и этикета. Однако смысл, скрытый за учтивой оболочкой, — мысль о неотвратимой гибели собеседника — вступает в резкое противоречие с самой формой. Именно этот конфликт между безупречной вежливостью и жестокостью содержания составляет ключевую черту речевого портрета Цзинь Гуанъяо.

В своей речи Цзинь Гуанъяо использует сложную, многоуровневую аргументацию, которая в действительности лишь маскирует его манипуляции. Во-первых, фразой «*Даже если бы Су Шэ не проклял Цзинь Цзысюня, молодой господин Вэй, рано или поздно на вас устрои-*

ли бы облаву по иной причине» [7, с. 111] он внушает Вэй Усяню мысль о неизбежности гибели, снимая с себя ответственность и подавая случившееся как закономерный исход, а не следствие чьего-то злого умысла. Во-вторых, реплика *«Поскольку вы именно такой человек. Мягко говоря — неукротимый герой, а выражаясь без лишней вежливости — всюду наживаете себе врагов»* [7, с. 112] представляет собой характеристику Вэй Усяня, поданную под видом комплимента. Оборот *«мягко говоря, а выражаясь без лишней вежливости»* [7, с. 112] создаёт видимость искренности и доверительности, хотя на самом деле служит средством переложить ответственность на самого Вэй Усяня. В-третьих, это более изощрённая атака, направленная на Цзян Чэна. Он давит на самые чувствительные точки, буквально «раздавлив» Цзян Чэна, разоблачая его скрытые мотивы и тем самым обесценивая его обвинения — представляя их как проекцию чувства вины, а не как стремление к справедливости.

В отличие от Вэй Усяня, который говорит короткими, энергичными фразами, и Цзян Чэна, чья речь резкая и эмоционально насыщенная, речь Цзинь Гуанъяо состоит из длинных, витиеватых и логически построенных предложений. Они сложны, богаты причинно-следственными связями и условными конструкциями. «Если вашу досаду хоть немного облегчит уверенность, что всё, начиная с «Тысячи язв и сотни дыр» и заканчивая нападением на тропе Цюнци, было частью моего хитроумного плана, то думайте что угодно, пожалуйста. Но вы должны кое-что понять: за то, что произошло с молодым господином Вэем в итоге, ответственность лежит и на вас тоже, притом немалая» [7, с. 112] — это сложная синтаксическая конструкция, в которой условное придаточное *«если вашу досаду...»* предшествует мнимой притворной уступке *«думайте что угодно»*, за которой следует противительный союз *«но»*, вводящий основную мысль монолога, — обвинения в адрес Цзян Чэна. Такая структура свидетельствует о высоком уровне лингвистической утончённости говорящего и одновременно о его пронизательности.

Риторические вопросы Цзинь Гуанъяо выступают инструментом манипуляций, тогда как у Вэй Усяня они служат средством провокации и вовлечения собеседника в разговор. *«Почему так много людей выступили в поход против Старейшины Илина? Почему они так громко выкрикивали обвинения, неважно — касалось это их или нет? Почему его односторонне порицали многие? Действительно ли всё дело в их чувстве справедливости?»* [7, с. 113] — эти вопросы не предполагают ответов, но Цзинь Гуанъяо тут же отвечает на них сам: «Конечно же, нет» [7, с. 113], — усиливая давление на собеседника.

Анализ фрагмента в храме Гуаньинь наглядно демонстрирует, насколько различаются речевые портреты Вэй Усяня и Цзинь Гуанъяо. Это противопоставление не только раскрывает характеры героев, но и выполняет идейную функцию: сопоставляя их манеру речи, автор показывает столкновение непосредственности главного героя и расчётливости антагониста, искренности и лицемерия, что становится одной из ключевых тем произведения.

Противопоставление двух речевых портретов создаёт в романе особое напряжение, связанное с вопросом подлинности; оно прослеживается на всех уровнях речевого портрета и напрямую влияет на развитие сюжета, на формирование читательского восприятия и на раскрытие идейного содержания. Проанализировав речевые портреты двух противопоставленных персонажей — Вэй Усяня и Цзинь Гуанъяо, — мы хотели подчеркнуть, что современная китайская сетевая литература обладает немалым лингвистическим и стилистическим потенциалом и достойна серьёзного внимания исследователей. Мосян Тунсю формирует речевые портреты, которые по сложности и глубине не уступают лучшим образцам классической литературы, а их изучение открывает новые возможности для лингвоперсонологии, стилистики и литературоведения.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / под общ. ред. И. Пешкова; худож. И. Смирнова. Санкт-Петербург: Алконост, 1994. (Бахтин под маской). 176 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Москва: Наука, 1980. 360 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 264 с.

4. Мосян Тунсю. Магистр дьявольского культа; в 4 томах. Москва: ЭКСМО, 2022. Т. 1. С. 440.
5. Мосян Тунсю. Магистр дьявольского культа; в 4 томах. Москва: ЭКСМО, 2022. Т. 2. С. 408.
6. Мосян Тунсю. Магистр дьявольского культа; в 4 томах. Москва: ЭКСМО, 2022. Т. 3. С. 424.
7. Мосян Тунсю. Магистр дьявольского культа; в 4 томах. Москва: ЭКСМО, 2022. Т. 4. С. 336.
8. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. Москва: Наука, 1990. 453 с.
9. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте её речевых реализаций: автореферат диссертации на соискание ченой степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2007. 26 с.

Сведения об авторе

Мункуева Аяна Баировна, студентка 4-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: a.mun6122@gmail.com

Munkueva Aiana Bairovna, 4nd year student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tugulovaod@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov State University, Ulan-Ude

АБСУРД КАК ПОДЛИННОЕ БЫТИЕ В ОЩУЩЕНИЯХ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАННИХ АВАНГАРДНЫХ РАССКАЗОВ ЮЙ ХУА

© Номоконова Виктория Чингисовна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
kokorotoshka@gmail.com

Статья посвящена анализу ранней авангардной прозы Юй Хуа через призму категории абсурда — эстетического модуса, который долгое время оставался на периферии критической рецепции его дебютных текстов. Абсурд в рассказах Юй Хуа выступает способом конструирования подлинной реальности ощущений. В работе прослеживается, как через деформацию обыденных сцен создает особый художественный мир, в котором гротеск и тревога рождаются в повседневности. Статья закладывает теоретический фундамент для понимания того, каким образом даже внешне невинные бытовые зарисовки в прозе Юй Хуа обретают онтологическую глубину и провоцируют у читателя экзистенциальное беспокойство.

Ключевые слова: Юй Хуа, авангардная проза, абсурд, гротеск, китайский авангард, реальность восприятия.

ABSURD AS AUTHENTIC BEING IN SENSATIONS: AN INTERPRETATION OF YU HUA'S EARLY AVANT-GARDE STORIES

Nomokonova Viktoria Chingisovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
kokorotoshka@gmail.com

This article analyzes Yu Hua's early avant-garde prose through the lens of the absurd—an aesthetic mode that long remained on the fringes of critical reception in his debut texts. In Yu Hua's stories, the absurd serves as a means of constructing an authentic reality of sensation. The paper traces how, through the deformation of everyday scenes, a unique artistic world is created in which the grotesque and anxiety are born of the mundane. The article lays a theoretical foundation for understanding how even seemingly innocent everyday scenes in Yu Hua's prose acquire ontological depth and provoke existential anxiety in the reader.

Keywords: Yu Hua, avant-garde prose, absurdity, grotesque, Chinese avant-garde, reality of perception.

К середине 1980-х гг. в китайской литературе постепенно угас интерес к двум большим темам предыдущего десятилетия — боли от пережитого в годы «культурной революции» (так называемая «литература шрамов») и ностальгические воспоминания о прошлом. Писатели начали искать новые пути и смелее экспериментировать с формой, обращаясь к приемам западного модернизма. Именно в этот момент, с конца 1986 по 1987 г., Юй Хуа пишет целую серию рассказов, которые стали для него настоящим прорывом: «Вышел в дальний путь в восемнадцать лет» 《十八岁出门远行》, «Полуденный ветер с северо-запада» 《西北风呼啸的中午》, «Повествование о смерти» 《死亡叙述》, «Событие третьего апреля» 《四月三日事件》, «1986» 《一九八六年》, «Ошибка на берегу реки» 《河边的错误》, «Один вид реальности» 《现实一种》. Юй Хуа интересовала сама суть авангарда, его способность заглядывать в глубины человеческого духа и показывать мир с неожиданной, часто пугающей стороны. В то время как многие его коллеги увлекались в основном подражанием западным образцам или запутанными языковыми головоломками, Юй Хуа сумел выбраться из этого

лабиринта и первым добрался до того, что можно назвать настоящим духом авангардной литературы.

Эта духовная смелость ярче всего проявилась в том, как Юй Хуа понимает и показывает человеческую природу. Он не следует привычным моральным правилам, которые обычно определяют поступки героев в литературе. Он не считает, что сюжет обязательно должен быть логичным и последовательным. Вместо этого Юй Хуа опирается на внутреннюю правду, которая часто противоречит здравому смыслу. Он позволяет повествованию непосредственно проникать в духовную сферу персонажа, показывая, как тот вынужден действовать в экзистенциальных ситуациях, где всё сдвинуто с привычных мест. Именно таким образом и проступает абсурдность человеческого существования.

Ключевым понятием в специфике абсурда у ранних рассказов Юй Хуа является «подлинная реальность восприятия». У Кафки, к примеру, абсурд обычно возникает из столкновения рационального субъекта с иррациональным миром бюрократии. У Юй Хуа абсурд рождается на уровне элементарного чувственного восприятия. Повседневная жизнь — ее зрительные образы, звуки, запахи, тактильные ощущения, — вдруг подвергаются такому искажению, что привычное и обыденное оборачивается гротеском. То, что кажется невинной бытовой зарисовкой, под пером Юй Хуа начинает источать смутную, а затем и откровенную тревогу.

Этот механизм хорошо виден на примере рассказа «Вышел в дальний путь в восемнадцать лет» 《十八岁出门远行》. Сюжет рассказа представляет собой фрагменты жизни, пережитые восемнадцатилетним юношей во время его первой дальней поездки. В этом произведении Юй Хуа показаны различные трудности, с которыми сталкивается молодежь на этапе взросления. Ключевые элементы абсурда здесь проявляются в намеренном разрушении причинно-следственных связей. Водитель грузовика, чьи яблоки грабят крестьяне, даже не сопротивляется и не дает отпор, а лишь наблюдает с улыбкой за избиением заступившегося за него героя, после чего забирает рюкзак юноши и уезжает вместе с грабителями. Именно этот разрыв между ожиданием (мальчик представляет мир логичным и справедливым) и реальностью, с которым столкнулся герой, создает у читателя чувство несправедливости и тревоги.

Водитель представляет из себя некую современную социальную реальность, которая непостижима и ненадежна. Подобный тип реальности полностью отсутствовал в полученном героем воспитании — ни в книгах, ни в школе, ни дома не объясняли, как возникают подобные явления и как их преодолевать. То, как личность может избежать травм и развиваться в условиях многочисленных противоречий, не являлись ключевыми вопросами воспитания. Именно поэтому герой оказывается не только в растерянности перед абсурдной ситуацией, но и онтологически к ней не подготовлен.

Также Юй Хуа затрагивает такую проблему, как отсутствие позитивного наставника в процессе взросления. Мальчик был внезапно брошен в реальный социум и один на один сталкивался с незнакомым и враждебным миром. Он блуждал по дороге бесцельно, без направления, потому что перед отправлением у него не было ни заранее поставленной цели, ни ориентиров от взрослых. Иными словами, блуждание по дороге приобретает метафорическую измерение и указывает на экзистенциальную потерянность человека, лишенного предметной связи с предшествующим поколением и вынужденного в одиночку нащупывать контуры реальности.

Сюжет этого рассказа крайне абсурден и полон обмана, что в полной мере соответствует эстетическим установкам модернистской литературы. Литература модернизма, в отличие от реалистической традиции, не стремится к правдоподобию воспроизведению внешней действительности; напротив, его целью становится изображение того, как жизнь подавляет и искажает его, исходя из психологических ощущений человека. Сама история здесь выполняет лишь инструментальную или символическую функцию, вследствие чего произведение не может быть адекватно интерпретировано в логике повседневного жизненного опыта. Обращаясь к абсурдным и гротескным ситуациям, автор имеет аналитически выверенную позицию. Высвечивая лицемерие социальных установок и скрытую опасность, таящуюся в рутином течении жизни, писатель обнажает то, что можно назвать изнанкой человеческой

природы. Это становится результатом последовательных холодных размышлений Юй Хуа о том, каким образом литература способна схватить подлинное отражение современности.

Повествование в рассказе «Один вид реальности» 《现实一种》 внешне выстроен в рамках вполне узнаваемой бытовой рамки: семейный конфликт, дети, старики, дом. Однако традиционные родственные связи здесь полностью разрушены. Бабушка, погруженная в старческий эгоизм, бесконечно жалуется на гниющие кости и не проявляет ни малейшей заботы о внуках; братья, вместо того чтобы поддерживать друг друга, втягиваются в цепную реакцию насилия и мести; четырехлетний Пипи, который ради забавы избивает младенца, а затем случайно роняет его насмерть с кровати, действует словно одержимый некой безличной силой. Абсурд возникает именно из того, что все эти события описываются как нечто рутинное.

Ключевую роль здесь играет то, что повествование не имеет авторской оценки изложения. Юй Хуа описывает смерть и насилие с нарочитой эмоциональной нейтральностью, лишенной сочувствия или морального негодования.

山岗用木板固定住山峰的双腿，然后将炖烂的骨头汤涂在山峰的脚底板上。一条小狗被放了出来，它贪婪地舔着山峰的脚底。山峰忍不住拼命地笑了起来，笑声像是两张铝片刮出来一样。他笑着，身体乱扭，脑袋摇得令人眼花缭乱，就这样笑断了气。 — *Шаньган зафиксировал ноги Шаньфэна досками, затем обмазал ступни брата разваренным костным бульоном. Выпустил маленькую собаку, и она стала жадно вылизывать подошвы Шаньфэна. Шаньфэн не выдержал и отчаянно расхохотался; его смех был похож на скрежет двух алюминиевых пластин. Он смеялся, тело его судорожно извивалось, голова тряслась до ряби в глазах и в этом хохоте он испустил дух.* Когда рассказчик абсолютно спокойно повествует об этом, читатель испытывает шок не столько от самого события, сколько от разрыва между чудовищностью происходящего и интонационной невозмутимостью текста.

Еще один существенный пласт проявления абсурда — постоянное обращение к галлюцинациям и иллюзиям персонажей. Старуха слышит, как ломаются ее кости, и представляет, что они вот-вот проткнут живот изнутри; жена Шаньфэна, узнав о смерти сына, начинает видеть и слышать то, чего нет; Пипи смотрит на водяные разводы на стекле, и они превращаются в его воображении в дороги, по которым мчатся и сталкиваются автомобили. Галлюцинации здесь являются способом прорыва к той самой «подлинной реальности восприятия». Мир, каким он представлен в этом образе, оказывается более истинным, чем упорядоченная картина повседневности, потому что именно в галлюцинации обнажается глубинный хаос, скрытый под тонкой пленкой быта.

В рассказе «Повествование о смерти» 《死亡叙述》 механизм абсурда работает через предельную детализацию насилия, лишенную какой-либо аффектации. Водитель, сбивший ребенка, подробно, почти анатомически описывает то, как крестьяне забивают его насмерть. Абсурдное начало коренится в самом акте повествования, где мертвый рассказывает о собственной гибели с хладнокровием стороннего наблюдателя. Сама возможность такой нарративной позиции подрывает базовые онтологические допущения реалистической прозы, где сознание угасает вместе с телом. У Юй Хуа же сознание продолжает фиксировать ощущения даже тогда, когда тело уже разрушено — и это и есть торжество «подлинного бытия в восприятии» над физической смертью.

В литературной традиции Юй Хуа заметно влияние западного модернизма, особенно Франца Кафки и Уильяма Фолкнера. С Кафкой его сближает метод, при котором абсурдная или кошмарная ситуация описывается как естественная, не вызывающая удивления среда. Однако природа абсурда у этих авторов различна. У Кафки источником деформации реальности выступает, как правило, внешняя по отношению к человеку сила — бюрократическая машина, метафизический закон или недостижимый центр власти. У Юй Хуа абсурд, напротив, имманентен: зарождается внутри самой повседневной материи существования, в физиологии, бытовых конфликтах и семейном укладе. Таким образом, Юй Хуа конструирует абсурд не трансцендентного, а сугубо соматического и бытового происхождения.

Влияние Фолкнера сказывается в особой темпоральной организации текста, в способности удерживать в едином поле повествования прошлого, настоящего и будущего, где история и насилие сплетены в неразрывный узел. Сам Юй Хуа признавал, что Уильям Фолкнера научил его, как справляться с психологическими описаниями. Этот урок Фолкнера реализуется у Юй Хуа именно в той легкости, с какой он переходит от внешнего событийного плана к внутреннему, не проводя между ними жесткой границы.

В ранних произведениях Юй Хуа насилие и абсурд находятся в тесной функциональной связи. Согласно распространённой в исследовательской литературе точке зрения, насилие выступает здесь, как инструмент вскрытия того слоя реальности, который автор называет «реальностью восприятия». Акт насилия разрушает внешнюю оболочку социальных и культурных норм, обнажая под ней базовые антропологические константы: физическую уязвимость тела, боль как элементарный сенсорный опыт и смерть как неопровержимый предел бытия. Абсурд в данном контексте порождается именно отсутствием какой-либо осмысляющей или оправдательной рамки для этих явлений: страдание и гибель персонажа не включены в трагический нарратив искупления и не обладают трансцендентным значением.

Таким образом, ранняя авангардная проза Юй Хуа представляет собой уникальный эксперимент по конструированию «подлинного мира восприятия», в котором абсурд является как ее фундаментальное онтологическое качество. Через стратегию безразличного повествования, постоянное обращение к галлюцинаторному опыту персонажей и особую темпоральную организацию текста Юй Хуа создает художественную вселенную, где обыденное и гротескное, бытовое и кошмарное неразличимо сплавлены. И именно этот сплав, где нет логики сюжета, нет психологической мотивировки, а лишь чистое восприятие, выведенное на грань абсурда, и становится в рассказах Юй Хуа единственным способом прикоснуться к подлинности бытия. В мире, где все смыслы подвешены в пустоте, только ощущение боли, страха, отчуждения сохраняет свою неотменяемую реальность. Следовательно, абсурд в данной художественной системе выступает как его наиболее аутентичная форма проявления.

Литература

1. Ли Янь. Мортальные мотивы в художественной прозе Юй Хуа. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mortalnye-motivy-v-hudozhestvennoy-proze-yuy-hua> (Дата обращения: 10.04.2026.)

2. 余华. 十八岁出门远行 [J]. 北京 : 北京文学 [1] , 1987.

3. 余华. 现实一种 [J]. 北京 : 北京文学 [1] , 1988.

4. 余华. 死亡叙述 [J]. 北京 : 新世界出版社 , 1999.

Сведения об авторе

Номенокова Виктория Чингисовна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: kokorotoshka@gmail.com

Nomokonova Viktoria Chingisovna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tugulovaod@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov State University, Ulan-Ude

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ ЛИНЬ ЮЙТАНА «МОМЕНТЫ В ПЕКИНЕ»

© Рыжук Мария Васильевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
masharyjuk01041974@gmail.com

Линь Юйтан — первый человек, исследовавший этнопсихологию китайцев, в том числе, он сумел показать особенности формирования психологических защит в героях, развитие и закрепление ролевых моделей, а также то, как на это влияет исторический контекст страны и её философия. В романе можно проследить, как меняется психологическое состояние героинь в контексте исторических событий и ситуации в семье, как влияет традиционная китайская философия через призму родителей на главных героинь. Цель исследования заключается в рассмотрении психологических портретов женских персонажей в романе и влияние семейной системы на их формирование.

Ключевые слова: Линь Юйтан, литература Китая, литературный образ.

PSYCHOLOGICAL PORTRAITS OF FEMALE CHARACTERS IN LIN YUTANG'S NOVEL «MOMENT IN PEKING»

Ryzhuk Mariia Vasilevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
masharyjuk01041974@gmail.com

Lin Yutang is the first scholar who studied the ethnopsychology of the Chinese people. In particular, he was able to demonstrate the peculiarities of the formation of psychological defenses in characters, the development and consolidation of role models, as well as the influence of the country's historical context and its philosophy on these processes. In his novel, one can trace how the psychological state of the heroines changes under the influence of historical events and the family situation, as well as how traditional Chinese philosophy affects the main characters through the prism of their parents.

Keywords: Lin Yutang, Chinese literature, literary image.

Согласно детской психологии известно, что личность ребёнка формируется с младенческого возраста, более того, характер и жизненные установки закладываются в дошкольном возрасте. На момент начала романа главным героиням восемь и десять лет и растут они в 1900-е гг., в период восстаний. Кроме внешнего давления, девочки растут в дисфункциональной семье, которая является благополучной только со стороны.

Яо Сыань — глава семьи. «Он верил, что всё в руках судьбы. Его спокойствие угнетало жену»; «Он считал, что лучше не двигаться». В ситуации реальной смертельной опасности он не чувствует страха — его тревога проецируется на жену, которая вынуждена контейнировать страх за двоих.

В тексте сообщается, что в молодости он был «гулякой»: пил, играл, дрался на мечах, влюбился в женщины, а потом стал даосским мудрецом. С точки зрения психологии это психологическая защита — изоляция аффекта и интеллектуализация. Вместо того, чтобы эвакуировать семью он надеется на судьбу, ссылаясь на понятия «пути» в даосизме. Он не готовит припасы и не контролирует ситуацию. Госпожа Яо вынуждена брать на себя ответственность, что проявляется в гиперконтроле, она не чувствует себя в безопасности рядом с мужем, это вызывает ощущение бессилия и агрессию, как защитные механизмы. Но её тревога в начале романа — единственное, что стало причиной отъезда семьи Яо, именно она

настояла на нём, беспокоясь о детях. Но так как госпожа Яо сама не чувствует стабильности, она не может дать этого дочерям, как и их отец. Дети в таких семьях вынуждены взрослеть раньше срока, когда ребенок не чувствует стабильности и опоры в родителе, он берет контроль на себя, это единственный способ оказаться в безопасности.

Именно это можно проследить ещё в первой главе романа, где Мулань, ещё 10 летний ребёнок проявляет сверхконтроль по отношению к ситуации в доме. Она каждое утро приходит к отцу в кабинет, чтобы послушать его философию, в психологии подобное поведение называется контейнированием эмоций, когда один человек поглощает эмоции, переживания другого и даёт чувство безопасности, услышанности, принятия. В здоровом понимании, эту роль должны занимать родители, в семье Яо эту роль занимает Мулань. Это делает её не только принимающим и понимающим человеком во взрослом возрасте (узнав об измене мужа она знакомится с любовницей и становится с ней подругами), но и истощает её, поскольку Мулань не научилась доверять собственным эмоциям и страху, потому что ролевая модель поведения в детстве у значимых фигур была противоречивой. В дальнейшем, читатель узнаёт, что Мулань продолжает борьбу, она помогает беженцам и переживает утрату. Гиперконтроль, появившийся в раннем возрасте заставляет её чувствовать себя ответственной за жизнь и благополучие других, только контролируя пространство вокруг себя и других она может почувствовать себя в безопасности.

Мочи — младшая сестра Мулань, в отличие от сестры выбрала стратегию «невидимости», стала ребёнком, который не вступает в конфликты, ради сохранения собственной целостности. Благодаря выстроенным психологическим защитами, более рациональна, чем Мулань, она не борется с системой, она встраивается в неё без вреда для себя, когда становится взрослой. Это альтернатива бунту Мулань или депрессивному оцепенению Шаньху, третьей героини в семье Яо. Она не берёт на себя лишнюю ответственность, не соглашается на компромиссы, Мочи сохранила свой брак благодаря расчётливости, которая позволила ей избежать выгорания или депрессивных настроений.

Третья значимая фигура, не выросшая в системе семьи Яо, но ставшая её частью — Шаньху, названная дочь, которая стала «идеальной помощницей», после смерти мужа. Её горевание по умершему мужу протекает подавленно, с точки зрения психологии это защита, которая проявляется в аскетизме и служении другим, которые используются как побег от реальности.

«Она никогда не думала снова выходить замуж. Очевидно, у неё не было женской сексуальности. В мужчинах она не испытывала ни малейшей застенчивости». В данном случае описывается не просто спад либидо, а отказ от собственных потребностей, что приводит к агедонии — неспособности испытывать положительные эмоции, (в тексте романа это описывается как постоянное подавленное настроение героини, она не реагирует на положительные события), что в долгосрочной перспективе может перейти в стадию вяло текущей депрессии. Положение героини также усугубляется осуждением со стороны других людей её статуса вдовы. Её жизнь в доме Яо — побег от психологического давления, которое оказывало на неё традиционное общество.

Таким образом, можно сказать, что Линь Юйтан в своем романе «Моменты в Пекине» раскрывает влияние традиционных ценностей, моральных ориентиров и влияние психологической среды на главных героинь. Мулань, вынужденная с детства полагаться только на себя продолжает борьбу в одиночку и не принимает мягкость других людей, в том числе своего мужа. Мочи выбирает стратегию контроля, как её мать и сестра, но в случае этой героини можно сказать, что она наиболее успешно использовала копинг стратегии и сублимацию. Описания Шаньху показывают читателю её апатию и нежелание оставаться наедине с собой, её потерю собственной самооценки, что заставляет её искать опору в других людях и в том, чтобы помогать им, что делает её удобной, но несчастной.

Литература

1. Линь Юйтан. Китайцы. Моя страна — мой народ / пер. с кит. и предисл. Н. А. Спешнева. 3-е изд. Москва: Восточная литература РАН, 2010. 314 с.
2. Линь Юйтан. Моменты в Пекине / пер. с англ. С. В. Ильина. Санкт-Петербург: Амфора, 2011. 814 с.
3. Спешнев Н. А. Линь Юйтан: между Востоком и Западом. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2004. 320 с.
4. Бакутина М. О. Гендерные аспекты китайской литературы XX в. Москва: Наука, 2015. 280 с.
5. Минухин С., Фишман Х. Техники семейной терапии / пер. с англ. А. Б. Холмогоровой. Москва: Класс, 2011. 256 с.
6. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: пер. с англ. Москва: Класс, 2015. 592 с.
7. Книга песен и гимнов (Шицзин) / пер. с кит. А. Штукина. Москва: Художественная литература, 1987. 350 с.
8. Lin Yutang. Moment in Peking. 2nd ed. New York: HarperCollins, 1931. 836 p.

Сведения об авторе

Рыжук Мария Васильевна, студентка 2-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: masharyjuk01041974@gmail.com

Ryzhuk Maria Vasilievna, 2nd year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tugulovaod@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov State University, Ulan-Ude

СОЦИАЛЬНОЕ ДАВЛЕНИЕ И КРИЗИС САМОИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКА В РОМАНЕ ЛИ ГЕНХВА «Я»

© Садовская Ольга Александровна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
sssadovolya@gmail.com

В статье анализируется роман современной корейской писательницы Ли Генхва «Я» (2006) с точки зрения художественной репрезентации кризиса самоидентичности. На материале ключевых фрагментов оригинала рассматриваются механизмы подавления личности под давлением социальных норм, а также путь героя от самоотрицания к прямому самоназванию. Делается вывод, что центральным событием становления идентичности выступает речевой акт, преобразующий стигматизирующее слово в акт освобождения.

Ключевые слова: самоидентичность, стигматизация, речевой акт, гомосексуальная идентичность, подростковая проза, табуированная тема.

SOCIAL PRESSURE AND THE ADOLESCENT IDENTITY CRISIS IN LEE GYEONG-HWA'S NOVEL «NA»

Sadovskaia Olga Alexandrovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
sssadovolya@gmail.com

The article analyzes the novel Na (2006) by contemporary South Korean writer Lee Gyeong-hwa from the perspective of the artistic representation of an identity crisis. Drawing on key fragments of the original text, the author examines the mechanisms of personality suppression under the pressure of social norms, as well as the protagonist's path from self-denial to direct self-naming. The author concludes that the central event in the formation of identity is a speech act that transforms a stigmatizing word into an act of liberation.

Keywords: self-identity, stigmatization, speech act, homosexual identity, adolescent prose, taboo topic.

В корейской литературе 2000–2020-х гг. одна из сквозных тем: давление социальных норм на самоидентификацию подростка. Особенно остро этот конфликт проявляется в сюжетах, связанных с сексуальной ориентацией: герой сталкивается не только с запретом внешнего мира, но и с внутренним усвоением этого запрета. Гомосексуальная идентичность в подобных текстах оказывается не частной психологической особенностью, а точкой столкновения с семьей, школой, языком и системой социальных ожиданий. Образ «чужого» строится через исключение: идентичность героя становится причиной изоляции, а поиск себя разворачивается внутри культурного поля, где право на самоназвание заранее поставлено под сомнение.

Роман Ли Генхва «나»/«Я» (2006) обращается к теме гомосексуальной идентичности, не вписывающейся в традиционные нормы корейского общества. В Южной Корее 2000-х гг. подростки с такой идентичностью оставались одной из наиболее уязвимых групп: отсутствие антидискриминационного законодательства, давление конфуцианских семейных устоев и школьная травля создавали ситуацию, при которой самораскрытие часто приводило к изоляции или суициду. Документальная основа усиливает остроту романа: как указывает автор в послесловии, произведение написано под впечатлением от самоубийства девятнадцатилетнего активиста Юк Удана в 2003 г.

Уже в экспозиции романа автор задает ключевую оппозицию: «старый дом — новый дом». Пространство здесь работает как показатель внутреннего состояния персонажа. Пере-

езд от отца-абыюзера становится для Чонхена актом экзистенциального освобождения, решительным действием персонажа, меняющим сам способ его существования в мире: «В прежнем доме нельзя было открывать шкаф в гостиной, нельзя было садиться в кресло-качалку у окна. В то кресло мог садиться только папа. Среди вещей в доме нет ни одной, которую нельзя трогать. Такое чувство, будто дом — мой» [4, с. 7]. Грамматика запрета — *면 안 되다* сменяется модальностью обладания: *집이 내 것 같은 기분*. Пространственная свобода становится первым шагом к обретению себя, однако внешнего освобождения недостаточно: за пределами дома герой продолжает жить под давлением и скрывать свое подлинное «Я».

В пятой главе, озаглавленной «Ребенок, похожий на меня», появляется ключевая фигура — одноклассник Санъе, подросток, чья идентичность не вписывается в традиционные нормы и подвергается травле: «В школе я сижу как недвижимый предмет — точно как мама перед папой. Когда дети перестали смотреть на меня, перестали говорить со мной, перестали замечать меня, нахлынуло спокойное одиночество. [Актер без реплик]» [4, с. 64]. Метафора «Актер без реплик» передает состояние человека, лишённого голоса и социального присутствия. Герой физически находится в классе, но не существует как личность. В разговоре с одноклассницей Еджин эта раздвоенность получает еще одно название: «Как сказала Еджин, я, может, и правда [человек с двумя лицами] а может, [граф Исура]. За лицом, которое я показываю миру, есть другое лицо. Скрытое лицо следит за каждым выражением и каждым словом лица явленного — упрекает и ранится» [4, с. 70]. Граф Исура — андрогинный персонаж, выбирающий говорить то как мужчина, то как женщина. Метафора точно фиксирует опыт жизни под постоянным внутренним надзором: подлинное «Я» отделено от социальной маски и вынуждено контролировать каждое ее проявление.

Жизнь под маской достигает кульминации, когда герой сталкивается с собственной травмой. В седьмой главе автор возвращает его к воспоминанию о первой любви и предательству, совершенному по отношению к самому себе. Название главы «*병. 태. 새. 끼*» — грубое ругательство, набранное через точки; такая графика превращает слово в медленно произносимый приговор. Герой вспоминает первую любовь — парня, который признался ему в чувствах: «Я впервые встретил того ребенка в первом классе старшей школы. Весна, лето, осень, зима. Так мы провели вместе четыре сезона. (...) Дома я очень медленно открыл пакет. [Самому дорогому мне человеку, Хену]» [4, с. 91]. Так было написано на открытке. Имя получателя, Хен, совпадает с именем героя — Чонхен. Это прямое указание на его гомосексуальность. Реакция героя трагична: «Я не могу забыть тот момент, когда он обнял меня» [Чувство, будто все клетки в теле одна за другой оживают и танцуют]. Тело дрожало от радости. С трудом, но решительно я оттолкнул его. «Урод дефективный, убирайся!» [4, с. 91]. Оскорбление направлено на другого, но фактически обращено к самому себе: герой отвергает не признание, а ту часть собственной идентичности, которую боится назвать.

Десятая глава, озаглавленная «*하얀 국화 한 송이*» («Белая хризантема»), завершает трагическую линию Санъе. Подросток, переживший школьную травлю и насилие со стороны отца, совершает самоубийство. Его смерть передана через символ белой хризантемы — в корейской культуре цветка похорон: «Санъе не успел даже расцвести и умер, а хризантема пышно распустилась. Я. не. про. ро. нил. ни. сле. зы» [4, с. 135]. Герой винит себя: «Я снова потерял ребенка, похожего на меня», — эта фраза возвращает к названию пятой главы. Согласно исследовательнице корейской подростковой литературы Ким Джи Хе, смерть в таких романах выполняет функцию «обряда перехода»: переживая «работу горя» (*work of mourning*), герой проходит через шок, отрицание, чувство вины и постепенно приходит к принятию [2, с. 60]. Чонхен едет на море — их общее с Санъе место и впервые задает себе вопрос, которого избегал: «Почему я ни разу не спросил? [«Ты тоже гей?】 Если бы ты спросил, что бы я ответил? Стал бы мямлить? Нет, кажется, я бы смог сказать. Кажется, я действительно смог бы сказать» [4, с. 138]. Герой впервые допускает возможность произнести правду о себе. Смерть Санъе становится катализатором: глухое отрицание сменяется готовностью к самоопределению. Утрата «ребенка, похожего на меня» парадоксально открывает путь к обретению себя.

После кризиса самоотрицания и смерти друга герой подходит к финальному этапу своего пути. В последней главе происходит то, к чему вело все повествование, — акт прямого самоопределения. Финальная глава романа носит название «나는 게이다» «Я — гей». Это антитеза всем умолчаниям предыдущих глав. В теоретическом плане здесь реализуется концепция речевого акта как действия, преобразующего реальность [3]: произнесение самоназвания не описывает идентичность, а создает ее. Глава начинается с идиллической сцены: у мамы родилась дочь, герой стал старшим братом. Он выходит на улицу и чувствует легкость: «Стоило выйти на улицу, как набросился холодный ветер. Я глубоко вдохнул. Прохладная энергия разлилась по всему телу. Оглядевшись вокруг, чувствую, будто мир стал ярче» [4, с. 209]. Телесная скованность сменяется свободой дыхания и движения. Кульминацией становится мысленный диалог с Санье. Глядя в небо, герой спрашивает, хорошо ли тот живет, и слышит ответ: «Конечно. Очень весело живу» [Такое чувство, будто я стал настоящим геєм]. Ты что, даже не знаешь, что значит «гей»? Это значит «веселый» [4, с. 209]. Слово 게이 (гей), функционирующее в корейском обществе как стигма (социальный ярлык), герой переосмысляет через омонимию с английским словом, которое раньше использовалось в переводе как «веселый», «радостный», «беззаботный», «яркий». Стигматизирующее слово переходит в самоназвание, а речевой акт меняет его функцию [1]. Затем следует решительный шаг: «Да, я тоже буду жить как гей. Санье, смотри, как я делаю первый шаг... Я сел в автобус. Едва я опустился на сиденье, автобус тронулся. Без малейшего колебания, легко и бодро» [4, с. 210]. Автобус становится метафорой новой жизни, в которой больше не нужно прятаться. Санье остается свидетелем освобождения героя — взглядом, перед которым не стыдно быть самим собой.

Самоидентичность в романе Ли Генхва «나»/«Я» представлена не как статичная данность, а как процесс преодоления внешних и внутренних барьеров. Смена пространства и уход от отца дают герою внешнюю свободу, но не снимают главный страх — быть отвергнутым обществом. Этот страх проявляется в раздвоенности, жизни под маской и насилии языка, который герой сначала направляет против другого, а затем распознает как обращенный к самому себе. Фигура Санье становится для Чонхена одновременно предостережением и катализатором. Утрата «похожего на себя» заставляет подростка впервые допустить возможность собственного признания. Центральное событие — прямое название себя. Финальный речевой акт маркирует переход от подавленной идентичности к открытому самопринятию: герой не только принимает свою идентичность, но и меняет значение слова, которым общество его стигматизирует. Роман показывает механизмы давления в современном корейском обществе через конкретную историю самоубийства Юк Удана 2003 г.

Литература

1. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Москва: Смысл, 1963
2. Ким Джи Хе. Исследование репрезентации смерти в подростковом романе // Корейское художественное творчество. 2015. Т. 14, № 1. С. 53–78.
3. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–129.
4. 이경화 나. 6 изд. 서울: 바람의 아이들, 2019. 215 с.

Сведения об авторе

Садовская Ольга Александровна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: sssadovolova@gmail.com

Sadovskaia Olga Alexandrovna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Мункуева Надежда Сергеевна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: nadya1052@yandex.ru

Munkueva Nadezhda Sergeevna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА ЮЙ ХУА: ОТ АВАНГАРДНОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ К «МОЗАИКЕ ВОСПОМИНАНИЙ»

© Салчак Челээш Чечен-ооловна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
s.cheleesh@mail.ru

В статье анализируется эволюция творческого метода Юй Хуа, одного из крупных представителей китайского авангарда. На материале ранних произведений (1987–1990) и романов 1990–2000-х гг. определяются его основные характеристики лирики: «холодный» способ повествования, концепция «действующих тел», размывание границ между действительностью и фантазией. Основное внимание уделяется переходу от постмодернистского переосмысления к «мозаике воспоминаний» и в будущем — к упрощению стиля.

Ключевые слова: Юй Хуа, китайский авангард, сяньфэн, творческий метод, эволюция стиля.

FEATURES OF YU HUA'S CREATIVE METHOD: FROM AVANT-GARDE DECONSTRUCTION TO THE «MOSAIC OF MEMORIES»

Salchak Cheleesh Chechen-oolovna

Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
s.cheleesh@mail.ru

The article analyzes the evolution of Yu Hua's creative method, one of the major representatives of the Chinese avant-garde. Based on the material of his early works (1987–1990) and novels of the 1990s–2000s, the main characteristics of his poetics are identified: the «cold» narrative manner, the concept of «acting bodies», and the blurring of boundaries between reality and fantasy. The main focus is on the transition from postmodern reinterpretation to the «mosaic of memories» and the subsequent simplification of style in the mature period. The conclusion is made about the movement from postmodernism to modernism as the defining direction in the evolution of the writer's creative method.

Keywords: Yu Hua; Chinese avant-garde; xianfeng; creative method; style evolution.

Юй Хуа — один из самых известных писателей современности Китая, чьи работы переведены на десятки языков, представляет собой уникальный пример эволюции художественного метода. Начиная с шокирующих экспериментов авангарда 1980-х гг., в котором было много сцен необоснованного насилия, он приходит к ярким гуманистическим романам 1990-х гг., принесшим ему славу во всем мире. Понимание его систем принципа, приемов и подходов необходимо для адекватного понимания и анализа его творчества. По словам Ю. А. Дрейзис, эволюция манеры творческого выражения Юй Хуа показывает переход от постмодернистского метода к реалистичным манерам писания, которую сам Юй Хуа отмечает как «мозаику воспоминаний» [1, с. 404].

Период раннего творчества Юй Хуа приходится на 1987–1990-е гг. Его раннее творчество известно своими авангардными чертами. Первая черта — наиболее заметная, «холодная» манера описания. Даже самые жестокие сцены передаются писателем невозмутимо или без морального суждения, как будто речь идет о чем-то обыденном. Как пишет Ю. А. Дрейзис, «рассказы и повести 80-х насыщены описаниями повседневного насилия, жестокости и убийств, подаваемых в такой холодной и отстраненной манере, что кажется макабрически» [1, с. 405]. Эта черта объединяет раннего Юй Хуа с традицией французского «нового романа», особенно с творчеством Алена Роб-Грийе.

Вторая черта характеристики творчества Юй Хуа — особое отношение к персонажам. Герои раннего творчества Юй Хуа лишены внутреннего мира: они представляют собой сенсорные реакции, ведут себя как «автоматы», не осознавая намерения собственных поступков, не показывая ни эмоций, ни моральные убеждения. Ю. А. Дрейзис отмечает эту особенность у героев как «действующие тела» — они живут в чуждом мире, без внутреннего стержня. В рассказе «Классическая любовь» (1988) герои в условиях голода и хаоса начали вести себя как чисто биологические существа, которые живут инстинктами выживания.

Третья характерная черта — размывание границ между реальностью и вымыслом. Юй Хуа в ранних рассказах показывает мир изменчивым и обманчивым: нереальность неоднократно оказывается убедительнее реальности, тогда как реальность теряет привычные линии. Ю. А. Дрейзис отмечает: «реальность выглядит столь изменчивой и иллюзорной, что фантазия кажется правдоподобней, несмотря на ее дезориентирующую субъективность» [1, с. 205].

Сам Юй Хуа неоднократно называл трех «учителей», определивших его путь в литературе. Первым своим литературным «учителем» Юй Хуа назвал японского писателя Кавабаты Ясунари [2, с. 47]. Влияние Кавабаты проявилось в двух аспектах: в акценте на детализации описаниях и в умении создавать особую лирическую атмосферу. Важно подчеркнуть, что влияние Кавабаты не исчезло с творческой трансформацией писателя, а осталось в его поздних произведениях [2, с. 51].

Важнейшим влиянием на формирование его метода оказали произведения Франца Кафки, чья абсурдистская логика и гротескная стилистика позволили Юй Хуа по-новому взглянуть на сущность реальности. Как пишет Ван Фухэ, рассказ «Сельский врач» произвел на молодого писателя сильное потрясение и помог ему «освободиться от оков» привычных литературных техник [3, с. 29]. Именно после этого Юй Хуа создает свои самые известные авангардные рассказы, где герои действуют по нерациональным законам, а мир показывается несообразным. Третьим стал Уильям Фолкнер, которого Юй Хуа называл «учителем в изображении ментальной деятельности». Таким образом, творческий метод сформировался на трех традициях: японской (Кавабата), европейской (Кафка) и американской (Фолкнер).

Юй Хуа называет роман «Крики в моросящий дождь» (1991) «мозаикой воспоминаний» как его новый метод [1, с. 405]. Есть три значения у этого термина: первое подразумевает частичную, нелинейную структуру повествования; второе — использование «сумбурной речи» персонажей, отражающей потерю ориентации в посттравматическом пространстве; третье — эффект «размытой» хромотопики, где время и место действия показывается отрывочно. В этом романе реализуется ключевая идея распавшейся реальности, что обозначает поворот в сторону модернизма [1, с. 406]. Наиболее заметное изменение — упрощение стиля. Юй Хуа отказывается от маргинальности, антиутопичности и отрицания всей прежней культурной парадигмы. Стиль становится более прозрачным, повествование — более линейным. Однако было бы неправильным считать эту манеру реалистической в традиционном смысле: за внешней простотой по-прежнему угадывается авангардная ирония и условность. Как подчеркивает Ю. А. Дрейзис, «упрощение стиля при сохранении минимального набора модернистских атрибутов» — вот что характеризует зрелый период [1, с. 406]. Среди модернистских черт, которые Юй Хуа сохраняет и в поздний период, можно выделить следующие: интерес к насилию и гротеску (пусть они уже и не доминируют в сюжете); размывание грани между реальностью и абсурдом; карнавализация изображаемого мира; активное использование паратаксиса.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, ранний период отличается своей «холодностью» повествования, концепцией «действующих тел», стиранием границ между реальностью и вымыслом, эстетизацией немотивированного насилия. Во-вторых, творческий метод Юй Хуа сформировался под влиянием трех «учителей»: Кавабаты (детализация и выразительность), Кафки (абсурд и освобождение от оков) и Фолкнера (внимание к ментальной деятельности). В-третьих, роман «Крики в моросящий дождь» открыл новый метод под названием «мозаика воспоминаний». Она сочетала фрагментарность с поиском центральной идеи. И наконец, в-четвертых, поздний зрелый период сопровождается упрощением стиля и переходом от постмодернистской деконструкции к модернизму.

Литература

1. Дрейзис Ю. А. Назад к модернизму: творчество Юй Хуа в контексте развития китайского литературного авангарда // Общество и государство в Китае: материалы XLI научной конференции / Ин-т востоковедения РАН. Москва: Вост. лит., 2011. С. 404–406.
2. Фань Чжочжэн. Влияние Кавабаты Ясунари на раннее творчество Юй Хуа // Вестник Чжэцзянского педагогического университета. Цзиньхуа, 2024. № 4. С. 46–52.
3. Wang Fuhe. Yu Hua's Novel Creation and Kafka's Influence // Journal of Zhejiang University of Technology (Social Science). 2015. Vol. 14, No. 1. P. 28–32.

Сведения об авторе

Салчак Челээш Чечен-ооловна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: s.cheleesh@mail.ru

Salchak Cheleesh Chechen-oolovna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tugulovaod@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov State University, Ulan-Ude

БУДДИЙСКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА МУН СУК «불이론»

© Селезнёва Мария Алексеевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
sha.selezneva@yandex.ru

В докладе анализируется трансформация буддийских поэтических образов в современной корейской поэзии на примере сборника Мун Сук «불이론». Выявляются ключевые изменения по сравнению с традицией: смена локуса с природы на город, демократизация языка и введение сниженной лексики.

Ключевые слова: корейский язык, корейская культура, корейская поэзия, буддизм, традиция, образ, трансформация, современная поэзия.

BUDDHIST POETIC IMAGES IN THE MODERN KOREAN POETRY BASED ON THE EXAMPLE OF COMPILATION «불이론» BY MOON SUK

Selezneva Mariia Alekseevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
sha.selezneva@yandex.ru

The report examines the transformation of Buddhist poetic images in contemporary Korean poetry through Moon Suk's collection «불이론». Key changes from tradition are identified: shift of locus from nature to the city, language democratization, and introduction of low-register vocabulary.

Keywords: Korean language, Korean culture, Korean poetry, Buddhism, tradition, image, transformation, modern poetry.

Введение. Буддийская философия на протяжении более полутора тысячелетий является неотъемлемой частью корейской культурной и духовной традиции. Проникнув на Корейский полуостров в IV в. н.э., буддизм не только сформировал религиозную картину мира, но и оказал глубокое влияние на развитие национальной литературы и поэтического языка. Особенно значимым этот синтез оказался для поэзии, где буддийские идеи нередко становились основой для художественного осмысления действительности — от раннесредневековых хянга до философской лирики эпохи Чосон.

В XX–XXI вв., несмотря на секуляризацию общества и доминирование других идеологических систем, корейские поэты продолжают обращаться к буддийским образам и концептам. Однако сегодня это обращение приобретает новые формы: традиционные мотивы уединения и созерцания природы сменяются городскими сюжетами, а высокий слог уступает место языковой игре и даже сниженной лексике. Данный доклад посвящён анализу этих трансформаций на примере творчества современной корейской поэтессы Мун Сук.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения того, как классические религиозно-философские системы адаптируются к реалиям современного мира. Несмотря на растущий интерес к корейской культуре и литературе в России и за рубежом, современная корейская буддийская поэзия остаётся малоизученной в отечественном востоковедении. Большинство исследований сосредоточено на классических периодах (Силла, Корё, Чосон), тогда как поэзия второй половины XX — начала XXI в., пока не получила должного научного освещения. Настоящий доклад призван в определённой степени восполнить этот пробел на примере анализа конкретного стихотворения Мун Сук.

Объект исследования — современная корейская поэзия на рубеже XX–XXI вв., а именно творчество поэтессы Мун Сук, представленное в её сборнике «불이론».

Предмет исследования — трансформация буддийских поэтических образов в указанном сборнике, включая изменения в локусе (пространстве), лексическом составе и способах передачи буддийского философского содержания по сравнению с традиционной корейской буддийской поэзией.

Цель работы — выявить и проанализировать ключевые изменения в репрезентации буддийских идей в современной корейской поэзии на примере стихотворения «불이론» Мун Сук, сопоставив их с чертами традиционной корейской буддийской поэтической традиции.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Кратко охарактеризовать историю влияния буддизма на корейскую поэтическую традицию, выделив её основные черты
2. Определить ключевые особенности традиционной корейской буддийской поэзии
3. Провести филологический анализ сборника Мун Сук «불이론»
4. Сравнить буддийские образы и методы в стихотворении Мун Сук с традиционной буддийской поэтической традицией.

Методы исследования:

- Сравнительно-исторический метод
- Сравнительно-сопоставительный метод
- Герменевтический метод

Буддизм проник на территорию Кореи из Китая в IV в. н.э. и оказал большое влияние на поэтическую традицию этой страны. Буддийские миссионеры, стараясь упростить восприятие своего учения для корейцев, прибегали к местному фольклору. Например, брали шаманские песни и, оставляя знакомую мелодию, изменяли их в соответствии с буддийскими представлениями, добавляя в сюжет будд и бодхисаттв. Таким образом это религиозно-философское учение слилось с местными анимистическими верованиями и образовало синкретичную систему ценностей и взглядов на мир. Результатом этого синтеза стало формирование специфичной поэтическо-философской традиции

Кроме того, буддийские сочинения сыграли большую роль в сохранении народного поэтического наследия. Благодаря им до наших дней дошли 25 песен хянга (поэзия на родном языке, распространённая в государстве Силла). 14 из них записаны в сочинении монаха Ирёна «Дела, опущенные в “Исторических записях трёх государств”», 11 песен записаны в буддийской биографии «Житие Кюнё», написанной Хёк Нёнчжоном, государственным деятелем Корё. Однако это сказалось на подборе стихотворений — многие из них содержат мотивы, навеянные буддийским учением.

На протяжении всех последующих веков корейские поэты обращались в своих произведениях к буддийской философии. Особенно востребованной она оказывалась в эпохи смуты и нестабильности, когда представители образованного сословия, разочарованные в конфуцианских идеалах, стремились к уединению, абстрагированию от общественных волнений. Так было, например, на рубеже XIV–XV вв., когда смена династий разделила ученое сословие на сторонников новой династии и её противников. Многие несогласные с новым режимом добровольно или же принудительно оставляли службу, уходя в отшельники или уезжая в провинцию. Там на лоне природы они обращались к буддийской системе ценностей. В своём творчестве они воспевали природу как мир, в котором всё естественно и гармонично, и противопоставляли её миру людей, полному опасностей и мирских сует. Многие корейские поэты продолжают обращаться к буддийской философии не только в XX, но и в XXI в.

Анализ стихотворения поэтессы XX в. Мунсук

불이론 개와 강아지는

(Собаки и щенки)

나쁜 놈과 착한 놈만큼의 거리다

(Различны так же, как плохие и хорошие парни)

낮과 밤만큼이나 멀고도 가까운 사이
 (Близки и далеки, как день и ночь)
 욕과 칭찬만큼이나 적대적인 관계
 (Антагонистичны, как ругань и похвала)
 개는 부정어의 접두사
 (Собака — приставка отрицательных слов)
 강아지는 사랑의 대명사
 (Щенок — местоимение любви)
 천한 것은 개
 (Презренны собаки)
 자식이나 손주처럼 귀한 것은 강아지
 (Дороги, как дети, щенки)
 세상의 모든 강아지는
 (Все щенки)
 개를 빌려 세상에 나왔고
 (Пришли в этот мир через собак)
 세상의 모든 개들도
 (И все в мире собаки)
 강아지를 거쳐서 왔다
 (Были щенками)
 밤이 낮을 품고 낮이 밤을 품듯
 (Как ночь обнимает день и день обнимает ночь)
 우리는 하나다
 (Мы едины)
 비틀비틀 취객 하나가 내 옆을 스치며
 (Покачивающийся пьяный, проходя мимо меня)
 «개새끼» 하고 지나간다
 (Говорит «Сука» и идёт дальше.)

В первой строфе мы наблюдаем противопоставление собак и щенков как «хороших» и «плохих парней», как «ругани» и «похвалы». В 5 и 6 строках автор применяет игру слов, используя другую трактовку слов «собака» и «щенок». Слово 개 в корейском — это не только собака, но и префикс, образующий негативное значение (개잡놈 — негодяй, 개수작 — ерунда). 강아지 — щенок, в своём переносном значении является ласкательным прозвищем, употребляемым родителями / дедушками и бабушками по отношению к своему ребёнку / внуку.

Вместе с тем в строке «낮과 밤만큼이나 멀고도 가까운 사이» уже указывает нам на иллюзорность этого противопоставления, ведь ночь и день, будучи антагонистами друг друга, в определённом отношении всё же близки.

Уже во второй части стихотворения автор опровергает тезис о противоположности собак и щенков, снова приводя в пример то, как «ночь обнимает день и день обнимает ночь». Собаки и щенки по своей природе есть одно и то же, а их противопоставление — лишь иллюзия, продукт общественного сознания. В традиционной корейской буддийской поэзии основными чертами были: мотивы ухода от мира, пантеон будд и бодхисаттв, аллегоричность (природа как символ просветления). Проведённый анализ стихотворения «불이론» позволяет выявить ключевые изменения по сравнению с традиционной корейской буддийской поэзией

1. Смена локуса: от природы к городу и быту

В традиционной поэзии обращение к буддийским ценностям происходило через созерцание природы: луна, сосны, ручьи, скалы, цветы. Мир людей (город, быт, толпа) считался источником страданий и суеты, поэтому поэт-отшельник уходил от него в горы.

У Мун Сук же действие происходит в обычной среде. Поэтесса не уходит от «суетного» мира, а находит в нём доказательство единства всего сущего. Это отражает эволюцию буддийского сознания в XXI в.: просветление ищут не в уединении, а внутри социума.

2. Демократизация поэтического языка и «низкая» лексика

Традиционная буддийская поэзия Кореи использовала возвышенную, метафорическую лексику, избегала ругательств и бытовых деталей. Главные образы — будды, бодхисаттвы, горные духи, монахи.

Мун Сук вводит в текст:

- обценную (в корейском контексте) брань «개새끼» (сука / щенок собаки);
- бытовую иронию над социальными ярлыками («плохие парни», «хорошие парни», «презренны собаки»);
- языковую игру (с префиксом ㄱ)

Это сознательное нарушение канона высокой буддийской поэзии. Такие приёмы характерны именно для современной поэзии, испытавшей влияние авангарда и постмодернизма.

Таким образом, поэзия Мун Сук не иллюстрирует буддийские догматы, а проживает их заново на материале современной жизни. Это и есть главное изменение: буддийская поэзия из монастырско-отшельнической превращается в актуальную, урбанистическую и лингвистически экспериментальную.

Литература

1. Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. Москва: Наука, 1982. 328 с.
2. Никитина М. И. Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сиджо (семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время). Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1994. 312 с.
3. Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): учебное пособие. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2004. 323 с.
4. Ким Г. Н. История религий Кореи: учебное пособие Алматы: Казак университеті, 2011. 229 с.
5. Дудинова А. А. Трансляция традиционных образов в современной корейской буддийской поэзии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 16(811). С. 259–263.

Сведения об авторе

Селезнева Мария Алексеевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: sha.selezneva@yandex.ru

Selezneva Mariia Alekseevna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Мункуева Надежда Сергеевна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: nadya1052@yandex.ru

Munkueva Nadezhda Sergeevna, Senior Lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

МЕТАФОРА КАННИБАЛИЗМА В РАССКАЗЕ ЛУ СИНЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»

© Чжан Дари

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
Bazarzhapova.dari@bk.ru

В публикации рассматривается семиотическая и социокультурная природа метафоры каннибализма в рассказе Лу Синя «Записки сумасшедшего». Автор отслеживает, как конфуцианские этические установки превращаются в концепт деструктивного поглощения личности. Доказывается, что образ «поедания людей» выходит за рамки критики феодального уклада и становится онтологической категорией, фиксирующей тотальное отчуждение индивида. Особое внимание уделено нарративной стратегии «ненадежного рассказчика» и деконструкции исторических хроник как способу переосмысления китайской культурной традиции.

Ключевые слова: Лу Синь, Записки сумасшедшего, каннибализм, китайская литература, модернизм, конфуцианство, метафора, социальная критика.

THE METAPHOR OF CANNIBALISM AND ITS MEANING IN LU XUN «DIARY OF A MADMAN»

Zhang Dari

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
Bazarzhapova.dari@bk.ru

The article examines the semiotic and sociocultural dimensions of the cannibalism metaphor in Lu Xun's short story «Diary of a Madman». The author traces how Confucian ethical norms are recast into the concept of destructive personal consumption. It is demonstrated that the metaphor of «eating people» transcends criticism of the feudal system, and functions as an ontological category describing the total alienation of the individual. Special attention is paid to the narrative strategy of the «unreliable narrator» and the deconstruction of historical chronicles as a way of rethinking the Chinese cultural tradition.

Keywords: Lu Xun, Diary of a Madman, cannibalism, Chinese literature, modernism, Confucianism, metaphor, social criticism.

Введение. Рассказ Лу Синя «Записки сумасшедшего» (狂人日记 *kuáng rén rì jì*), вышедший в свет в 1918 г., стал программным текстом литературной революции в Китае. Отказ от классического письменного языка *вэньянь* (文言 *wényán*) в пользу разговорного *байхуа* (白话 *báihuà*) позволил автору сформировать принципиально новый тип повествования, где форма дневника психически больного выступает инструментом радикальной социальной критики [2, с. 56]. Ось всего произведения проходит через метафору каннибализма, которая постепенно трансформируется из буквального страха героя быть съеденным в философское обобщение, охватывающего всю историю китайской цивилизации.

Цель исследования состоит в выявлении лингвистических и образных механизмов, с помощью которых Лу Синь материализует метафору «поедания людей», а также в анализе её текстовой эволюции на основе конкретных экспликаций.

Семантика взгляда: визуализация угрозы. Первый пласт метафоры раскрывается через визуальное восприятие действительности протагонистом. Параноидальная настроенность героя заставляет его улавливать скрытые смыслы в повседневных жестах окружающих. Каннибализм проявляется не через прямое насилие, а через мимику и невербальные сигналы.

Внимание протагониста привлекают изменения в глазах людей. В тексте настойчиво повторяется мотив «странного взгляда»: «Их глаза казались какими-то тусклыми, но в то же

время острыми, словно они хотели вырезать из меня кусок мяса» (他们的眼睛好像全变了样子, 有的仍旧同从前一样, 有的却凶狠得很, 似乎想从我身上割下一块肉来 — *Tāmen de yǎnjīng hǎoxiàng quán biànle yàngzi, yǒude réngjiù tóng cóngqián yīyàng, yǒude què xiōnghěn de hěn, sìhū xiǎng cóng wǒ shēnshang gēxià yīkuài ròu lái*) [1, с. 12]. Этот образ лишает окружающих человеческой природы, превращая их в хищников, оценивающих потенциальную добычу.

Особый ужас вызывает поведение детей. Герой восклицает: «Даже дети! Разве они тоже сговорились? Их глаза тоже светятся зеленым светом» (小孩子! 难道他们也串通好了? 他们的眼睛也发着绿光 — *Xiǎo háizi! Nándào tāmen yě chuàntōng hǎole? Tāmen de yǎnjīng yě fāzhe lǜguāng*) [1, с. 15]. Цветовая маркировка «зеленого» (绿 *lǜ*) отсылает к волчьему или демоническому свечению, подчеркивая инстинктивную, животную природу агрессии, передающейся из поколения в поколение. Лу Синь демонстрирует, что система «поедания» воспроизводится через воспитание: «Я видел, как мать учила сына... и в ее глазах я прочитал то же самое желание» [3, с. 89]. Страх героя достигает кульминации при столкновении с толпой. Он описывает их улыбки: «Они улыбались, но эта улыбка была похожа на оскал зверя, готового к прыжку» (他们笑着, 但那笑容像野兽准备扑咬时的龇牙咧嘴 — *Tāmen xiàozhe, dàn nà xiàoróng xiàng yěshòu zhǐnbèi pūyǎo shí de zīyáliězuǐ*) [1, с. 18]. Здесь метафора каннибализма сливается с зооморфными образами, стирая грань между человеком и животным.

Интертекстуальная деконструкция: «Добродетель» и «Справедливость». Кульминацией интеллектуального прозрения героя становится перечитывание исторических книг. Лу Синь прибегает к интертекстуальности, чтобы показать, как каннибализм легитимизируется культурной традицией. Герой пишет: «Я перевернул всю историю... В каждой строке я видел только два слова: “Поедание людей”» (我翻开历史一查... 每页上都写着«仁义道德»几个字... 仔细看了半夜, 才从字缝里看出字来, 满本都写着两个字是«吃人» — *Wǒ fānkāi lìshǐ yī chá... Měi yè shàng dōu xiězhe «rén yì dàodé» jǐ gè zì... Zǐxì kànle bànyè, cái cóng zìfèng lǐ kànchū zì lái, mǎn běn dōu xiězhe liǎng gè zì shì «chī rén»*) [1, с. 22].

Данная цитата служит ключом к пониманию всей концепции рассказа. Слова «гуманность» (仁 *rén*), «справедливость» (义 *yì*) и «моральный долг» (道德 *dàodé*) маскируют суть социального устройства. Лу Синь утверждает, что конфуцианская этика служит фасадом для структурного насилия: «То, что называют ритуалом (礼 *Lǐ*), на самом деле есть способ приготовления пищи из человеческой плоти» [4, с. 110].

Автор приводит конкретные исторические аллюзии, всплывающие в сознании героя. Упоминается эпизод из истории династии Тан, где император приказал казнить мятежника и сварить его мясо: «Или случай с И Янем, который сварил своего собственного сына, чтобы угостить правителя» (易牙蒸子 *Yì Yá zhēng zǐ*) [1, с. 24]. Герой задается вопросом: «Разве это не было одобрено мудрецами? Разве это не записано в книгах как доблесть?» (这岂不是圣贤所赞许的吗? — *Zhè qībùshì shèngxián suǒ zànxǔ de ma?*) [1, с. 25]. Таким образом, каннибализм предстаёт не как девиация, а как норма, санкционированная авторитетами прошлого. Далее герой вспоминает медицинские трактаты, где утверждается: «Сердце злодея можно есть для лечения болезней» (恶人心肝可食 — *Èrén xīngān kě shí*) [1, с. 20]. Это указывает на инструментализацию человеческого тела в традиционной культуре, где жизнь индивида подчиняется пользе для коллектива или власти.

Семейный каннибализм: фигура Старшего Брата. Наиболее травматичным аспектом рассказа остаётся вовлеченность ближайших родственников в акт «поедания». Старший брат (大哥 *Dàgē*) воплощает патриархальную власть и государственный механизм.

Герой обвиняет брата напрямую: «Ты хотел съесть меня, ты участвовал в заговоре!» (你想吃我, 你参与了阴谋! — *Nǐ xiǎng chī wǒ, nǐ cānyùle yīnmóu!*) [1, с. 30]. Брат не отрицает этого в логике безумца, но пытается успокоить его, используя риторику заботы, которая воспринимается героем как подготовка к жертвоприношению.

Важным эпизодом становится смерть младшей сестры героя. Он подозревает: «Не съели ли они мою сестру? Может быть, ее мясо добавили в блюдо, которое мы ели?» (他们是不是把我妹妹吃了? 也许她的肉混在我们吃的菜里? — *Tāmen shì bùshì bǎ wǒ mèimei chīle? Yěxǔ tā de ròu hùn zài wǒmen chī de cài lǐ?*) [1, с. 32]. Данное предположение разрушает сакральность семейных уз. Герой осознает: «Я, возможно, сам ел мясо своей сестры, не зная об этом» (我未必无意之中, 不吃了我妹子的几片肉 — *Wǒ wèibì wúyì zhī zhōng, bù chīle wǒ mèizi de jǐ piàn ròu*) [1, с. 33].

Это признание переводит проблему из плоскости внешней критики во внутреннюю. Герой понимает своё соучастие: «Я тоже человек, и я тоже ел людей» (我也是人, 我也吃过人 — *Wǒ yěshì rén, wǒ yě chīguò rén*) [1, с. 35]. Данная фраза маркирует переход от позиции жертвы к позиции экзистенциального виновника, где каннибализм выступает нормой выживания.

Лингвистические маркеры и стилистика страха. Лу Синь использует специфические лексические повторы для создания атмосферы нарастающей тревоги. Глаголы, связанные с потреблением пищи, пронизывают весь текст. Постоянно встречаются слова: «кусать» (咬 *yǎo*), «жевать» (嚼 *jiáo*), «глотать» (吞 *tūn*). Например: «Они хотят откусить от меня кусок» (他们想咬我一口 — *Tāmen xiǎng yǎo wǒ yīkǒu*) [1, с. 14]. Или: «Я слышал, как они чавкали, когда говорили обо мне» (我听见他们吧唧嘴的声音 — *Wǒ tīngjiàn tāmen bājī zuǐ de shēngyīn*) [1, с. 19]. Звукоподражание «бацзи» (*bājī*) усиливает физиологическое отвращение читателя.

Цветовая символика также работает на раскрытие метафоры. Преобладание черного (黑 *hēi*) и красного (红 *hóng*) цветов создает контраст между мраком ночи и яростью крови. «Красное солнце» часто ассоциируется с кровью жертвы [5, с. 115].

Амбивалентность призыва «Спасите детей». Финал рассказа содержит знаменитый призыв: «Спасите детей...» (救救孩子... *Jiùjiù háizi...*) [1, с. 40]. Однако этот призыв не следует трактовать однозначно оптимистично. Во-первых, он звучит как крик отчаяния человека, который уже считает себя погибшим. «Я сам безнадежен, но дети еще могут быть спасены» (我自己已经无可救药, 但孩子还可以救 — *Wǒ zìjǐ yǐjīng wúkějiùyào, dàn háizi hái kěyǐ jiù*) [1, с. 39]. Во-вторых, предисловие к рассказу, написанное на взъёме, сообщает, что герой «выздоровел» и поступил на службу. «Брат сообщил, что пациент выздоровел и отправился чиновником в какой-то уезд» (兄言已愈, 赴某地候补矣 — *Xiōng yán yǐ yù, fù mǒu dì hòubǔ yǐ*) [1, с. 5]. Это означает, что критическое сознание было подавлено, и герой интегрировался в систему, которую ранее обличал. Таким образом, призыв «Спасите детей» остается лишь текстом, артефактом прошлого безумия, не способным изменить реальность, если общество не изменит свои основы [6, с. 78].

Лу Синь не дает рецепта спасения детей, но указывает на необходимость разрыва цикла. «Если не исправить корни, то и дети станут такими же» (如果不从根本上改正, 孩子也会变成这样 — *Rúguǒ bù cóng gēnběn shàng gǎizhèng, háizi yě huì biàncéng zhèyàng*) [1, с. 38].

Заключение. Проведенный анализ рассказа «Записки сумасшедшего» позволяет заключить, что метафора каннибализма у Лу Синя носит тотальный характер, который реализуется через:

1. Визуальные образы: «зеленые глаза» (绿眼 *lǜyǎn*), «оскал» (龇牙 *zīyá*).
2. Интертекстуальные ссылки: деконструкция понятий «гуманность» (仁 *rén*) и «ритуал» (礼 *lǐ*) через исторические примеры людоедства (易牙 *Yì Yá*).
3. Семейную драму: признание в том, что «я тоже ел людей» (我也吃过人 *wǒ yě chīguò rén*).
4. Лексические повторы: глаголы «кусать» (咬 *yǎo*), «есть» (吃 *chī*).

Метафора «поедания людей» (吃人 *chī rén*) становится универсальным кодом для описания любого общества, основанного на подавлении личности ради сохранения иерархии. Лу Синь демонстрирует, что язык традиции сам по себе выступает инструментом насилия, а

единственным способом сопротивления остаётся осознание собственной вины и радикальный разрыв с прошлым [7, с. 120].

Литература

1. Лу Синь. Избранные произведения: в 2 томах: пер. с кит. Москва: Художественная литература, 1954.
2. Позднеева Е. П. Лу Синь и китайская литература XX в. Москва: Наука, Гл. редакция восточной литературы, 1989. 312 с.
3. Голыгина К. И. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. Москва: Художественная литература, 1967. 254 с.
4. Чжан Лунси. История китайской литературы. Москва: Прогресс, 1998. 480 с.
5. Дубровская Г. А. Феномен «нового человека» в литературе Китая начала XX в. // Восток (Oriens). 2010. № 3. С. 112–120.
6. Lee, Leo Ou-fan. Voices from the Iron House: A Study of Lu Xun. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 256 p.
7. Hsia, C.T. A History of Modern Chinese Fiction. New Haven: Yale University Press, 1999. 576 p.
8. Ван Яо. История современной китайской литературы. Пекин: Изд-во иностранной литературы, 1980. 390 с.
9. Бухарин И. М. Китайская литература в эпоху «движения 4 мая». Москва: Наука, 1972. 210 с.
10. Schneider, Laurence A. Ku Chieh-kang and China's New History: Nationalism and the Quest for Alternative Traditions. Berkeley: University of California Press, 1971. 368 p.

Сведения об авторе

Чжан Дари, студент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: bazarzhapova.dari@bk.ru

Zhang Dari, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Хандархаева Виктория Викторовна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: khandarkhaeva@yandex.ru

Khandarkhaeva Victoria Viktorovna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

СУБЪЕКТ ЛИРИКИ В ТУМАННОЙ ПОЭЗИИ И РУССКОМ СИМВОЛИЗМЕ

© Шинкевич Кристина Игоревна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
krisjf42@gmail.com

Политические и духовные кризисы XIX и XX вв. в России и Китае привели к формированию особого типа лирического субъекта, для которого характерны разочарование, одиночество и ощущение конца эпохи. В русском символизме поэты отразили переход от мистического идеализма к трагическому восприятию революции. В китайской «туманной поэзии» авторы выражали протест против официального коллективного дискурса утверждение индивидуального «я» и создание нового поэтического языка. Сопоставительный анализ позволяет параллели и различия субъекта в двух «эпохах без героя» и «эпохах без веры».

Ключевые слова: русский символизм, туманная поэзия, лирический субъект, А. Блок, А. Белый, Бэй Дао, Гу Чэн, разочарование, одиночество, личный поэтический язык.

THE SUBJECT OF LYRICISM IN MISTY POETRY AND RUSSIAN SYMBOLISM

Shinkevich Kristina Igorevna

Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
krisjf42@gmail.com

Political and spiritual crises of the 19th-20th centuries in Russia and China resulted in the emergence of a distinctive type of lyrical subject marked by disappointment, loneliness and a sense of the end of an era. In Russian Symbolism, the poets depicted the shift from mystical idealism to a tragic perception of the revolution. In Chinese «Misty Poetry», the authors protested against the official collective discourse by affirming the individual «I» and creating a new poetic language. Comparative analysis reveals both parallels and differences in the transformation of the lyrical subject in these two «ages without a hero» and «ages without faith».

Keywords: Russian Symbolism, Misty Poetry, lyrical subject, A. Blok, A. Bely, Bei Dao, Gu Cheng, disappointment, loneliness, personal poetic language.

Конец XIX — начало XX в. в России и последняя четверть XX в. Китая были двумя эпохами с глубоким мировоззренческим кризисом, которые можно определить как «эпоху без героя» и «эпоху без веры». Русский символизм отразил крушение традиционных ценностей, разочарование в позитивной картине мира и предчувствие грядущих исторических кризисов [7, с. 45]. Китайская «туманная поэзия», возникшая после «культурной революции» (1966–1976 гг.), стала литературной реакцией поколения на крах утопических идеалов, масштабного разочарования и утрату коллективной веры [8, с. 67–68].

Актуальность обусловлена необходимостью изучения параллелей в литературах двух стран в периоды исторических и духовных сломов. Такое изучение помогает глубже понять механику формирования лирического субъекта в кризисные эпохи и роль поэзии в поиске нового способа самоидентификации.

Цель работы — провести компаративный анализ образа лирического героя в русском символизме и китайской «туманной поэзии», через призму ключевых мотивов.

Объект исследования — лирические произведения А. Блока, А. Белого, Бэй Дао и Гу Чэна. **Предмет** — изменение субъекта лирики.

В обоих литературных явлениях главное место занимает изменение субъекта лирики. Лирический герой становится одиноким, разочарованным индивидом, ищущим новый личный язык для выражения внутреннего хаоса [6, с. 52]. Перейдём к более детальному рассмотрению.

Китайская «туманная поэзия» была реакцией поколения, пережившего «культурную революцию» и последующий кризис утопических идеалов. В отличие от официального социального реализма с его коллективизацией общества, туманные поэты выражали индивидуальное «я», часто зашифрованного в метафорах или многозначных образах. Стиль их письма стал сознательной стратегией, позволяющий выразить разочарование, ощущение духовной пустоты и протест против тоталитарного языка власти. В их произведениях лирический субъект предстаёт одиноким индивидом в посттравматическом мире, ищущим новый личный язык. Рассмотрим на примере двух значимых поэтов: Бэй Дао и Гу Чэн.

В поэзии Бэй Дао этот сдвиг виден ярко. В своей визитной карточке, ставшей гимном того поколения, а именно, стихотворении «Ответ» лирический герой решительно отказывается от официального дискурса. Знаменитая строка «Я не верю!» повторяется как рефрен [4, с. 23], подчёркивая скепсис по отношению к официальным истинам. Герой приходит в мир «только с бумагой, верёвкой и тенью», чтобы провозгласить осуждённый голос. Апокалиптические образы, такие как: ледниковый период, мёртвое море, тени мёртвых — передают ощущение конца эпохи и всеобщего обмана [4, с. 24]. Одиночество героя усиливается в стихотворении «Всё», где мир предстаёт холодным и фрагментированным пространством [8, с. 112]. Язык лирического субъекта у Бэй Дао становится формой сопротивления и способом сохранения внутренней свободы в мире после травмы.

Гу Чэн развивает схожие мотивы, но через более интимный и «детский» ракурс. Его лирический герой переживает глубокое разочарование в утопии «культурной революции» и последующих реформах. Автор часто прибегает к «детскому» взгляду на мир. В «Вечернем свете» герой прощается с иллюзиями, улыбаясь «по-настоящему детской» улыбкой, но уже осознавая неизбежность разлуки и скорби. Образы природы: море, вечерний свет, могила — становятся метафорами внутреннего изгнания и духовной смерти старого мира [5, с. 78–79]. Поэт использует «детский» или природный язык — простой, образный, свободный от штампов, чтобы выразить чистое, неискажённое «я».

Таким образом, у Бэй Дао и Гу Чэна лирический субъект предстаёт как индивид разочарованный и одинокий [8, с. 145]. Он отказывается от коллективного «мы», утверждает своё «я» и создаёт новый язык. Эти черты делают «туманную поэзию» типологически близкой к русскому символизму, который мы рассмотрим следующим.

Русский символизм справедливо называют «эпохой без веры» [7, с. 12]. Он возник как реакция на кризис позитивизма, утрату религиозных и социальных идеалов и предчувствие исторической катастрофы. Лирический герой символистов эволюционирует от мистического единства с миром к ощущению тотального одиночества и упадка.

Примером такой эволюции служит творчество Александра Блока. В ранний его период лирический герой Блока представлял из себя образ мистического возлюбленного, исполненного верой в идеальный, божественный женский портрет, способный преобразить мир. Однако уже в цикле «Город» (1904–1908) и в «Страшном мире» (1909–1916) происходит слом: разрушение идеала, герой погружается в хаос современного города, переживает глубокое разочарование и одиночество. Кульминацией этого преобразования становятся поэмы «Двенадцать» (1918) и «Скифы» (1918). В первом случае лирический субъект раздваивается и с одной стороны перед читателем предстают двенадцать красноармейцев, несущих «мировой пожар», а с другой — Христос, идущий впереди них «в белом венчике из роз». Революция воспринимается как апокалипсис, где гибнет старый мир, и на его месте рождается новый в крови и хаосе [1, с. 312; 3, с. 250].

В «Скифах» Блок обращается к теме исторической миссии России как моста между Востоком и Западом, но одновременно с этим выражает трагическое предчувствие катастрофы европейской цивилизации.

У Андрея Белого демонстрируется иной, но близкий вариант изменения личностного субъекта. Например в ранних «Симфониях» «я» героя предстаёт раздробленным, многоголым, существующим в постоянном кризисе веры [2, с. 89]. Белый экспериментирует с формой: ритмическая проза, смешение жанров, многообразие образов отражают распад целост-

ного мировосприятия. В лирике зрелого периода герой полностью теряет опору в традиционных ценностях и кризис веры перерастает в ощущение всеобщего хаоса и одиночества. Лирический герой белого находится в постоянном колебании между безумием и прозрением, пытаясь создать новый мир из обломков старого [2, с. 156].

Проводя сравнительный анализ двух поэтических систем, можно выделить общую логику трансформации лирического «я»: от разочарования в больших идеалах к личностным переживаниям и, наконец, к поиску собственного поэтического языка.

У Блока и Белого крах мистических и социальных идеалов приводит к трагическому восприятию революции как апокалипсиса [1, с. 345], их лирические герои погружаются в одиночество современного города и пытаются построить новый мир на руинах старого. Аналогично у Бэй Да и Гу Чэна крах маоистской утопии рождает отказ от коллектива в пользу индивидуального [8, с. 203]. В обоих случаях поэты создают новый язык, через символику, мифотворчество, зашифрованные или детские образы.

Вместе с этим, заметны и национально-культурные различия. Русский символизм развивался в контексте христианско-православной традиции и революционного катаклизма, поэтому апокалиптические образы преимущественно урбанистические. «Туманная поэзия» формировалась в условиях атеистического маоизма и последующих реформ, где преобладают природные образы изгнания и внутреннего отчуждения. Если у символистов герой часто оказывается в гуще исторических событий, то у туманных поэтов он чаще предстаёт наблюдателем или изгнанником.

Что касается языка, то символисты стремились к универсальному мифу, способному объединить распадающийся мир, в то время как туманные поэты уходили в многозначность, защищая индивидуальное «я» от тотального контроля. Несмотря на эти различия, типологические схождения позволяют говорить о близости двух поэтических систем в выражении кризисного сознания рубежа эпох.

Проведённый анализ показал, что в обеих литературных системах прослеживаются схожие параллели в трансформации лирического субъекта. И в русском символизме, и в китайской «туманной поэзии» герой проходит одинаковый путь и эти процессы позволяют рассматривать оба явления как художественные ответы на «эпоху без героя» и «эпоху без веры» — периоды, когда традиционные ценности и коллективные нарративы утрачивают свою силу. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований аспектов между русской и китайской литературами.

Литература

1. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 томах. Москва: Художественная литература, 1960–1963. Т. 3. 678 с.
2. Белый А. Симфонии. Санкт-Петербург: Наука, 1995. 512 с.
3. Блок А. А. Двенадцать; Скифы // Стихотворения и поэмы. Москва: Эксмо, 2008. С. 245–268.
4. Bei Dao. The Answer and other poems / transl. by Bonnie S. McDougall. Manchester: Carcanet, 1990. 128 p.
5. Гу Чэн. Избранные стихи / пер. с кит. А. Журавлёва. Москва: Восточная литература, 2005. 184 с.
6. Бройтман С. Н. Лирический субъект в русской поэзии XX в. // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX в. Москва: ИМЛИ РАН, 2000. С. 45–78.
7. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Москва: Наука, 1965. 312 с.
8. Ермакова И. А. Туманная поэзия Китая: от «культурной революции» к современности. Москва: Восток-Запад, 2012. 256 с.
9. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Ленинград: Просвещение, 1972. 272 с.
10. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. С. 297–325.

Сведения об авторе

Шинкевич Кристина Игоревна, студентка 4-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: krisjf42@gmail.com

Shinkevich Kristina Igorevna, 4nd year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Хайдапова Марина Бато-Очировна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: khaimarina@yandex.ru

Khaidapova Marina Bato-Ochirovna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ПОЭТИКА АБСУРДА В РАССКАЗЕ ЛЮ ЦЫСИНЯ «ТАЙЮАНЬСКАЯ ЛЮБОВЬ»

© Янечек Виктория Евгеньевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
viktoriayanechek@mail.ru

В статье рассматривается поэтика абсурда раннего рассказа Лю Цысиня «Тайюаньская любовь». Анализируются традиции абсурда в литературе китайск XX в., прослеживается творческая эволюция писателя от реалистической прозы к научной фантастике. Специфика бытового абсурда рассказа проявляется через сравнение бытового с космическим абсурдом более поздних произведений Лю Цысиня. Выделяется главная ситуация абсурда в рассказе, исследуются различные средства создания абсурда. Доказывается, что абсурд выполняет функцию острой социальной критики урбанизации, цифровизации и личного творческого кризиса писателя. Исследование заполняет пробелы в российском и китайском литературоведении, касающиеся анализа данного рассказа.

Ключевые слова: абсурд, поэтика, Лю Цысинь, Тайюаньская любовь, китайская фантастика.

THE POETICS OF ABSURDITY IN LIU CIXIN'S SHORT STORY «LOVE IN TAIYUAN»

Ianechek Viktoriia Evgenevna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
viktoriayanechek@mail.ru

This article examines the poetics of the absurd in Liu Cixin's early story «Love in Taiyuan». It analyzes the traditions of the absurd in 20th-century Chinese literature and traces the writer's evolution from realistic prose to science fiction. The specifics of the story's everyday absurdity are clarified through its comparison with the cosmic absurdity of Liu Cixin's later works. The story's key absurd situation is highlighted, and various means of creating the absurd are explored. It is argued that the absurd functions as a sharp social critique of urbanization, digitalization, and the writer's personal creative crisis. This study fills gaps in Russian and Chinese literary studies regarding the analysis of this story.

Keywords: absurdity, poetics, Liu Cixin, Love in Taiyuan, Chinese science fiction.

Лю Цысинь — один из самых популярных писателей китайской современной научной фантастики. В его произведениях часто встречаются масштабные космические сюжеты, размышления о прогрессе техники и человеческом месте в мире. Среди всего писательского наследия, рассказ «Тайюаньская любовь» занимает особо важное место: он относится к переходному периоду творчества, отходит от строгих канонов твердой научной фантастики. В нем Лю Цысинь добавляет больше социальной сатиры, черного юмора и даже самоиронии. Сюжет строится на принципе абсурда — именно он служит главным инструментом для критики проблем урбанизации, бесконтрольного развития технологий и для демонстрации личного творческого кризиса писателя [5, с. 13].

Современное литературоведение Китая и России в основном сосредоточено на анализе трилогии «Задача трех тел» и на других не менее знаменитых фантастических произведениях Лю Цысиня. А вот устройство абсурда в его небольшом рассказе «Тайюаньская любовь», не разбирал почти никто. На этом фоне данная статья ставит целью подробный анализ приемов абсурда, центральной абсурдной ситуации и смысла текста с опорой на традиции литературы Китая и эволюцию творчества автора.

1. Традиции абсурда и гротеска в китайской литературе XX в.

Абсурд в китайской литературе не является простым заимствованием экзистенциализма Запада. Он возник как естественный ответ искусства на исторические травмы и ускоренную модернизацию Китая в XX в. [7, с. 62]. Еще в период движения 4 мая, Лу Синь заложил основы сатирического и абсурдного стиля. В произведении «Подлинная история А-кью» абсурдная идея «душевного превосходства» демонстрирует ограниченность и невежество народа, а гротеск там нужен, чтобы жестко критиковать общество. Позднее Шэнь Цунвэнь дополнил эту традицию элементами деревенского гротеска: в его изображении первобытной жизни провинции Сянси показано, как меняется человеческая природа на фоне современного города [3, с. 38].

В 1980-е гг. в Китае активно развивалась «литература поиска корней» и авангардная проза. Мо Янь использует народную мифологию, гиперболизацию и фантазмагорию, для демонстрации трагедии традиционной деревни в эпоху перемен. Юй Хуа, в свою очередь, описывает страдания людей спокойно, без эмоций. Именно эта холодность подчеркивает, насколько бессмысленна и абсурдна человеческая жизнь [4, с. 27].

Таким образом, к началу XXI в. в китайской прозе сформировалась устойчивая традиция: абсурд всегда тесно связан с реальностью, он отражает социальные противоречия, исторические травмы и разрушение старых идеалов в период модернизации. Именно эта традиция и определила особенности абсурда в рассказе Лю Цысиня «Тайюаньская любовь».

2. Творческая эволюция Лю Цысиня: от реализма к фантастике

Раннее творчество Лю Цысиня формировалось под влиянием традиционной прозы реализма. В 1990-е гг. его рассказы сочетали научные идеи с наблюдением за повседневностью. Для них характерны сдержанное повествование и внимание к человеку [2, с. 44]. В тот период автор избегал резкой иронии и не углублялся в тему саморазрушения, а сосредотачивался в основном на этических проблемах, вызванных технологическим прогрессом.

Рассказ «Тайюаньская любовь» был написан в 2009 г. — в тот период, когда писатель активно работал над второй частью трилогии «Задача трех тел». Это произведение занимает переходное положение: оно соединяет ранний реализм и его поздний масштабный фантастический эпос [6, с. 33]. В рассказе также отражен личный опыт писателя: в период непопулярности научной фантастики, его крупные проекты не находили издателей, тиражи самостоятельных публикаций были совсем ничтожными, а сам автор ощущал себя отвергнутым маргиналом в пространстве литературы.

Эти личные переживания Лю Цысинь превращает в художественный текст: он вводит автобиографический образ писателя-нищего, переносит сюжет в атмосферу деградирующего города и всеобщего отчуждения. По мнению современных исследователей, этот рассказ стал важным промежуточным звеном, которое заложило философскую основу поздних фантастических произведений автора [1, с. 81].

3. Специфика абсурда в «Тайюаньской любви» и определение ключевой ситуации

В более поздних фантастических произведениях Лю Цысиня абсурд приобретает глобальный, космический масштаб: он возникает из-за столкновения человеческой логики и безжалостными законами Вселенной, борьбы цивилизаций, в конце концов, всеобщая гибель становится неизбежной [2, с. 49].

Абсурд в «Тайюаньской любви» принципиально другой: он не космический, а бытовой и локальный, основан на реальных городских проблемах и конфликтах; он носит личный, автобиографический характер, — например, через самоиронию автора. Кроме того, он насыщен черным юмором и высмеиванием современного вечно потребляющего общества [8, с. 19].

Если более поздние произведения Лю Цысиня размышляют о судьбе всего человечества во Вселенной, то данный рассказ критикует конкретные пороки современного общества, зависимости от технологий и пренебрежение моральными нормами в мире этих самых технологий.

Весь сюжет рассказа строится вокруг центральной абсурдной ситуации: простая компьютерная программа-проклятие, созданная из личной любовной обиды, самопроизвольно раз-

вивается в сети, после чего случайно изменяется двумя опустившимися литераторами и приводит к полному уничтожению современного огромного города.

Данная ситуация содержит в себе сразу несколько уровней абсурда:

- непропорциональность причины и последствия: мелкая личная обида вызывает гибель миллионов;
- абсурд субъекта: город уничтожают не политики и не ученые, а маргиналы и нищие;
- автономия техники: программа выходит из-под контроля людей и становится самостоятельной, губящей на своем пути все и вся, силой;
- отсутствие спасения: в сюжете нет героев, нет надежды, финал трагичный и бессмысленный [9, с. 67].

Эта ситуация является ядром всей поэтики текста. На ней строятся все сюжетные, языковые и символические решения автора.

4. Художественные средства создания абсурда в рассказе

Абсурдное впечатление формируется за счет нарушения логики сюжета, контрастного повествования и развитой системы символов.

Сюжет строится на цепочке случайностей: обида девушки — создание вируса — его улучшение заинтересованными лицами — пьяная правка кода нищими писателями — катастрофа масштаба всего города. Автор отказывается от спасительного финала, тем самым, усиливая ощущение бессмысленности и фатальности происходящего [1, с. 82].

Язык текста сочетает сухой описательный стиль с фантастическими страшными событиями. Этот контраст усиливает абсурд и подчеркивает обыденность катастрофы в современном мире технологий.

Важную роль играют символы: город Тайюань олицетворяет искаженную урбанизацию; вирус-проклятие символизирует накопленную агрессию сети и вышедшие из-под контроля технологии. А такие детали, как «рабочие пилюли» и старые ноутбуки отражают духовное обнищание народа на фоне материального достатка [10].

Поэтика абсурда в рассказе «Тайюаньская любовь» глубоко уходит корнями в традиции китайской литературы XX в. и отражает личную творческую эволюцию Лю Цысиня. В отличие от космического абсурда, в его поздней фантастике, здесь на первый план выходит бытовая, остросоциальная и автобиографическая абсурдность. Центральная абсурдная ситуация раскрывает опасности неконтролируемой цифровизации, морального обнищания современного города и кризиса творческой интеллигенции.

Рассказ доказывает, что китайская научная фантастика способна не только создавать грандиозные космические сюжеты, но и остро реагировать на актуальные социальные проблемы, используя мощный потенциал эстетики абсурда.

Литература

1. Ван Вэйин. Поэтика повествования в китайской фантастике. Пекин: Изд-во общественных наук Китая, 2020. С. 79–85.
2. Ван Вэйин, Сюй Яньли. Абсурдное повествование и социальная критика в коротких рассказах Лю Цысиня // Обзоры творчества в научной фантастике. 2017. № 4. С. 41–50.
3. Ли Юйчжэнь. Традиции абсурда в современной китайской прозе // Литературное обозрение. 2018. № 3. С. 35–42.
4. Лу Сяоминь. Разделенный город: урбанистический абсурд в китайской фантастике // Исследования городской культуры. 2019. № 3. С. 21–29.
5. Лю Цысинь. Тайюаньская любовь // Журнал «Король фантастики». 2010. № 2. С. 11–18.
6. У Янь. Очерки по истории китайской фантастики. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2019. С. 28–34.
7. Чэн Кай. Абсурд и реальность в современной китайской литературе. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2017. С. 58–63.
8. Чэн Си. Технологический абсурд как притча об опасности прогресса // Современная литературная критика. 2021. № 4. С. 15–20.

9. Чжан Ли. Самоирония и деконструкция в рассказе Лю Цысиня «Тайюаньская любовь» // Сборники исследований современной китайской литературы. 2022. № 6. С. 65–73.
10. Китайский писательский портал. Интервью с Лю Цысинем. 2019. URL: <https://www.chinawriter.com.cn> (дата обращения: 04.04.2026).

Сведения об авторе

Янечек Виктория Евгеньевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: viktoriayanechek@mail.ru

Ianechek Viktoriia Evgenevna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Алсаева Валентина Федоровна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: borgeeva@list.ru

Alsaeva Valentina Fedorovna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ СТРАН АТР И ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 81'373.23

СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЛАТФОРМ 微信, 微博, 抖音, 小红书)

© Аглеева Виолина Александровна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ

violaryy@gmail.com

Статья посвящена анализу семиотических и мотивационных аспектов конструирования виртуальной идентичности китайской молодежи посредством выбора никнейма. Эмпирическую базу исследования составил корпус из 400 никнеймов, собранных на платформах 微信, 微博, 抖音, 小红书. Анализ позволил выявить доминирующие формальные типы, соотношение традиционных и современных культурных кодов, а также платформенную специфику самопрезентации.

Ключевые слова: цифровая идентичность, никнейм, китайская молодежь, самопрезентация, семиотика, культурный код, интернет-коммуникация, социальные сети, WeChat, Xiaohongshu.

SELF-PRESENTATION STRATEGIES OF CHINESE YOUTH IN NICKNAMES (BASED ON THE PLATFORMS WECHAT, WEIBO, DOUYIN, AND XIAOHONGSHU)

Agleeva Violina Aleksandrovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

violaryy@gmail.com

This article analyzes the semiotic and motivational aspects of constructing virtual identity among Chinese youth through the choice of nicknames. The empirical basis of the study comprises a corpus of 400 nicknames collected from the platforms WeChat, Weibo, Douyin, and Xiaohongshu. The analysis revealed dominant formal types, the correlation between traditional and modern cultural codes, and platform-specific self-presentation features.

Keywords: digital identity, nickname, Chinese youth, self-presentation, semiotics, cultural code, Internet communication, social media, WeChat, Xiaohongshu.

В китайской лингвистической традиции никнеймы рассматриваются как особый тип языкового знака, возникающего в цифровом пространстве и отражающего процессы формирования цифровой идентичности молодежи. Исследователи подчёркивают, что никнеймы в интернет-среде обладают более сложной семиотической структурой по сравнению с традиционными именами собственными, поскольку они включают в себя элементы различных знаковых систем и кодов. В рамках исследования был проведен количественный анализ корпуса, состоящего из 400 китайских никнеймов, собранных на платформах 小红书, 微信, 微博 и 抖音 (см. прил. 2). Целью являлось выявление формально-типологической структуры никнеймов и определение частотности репрезентации в них традиционных и современных культурных кодов. Отбор единиц производился методом сплошной выборки на четырёх открытых цифровых платформах: WeChat (в публичных профилях пользователей в открытых группах), Weibo, Douyin и Xiaohongshu (в открытых профилях и комментариях к публичным

постам). Выбор данных платформ обусловлен их различной коммуникативной направленностью, что позволяет охватить максимально широкий спектр стратегий самопрезентации.

Критериями включения никнейма в выборку являлись:

- 1) принадлежность пользователя к целевой возрастной группе (косвенно определялась по информации в профиле или характеру контента);
- 2) активный статус учетной записи;
- 3) отсутствие явных признаков ботов или коммерческих аккаунтов.

На первом этапе все отобранные никнеймы (N=400) были подвергнуты формальной классификации на основе типологии знаковых систем, описанной в работах китайских лингвистов. Частотное распределение представлено в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение китайских никнеймов по формальным типам (N=400)

Тип никнейма	Количество (ед.)	Доля (%)
Иероглифические	247	61,75
Буквенные	79	19,75
Смешанные	35	8,75
Цифровые	21	5,25
Символические	18	4,50
Всего	400	100

Как видно из полученных данных, наиболее распространенным типом являются иероглифические никнеймы, составляющие почти две трети от общего числа выборки (61,75%). Что свидетельствует о неразрывной связи цифровой самопрезентации с родным языком и письменностью. Вторым по популярности типом являются буквенные никнеймы (19,75%), что отражает высокую степень вовлеченности китайской молодежи в глобальные цифровые процессы. Значительно меньшую долю составляют смешанные (8,75%), цифровые (5,25%) и символические (4,50%) никнеймы. Их относительно невысокая частотность объясняется тем, что они часто выполняют вспомогательные функции — привнесение игрового контекста, создание уникального идентификатора или усложнение визуального образа, в то время как основную смысловую нагрузку продолжают нести иероглифы.

На следующем этапе анализа каждый никнейм был дополнительно классифицирован по типу доминирующего культурного кода — традиционного или современного. Под традиционным кодом понимались отсылки к классической поэзии, философии, природным образам, историческим персонажам. Под современным кодом — отсылки к интернет-мемам, поп-культуре, селебрити, повседневным эмоциям, западным заимствованиям и языку субкультур (например, фанатских сообществ). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение традиционных и современных культурных кодов
в различных типах никнеймов

Тип никнейма (кол-во)	Традиционный код (кол-во / % внутри типа)	Современный код (кол-во / % внутри типа)
Иероглифические (247)	56 / 22,7%	191 / 77,3%
Буквенные (79)	3 / 3,8%	76 / 96,2%
Смешанные (35)	6 / 17,1%	29 / 82,9%
Цифровые (21)	0 / 0%	21 / 100%
Символические (18)	4 / 22,2%	14 / 77,8%
Общий итог (400)	69 (17,25%)	331 (82,75%)

Данные, представленные в таблице 2, позволяют сделать следующие выводы: вне зависимости от формального типа современные коды встречаются значительно чаще. В общей

сложности они составляют 82,75% от всего корпуса, что более чем в 4,5 раза превышает долю традиционных кодов (17,25%). Это убедительно доказывает, что основным источником для современной китайской молодежи при создании никнейма выступает актуальная массовая культура, язык интернета и повседневности. Иероглифические (22,7% традиционных кодов) и смешанные (17,1%) никнеймы в свою очередь являются основными проводниками традиции. Однако важно отметить, что даже внутри иероглифического типа, который, казалось бы, наиболее предрасположен к трансляции классического наследия, современные коды доминируют с огромным перевесом (77,3% против 22,7%). Цифровые (100%) и буквенные (96,2%) никнеймы вовсе лишены общепонятной традиционной семантики. Они прежде всего функционируют как символы современной поп-культуры, однако можно предположить, что они обладают более глубоким семантическим значением, которое является очевидным только носителям культурного кода.

Для выявления платформенной специфики был проведен сравнительный анализ никнеймов по трем параметрам: распределение традиционных и современных культурных кодов; предпочитаемые формальные типы (иероглифические, буквенные, смешанные и др.); доминирующие семантические стратегии (эмоциональная экспрессия, эстетизация, маркировка групповой принадлежности и т.д.). Полученные данные позволяют реконструировать профиль каждой платформы с точки зрения способа цифровой самопрезентации.

Анализ частотности традиционных и современных культурных кодов на разных платформах выявил значимые различия, представленные в Таблице 3.

Таблица 3

Распределение традиционных и современных культурных кодов по платформам (%)

Платформа	Традиционный код (%)	Современный код (%)
微信	22,6	77,4
微博	14,8	85,2
抖音	16,3	83,7
小红书	15,1	84,9

Как видно из представленных данных, наибольшая доля традиционных кодов фиксируется на платформе 微信 (22,6%), что более чем в 1,5 раза превышает аналогичные показатели на публичных платформах. Это связано с тем, что 微信 функционирует как среда для коммуникации с реальными знакомыми — семьей, друзьями, коллегами, что требует от пользователя большей сдержанности, нейтральности и, в определенной степени, следования культурным нормам. Традиционный код в данном контексте выступает маркером «серьезности» и социальной зрелости.

На противоположном полюсе находятся платформы 微博 и 抖音, демонстрирующие минимальную долю традиционных кодов (14,8% и 16,3% соответственно) и максимальную концентрацию современных. Обе платформы ориентированы на публичную, анонимную или псевдонимную коммуникацию, где ключевыми становятся эмоциональность и соответствие актуальной повестке.

Платформа 小红书 занимает промежуточное положение (15,1% традиционных кодов), однако качественный анализ показывает, что традиция здесь реализуется в специфической, «эстетизированной» форме. Поэтические образы (напр., «小岛春来» в пер. «На маленький остров пришла весна», «晚风吟» в пер. «Вечерний ветер поёт») включаются в контекст повседневности и демонстрации стиля жизни. Анализ формальных типов никнеймов в то же время обнаруживает устойчивые платформенные закономерности. На 抖音, где контент потребляется максимально быстро, никнейм должен быть понят мгновенно, что объясняет использование ярких, контрастных, смешанных форм. На 微信, где коммуникация часто носит пролонгированный характер, более уместны спокойные, моносемантические иероглифические формы.

Платформы также демонстрируют различные семантические доминанты:

1) Для 微信 характерно преобладание стратегий нейтральной самопрезентации и идентификации. Никнеймы в большинстве случаев представляют собой псевдонимы, сокращения или отсылки на реальные имена (напр. «R.», «Tim», «.»).

2) Для 抖音 характерно доминирование стратегии эмоциональной экспрессии. Никнеймы функционируют как инструменты, призванные привлечь внимание через юмор/абсурд (напр., «麻糬面包超人 🍩» в пер. «Супергерой моти-булочка 🍩», «宝宝开门系我» в пер. «Малыш, открой дверь, это я»).

3) Для 小红书 ведущей становится стратегия эстетизации повседневности. Никнейм конструирует образ человека со вкусом, который ценит красивое в обыденном (напр., «红红 in» в пер. «красненькine», «晚椰» в пер. «Вечерний кокос», «遐想.» в пер. «За гранью мечты.»).

4) Для 微博 ключевой является стратегия групповой маркировки. Никнейм часто служит не столько для индивидуализации, сколько для демонстрации принадлежности к фанатскому сообществу или идеологической группе (напр., «肖战老婆在此» в пер. «Жена Сяо Чжана на месте», «龚喜发财多多来» в пер. «Желаю достатка, много-много денег Гун Цзюну»).

Таким образом, наиболее консервативной средой, сохраняющей относительную приверженность традиционным кодам и сдержанным формам, выступает WeChat. Напротив, публичные платформы (抖音, 微博) демонстрируют практически полное доминирование современных кодов и ориентацию на эмоциональную, игровую и групповую самопрезентацию. Платформа 小红书 формирует особый гибридный тип, в котором элементы традиционной эстетики интегрируются в дискурс повседневности и стиля жизни, создавая феномен «новой искренности» или «утонченной обыденности».

Литература

1. Линь Ган. Анализ сетевых имен в перспективе социальной лингвистики / (社会语言学视野下的网名分析 / 林纲) // Modern Linguistics (Современная лингвистика). 2015. Т. 3, № 1. С. 1–11.

2. Рянская Э. М., Балкунова А. С. Сетевое имя (никнейм) как языковой знак // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3. С. 54–60.

3. Цао Цзинь, Чэнь Вэньтин. Лингвосомиотическое исследование способов образования никнеймов у студентов (на примере одного независимого колледжа в г. Ланьчжоу) (曹进, 陈文婷. 大学生网名生成方式的语言符号学研究 — 以兰州市某独立学院为例) // Современные лингвистические исследования. Ланьчжоу: Изд-во Северо-Западного пед. ун-та, 2009. С. 66–69.

Сведения об авторе

Аглеева Виолина Александровна, студентка 4-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: violaryy@gmail.com

Agleeva Violina Aleksandrovna, 4th year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Аюшеева Наталья Гармаевна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: ayoush@mail.ru

Ayusheeva Natalya Garmaevna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИЛЛЮСТРАТИВНОЙ НАГЛЯДНОСТИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПОСРЕДСТВОМ ЧЭНЬЮЙ

© Антонов Роман Сергеевич

Московский педагогический государственный
университет, г. Москва
rs.antonov19@gmail.com

В данной статье рассматривается возможность и перспективность построения процесса обучения китайскому языку посредством использования китайских фразеологических оборотов «чэньюй». Автор также приводит пример технологии обучения, построенной вокруг данных идиоматических выражений, и демонстрирует возможности искусственного интеллекта в области создания иллюстративной наглядности как для отдельно взятых иероглифов, так и для целых выражений.

Ключевые слова: чэньюй, фразеологизм, технология обучения, искусственный интеллект, наглядность.

EXPERIENCE OF USING AI TO CREATE ILLUSTRATIVE VISUALITY IN VOCABULARY SKILLS DEVELOPMENT THROUGH CHENGYU

Antonov Roman Sergeevich

Moscow State Pedagogical University, Moscow
rs.antonov19@gmail.com

This article examines the feasibility and potential of building a Chinese language learning process using Chinese phraseological units called «chenyu.» The author also provides an example of a learning technology built around these idiomatic expressions and demonstrates the potential of artificial intelligence in creating illustrative visual aids for both individual characters and entire expressions.

Keywords: chengyu, phraseological unit, learning technology, artificial intelligence, visual aids.

На сегодняшний день вопрос, связанный с тем, как эффективно построить процесс обучения иностранному языку, в частности китайскому требует незамедлительного рассмотрения. Китайский язык является приоритетным для изучения на данный момент, однако до сих пор не существует единой стратегии или совокупности приёмов и методов для его преподавания в школе. Можно сказать, что нет унифицированной технологии обучения китайскому языку, которая будет приносить гарантированный и качественный результат.

Это обосновано, в первую очередь, лингвистическими особенностями самого китайского языка. Стандартные приёмы языковой догадки, в большинстве случаев, являются либо частично, либо полностью неприменимыми к китайскому языку, что обуславливается наличием иероглифики и системы «знак = значение», заметно отличающейся от языков индоевропейской группы. Все эти факторы значительно усложняют процесс формирования необходимых языковых навыков и развития требуемых Федеральным государственным образовательным стандартом умений, а также увеличивают время, затрачиваемое на изучение и усвоение данного языка.

Именно по причине того, чтобы урок китайского языка не превратился в бессмысленный набор упражнений и текстов, предоставляемых учащимся к прочтению, нам представляется актуальным и перспективным использовать в образовательном процессе уникальную технологию обучения китайскому языку на основе фразеологических оборотов «чэньюй».

Согласно одному из наиболее авторитетных исследователей китайских фразеологических оборотов «чэньюй» Ма Гофаню [2, с. 17], все части китайской фразеологии в области выражений можно классифицировать, тем самым, подразделив их на несколько таких типов, как:

1. 成语 chéngyǔ (чэньюй) — идиомы
2. 谚语 yànyǔ (яньюй) — пословицы
3. 歇后语 xiēhòuyǔ (сехоуэй) — недоговорки-иносказания
4. 惯用语 guànyòngyǔ (гуаньюньюй) — фразеологические сочетания
5. 俗语 sùyǔ (суэй) — поговорки

Чэньюй представляется нам наиболее перспективным элементом для внедрения в образовательный процесс по обучению китайскому языку благодаря явной и тесной связи с историческими и культурными событиями, помогающими формировать культурологическую, а как следствие, и запрашиваемую Федеральным государственным образовательным стандартом социокультурную компетенцию у учащихся [4, с. 12]. Однако, прежде чем описывать саму технологию обучения, нам стоит упомянуть специфику такого упомянутого ранее элемента языка, как «чэньюй».

Чэньюй представляет собой уникальный юнит фразеологического корпуса китайского языка, который отличается наличием краткой формы отточенных словосочетаний в составе четырёх иероглифов, обладающей определённой ритмичностью и большим количеством архаизмов, в совокупности создающих красочный образ реальных исторических событий, которые когда-либо происходили [6, с. 8]. При сравнении данных фразеологизмов с их аналогами в русском языке будет замечено несколько отличий. Сперва, как уже было упомянуто выше, чэньюй всегда имеет конкретную четырёхсимвольную структуру, в отличие от русских фразеологических оборотов, где структура не ограничена количеством слов, используемых в них, а также может допускать их различную комбинаторность внутри самого выражения, что является недопустимым в чэньюй.

Во-вторых, в то время как элементы фразеологического корпуса русского языка связаны с народными традициями, историей и религией, китайские аналоги возникают в результате исторических событий, описанных в литературных произведениях или же философских идеях, оказавших серьёзное влияние на становление китайского этноса. Соответственно и автор у китайских фразеологизмов очень часто известен, чего нельзя сказать о русском фольклоре, основным критерием которого является анонимное происхождение. Последним ключевым различием является возможность интерпретации, которая невозможна в китайских фразеологизмах без очень точных знаний в культурной и исторической областях китайского языка, что делает их превосходным средством для преподавания этих компонентов в рамках урока китайского языка.

Говоря о технологии обучения иностранному языку стоит сначала определить, что подразумевается под этим понятием. Её специфика заключается в системной совокупности и порядке функционирования личностных, инструментальных, а также методологических средств, которые используются для достижения учебных целей [5, с. 100].

Одним из ключевых отличий предлагаемой нами технологии от известных на данный момент является сфокусированность всех элементов урока по обучению китайскому языку на фразеологическом обороте «чэньюй». Именно он выступает главной детерминантой урока, относительно которой подбирается лексический, языковой и речевой материал. Не менее важным компонентом данной технологии является наличие иллюстративной наглядности, созданной не только к каждому фразеологическому обороту, но и ко всем новым лексическим единицам, представленным в рамках урока, посредством использования возможностей искусственного интеллекта. Иллюстративный материал является обязательным условием успешного усвоения китайского языка и формирования иероглифических навыков, поскольку согласно коннекционистскому подходу в области нейробиологии, являющимся на сегодняшний день наиболее актуальным и доказуемым, все процессы запоминания информации

в сознании человека основаны исключительно на работе ассоциативной памяти, которая сильнее всего задействована при обучении китайскому языку.

Данная технология может быть применима и к уроку по обучению чтению, грамматике, лексике, аудированию, говорению, но лучшие результаты будут продемонстрированы при её задействовании в условиях комбинированных уроков по иностранному языку, нацеленных на полноценное и взаимосвязанное овладение знаниями, а также гармоничное развитие умений и навыков в условиях одного занятия. При этом каждый урок будет поделён на три ключевых этапа по Шатилову С.Ф., а именно, на ориентировочно-подготовительный (ознакомление), стереотипизирующе-ситуативный (тренировка) и вариативно-ситуативный (практика) [1, с. 115].

Приведём пример реализации данной технологии на примере данного фразеологизма — «水落石出» (shuǐ luò shí chū), который при дословном переводе означает — «вода ушла, камни выступили». На этапе ознакомления учащимся будет продемонстрировано изображение, созданное при помощи искусственного интеллекта и отражающее как буквальный, так и переносный смысл упомянутого выражения, после чего будет поставлена задача, попытаться разгадать его смысл в ходе дискуссии.

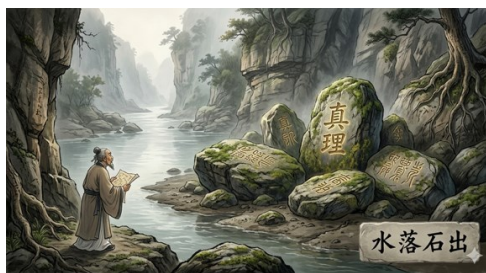

Рис. 1. Изображение, созданное ИИ для иллюстрации чэньюй

Далее учитель демонстрирует отдельно каждый иероглиф из указанного чэньюй, сопровождая их также иллюстрациями для успешной семантизации и развития языковой догадки и образного мышления у учащихся.

Рис. 2. Изображение, созданное ИИ для иллюстрации иероглифа 水 (вода)

После этого учащимся вновь будет продемонстрировано изображение фразеологизма, но теперь будут даны комментарии учителя и историческая справка, необходимая для понимания переносного смысла выражения, который очень похож на русский аналог — «тайное стало явным» и происходит из произведения поэта Северной династии Сун — «Заметки в Павильоне Старого Бражника» [3, с. 401]. Комментарии учителя на данном этапе важны для гарантированно правильного создания ассоциаций без искажения смысла.

Следующим этапом выступает тренировка, в процессе которой учащиеся будут в явной форме оттачивать лексические и грамматические навыки, а также умения чтения, при том, что в скрытой форме они будут закреплять как сам чэньюй, так и историю с ним связанную. На усмотрение учителя может быть добавлено задание на развитие умений аудирования.

Финальным этапом выступит применение полученных знаний в учебно-речевой ситуации, в рамках которой учащимся будет предоставлена возможность воплотить в жизнь историю, проиллюстрированную изученным фразеологическим оборотом, и применить сам чэньюй в речи.

Подводя итог, можно сделать вывод, что данная технология способна обеспечить равное и эффективное обучение не только новым лексическим единицам и фразеологическим оборотам, но и культурной и исторической содержащихся в китайском языке, тем самым сформировав и развив как культурологическую, так и социокультурную компетенцию. Помимо этого, учащиеся также косвенно ознакомятся с особенностями грамматики древнего китайского языка, что поспособствует более удобному переходу к грамматике специалистов при желании изучения китайского языка на более глубоком уровне.

Литература

1. Ариян М. А., Шамов А. Н. Основы общей методики преподавания иностранных языков: теоретические и практические аспекты: учебное пособие. 5-е изд., стер. Москва: Флинта, 2023. 224 с.
2. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка: учебник. Москва: Изд-во АСТ: Восток–Запад, 2007. 509 с.
3. Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2019. 596 с.
4. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования: приказ Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413 (ред. от 12.02.2025) // Российская газета. 2012. № 139. 21 июня.
5. Солодовченко Л. Н., Шевцова М. А. Теоретические основы методики обучения и воспитания (иностранный язык): учебно-методическое пособие. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2023. 272 с.
6. Чэнь Шуан. Методика обучения студентов пониманию и интерпретации китайских идиом чэньюй на продвинутом этапе языкового вуза: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Иркутск, 2007. 23 с.

Сведения об авторе

Антонов Роман Сергеевич, бакалавр 4-го курса, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, e-mail: rs.antonov19@gmail.com
Antonov Roman Sergeevich, 4nd year bachelor, Moscow State Pedagogical University, Moscow

Научный руководитель

Дашеева Вера Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, e-mail: vv.dasheeva@mpgu.su
Dasheeva Vera Vitalievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Moscow State Pedagogical University, Moscow

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА КИТАЯ**© Батомункуева Екатерина Дмитриевна**Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
orient_konf@bsu.ru

Статья посвящена роли китайского языка как инструмента формирования национального имиджа КНР в глобальном медиапространстве. Цель работы — выявить языковые механизмы и речевые стратегии, используемые в международной коммуникации Китая. На материале более 120 публикаций CGTN, Xinhua и «Жэньминь жибао» (2023–2025) методом контент-анализа выявлены ключевые имиджевые концепты, проанализировано использование культурно-маркированной лексики, а также описаны пять основных речевых стратегий китайского медиадискурса. Результаты показывают, что китайский язык выполняет культурно-идеологическую функцию, транслируя ценности гармонии и коллективизма, а целенаправленное сохранение безэквивалентной лексики формирует уникальный цивилизационный образ Китая как миролюбивого и ответственного государства.

Ключевые слова: Китай, национальный имидж, китайский язык, мягкая сила, медиадискурс, речевые стратегии.

THE ROLE OF LANGUAGE IN FORMING CHINA'S NATIONAL IMAGE**Batomunkueva Ekaterina Dmitrievna**Dorzhii Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
orient_konf@bsu.ru

This article examines the role of the Chinese language as a tool for shaping China's national image in the global media space. The aim of the study is to identify the linguistic mechanisms and speech strategies used in China's international communication. Using content analysis from over 120 publications published by CGTN, Xinhua, and People's Daily (2023–2025), key image concepts are identified, the use of culturally marked vocabulary is analyzed, and five main speech strategies of Chinese media discourse are described. The results demonstrate that the Chinese language serves a cultural and ideological function, conveying values of harmony and collectivism, while the deliberate preservation of non-equivalent vocabulary shapes China's unique civilizational image as a peace-loving and responsible state.

Keywords: China, national image, Chinese language, soft power, media discourse, speech strategies.

На современном этапе социально-экономического развития Китай является одной из ведущих мировых держав. Однако лишь экономическая мощь не выступает гарантом позитивного международного восприятия. В XXI в. формирование благоприятного имиджа государства становится важнейшей задачей внешней политики и международной коммуникации. Национальный имидж Китая формируется из политических, экономических и культурных факторов, трансляция которых осуществляется через язык. Так, именно язык выступает инструментом формирования представлений о стране, способствуя либо усилению привлекательности, либо, наоборот, закреплению негативных стереотипов.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена активной государственной политикой Китая в области продвижения китайского языка за рубежом. В условиях информационного противоборства язык выступает важным инструментом борьбы за влияние и интерпретацию смыслов.

Цель статьи — анализ роли китайского языка в формировании международного имиджа КНР, выявление основных языковых механизмов и определение перспектив языковой имиджевой политики Китая.

Материалом исследования послужили публикации китайских СМИ («Жэньминь жибао», CGTN, Xinhua), материалы международных образовательных платформ, а также исследования в области политической лингвистики и медиадискурса. В работе использованы методы контент-анализа, дискурсивного и лингвопрагматического анализа, а также сравнительный метод. Китайский язык выполняет не только коммуникативную, но и культурно-идеологическую функцию. Иероглифическая письменность, философские концепты гармонии и коллективизма, а также система культурных символов формируют уникальный цивилизационный код Китая.

Исследование проводилось в несколько этапов и носило комплексный лингвопрагматический характер. Первым этапом исследования был теоретический анализ научной литературы по вопросам политической лингвистики, медиадискурса, теории «мягкой силы» и национального брендинга. В процессе проведенного исследования было выявлено, что национальный имидж государства рассматривается в современной лингвистике как дискурсивный конструкт, который, в свою очередь, формируется средствами языка и медиакommunikation. Ключевым инструментом формирования международного образа Китая является концепция «мягкой силы», в основе которой культурная привлекательность и языковая дипломатия.

Китайский язык выполняет не только коммуникативную, но и культурно-идеологическую функцию, посредством трансляции концепта гармонии, коллективизма и исторической преемственности. В создании имиджа Китая важную роль играет культурно маркированная и безэквивалентная лексика, которая способствует сохранению специфики китайского дискурса.

Второй этап исследования имеет практическую значимость и заключается в проведении контент-анализа материалов из китайских СМИ, ориентированных на зарубежную аудиторию. В качестве эмпирической базы исследования были выбраны публикации международных версий китайских медиаплатформ: «Жэньминь жибао», CGTN и Xinhua. Анализировались тексты общественно-политической, культурной и международной тематики, опубликованные в русскоязычном и англоязычном сегментах данных СМИ. Всего было проанализировано более 120 медиатекстов за период 2023–2025 гг. В процессе проведения исследования были изучены:

- особенности лексики и речевых стратегий;
- использование культурно маркированных языковых единиц;
- способы репрезентации Китая в международном медиадискурсе;
- прагматические механизмы воздействия на зарубежную аудиторию.

Результаты проведенного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Частотность ключевых имиджевых концептов в материалах китайских СМИ

Концепт	Частота употребления, %	Основная функция
«Развитие»	34	Демонстрация экономического роста
«Сотрудничество»	26	Формирование образа партнёрства
«Гармония»	18	Подчёркивание стабильности
«Общее будущее»	12	Продвижение глобальной кооперации
«Мирное развитие»	10	Формирование образа безопасного государства

По результатам проведенного исследования было выявлено, что китайский медиадискурс ориентирован на создание позитивного и неконфликтного образа государства. Достаточно часто используются концепты, связанные с развитием, сотрудничеством и стабильностью, что соответствует стратегии «мягкой силы» КНР.

Следующим этапом исследования является лингвопрагматический анализ культурно маркированной и безэквивалентной лексики. Анализ научной литературы показал, что сохране-

ние концептов 中国梦 («Китайская мечта»), 和谐社会 («гармоничное общество»), 天下 («Поднебесная»), 面子 («лицо») и 关系 («гуаньси») в международных медиатекстах выполняет функцию сохранения культурной аутентичности и способствует формированию уникального цивилизационного образа Китая. В процессе проведения исследования внимание уделялось сохранению китайских концептов в оригинальной форме при переводе медиатекстов на иностранные языки. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2

Использование культурно-маркированной лексики в международном медиадискурсе Китая

Языковая единица	Перевод / интерпретация	Имиджевая функция
中国梦	Китайская мечта	Формирование позитивного будущего
和谐社会	Гармоничное общество	Подчёркивание социальной стабильности
面子	«Лицо», репутация	Образ уважительной культуры
关系	Социальные связи	Представление Китая как надёжного партнёра
天下	Поднебесная	Образ древней цивилизации

По результатам проведенного анализа можно отметить, что китайские СМИ намеренно сохраняют отдельные концепты в транслитерированной или частично переведенной форме. Данная стратегия позволяет одновременно подчеркнуть культурную уникальность Китая и сформировать у зарубежной аудитории интерес к китайской цивилизации.

Для более глубокого исследования был проведен анализ речевых стратегий, которые используются в международных публикациях китайских СМИ. В процессе проведенного исследования было выявлено, какие способы языкового воздействия на аудиторию наиболее распространены (таблица 3).

Таблица 3

Основные речевые стратегии китайского медиадискурса

Речевая стратегия	Языковые средства	Цель использования
Позитивная самопрезентация	Лексика прогресса и развития	Формирование привлекательного образа КНР
Легитимация	Исторические аллюзии, ссылки на традиции	Укрепление доверия к политике Китая
Кооперативная стратегия	«Сотрудничество», «общее будущее»	Создание образа миролюбивого государства
Акцентуация достижений	Статистика, метафоры роста	Демонстрация успешности страны
Нейтрализация негатива	Эвфемизмы, смягчённые оценки	Снижение конфликтности восприятия

Результаты анализа свидетельствуют о высокой системности китайского медиадискурса. Практически все исследованные тексты были ориентированы на формирование позитивного образа государства и минимизацию конфликтной риторики. Особенно активно использовалась стратегия кооперации, направленная на создание образа Китая как ответственного международного партнёра. По результатам исследования были определены основные речевые стратегии китайского политического медиадискурса (рис. 1).

Представленная информация позволяет отметить, что наиболее активно используются стратегии позитивной саморепрезентации, легитимации государственной политики, посредством акцентов на достижениях и кооперации, а также стратегии нейтрализации негативной информации, которая оказывает обратное влияние на формирование имиджа.

Рис. 1. Речевые стратегии китайского политического медиадискурса

Рассмотренные стратегии реализуются посредством использования положительно окрашенной лексики, концептов развития и гармонии, а также исторических и культурных аллюзий. Результаты исследования подтверждают, что китайский медиадискурс ориентирован преимущественно на создание целостного позитивного образа государства как миролюбивой, ответственной и технологически развитой мировой державы. Установлено, что язык в современной коммуникационной политике КНР выступает не только средством передачи информации, но и важным механизмом реализации «мягкой силы», управления международным восприятием и продвижения китайской модели культурного и политического влияния в глобальном медиапространстве.

Литература

1. Специфика национального китайского бренда как инструмент культурной дипломатии: структура и функции // SciNetwork. 2024.
2. Средства китайского политического дискурса как инструмент формирования имиджа страны и политика и их перевод на русский язык // Вестник РУДН. 2024. № 2. С. 321–325.
3. Чжан Жочэнь. Особенности национального бренда Китая как инструмента культурной дипломатии. Санкт-Петербург: Изд-во СПбПУ, 2025. 98 с.
4. Чжао Цзытин. Role of China's soft power in the 21st century: the case of the Chinese language and culture. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2024. 112 с.
5. Song Q. Constructing China's Image in Western and Ukrainian Media: A Linguistic Analysis of Metaphorical Expressions // Semantics. 2024. № 46. С. 123–140.
6. Taiwan Leveraging Its Version of Chinese as Soft Power Tool // The Straits Times. 2025. 18 August.
7. Wang X., Fatkullina F. G., Kuzmina E. S., Liulina A. G. Language Policy and China's National Image in TASS Reports on Coronavirus: a Discursive Analysis // RUDN Journal. 2024. Т. 15, № 4. С. 1245–1259.

8. 构建中文国际学术话语体系关乎文化自信 // 中国教育报. 2022. 14 апр.

9. 中国特色大国外交话语的传译策略 // 人民论坛. 2025. № 8. С. 56–62.

Сведения об авторе

Батомункуева Екатерина Дмитриевна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: katiabat04@gmail.com

Batomunkueva Ekaterina Dmitrievna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна, кандидат филологических наук, доцент, Бурятский Государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: dashieva.sc@ssau.ru

Dashieva Soyolma Tsyren-Dashievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

РАМОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА И ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© Беспалова Карина Александровна

Московский педагогический государственный
университет, г. Москва

karinka.bespalowa@yandex.ru

Статья рассматривает рамочные конструкции современного китайского языка как средство дискурсивной организации речи и формирования коммуникативной компетенции русскоязычных обучающихся. Анализируются их структурные особенности, функции и типология, а также трудности усвоения, обусловленные интерференцией родного языка. Подчеркивается роль рамочных конструкций в обеспечении логичности, связности и естественности речи. Предлагаются методические рекомендации по их эффективному освоению в коммуникативно-ориентированном обучении.

Ключевые слова: китайский язык, рамочные конструкции, дискурс, коммуникативная компетенция, синтаксис, методика преподавания, интерференция, русскоязычные обучающиеся, связность речи, межкультурная коммуникация.

FRAME CONSTRUCTIONS IN MODERN CHINESE AS A MEANS OF DISCOURSE ORGANIZATION AND DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE AMONG RUSSIAN-SPEAKING LEARNERS

Bespalova Karina Alexandrovna

Moscow Pedagogical State University, Moscow

karinka.bespalowa@yandex.ru

The article examines frame constructions in modern Chinese as a means of discourse organization and the development of communicative competence among Russian-speaking learners. It analyzes their structural features, functions, and typology, as well as learning difficulties caused by native language interference. The study highlights the role of frame constructions in ensuring logicity, coherence, and naturalness of speech. Methodological recommendations for their effective acquisition within communicative language teaching are proposed.

Keywords: Chinese language, frame constructions, discourse, communicative competence, syntax, teaching methodology, interference, Russian-speaking learners, coherence, intercultural communication.

Основной трудностью при овладении китайским языком является переход от освоения грамматики к практике живого общения. Одной из причин этой трудности является слабое понимание рамочных конструкций, которые придают высказываниям логическую последовательность и служат основой для дискурсивной организации речи. Сложность заключается в том, что такие конструкции зачастую усваиваются лишь на формальном уровне: обучающиеся могут воспроизвести их структуру, но не всегда осознают их роль в реальной коммуникации.

Н. А. Демина в своей монографии «Методика преподавания практического китайского языка», отмечает, что обучение должно быть ориентировано на речевую деятельность, где грамматические средства осваиваются в типичных коммуникативных ситуациях. Поэтому рамочные конструкции рассматриваются не только как грамматический элемент, но как инструмент управления смыслом и структурой высказывания [2, с. 13].

Цель статьи — определить роль рамочных конструкций в организации дискурса китайского языка и выявить трудности их освоения русскоязычными учащимися. Объект исследования — синтаксис современного китайского языка, предмет — рамочные конструкции как средство дискурсивной организации.

Рамочная конструкция (结构框架 / 框式结构) представляет собой структуру, при которой есть два взаимосвязанных элемента, которые задают структурные границы для остальных элементов внутри конструкции. Такие конструкции устанавливают структурные границы и взаимные отношения между частями предложения. Так как в русском языке нет такой же структуры, китайские рамочные конструкции требуют тщательного изучения.

По мнению В. И. Горелова, рамочные конструкции, иногда называемые замыканием, являются одним из важных средств формальной организации синтаксических единиц китайского. Они создаются посредством дистантного расположения формальных элементов (служебных слов и специальных лексических элементов), которые тесно связаны между собой в функционально-синтаксическом отношении. Роль рамочных конструкций во многом связана с особенностями китайского языка:

1. Аналитический строй делает служебные слова основным средством выражения отношений.
2. Строгий порядок слов требует точного расположения элементов рамочных конструкций.
3. Структура «топик — комментарий» усиливает роль рамочных конструкций, так как с их помощью выделяются тема и рема [1, с. 99].

Наиболее распространённые типы рамочных конструкций описаны в классификации А. С. Елецкой. Они выражают различные логические отношения:

- соединительные: 一边……一边……;
- причинно-следственные: 因为…所以……;
- уступительные: 哪怕……也/还……;
- противительные: 固然……但是……;
- предпочтительные: 宁可……也……;
- временные: 直到……才…… [3, с. 7–19].

В. И. Горелов подчеркивал, что временные рамки также могут задаваться с помощью предлогов и послелогов: 在……以前 (zài... yǐqián) — «до того как», 在……以后 (zài... yǐhòu) — «после того как», 每逢……时候 (měiféng... shíhou) — «каждый раз, когда»

Выделительные и обобщающие конструкции: 是……的 (shì... de) — выделение времени, места или способа действия.

一点儿也不…… / 一……都不…… (yīdiǎnr yě bù... / yī... dōu bù...) — «вообще не...», «ни один...», используется для обобщений [1, с. 99].

Роль рамочных конструкций становится особенно понятной в рамках дискурсивной грамматики, описанной Цюй Чэнси. С точки зрения дискурса, рамки формируют логические связи между частями текста, задают структуру высказывания, обеспечивают тематическое членение и последовательность событий. Следовательно, они функционируют не только на уровне предложения, но и на уровне более крупных смысловых блоков [5, с. 2].

Русскоязычные обучающиеся сталкиваются с рядом трудностей при освоении рамочных конструкций. Во-первых, происходит перенос структур родного языка, где ключевую роль играют свободный порядок слов и интонация. В китайском же языке рамочные конструкции требуют точной формы. Во-вторых, возникает нарушение симметрии: ученики используют только первую часть конструкции, например 虽然... без 但是, или искажают связку в конструкциях 不但...而且.... В-третьих, сложность вызывает строгий порядок слов, отличающийся от русского. Причины ошибок комплексны: типологические различия языков, недо-

статочная тренировочная база, буквальный перевод, отсутствие представления о рамочной конструкции, как единой структуре.

Коммуникативная компетенция — ключевая цель обучения китайскому языку. В работе автора Хань Юэцинь «Исследование содействия развитию межкультурной коммуникативной компетенции у обучающихся иностранному языку» подчёркивается, что межкультурная компетенция предполагает использование языка в ситуациях межкультурного общения. Это требует не только знания форм, но и умения применять их для построения связной и естественной речи [4, с. 9].

Рамочные конструкции способствуют формированию коммуникативной компетенции по нескольким направлениям.

Во-первых, они помогают строить логичную речь, поскольку задают предсказуемые схемы выражения причинно-следственных, сопоставительных и временных отношений. Конструкции *虽然...但是...*, *不但...而且...*, *因为...所以...* обеспечивают логическое развертывание высказывания и упорядочивают его структуру.

Во-вторых, рамочные конструкции делают речь естественной: для носителей они являются привычными риторическими формами. Их отсутствие создает ощущение «иноязычности».

В-третьих, рамочные конструкции облегчают понимание китайской речи. Они выступают своего рода сигналами, которые помогают предугадать структуру высказывания. Благодаря этому информацию легче воспринимать в быстром темпе и восстанавливать пропущенные элементы. К основным методическим рекомендациям относятся:

1. Работа с шаблонами, где ученики дополняют и трансформируют готовые схемы рамочных конструкций.

2. Упражнения на восстановление пропущенной части рамочной конструкции.

3. Диалоги и ролевые игры: они позволяют перенести рамочные конструкции в более спонтанную, живую речь.

4. Анализ текстов, благодаря которому учащиеся могут наблюдать, как рамочные конструкции функционируют в реальном дискурсе.

Рамочные конструкции играют важную роль в китайском языке и служат важным инструментом формирования коммуникативной компетенции у русскоязычных обучающихся. Они помогают выстраивать речь логично, делают высказывания более естественными и способствуют развитию навыков понимания китайских текстов. Методически грамотная работа с рамочными конструкциями способствует преодолению интерференции родного языка и формированию устойчивых дискурсивных навыков. Перспективы дальнейших исследований включают изучение эффективных стратегий обучения и разработку материалов, направленных на развитие коммуникативной компетенции в реальных речевых условиях.

Литература

1. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». Москва: Просвещение, 1989. 318 с.

2. Демина Н. А. Методика преподавания практического китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Вост. лит., 2006. 88 с.

3. Елецкая А. С. Справочник по рамочным конструкциям китайского языка. Более 100 конструкций с примерами употребления. Москва: Изд. дом ВКН, 2021. 84 с. URL: <https://dokumen.pub/100-n-2787187.html> (дата обращения: 20.03.2026).

4. Han Yueqin. Research on fostering intercultural communication competence of foreign language learners // Cross-Cultural Communication. 2013. Vol. 9, Iss. 1. P. 5–12. URL: <http://www.cscanada.net/index.php/cc/article/viewFile/j.ccc.1923670020130901.2890/3617> (дата обращения : 23.03.2026)

5. Chu Chengxi. 语篇章语法：理论与方法 [Discourse Grammar: Theory and Methods] // Russian Language and Literature Studies. 2006. № 3 (总第 13 期). URL: <https://www.sinoss.net/uploadfile/2010/1130/6037.pdf> (дата обращения: 01.04.2026).

Сведения об авторе

Беспалова Карина Александровна, студентка, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, e-mail: karinka.bespalowa@yandex.ru

Bespalova Karina Alexandrovna, student, Moscow Pedagogical State University, Moscow

Научный руководитель

Дашеева Вера Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, e-mail: vv.dasheeva@mpgu.su

Dasheeva Vera Vitalievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Moscow State Pedagogical University, Moscow

МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

© Бужинаева Анастасия Арстанбековна
Иркутский госуниверситет, г. Иркутск
nabustzhi@gmail.com

Статья посвящена проблеме модернизации методического инструментария учителя иностранного языка в условиях цифрового образования. Выявлено, что УМК, используемые в школах, могут содержать недостаточное количество упражнений для автоматизации грамматических навыков (не более трех заданий на одно явление) и ограниченно используют средства визуализации. На базе отечественной платформы FlikTop были разработаны упражнения, направленные на формирование грамматических навыков обучающихся и предложена методика внедрения интерактивного контента в учебный процесс.

Ключевые слова: интерактивные учебные материалы, грамматический навык, FlikTop, китайский язык, методика преподавания.

THE METHODOLOGY OF USING INTERACTIVE EDUCATIONAL MATERIALS IN THE FORMATION OF GRAMMATICAL SKILLS IN CHINESE LESSONS

Buzhinaeva Anastasia Arstanbekovna
Irkutsk State University, Irkutsk
nabustzhi@gmail.com

The article is devoted to the problem of modernizing the methodological tools of a foreign language in the context of digital education. It has been revealed that the teaching methods used in schools may contain an insufficient number of exercises for automating grammatical skills (no more than three tasks per phenomenon) and use visualization tools to a limited extent. The exercises were developed on the Russian platform «FlikTop» for developing grammar skills of students. A methodology for introducing interactive content into the educational process is proposed.

Keywords: interactive learning materials, grammar skill, FlikTop, Chinese language, teaching methods.

В условиях цифрового образования очевидна актуальность модернизации методического инструментария современного педагога. Внедрение интерактивных учебных материалов позволяет реализовать деятельностный подход, трансформируя процесс формирования грамматических навыков из репродуктивного заучивания в активную аналитико-синтетическую деятельность, характеризующуюся высокой степенью эффективности, оперативной обратной связью и индивидуализацией темпа усвоения материала. Использование данных технологий способствует созданию адаптивной образовательной среды, минимизирующей психологические барьеры и повышающей результативность автоматизации языковых единиц за счет многократной вариативной тренировки в интерактивном режиме.

В рамках формирования иноязычной коммуникативной компетенции, грамматика, как и лексика, фонетика, орфография, играют первостепенную роль. По определению Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, грамматический навык — это «автоматизированный компонент сознательно выполняемой речевой деятельности, обеспечивающий правильное (безошибочное) употребление грамматической формы» [1, с. 53]. Процесс формирования грамматических навыков и освоение грамматического строя иностранного языка являются для учащегося сложными и длительными процессами и предполагает прохождение следующих стадий:

- 1) восприятие грамматической единицы, когда учащийся встречается с незнакомой грамматической единицей;
- 2) имитация грамматической единицы (учащийся действует по заданному образцу);
- 3) подстановка, т. е. использование грамматической единицы в различных контекстах;
- 4) трансформация модели в зависимости от условий коммуникации;
- 5) репродукция, т. е. самостоятельное употребление модели;
- 6) стадия комбинирования [1, с. 53].

Эффективность формирования навыков зависит от согласованности усилий учителя и готовности обучающегося к активному участию в учебном процессе. В настоящее время цифровое образование затрагивает все сферы процесса обучения, что требует от педагога развития своего профессионализма и создания условий в рамках системно-деятельностного подхода для самостоятельной образовательной деятельности и развития личности школьника. Активное использование интерактивных учебных материалов позволяет вовлекать обучающихся в учебный процесс и оставляет за собой предпосылку к более эффективному усвоению учебного материала. Под интерактивными учебными материалами в контексте иноязычного образования понимается совокупность цифровых дидактических средств, обеспечивающих двустороннее субъект-объектное взаимодействие в режиме реального времени. В отличие от традиционных (статичных) пособий, данные материалы характеризуются наличием внутренней логики ответа: система реагирует на действия обучающегося, предоставляя мгновенную верификацию результата (коррективную обратную связь).

В методике преподавания иностранных языков, такие материалы классифицируются по функциональному назначению: от мультимедийных презентаций с гиперссылками до облачных тренажеров и игровых платформ. Их ключевой особенностью является способность трансформировать грамматическую структуру из пассивного объекта изучения в динамический элемент деятельности, где ученик манипулирует языковыми единицами (перетаскивание, сопоставление, трансформация) и получает немедленный стимул к коррекции речевого действия.

Используемые в настоящее время в школах учебно-методические комплексы несмотря на, в целом, достаточную эффективность, могут не полностью отвечать требованиям современного обучения. Так, анализ УМК «Китайский язык. Второй иностранный язык» (серия «Время учить китайский!») [3] показал: 1) презентация материала носит эксплицитный характер, информация краткая и доступная, но недостаточно схем и примеров; 2) средства наглядности (изображения, схемы, таблицы) используются преимущественно в упражнениях на аудирование и при работе с текстом в начале урока; 3) виды упражнений включают дифференциацию, вопросно-ответные, репродуктивные и переводные задания; на отработку одного грамматического явления выделяется не более трех упражнений.

Таким образом, проанализированный УМК, на наш взгляд, требует создания дополнительных упражнений для автоматизации речевых навыков. Использование интерактивных учебных материалов позволит включать неограниченное количество изображений и схем, что позволит улучшить возможности традиционных УМК.

Отечественная платформа FlikTop [4] позволяет создавать интерактивные доски, тесты, игры, имеет встроенные звуковые эффекты, движение элементов, имеет банк шаблонов заданий, а также систему поиска для фото, видео и аудио. Платформа бесплатная, имеет инструменты «объяснение» и «подсказка», что обеспечивает обратную связь. Функция «доска лидеров» с баллами служит помощником в повышении мотивации. Обучающийся по своему желанию может улучшать результаты, так как количество попыток не ограничено.

Платформа подходит для реализации всех стадий формирования грамматического навыка: 1) теоретический материал выводится с использованием инструмента «доска» (правило + схема, таблица); 2) упражнения на имитацию — восстановление верного порядка слов, заполнение пропусков; 3) упражнения на подстановку — использование режима сторителлинга, восстановление правильного порядка слов, подстановка 了, 吗, 不 и др. 4) упражнения на трансформацию — изменение видо-временных форм, трансформация утвердительных пред-

ложений в вопросительные и отрицательные, преобразование активного залога в пассивный и др.; 5) репродукция и комбинирование наиболее эффективны при работе в классе под контролем учителя. Нами были разработаны упражнения для обучающихся 5 и 6 классов по теме «Порядок слов в китайском языке». На платформе FlikTop реализованы: краткое объяснение теоретического материала, упражнения для работы на этапе имитации в виде восстановления верного порядка слов, упражнения на подстановку в формате сторителлинга, прослушивании аудио предложенных текстов, работа с текстом и подчеркивание обстоятельств времени. С разработанными упражнениями можно ознакомиться здесь [5].

На основе проведенного анализа и разработанных упражнений можно сформулировать следующие рекомендации для учителя по применению интерактивных учебных материалов при формировании грамматического навыка:

1) На этапе восприятия и имитации рекомендуется использовать интерактивную «доску» со схемой грамматического правила. Движущиеся элементы должны появляться последовательно, сопровождаться звуковым образцом и визуальным выделением ключевых языковых элементов.

2) На этапе подстановки и трансформации целесообразно применять шаблоны «слова и пропуски» или «упорядочивание и сопоставление». Анимация позволяет словам перемещаться в нужную позицию; при ошибке учащегося срабатывает анимированная подсказка (подсвечивание, выделение элемента или кнопки «объяснение»).

3) На этапе репродукции и комбинирования рекомендуется создавать средства наглядности (например, персонаж совершает действия на рынке, в школе, дома), которая выступает визуальной опорой для самостоятельного высказывания учащегося. При этом грамматическая структура должна быть отработана на предыдущих этапах, а изображения и анимация выполняют функцию стимула.

4) При разработке интерактивных материалов необходимо учитывать принципы когнитивной нагрузки [2]: убирать отвлекающие факторы в виде излишних визуальных эффектов, деталей или движений; обязательно сочетание визуальной и аудиальной информации (озвучивание слова или фразы); необходимо давать четкую письменную инструкцию внутри задания; обеспечивать мгновенную обратную связь через инструмент «объяснение».

5) Форма организации обучения: для занятий в школе рекомендуется использовать интерактивную доску или проектор, где учитель самостоятельно управляет анимацией и указывает на ключевые моменты; для индивидуальной или домашней работы учащимся отправляется ссылка на созданный материал.

Таким образом, проведенное исследование показало, что формирование грамматического навыка при обучении китайскому языку требует дополнения традиционных УМК интерактивными средствами. Предложенная методика требует дальнейшей экспериментальной проверки, но уже сейчас может быть рекомендована учителям китайского языка для повышения результативности автоматизации языковых единиц.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Дедов С. Г. Когнитивная нагрузка и педагогический дизайн // Актуальные исследования. 2021. № 36(63). С. 83–85.
3. Китайский язык. Второй иностранный язык. 6-й класс: учебник для общеобразоват. организаций / [А. А. Сизова и др.]. Москва: Просвещение: People's Education Press, 2020. 192 с. (Время учить китайский!)
4. FlikTop. URL: <https://fliktop.ru/> (дата обращения: 12.04.2026).
5. FlikTop. Настя Бужинаева. URL: <https://fliktop.ru/nastyabuzhinaeva/> (дата обращения: 12.04.2026).

Сведения об авторе

Бужинаева Анастасия Арстанбековна, студентка 3-го курса, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: nabustzhi@gmail.com.

Buzhinaeva Anastasia Arstanbekovna, 3rd year student, Irkutsk State University, Irkutsk

Научный руководитель

Кирюхина Любовь Владимировна, кандидат филологических наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: lyubabukhtulova@mail.ru.

Kiryukhina Lyubov Vladimirovna, Cand. Sci. (Philology), Irkutsk State University, Irkutsk

К РАЗВИТИЮ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ *TERGE* И *ONGYUČA* В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

© Дамдинова Адиса Владимировна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
adisadamdindos@gmail.com

Данная статья посвящена исследованию изучения расширения значения лексических единиц *terge* и *ongyūča* в современном монгольском языке. В «Сокровенном сказании монголов» 1240 г., летописи «Алтан тобчи» XVIII в. зафиксировано употребление рассматриваемых единиц в их первичном устойчивом значении. Исследование показывает, что с течением времени, развитием научно-технического прогресса *terge* и *ongyūča* от обозначения простейших видов транспорта значительно расширили свою семантику и стали приобретать свойства терминов, таким образом пополняя словарный фонд монгольского языка.

Ключевые слова: монгольский язык, расширение значения, семантический сдвиг.

ON THE DEVELOPMENT OF THE SEMANTICS OF THE LEXICAL UNITS *TERGE* AND *ONGYUČA* IN THE MODERN MONGOLIAN LANGUAGE

Damdinova Adisa Vladimirovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
adisadamdindos@gmail.com

This article is devoted to the study of the semantic expansion of the lexical units *terge* and *ongyūča* in the modern mongolian language. In «The Secret History of the Mongols» (1240) and in the chronicle «Altan Tobchi», the usage of these units is recorded in their original, stable meanings. The study shows that over time, with the development of scientific and technological progress, *terge* and *ongyūča*, which originally denoted the simplest types of transport, have significantly expanded their semantics and begun to acquire the properties of terms, thereby enriching the vocabulary of the mongolian language.

Keywords: mongolian language, semantic expansion, semantic shift.

Одним из способов пополнения словарного фонда монгольского языка является развитие семантики уже имеющихся в языке лексических единиц. Одни получают полное переосмысление, другие — вторичное развитие. Исследования в области семантического развития слов в монгольских языках проводились рядом учёных-лингвистов, таких как Т. А. Бертагаев, Г. Ц. Пюрбеев, И. А. Цыбикова и др. В настоящей работе мы коснёмся процессов расширения значения единиц *terge* и *ongyūča*. В монгольско-русско-французском словаре О. М. Ковалевского единице *terghen* (*terge*) даётся определение как «возъ, повозка, телега, колесница» [2, с. 1775]. В «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. зафиксировано употребление единицы *terge* в её значении по словарю О. М. Ковалевского: «*Ene tergen dotura yaγun bui? kemebe*» [6, §101] — «А в телеге у тебя что?» — спрашивают» [3, с. 97, §101], «*Temüjin Jamiqa qoyar qamtu terged-ün urida yabuju ...*» [6, §118] — «Темучжин с Чжамухой вместе ехали впереди телег» [3, с. 106, §118]. В летописи XVII в. «Алтан тобчи» также зафиксированы подобные примеры: «*Qoyučiñ emegen Börte-üjin-i qarayutai tergen-tür sayulyaju...*» [5, с. 56, §100] — «Старушка Хоногчин посадила Бөртэ-уджин в крытую повозку...» [4, с. 84], «*...tergen-ü qayaly-a negebesü, dotura inu qatun kümün sayun aju...*» [5, с. 57, §100] — «...и когда открыли дверцы повозки, там внутри оказалась сама госпожа» [4, с. 84]. В приведенных примерах наблюдается употребление словарной дефиниции в её прямом, предметно-конкретном значении, где *terge* обозначает повозку именно как средство передвижения, пе-

ревозки груза. Здесь, на данном этапе развития лексемы, прослеживается её употребление в своём первичном устойчивом значении.

Если рассматривать современное бытование данных единиц в монгольском языке, то в соответствии с определением Большого академического монгольско-русского словаря единица *тэрэг* (*тэргэн*) имеет два основных значения: 1) телега, повозка, экипаж, коляска; 2) тележный [1, с. 1038]. В современном монгольском языке возник целый массив транспортных терминологических сочетаний с единицей *тэрэг* в своём составе, где выражение специальных наименований проявляется лишь в строго определенном лексическом окружении. Ниже представлены данные термины в виде таблицы. На материале примеров первого столбца можно проследить развитие терминологии автомобильного транспорта, где рассматриваемая единица *terge*, прежде чем приобрести современную форму *машин* в значении «автомобиль», прошла несколько этапов своего развития. При этом все указанные словосочетания на разных этапах функционирования обозначали одно и то же понятие — «автомобиль». Первоначально функционировав в составе устаревшего выражения *уурын тэрэг* (досл. паровая телега), рассматриваемая единица *terge* трансформировалась в *мухар тэрэг* (досл. куцая телега), а после в *машин тэрэг*. В дальнейшем компонент *тэрэг* был утрачен, и в языке закрепилось сокращенное наименование *машин*. Примеры первой группы представляют собой результат процесса первичного развития значения единицы *тэрэг*, произошедшего вследствие появления понятий, обозначающих автомобильный транспорт.

Дальнейший научно-технический прогресс привнес новые понятия, обозначающие виды тяговых средств железнодорожного транспорта. Термины, обозначающие данные виды железнодорожного транспорта, представлены в группе 2. Семантической особенностью единицы *тэрэг* в этих сочетаниях является то, что она получила дальнейшее развитие от значения самоходного транспортного средства до значения тяговой железнодорожной единицы и стала соответствовать русскому корню -воз (к примеру, *цахилгаан тэрэг* «электровоз»). Семантика терминов данной группы достаточно прозрачна и понятна, например *илчит тэрэг* досл. тепловая телега «тепловоз». Примечательными в этой группе являются единицы *уурын тэрэг* «паровоз» досл. «паровая телега» имевшая ранее значение «автомобиль» и *бух тэрэг* «локомотив» с первоначальным исконным значением «бычья телега, арба». Первый случай является результатом дальнейшего развития значения, во втором же развилось и значение первого компонента, и бык «бух» стал восприниматься в качестве тягового средства железнодорожного транспорта. Подчеркнем, что термин *тэрэг* в сочетании с двумя формами глагола *нисэх* «летать» стал обозначать уже не наземное средство передвижения, а корпус летательных аппаратов. Примеры из группы №3 показывают, что лексикализованные формы с данным глаголом закрепились за новыми понятиями: *нисэх тэрэг* функционирует в значении «самолет, аэроплан», тогда как *нисдэг тэрэг* приобрела значение «вертолет». То есть «телега, которая летает» интерпретируется как самолет, тогда как «телега, способная к регулярному (постоянному) полету» — как вертолет.

Таблица 1

Группа № 1	Группа № 2	Группа № 3
Единица <i>тэрэг</i> в составе терминов, обозначающих автотранспорт	Единица <i>тэрэг</i> в составе терминов, обозначающих тяговые средства железнодорожного транспорта	Единица <i>тэрэг</i> в составе терминов, обозначающих воздушный транспорт
уст. <i>уурын тэрэг</i> , досл. паровая телега, «автомобиль»; <i>мухар тэрэг</i> , досл. куцая телега, «автомобиль»; <i>машин тэрэг</i> досл. машина телега, «автомобиль»	<i>бух тэрэг</i> досл. бычья телега, «локомотив»; <i>галт тэрэг</i> досл. огненная телега, «поезд, паровоз»; <i>илчит тэрэг</i> досл. тепловая телега, «тепловоз»; <i>уурын тэрэг</i> досл. паровая телега, «паровоз»; <i>цахилгаан тэрэг</i> досл. электрическая телега, «электровоз, электропоезд, трамвай»	<i>нисэх тэрэг</i> досл. летательная телега, «самолет, аэроплан»; <i>нисдэг тэрэг</i> досл. летающая телега, «вертолет»

На примерах таблицы прослеживается развитие семантики единицы *terge*, где рассматриваемая единица от значения «возь, повозка» в определенном лексическом окружении стала обозначать основные виды наземного транспорта, таким образом пополняя лексический состав монгольского языка.

Помимо *terge* лексема *onguiᠰa* также претерпела семантическое развитие в современном монгольском языке, расширив сферу своего употребления. В I томе словаря О. М. Ковалевского 1844 г. единице *onguiᠰa* даётся определение как «большое корыто (для скотины); судно, челнок; ясли» [2, с. 354]. Данные Большого академического монгольско-русского словаря рассматривают единицу *онгоц(он)* в восьми основных значениях [1, с. 660]. Помимо первоначального значения «водопойная колода, жёлоб», к широкому ряду значений охватываемых данной единицей относятся и термины-наименования транспортных средств, в частности водных и воздушных судов, примеры которых представлены в таблице 2. Группа № 1 объединяет примеры, в которых единица *онгоц* входит в состав терминов, обозначающих водные суда. Количественный анализ показал, что преобладают термины, обозначающие виды водных транспортных средств, имеющих в своем составе единицу *онгоц*. Это связано с тем, что первоначально древняя единица *onguiᠰa* имела семантику, связанную с водой, упомянутую нами выше. Во всех приведенных сочетаниях компонент *онгоц* реализует базовое значение «судно корабль» и конкретизируется за счет определяющих элементов, которые уточняют либо способ передвижения, либо конструктивные или функциональные особенности выражаемого понятия. При этом термины из группы № 1 могут быть сгруппированы в смысловые пары, в рамках которых разные по форме сочетания выражают единое или близкое по объему значение. Так, *галт онгоц* (досл. огненный корабль) и *уурын онгоц* (досл. паровой корабль) объединяются общим значением «пароход», различаясь лишь внутренней формой и способом её выражения: в первом случае мотивирующим признаком выступает компонент «огонь», во втором — «пар». Следующая пара терминов *шумбагч онгоц* (досл. водолаз корабль) и *шунгадаг онгоц* (досл. ныряющий корабль) соотносятся с единым понятием «подводная лодка», представляя собой варианты номинации с близкой семантической основой. В паре *гувчуурт онгоц* (досл. корабль с сетью, неводом) и *торт онгоц* (досл. корабль с сеткой) конкретизирующими элементами выступают слова-синонимы со значением «сеть, невод», образуя термин «тральщик».

В группе № 2 приведены термины, обозначающие воздушные суда. Ядерной единицей этой группы является сочетание *нисэх онгоц*, где единица *онгоц* является калькой из русского языка со значением «корабль». Однако корабль может быть как водным — *усан онгоц*, так и воздушным — *нисэх онгоц*. Но в любом случае, мы в данных примерах наблюдаем развитие значения от утилитарного *onguiᠰa* «водопойная колода, жёлоб» до значительно расширившегося семантического диапазона.

Таблица 2

Группа № 1	Группа № 2
Единица <i>онгоц</i> в составе терминов, обозначающих водные суда	Единица <i>онгоц</i> в составе терминов, обозначающих воздушные суда
<i>усан онгоц</i> , досл. водный корабль, «судно, корабль, пароход»; <i>хөлөг онгоц</i> , досл. судно корабль, «судно, корабль, пароход»; <i>галт онгоц</i> , досл. огненный корабль, «пароход»; <i>уурын онгоц</i> , досл. паровой корабль, «пароход»; <i>шумбагч онгоц</i> , досл. водолаз корабль, «подводная лодка»; <i>шунгадаг онгоц</i> , досл. ныряющий корабль, «подводная лодка»; <i>далбаат онгоц</i> , досл. парусный корабль, «шхуна, парусное судно»; <i>гувчуурт онгоц</i> , досл. корабль с сетью, неводом, «тральщик»; <i>торт онгоц</i> , досл. корабль с сеткой, «тральщик»	<i>нисэх онгоц</i> , досл. воздушный корабль, «самолёт»; <i>бөмбөгдөгч онгоц</i> , досл. бомбардировщик корабль, «бомбардировщик»; <i>дайрагч онгоц</i> , досл. штурмовой корабль, «штурмовик»; <i>тээврийн нисэх онгоц</i> , досл. транспортный воздушный корабль, «транспортный самолёт»

Таким образом, проведённый анализ показал, что единицы *terge* и *ongyuča* не только сохранили свою первоначальную семантику, но и с течением времени, развитием научно-технического прогресса, вслед за появлением разнообразных транспортных средств стали развивать свое значение, приобретать свойства терминов и обозначать новые виды транспорта. Особо отметим, что некоторые единицы имеют вторичное развитие, а другие — получают полное переосмысление. Другой специфической особенностью всех единиц, в составе которых фиксируются исследуемые древние термины, обнаруживают новые значения только лишь в строго определенном лексическом окружении. Кроме того, количественный анализ показал явное преобладание терминов с единицей *тэрэг*, что объясняется преобладанием сухопутных путей над воздушными и водными. Монгольская терминологическая система является одной из полных и представленных уникальными терминами мировых систем и пласт транспортных терминов не является исключением.

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 томах Т. 1: А - Г (отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев). 2001. Т. 2: Д - О (отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев). 2001. Т. 3: О - Ф (отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев). 2001. Т. 4: Х - Я (отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев). 2002.
2. Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1-3. Казань, 1844, 1846, 1849.
3. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niḡuča tobčiyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1941.
4. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). Сер. Памятники письменности Востока X / пер. с монг., введение, комм. и прил. Н. П. Шастиной. Москва: Наука, 1973. 439 с.
5. Ligeti Louis. Histoire secrete des Mongols. Texte en écriture ouigoure incorporé dans la chronique Altan tobči de Blo-bzan bstan-'jin. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974, 204 с. (Monumenta Linguae Mongolicae Collecta VI.)
6. Ligeti Lajos Reconstruction, Akadémiai Kiado, Budapest, 1971. URL : https://altaica.ru/SECRET/Ligeti_mnt.pdf

Сведения об авторе

Дамдинова Адиса Владимировна, студентка 4-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: adisadamdindos@gmail.com

Damdinova Adisa Vladimirovna, 4nd year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна, кандидат филологических наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

Badmatsyrenova Nadezhda Badmazhapovna, Cand. Sci. (Philology), Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ

© Джаватова Абидат Казанфаровна

Московский государственный лингвистический
университет, г. Москва
media73683m@gmail.com

В данной статье анализируется современное состояние монгольского языка в интернет-среде, рассматриваются основные тенденции его трансформации, обусловленные цифровизацией коммуникации. На основе анализа эмпирического материала (данных социальных сетей, мессенджеров, интернет-рекламы) и актуальных научных исследований выявляются ключевые процессы, влияющие на языковую систему: массовое проникновение англицизмов, распространение сокращений и неправильное написание форм слов. Автор приходит к выводу, что интернет оказывает огромное влияние на монгольский язык, привнося в него новые лингвистические процессы. Влияние интернета на язык несёт как деструктивные, так и конструктивные последствия.

Ключевые слова: монгольский язык, интернет-среда, коммуникация, англицизмы, латиница, аббревиатуры, цифровая инфраструктура.

MONGOLIAN LANGUAGE IN THE INTERNET ENVIRONMENT: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Djavatova Abidat Kazanfarovna

Moscow State Linguistic University, Moscow
media73683m@gmail.com

This article analyzes the current state of the Mongolian language in the internet environment, examining the main trends of its transformation driven by the digitalization of communication. Based on an analysis of empirical material (data from social networks, messengers, internet advertising) and current scientific research, the study identifies key processes affecting the linguistic system: the massive infiltration of Anglicisms, the spread of abbreviations, and incorrect word form spelling. The author concludes that the internet exerts a significant influence on the Mongolian language, introducing new linguistic processes. The impact of the internet on the language carries both destructive and constructive consequences.

Keywords: Mongolian language, internet environment, communication, Anglicisms, Latin script, abbreviations, digital infrastructure.

Язык — это живая система, которая постоянно адаптируется к новым условиям своего существования. Монгольский язык, прошедший долгий исторический путь, сегодня сталкивается с вызовом, которого не знали предыдущие поколения: интернет и цифровая коммуникация. Цель данного исследования — определить характер влияния интернета на монгольский язык, выявить основные тенденции и предложить пути осознанного реагирования на происходящие изменения.

Интернет появился в Монголии в 1995 г., а научный интерес в области интернет-лингвистики начал проявляться с 2010 г. Первые работы о «языке интернета» принадлежат Д. Боролзой, в которых комментируются критические последствия влияния интернета на развитие монгольского языка.

Современное монгольское интернет-пространство характеризуется одновременным использованием трех графических систем: кириллицы, латиницы и традиционного вертикаль-

ного письма — монгол бичиг. Каждая из них выполняет определенные функции и обладает различной степенью институциональной поддержки.

Латиница заняла нишу неформального межличностного общения. Важной особенностью латинизированной письменности является отсутствие единого стандарта транслитерации. Например, слово *ᠬᠠᠨ* (кириллицей: «хан, царь») может быть записано как *khan*, *han* или *han*; слово «зөв» — *zuv*, *zev*; слово «ёс» — *ios*, *es*; «байна» — *baun*, *bn*; и т. д. Гласные звуки, специфические для монгольского языка (ө, ү), также не имеют однозначного латинского эквивалента и передаются вариативно. Все это может привести к неправильному написанию на латинице, которое в итоге скажется на написании на кириллице.

Традиционное монгольское вертикальное письмо занимает особое положение. Его цифровая поддержка находится на стадии развития. Хотя стандарт Unicode включает монгольское письмо с 1999 г., корректное отображение вертикальных текстов в веб-браузерах, операционных и поисковых системах остается технически сложной задачей.

В последнее время монгольский язык подвергается большому количеству заимствований, в частности англицизмов. Например, очень часто на просторах монгольского интернета можно увидеть объявления о распродажах: «МЕГА БОНУС-тай MEGA SALE», «Супер мега хямдрал» и т. д. В рекламном дискурсе закрепились такие заимствования, как *sale* (хямдрал), *online* (цахим), *shop* (дэлгүүр), *discount* (хөнгөлөлт). В социальных сетях распространены термины *story* (түүх), *like* (таалагдах), *comment* (сэтгэгдэл), *message* (мэдээ), *follow* (дагах), *sorry* (уучлаарай), *okay* (зайлшгүй), *bye* (баяртай), *news* (мэдээ), *like* (в значении реакции в соцсетях). А также гибридные формы: «байна ok?» — «всё в порядке?», «ямар nice» — «какой классный». Эти примеры показывают, что заимствования проникают не только на уровне отдельных слов, но и на уровне синтаксических конструкций и коммуникативных привычек.

Особенностью современного этапа является не просто заимствование отдельных лексем, но формирование гибридных конструкций, в которых английские элементы интегрируются в монгольскую грамматическую систему. Например, «*money дутаад*» (денег не хватает), «*like дарсан*» (поставил лайк), «*online худалдаж авах*» (купить онлайн). Такие конструкции демонстрируют, что процесс заимствования перешёл стадию простого лексического влияния и затрагивает синтаксический уровень. Интересно, что многие из этих слов уже настолько адаптировались, что обрели монгольские грамматические формы. Так, например, можно сказать «*би чамайг блоклосон*» (я тебя заблокировал), где к английскому корню «*block*» присоединяются глагольный аффикс -ло и аффикс причастия прошедшего времени -сон.

Как отмечает исследователь Т. Тэнэг в своей статье 2025 г. «*The Digitisation Odyssey of the Mongolian Script in Unicode*» монгольская вертикальная письменность, несмотря на обретение статуса государственной, остаётся «*digitally unsearchable*» — ни один поисковик или браузер не поддерживает её вертикальную ориентацию в полной мере. Это создает ситуацию, при которой носители языка в интернет-среде оказываются перед выбором: либо использовать кириллицу, которая технически поддерживается, либо переходить на латиницу и английский.

Таким образом, широкое распространение англицизмов в монгольском интернет-пространстве имеет не только лингвистические и социокультурные причины, но и глубокие технологические корни. Среди множества языковых изменений, порожденных интернет-коммуникацией, особого внимания заслуживает тенденция к редукции слов — явление, которое напрямую вытекает из принципа языковой экономии.

В монгольской интернет-переписке широко используются сокращения. Такие формы, как *sbn* (сайн байна уу), *bn* (байна уу), *blhu* (болох уу), *mn* (миний), активно применяются монголами в повседневной коммуникации. Эти сокращения настолько прочно вошли в обиход, что многие молодые люди используют их автоматически, даже не задумываясь о полной форме. Однако их использование может привести к недопониманию, особенно если сокращение неизвестно или неправильно интерпретировано.

Интернет-среда по своей природе неконтролируема. Как точно замечает Д. Боролзой, «в этом огромном потоке информации, передаваемой через монгольский язык, наш родной язык

становится основой для определённой степени загрязнения, искажения, а с другой стороны — для изменений и развития. Интернет-среда по своей природе неконтролируема, и в этом смысле её влияние на монгольский язык также неконтролируемо, неизучено и ненаправлено».

Пути решения проблематики использования монгольского языка в интернет-среде можно разделить на несколько ключевых направлений. Первоочередной задачей является обеспечение технологической доступности монгольского языка. Как аргументированно показывает исследователь Т. Тэнэг, необходимо совершенствование стандартов Unicode для корректного отображения вертикального письма, адаптация поисковых систем и браузеров под нужды монгольского языка и создание качественных инструментов ввода. Только когда монгольский язык станет технологически равноправным с английским, можно будет говорить о подлинном выборе пользователя в пользу родного языка, а не о вынужденном использовании англицизмов [4, с. 277].

Одной из причин распространения англицизмов является дефицит качественного контента на монгольском языке в цифровой среде. Поддержка создания образовательных программ, научно-популярных каналов, художественных фильмов, игр и приложений на монгольском языке может изменить языковые предпочтения пользователей. Особое значение имеет контент для детей и подростков, у которых формируются языковые привычки. Также необходим регулярный научный мониторинг языковых процессов в интернете. Это предполагает документирование новых явлений, анализ их влияния на языковую систему и разработку прогнозов дальнейшего развития.

Монгольский язык в интернет-среде переживает период глубокой трансформации. Однако, как отмечает Д. Боролзой, трансформация языка в интернет-среде не является аномалией или признаком деградации [1, с. 107–130]. Язык как живая система всегда адаптируется к новым условиям существования.

Для поддержки и развития монгольского языка и национальной письменности правительство Монголии приняло ряд законов и нормативных актов. Так, «Закон о государственном языке» от 2 февраля 2003 г. был направлен на регламентацию использования монгольского языка в официальной сфере и создание Совета по государственному языку для разработки стандартов и терминологии (Хэлний бодлогын үндэсний зөвлөл) [3]. Однако углубление глобализации создало риск доминирования английского языка, что потребовало более комплексного подхода. В связи с этим 12 февраля 2015 г. был принят «Закон о монгольском языке», который определяет статус монгольского языка и устанавливает правила его использования во всем обществе. Ключевым положением этого закона является внедрение с 1 января 2025 г. национальной письменности в делопроизводство параллельно с кириллицей [2].

Интернет — не враг монгольскому языку. Это новая среда его существования. И от того, как мы организуем эту среду, зависит, будет ли монгольский язык в ней жить или просто выживать.

Литература

1. Боролзой Д. Монгол хэл интернет хэл шинжлэлийн судлагдахуун болох нь Д. Боролзой // The Journal of Northern Cultures Studies. 2018. № 9. С. 107–130.
2. Монголия. Монгол хэлний тухай: федер. закон (принят Великим государственным хуралом 2015-02-12: одобр. Великим государственным хуралом 2015-02-12). 2015. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/10932> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Монголия. Төрийн албан ёсны хэлний тухай хууль: федер. закон (принят Великим государственным хуралом 2023-12-16: одобр. Великим государственным хуралом 2024-01-06]. 2003. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/486> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Тэнэг Т. The Digitisation Odyssey of the Mongolian Script in Unicode // Inner Asia. 2025. Vol. 27, No. 2. P. 277–313. URL: <https://share.google/cUKnLsofEfHYjjs6H> (дата обращения: 10.04.2026).

Сведения об авторе

Джаватова Абидат Казанфаровна, студентка, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, e-mail: media73683m@gmail.com

Javatova Abidat Kazanfarovna, student, Moscow State Linguistic University, Moscow

Научный руководитель

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, e-mail: dug-vema@mail.ru

Vasilyeva Dugvema Natar-Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), Moscow State Linguistic University, Moscow

ОХРАННЫЕ ИМЕНА В МОНГОЛЬСКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

© Иванова Анастасия Павловна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
tipodepytat@yandex.ru

В статье рассматриваются охранные имена как особая группа личных имён в монгольской антропонимической системе. Анализируются их значение, основные функции и связь с традиционными представлениями о защитной силе имени. Показано, что появление подобных имён было обусловлено стремлением уберечь ребёнка от болезней и других опасностей. Несмотря на изменения в общественной жизни и мировоззрении, отдельные элементы данной традиции сохраняются и в современной монгольской антропонимии.

Ключевые слова: монгольская антропонимия, охранные имена, имянаречение, апотропеические имена, культурная антропология, ономастика, традиции.

PROTECTIVE NAMES IN THE MONGOLIAN ANTHROPONYMIC TRADITION

Ivanova Anastasiia Pavlovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
tipodepytat@yandex.ru

The article considers protected names as a special group of personal names in the Mongolian anthroponymic system. Their meaning, main functions and connection with traditional ideas about the protective power of a name are analyzed. It is shown that the appearance of such names was due to the desire to protect the child from diseases and other dangers. Despite the changes in social life and worldview, certain elements of this tradition persist in modern Mongolian anthroponymy.

Keywords: Mongolian anthroponymy, protective names, naming practices, apotropaic names, cultural anthropology, onomastics, traditions.

Антропонимическая система монгольского народа представляет большой интерес для лингвистики и культурологии. Личные имена служат не только историческим источником, но и позволяют увидеть, как менялись представления людей об окружающем мире, общественные отношения и культурные ориентиры. Имена хранят следы больших социальных сдвигов, фиксируют перемены в быту, рассказывают о контактах монголов с соседями. Имя как универсальное культурное явление существует во все времена, без него ни одно человеческое сообщество не обходится. Но у каждой системы свое строение, своя национальная специфика, свой взгляд на мир. Имя не просто метка для опознания и социальная нашивка. Это ещё и символ, и спутник на всю жизнь. У монголов особенно важным считался момент наречения ребёнка. Рождение нового члена семьи воспринималось как событие, затрагивавшее не только родителей, но и весь род. В народном сознании имя — не ярлык, а судьбоносец и оберег.

Отдельно стоят охранные имена. Они родились из веры в магию слова и защитную силу имени. Для кочевого общества была характерна высокая детская смертность, поэтому рождение и сохранение жизни ребёнка приобретали особую ценность. Это выливалось в целую систему охранительных практик: магические ритуалы, обряды, особые правила имянаречения. Желание защитить детей отражалось в различных обрядах, ритуалах и правилах имянаречения.

Так появились «охранные имена» — нарочно неблагозвучные, уничижительные, вводящие в заблуждение. Считалось: они спасают от злых сил. По народной логике, знаешь настоящее имя — получаешь власть над человеком, можешь наслать болезнь или беду. Поэтому

истинное имя прятали или использовали редко. В быту ходило «замещающее». Охранное имя делало ребёнка для враждебных сил невидимкой — отсюда и их намеренная уродливость, и обманная природа.

Связь с архаикой и магией слова прямая. Детям нередко давали имена с отрицательным значением или названиями животных. Согласно народным верованиям, такие имена отвлекали внимание духов болезней и помогали уберечь ребёнка.

Фактологической базой работы стала выборка антропонимов по данным Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан = Единого информационного статистического фонда.

Изучение охранных имён представляет интерес для нескольких научных направлений одновременно. Эта тема находится на стыке ономастики, этнографии и культурной антропологии. Через анализ подобных имён можно выявить древние культурные представления, проследить их развитие и понять, какое место они занимают в современной антропонимической практике. Особенно показателен сохраняющийся интерес к традиционным именам. Анализ позволяет не только реконструировать архаические элементы, но и увидеть, как они трансформируются в современной антропонимии — тем более что интерес к традиционным именам сейчас возрождается.

Вопросы монгольской антропонимии неоднократно становились предметом научных исследований. Значительный вклад в изучение бурятских личных имён внесла А. Г. Митрошкина. В монографии «Бурятская антропонимия» (1987) представлены основы системного анализа антропонимического материала. Позднее эту проблематику развивала И. А. Ламожапова, в том числе в работе «Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика» (2008). Среди более поздних исследований выделяется труд Ху Буциня «Антропонимия монголов Внутренней Монголии и бурят России» (2024). Эти работы служат теоретической базой для изучения охранных имён в монгольской традиции.

В соответствии с данными Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан, в качестве материала исследования была рассмотрена выборка охранных имён: *Буга, Халзай, Халзан, Гөлөгөө, Гөлөг, Хүнбиш, Олзвой, Тэрбиш, Нэргүй, Муухуу, Дүйрэн, Муухай, Хорхой, Мэдэхгүй, Хэнчиш, Шушмаа, Хараа, Номхон*.

Анализ данной выборки показал, что охранные имена можно условно разделить на несколько групп. Наиболее распространённым способом апотропеической (обережной) номинации является наречение ребёнка именем с негативной семантикой, что основывается на архаических представлениях о том, что злые духи не проявят интереса к субъекту, маркированному как «плохой». К первой группе относятся имена с негативной оценочной семантикой. К ним можно отнести *Муухай* («плохой» — 3 имянаречения); *Муухуу* («плохой мальчик» — 3 имянаречения).

Особую функциональную группу составляют имена-обереги, призванные противодействовать детской смертности. В семьях, где фиксировалась высокая младенческая смертность, применялась практика «обмана смерти» через имена, указывающие на то, что ребёнок не принадлежит этому миру либо является случайно найденным. Ко второй группе относятся имена с отрицательной или неопределённой идентификацией: *Хүнбиш* («не человек» — 103 имянаречения); *Тэрбиш* («не он» — 1 231 имянаречение); *Нэргүй* («без имени» — 8 225 имянаречений); *Мэдэхгүй* («неизвестный» — 62 имянаречения); *Хэнчиш* («никто» — 136 имянаречения); *Олзвой* («находка» — 277 имянаречения). Данные единицы отражают стремление к полному или частичному «стиранию» личности ребёнка в номинативном пространстве.

В рамках данной группы особое место занимают зооморфные имена, основанные на принципе символического «сокрытия» ребёнка от враждебных сил: *Буга* («олень» — 2 имянаречения), *Гөлөг, Гөлөгөө* («щенок» — по 152 имянаречения каждое); *Хорхой* («червь» — 20 имянаречений). Такие имена скрывают личность ребёнка и создают для враждебных сил эффект его «отсутствия». В соответствии с магическим мышлением, смерть, явившись за таким ребёнком, должна была пройти мимо, не опознав в нем ту цель, за которой пришла. В выборке преобладают именно такие имена, что позволяет считать стратегию отрицания и сокрытия ведущей в системе охранного имянаречения.

К третьей группе относятся имена, связанные с характеристиками, такие как *Халзан* — 122 имянаречения, *Халзай* — 8 («лысый»); *Дүйрэн* («глупый» — 1 имянаречение); *Шушмаа* («глупый» — 2 имянаречения); *Хараа* («черный» — 30 имянаречений); *Номхон* («тихий» — 8 имянаречений). Логика обряда имянаречения в данном случае строилась на том, что потусторонние силы, восприняв имя буквально, сочтут ребенка несуществующим или недостойным внимания. Таким образом, охранные имена в монгольской антропонимической традиции носят системный и функционально дифференцированный характер.

Результаты анализа современных данных показали, что, несмотря на утрату практики наречения откровенно «негативными» именами, отдельные её элементы и трансформированные формы продолжают сохраняться в современной антропонимической практике.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что традиция охранных имён в Монголии — это сложный многоуровневый культурный механизм. Он направлен на физическое и символическое выживание человека. Данная традиция опирается на архаическое представление о тождестве имени и носителя и реализуется через разные номинационные модели: от апотропеического «отпугивания» и «обмана» до позитивной семантической репрезентации желаемых качеств.

На современном этапе традиция не исчезает, а трансформируется. Архаичные «отпугивающие» имена постепенно уходят, но сама идея защиты через имя остаётся. Только теперь она работает через антропонимы с позитивной семантикой — те, что несут идеи крепости, вечности, благополучия.

Таким образом, «ренессанс» исконно монгольских имён можно интерпретировать не только как интерес к национальной традиции, но и как свидетельство устойчивости глубинных антропонимических моделей. В их основе лежит представление об имени как средстве символической защиты.

Литература

1. Ламожапова И. А. Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Чита: Изд-во Забайкальского гос. гуманитарно-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2008.
2. Ламожапова И. А. Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск, 2001.
3. Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия / отв. ред. А. В. Суперанская; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Бурят. ин-т обществ. наук. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. 220 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973.
5. Суперанская А. В. Ономастика: учебное пособие. Москва: Наука, 1984.
6. Ху Буцинь. Антропонимия монголов Внутренней Монголии и бурят России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 2024.
7. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. URL: <https://www.1212.mn/mn/statistic/function/given-name> (дата обращения: 01.04.2026).

Сведения об авторе

Иванова Анастасия Павловна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: tipodepytat@yandex.ru

Ivanova Anastasiia Pavlovna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна, кандидат филологических наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

Badmatsyrenova Nadezhda Badmazhapovna, Cand. Sci. (Philology), Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ КИТАЙСКОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

© Катулина Вероника Олеговна

Московский педагогический государственный
университет, г. Москва,
KatulinaVeronika@yandex.ru

В статье анализируются социокультурные основания китайского делового дискурса. На основе концепции дифференцированных социальных кругов Фэй Сяотун и модели социального обмена Хван Кван-ку раскрывается специфика межличностных и деловых отношений в КНР. Обосновывается трансформация деловой коммуникации из инструментального в смешанный тип, детерминированный категориями 关系 (guānxi), 面子 (miànzi) и 人情 (rénqíng), что обуславливает косвенный характер коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: китайский деловой дискурс, 关系 guānxi, 面子 miànzi, 人情 rénqíng, межкультурная коммуникация, имплицитность, высококонтекстная культура, смешанная связь.

SOCIOCULTURAL FOUNDATIONS OF CHINESE BUSINESS DISCOURSE

Katulina Veronika Olegovna

Moscow Pedagogical State University, Moscow
KatulinaVeronika@yandex.ru

The article analyzes the sociocultural foundations of Chinese business discourse. Based on Fei Xiaotong's concept of differential social circles and Hwang Kwang-kuo's social exchange model, the study reveals the specificity of interpersonal and business relations in the PRC. It substantiates the transformation of business communication from an instrumental to a mixed type, determined by the categories of guānxi, miànzi, and rénqíng, which accounts for the indirect nature of communicative strategies.

Keywords: Chinese business discourse, 关系 guānxi, 面子 miànzi, 人情 rénqíng, intercultural communication, implicitness, high-context culture, mixed ties.

Китайская культура традиционно относится к типу высококонтекстных, для которых характерна косвенная передача информации и зависимость интерпретации высказывания от широкого коммуникативного контекста [5, с. 91]. В подобных культурах значительная часть смысла не получает прямого языкового выражения, а извлекается адресатом на основе ситуативных, социальных и культурных факторов. Данная особенность обуславливает специфику речевых механизмов китайского делового дискурса, проявляющуюся в высокой степени имплицитности.

Объяснение природы имплицитности в китайском деловом дискурсе требует обращения к социокультурным основаниям организации китайского общества и системы межличностных отношений. Коммуникативное поведение в данном контексте определяется не только языковыми нормами, но и устойчивыми социальными моделями, регулирующими взаимодействие участников общения.

Одной из ключевых концепций, позволяющих описать структуру социальных отношений, является теория дифференцированных социальных кругов (差序格局 chāxù géjú), предложенная Фэй Сяотун. Согласно данной концепции, китайское общество имеет структуру дифференцированных социальных кругов (差序格局 chāxù géjú), где отношения между людьми строятся на основе сети взаимных обязательств, напоминающей круги, расходящиеся по воде от брошенного камня [4, с. 68–70]. В отличие от западной организационной моде-

ли (团体格局 tuántǐ géjú), где люди объединяются в группы с четкими границами, китайская модель представляет собой эгоцентрические сети, в которых каждый индивид находится в центре собственного круга отношений, расширяющегося или сужающегося в зависимости от социального положения [4, с. 70–72].

В рамках этой структуры ключевую роль играют концепты 关系 (guānxi) — сеть личных связей, 面子 (miànzi) — социальный престиж, а также 人情 (rénqíng) — система взаимных обязательств. Эти элементы регулируют социальное поведение и коммуникативные стратегии в китайском обществе [4, с. 946–948].

Существенный вклад в интерпретацию этих механизмов вносит теория социального обмена, разработанная Хван Кван-ку, в которой межличностные отношения рассматриваются как система взаимодействий, подчиненных различным правилам распределения ресурсов и коммуникативным стратегиям. В рамках этой модели выделяются три типа межличностных отношений, каждый из которых характеризуется определенным правилом распределения ресурсов и коммуникативными стратегиями (см. таблицу 1) [6, с. 946–949].

Таблица 1

Типы межличностных связей в модели Хван Кван-ку

Тип отношений	Характеристика	Правило обмена	Коммуникативная стратегия
Экспрессивная связь	Возникает главным образом среди членов таких первичных групп, как семья, близкие друзья и другие конгениальные группы.	Правило потребности Каждый член должен делать все возможное для семьи, а семья, в свою очередь, предоставляет ему ресурсы, необходимые для жизни.	Открытость, подавление любого проявления недовольства/ агрессии, помощь друг другу, чтобы способствовать гармонии и целостности группы.
Инструментальная связь	Нестабильная, временная связь. Связь является способом достижения целей. Иногда участники данной связи даже не знают личных данных друг друга; экспрессивность незначительна.	Правило справедливости Индивид применяет универсальный, а не личностный принцип, чтобы одинаково относиться ко всем людям в этой связи.	Рациональность, безличность, универсальность правил, немедленная или четко оговоренная взаимность, готовность к разрыву отношений при нарушении правила справедливости, минимальная экспрессивная составляющая.
Смешанная связь	Это отношение, в котором индивид стремится влиять на других людей с помощью 人情 и 面子. Участники данной связи обычно знакомы друг с другом (соседи, одноклассники, коллеги). Продолжительность связи длиннее, чем инструментальной.	Правило 人情(эмпатии) Данная стратегия нацелена на сохранение межличностной гармонии, укрепление репутации участника и обеспечение доступа к ресурсам в перспективе.	Ориентация на долгосрочное поддержание отношений посредством соблюдения правила 人情 за счет косвенных форм коммуникации, избегания открытого конфликта и отсроченного характера взаимных обязательств.

На первый взгляд, деловая коммуникация, реализуемая в рамках переговоров и заключения контрактов, должна относиться к инструментальному типу: стороны вступают в контакт ради достижения конкретных материальных целей, их взаимодействие ограничено во времени и направлено на получение взаимной выгоды. Однако в китайской культурной и социальной реальности это формальное отнесение оказывается ошибочным. Деловая коммуникация в Китае последовательно приобретает черты смешанной связи, что обусловлено рядом структурных, нормативных и стратегических факторов.

Со структурной точки зрения любой новый партнер включается в уже существующую сеть связей либо через общих знакомых (关系 *guānxi*), либо через постепенное накопление взаимных обязательств (人情 *rénqíng*). Даже при изначально инструментальной природе контакта (например, в формате деловой переписки) он со временем подвергается персонализации и включается в систему межличностных связей.

Ключевое понятие 关系 *guānxi* означает не просто «связь», а устойчивую, часто долгосрочную, сеть взаимных обязательств, которая возникает не только из родства, но и из общего опыта (совместная учеба, работа, землячество) [6]. В китайской деловой практике редки случаи, когда стороны взаимодействуют исключительно на основе письменного контракта и не поддерживают личных отношений. Напротив, успешный бизнес строится на том, что партнеры становятся частью одной сети, то есть переходят из разряда «чужих» (外人 *wàirén*) в разряд «своих» (自己人 *zìjǐ rén*).

С нормативной точки зрения в деловой коммуникации начинает действовать не правило справедливости, характерное для инструментальных связей, а правило 人情 (*rénqíng*). Хван выделяет три значения 人情: эмоциональная отзывчивость, ресурс социального обмена и социальная норма, предписывающая поддерживать контакты и помогать членам своей сети [6, с. 950–952]. В деловом контексте это означает, что:

- ожидание взаимности не ограничивается рамками одной сделки. Оказанная услуга «создает» долг, который может быть погашен в другой сфере или в другое время;
- отказ от просьбы (даже если она коммерчески необоснованна) воспринимается не как рациональное решение, а как нарушение 人情 *rénqíng* и угроза 面子 *miànzi* (лицу, престижу) просителя;
- критика и несогласие облекаются в косвенные формы именно потому, что прямое выражение негатива в смешанной связи разрушает гармонию и ведет к потере лица.

Таким образом, даже когда содержание переговоров кажется сугубо деловым, форма и стратегия общения подчиняются нормам смешанной связи. Формулировки наподобие «мы подумаем» вместо прямого «нет» или «ваша цена не очень конкурентоспособна» вместо «снижайте цену» не являются случайными эвфемизмами. Подобные высказывания обусловлены тем, что стороны взаимодействуют не как временные контрагенты, а как участники общей сети, где игнорирование механизмов имплицитной коммуникации разрушает долгосрочные отношения.

Учитывая стратегические основания, в инструментальной связи стороны не ожидают продолжения контакта после завершения сделки, поэтому могут позволить себе торг, жесткие условия, даже разрыв. В китайской деловой культуре, напротив, партнеры изначально ориентированы на долгосрочное сотрудничество. Как отмечает Хван, в смешанной связи «Обе стороны не только ожидают продолжения этой связи, но и предвидят, что некоторые другие люди из их окружения могут быть осведомлены об их отношениях и оценивать их взаимодействие в соответствии со своими социальными нормами» [6, с. 949]. Это означает, что каждое выстраивание деловых отношений происходит «на глазах» у более широкой сети, что усиливает необходимость следовать правилам 人情 *rénqíng* и сохранять 面子 *miànzi*.

Стратегически выгодно превращать инструментальную связь в смешанную, поскольку именно в смешанных связях действуют механизмы особого отношения: гибкость в ценообразовании, приоритет в поставках, доступ к закрытой информации. Поэтому китайские предприниматели и менеджеры сознательно инвестируют в «установление 关系 *guānxi*» через по-

дарки, совместные обеды, общих знакомых, публичное признание статуса партнера [6, с. 960–961].

Игнорирование гибридного характера деловой коммуникации в китайском социокультурном контексте приводит к коммуникативным сбоям, искаженной интерпретации намерений партнера и снижению эффективности взаимодействия. Проведенный анализ показывает, что китайский деловой дискурс определяется совокупностью социокультурных факторов.

Учет механизмов имплицитности и категорий 关系 *guānxi*, 面子 *miànzi* и 人情 *rénqíng* позволяет более адекватно интерпретировать коммуникативное поведение контрагентов из КНР и снижать риски межкультурного взаимодействия. Полученные выводы могут быть использованы при разработке практических рекомендаций по ведению деловых переговоров в межкультурной среде.

Литература

1. Бычихина О. В. Анализ основных коммуникативных моделей российского и китайского бизнес-дискурсов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 5(21). С. 45–53.
2. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 37–51.
3. Ding D. D. An indirect style in business communication // Journal of Business and Technical Communication. 2006. Vol. 20, No. 1. P. 1–22.
4. Fei X. From the soil: the foundations of Chinese society: a translation of Fei Xiaotong's *Xiangtu Zhongguo* / with an introduction and epilogue by G. G. Hamilton, Z. Wang. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1992. 173 p.
5. Hall E. T. Beyond culture. New York: Anchor Books, 1976. 256 p.
6. Hwang K.-K. Face and favor: the Chinese power game // The American Journal of Sociology. 1987. Vol. 92, No. 4. P. 944–974.

Сведения об авторе

Катулина Вероника Олеговна, студентка 1-го курса, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, e-mail: KatulinaVeronika@yandex.ru

Katulina Veronika Olegovna, 1nd year student, Moscow Pedagogical State University; Moscow

Научный руководитель

Дашеева Вера Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, e-mail: vv.dasheeva@mpgu.su

Dasheeva Vera Vitalievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Moscow State Pedagogical University, Moscow

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНОГО КОНТЕНТА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

© Масленникова София Эдуардовна
Иркутский госуниверситет, г. Иркутск
sophiramasl95@gmail.com

Рассматривается потенциал использования интерактивных инструментов в целях развития лексической компетенции. Анализируется инструментарий интерактивной платформы Genially с целью выявления возможностей создания вспомогательных упражнений для учащихся пятых классов на уроках китайского языка. В работе представлены примеры разработанных интерактивных упражнений (игра «мемо», «сценарий с разветвлением»), направленных на семантизацию новых лексем и их автоматизацию в речи. Особое внимание уделяется преимуществам использования визуальных опор и мгновенной обратной связи для повышения мотивации школьников.

Ключевые слова: лексическая компетенция, лексический навык, интерактивный контент, китайский язык, интерактивная платформа Genially.

THE USE OF INTERACTIVE CONTENT IN THE PROCESS OF DEVELOPING LEXICAL COMPETENCE IN CHINESE LANGUAGE LESSONS

Maslennikova Sofia Eduardovna
Irkutsk State University, Irkutsk
sophiramasl95@gmail.com

The potential of using interactive tools for the development of lexical competence is considered. The toolkit of the interactive platform Genially is analyzed in order to identify the possibilities of creating auxiliary exercises for fifth grade students in Chinese lessons. The paper presents examples of developed interactive exercises (the game «memo», «branching scenario») aimed at the semantics of new lexemes and their automation in speech. Special attention is paid to the advantages of using visual supports and instant feedback to increase students' motivation.

Keywords: lexical competence, lexical skill, interactive content, Chinese language, interactive platform Genially.

На современном этапе развития науки и общества, когда визуализация и геймификация в сфере образования кажутся естественными способами восприятия информации, внедрение интерактивного контента приобретает особую значимость и на смену традиционным репродуктивным методам все чаще приходят цифровые решения.

Целью данного исследования является изучение теоретических особенностей формирования лексической компетенции с применением интерактивного контента и разработка соответствующих упражнений на материале китайского языка. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) раскрыть понятия «лексическая компетенция» и «интерактивный контент»; 2) проанализировать возможности интерактивной платформы Genially с целью выявления релевантности ее использования для формирования лексической компетенции; 3) на рассматриваемой платформе разработать упражнения, направленные на развитие лексической компетенции.

Интерактивный метод обучения иностранному языку способствует высокой степени вовлеченности обучающихся, а также позволяет не только интенсифицировать семантизацию новых лексем, но и создавать адаптивную среду для автоматизации их в речи.

Лексическая компетенция — это «знание словарного состава языка и способность им пользоваться в процессе общения» [1, с. 121]. Лексическая компетенция включает в себя лексический навык — «способность мгновенно вызывать из долговременной памяти эталон слова в зависимости от конкретной речевой задачи и включать его в речевую цепь [5, с. 85].

Исходя из определений, данных в [1] и [3], а также термина, использованного в [2], интерактивный контент — это формы и содержание обучения, включающие в себя обратную связь между педагогом или средством обучения и учащимися для вовлечения последних в активную познавательную деятельность и обеспечивающие поддержание мотивации учеников и опытное усвоение материала.

Для разработки упражнений нами был выбран учебно-методический комплекс «Китайский язык. Второй иностранный язык» серии «Время учить китайский» для пятого класса [4]. Данный УМК включает в себя ряд интерактивных упражнений, так или иначе подходящих под определение интерактивного контента. В учебнике для пятого класса в рубрике «Учимся вместе!» встречаются интерактивные упражнения, например, задание, схожее с игрой «Музыкальные стулья», а в конце учебника представлена настольная игра по пройденному материалу. В основном встречающиеся интерактивные задания направлены на межличностную коммуникацию под руководством учителя и не предусматривают использование ИКТ-технологий.

Для того, чтобы разнообразить обучение китайскому языку в пятом классе, нами были разработаны интерактивные упражнения на платформе Genially [6]. Данный ресурс предлагает большое количество различных шаблонов для презентаций, инфографики и викторин. Большую часть предложенного ассортимента сайта составляют различные игры, предназначенные для геймификации процесса обучения. Genially удобна тем, что для использования необязательно скачивать приложение, достаточно просто зайти на сайт по ссылке.

Среди предложенных шаблонов заданий в разделе «Interactive questions» присутствуют одиночный и множественный выбор, оценка утверждения «верно/неверно», вопросы, ответ на которые дается путем выбора подходящего изображения, сортировка, заполнение пропусков предложенными словами и ввод короткого ответа, а также сценарий с разветвлением. Также на платформе есть раздел «Interactive elements», включающий в себя всплывающие окна, подсказки, кнопки, окна-ссылки и стикеры, например, GIF-изображение аплодисментов. С помощью кнопки можно открыть окно или подсказку, проиграть аудиозапись или открыть ссылку и так далее. Каждый из элементов этого раздела можно сделать интерактивным. Используя перечисленные шаблоны, можно разнообразить презентацию, создав тест. Ресурс предусматривает работу с искусственным интеллектом, однако разработка заданий с ним находится в бета-версии и часто предполагает наличие платной подписки.

Для разработки заданий нами было выбрано несколько шаблонов. Представленные упражнения направлены не только на изучение слов из конкретных уроков из УМК, но и на активизацию словаря пройденных уроков.

В ходе исследования была сконструирована игра «мемо», или «найди пару» по уроку 15 **我爸爸是医生** [4, с. 106–111]. В начале задания ученикам представляется вокабуляр урока: 医生 yīshēng ‘врач’; 弟弟 didi ‘младший брат’; 邻居 línjū ‘сосед, соседка’; 它们 tāmen ‘они’; 奶奶 nǎinai ‘бабушка’; 爷爷 yéye ‘дедушка’; 喜欢 xǐhuan ‘нравиться, любить’; 可是 kěshì ‘но, однако’. После этапа проговаривания лексических единиц следует задание-мемо: ученик должен подобрать к каждой карточке с картинкой подходящее слово на китайском языке. Данное упражнение направлено на запоминание слов с помощью визуальной опоры, способствует зрительной фиксации иероглифического образа. Такое задание можно давать ученикам на домашнее выполнение как вспомогательное, а также тренировать в классе под контролем педагога.

Также на платформе была создана игра типа «сценарий с разветвлением» на повторение пройденного материала. Упражнение представляет собой диалог с ученицей по обмену из Китая, цель учащегося — «подружиться» с ней. В диалоге ученику дается выбор ответа на

вопрос героини. Например, на ее вопрос 你好! 我是中国留学生。我叫丁云。你叫玛丽吗? можно ответить 1. 你好! 对。我是玛丽。 и 2. 不是! 我是季马。 Если выбрать позицию 1, то Дин Юнь ответит 很高兴认识你, 玛丽! 你喜欢蛋糕吗?, на что можно ответить 3. 我很喜欢蛋糕! или 4. 我不喜欢蛋糕。我喜欢比萨饼。 Если выбрать позицию 2, то героиня ответит: 对不起! 认识你我很高兴。你是中学生吗? . Продолжить беседу можно либо 5. 是, 我是中学生。你喜欢打篮球吗?, либо 6. 是, 我是中学生。你学习英语吗? . Неважно, был ли выбран вариант 3 или 4, героиня ответит 好啊! 跟我一起去吃吗?, на что можно ответить как 好! 我们去食堂。 и 谢谢你! . Обе позиции приведут к тому, что ученик подружится с Дин Юнь. Если было выбран вариант 5, то Дин Юнь скажет 我不喜欢。我哥哥很喜欢打篮球。 Можно спросить героиню: 7. 好啊。你喜欢什么? и 8. 你哥哥在哪儿? Если выбрать вариант 8, что подружиться Дин Юнь не получится (появится сообщение «У вас с Динь Юнь не оказалось общих интересов: она не любит баскетбол, а ты не спросил, что именно нравится ей. Зато с ее братом-баскетболистом ты можешь подружиться!»), но если выбрать вариант 6 или 7, то героиня ответит: 我喜欢学习英语。Hello!我也很喜欢音乐。 Оба появившихся варианта ответа 我也喜欢音乐! и 好啊! 跟我一起去吃吧! ведут к тому, что учащийся сможет подружиться с Дин Юнь.

В задании есть несколько сюжетных линий, выбор ответа влияет на то, достигнет ли учащийся цели. Данное упражнение развивает запоминание лексических единиц в контексте, тренирует активный словарь и активизирует пассивный. Такое задание будет еще более эффективным при условии выполнения его в классе под руководством учителя: например, ученик должен не просто выбрать реплику, но и прочитать вопрос и варианты ответа вслух и перевести; описать настроение героини после выбранной реплики (丁云很高兴); сделать краткий пересказ пройденного сюжета (丁云是中国留学生。她很喜欢学习英语。她还喜欢音乐。我也喜欢音乐。丁云是我的朋友。).

Оба разработанные на платформе Genially задания можно использовать в классе. Упражнения наглядны, что может способствовать повышению мотивации учащихся. Среди недостатков бесплатной версии рассматриваемой платформы можно отметить ресурсозатратность, невозможность отслеживать статистику выполнения заданий учениками и невозможность аудиосопровождения лексических единиц: предлагается либо запись голоса, либо подключение ссылки без возможности загрузки аудиоключа. Кроме того, для некоторых пользователей может быть неудобен англоязычный интерфейс платформы, однако во время создания упражнений можно воспользоваться переводом страницы в браузере.

Подводя итоги, можно сказать, что интерактивный контент в форме вспомогательных упражнений, созданный на платформе Genially, может быть полезен для развития лексической компетенции обучающихся. Несмотря на наличие некоторых особенностей, Genially может применяться для конструирования заданий, соответствующим разным этапам работы с лексикой, которые можно использовать для того, чтобы разнообразить процесс обучения и геймифицировать образовательное пространство, повысить интерес учащихся к изучению китайского языка и отслеживать прогресс его изучения.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Антипьева И. А. Применение методов интерактивного обучения в процессе использования приемов и упражнений по обучению лексическому материалу на практических занятиях по иностранному языку (на примере китайского языка) // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 3.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

4. Сизова А. А., Фу Чэнь, Чжу Чжипин. Китайский язык. Второй иностранный язык. 5-й класс: учебник для общеобразовательных организаций. Москва: Просвещение, 2019. 146 с. (Время учить китайский!).

5. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. 4-е изд. Москва: Просвещение, 2006. 239 с.

6. Genially. URL: <https://genially.com/> (дата обращения: 12.04.2026).

Сведения об авторе

Масленникова София Эдуардовна, студентка, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: sophiramasl95@gmail.com.

Maslennikova Sofia Eduardovna, student, Irkutsk State University, Irkutsk.

Научный руководитель

Кирюхина Любовь Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: lyubabukhtulova@mail.ru

Kiryukhina Lyubov Vladimirovna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof., Irkutsk State University, Irkutsk.

**ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО НА КИТАЙСКИЙ:
АВТОПЕРЕВОД И АНДРОГИННАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЛИНЬ ЮЙТАНА «МЕЖДУ СЛЕЗАМИ И СМЕХОМ»)**

© Машанова Валерия Евгеньевна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
valninglin@gmail.com

В статье сравниваются два китайских перевода романа Линь Юйтана «Between and Laughter» (1943): автоперевода, выполненного самим автором в 1944 г., и перевода Сун Биюнь, созданного на Тайване в эпоху «белого террора». Цель работы — показать, как личность переводчика и внешние обстоятельства влияют на перевод. Автоперевод Линь Юйтана направлен на адаптацию западных реалий к китайской культуре (стратегия доместикации). Перевод Сун Биюнь, напротив, под давлением политической цензуры использует радикальные сокращения, лексические замены и добавления автобиографического материала, нейтрализуя исходный политический пафос. Сопоставление двух переводов доказывает, что перевод — это не только языковой, но и политический акт.

Ключевые слова: Линь Юйтан, автоперевод, субъективность переводчика, доместикация, андрогинность, политическая цензура, англо-китайский перевод.

**PROBLEMS OF ENGLISH–CHINESE TRANSLATION:
SELF-TRANSLATION AND ANDROGYNOUS SUBJECTIVITY
(A CASE STUDY OF LIN YUTANG’S NOVEL «BETWEEN TEARS AND LAUGHTER»)**

Mashanova Valeria Evgenievna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
valninglin@gmail.com

The article compares two Chinese translations of Lin Yutang’s novel *Between and Laughter* (1943): the author’s own self-translation made in 1944, and the translation by Song Biyun, produced in Taiwan during the era of the «White Terror». The aim of the study is to show how the translator’s personality and external circumstances affect the translation. Lin Yutang’s self-translation aims to adapt Western realities to Chinese culture (domestication strategy). Song Biyun’s translation, by contrast, under pressure from political censorship, employs radical omissions, lexical substitutions, and additions of autobiographical material, thereby neutralizing the original political pathos. The comparison of the two translations demonstrates that translation is not only a linguistic act but also a political one.

Keywords: Lin Yutang, self-translation, translator’s subjectivity, domestication, androgyny, political censorship, English-Chinese translation.

Линь Юйтан (1895–1976) — китайский писатель, ученый и философ. Он писал свои книги на английском языке для западных читателей, а затем нечасто переводил их на китайский сам. Один из этих романов — «Between Tears and laughter» (1943). В 1944 г. Линь Юйтан выпустил свой автоперевод под названием 《啼笑皆非》 (первые 11 глав перевел он, остальные Сюй Чэнбинь). Позже, в 1960-х гг., на Тайване появился другой перевод, выполненный Сун Биюнь. Для чего сравниваются эти два перевода? Потому что они показывают, как сильно могут различаться переводы одного и того же текста. Различия связаны не только с языком, но еще и с исторической обстановкой, а также с целями переводчиков. В современной науке это называют «субъективностью переводчика» — способностью переводчика принимать самостоятельные решения и влиять на этот текст.

1. Что такое субъективность переводчика?

Раньше считалось, что переводчик — это просто «мост» между языками. Он должен точно передать смысл оригинала и не добавлять ничего от себя. Однако с 1970-х гг. в науке о переводе произошел «культурный переворот». Исследователи признали, что переводчик всегда активно вмешивается в текст. Его личность, убеждения, цели и даже политическая ситуация влияют на результат. Китайские ученые Ту Гоюань и Чжу Сяньлун дали такое определение: субъективность переводчика — это «своего рода субъективная инициатива, которую переводчик проявляет в переводческой деятельности, направленной на удовлетворение потребностей культуры языка перевода, находясь под влиянием внешней среды и собственного горизонта» [2, с. 97]. В этой работе также используется понятие «андрогинный другой» предложенное Ли Чанбао и Ли Цзин [1, с. 56]. Оно основано на традиционном противопоставлении: оригинал — «мужской» (активный, главный), перевод — «женский» (пассивный, вторичный). Когда переводчик берёт на себя власть над текстом, меняет его, он проявляет «андрогинные» черты — соединяет активность и восприимчивость. Это помогает анализировать перевод Сун Биюнь.

1. Автоперевод Линь Юйтана: цель и стратегия

Линь Юйтан написал свой роман на английском в 1943 г., во время Второй мировой войны. Япония оккупировала большую часть Китая. Западные союзники (США и Великобритания) помогали Китаю, но, по мнению Линь Юйтана, недостаточно. Писатель хотел разоблачить их эгоизм и лицемерие. Однако его английский вариант был адресован западным читателям, чтобы донести свои мысли до китайцев, он быстро сделал автоперевод. В предисловии он написал: «Оригинал был написан для западных читателей, это как прописать лекарство под конкретный недуг» [3, с. 2]. Цель перевода была патриотической: предостеречь соотечественников, призвать их полагаться на свои силы. Для достижения этой цели Линь Юйтан выбрал стратегию доместикации. Доместикация — адаптация текста к культуре языка перевода. Переводчик делает текст «своим» для читателя, заменяет непонятные западные реалии знакомыми китайскими образами.

Линь Юйтан сформулировал три принципа перевода: чжунши (忠實, верность), туншунь (通順, беглость), мэй (美, красота). Как отмечает Ван Сяньхуй, «чтобы достичь цели перевода, чтобы больше читателей поняли его идеи, Линь Юйтан должен был максимально приблизить перевод к китайским читателям» [2, с. 97]. Проиллюстрируем это примерами.

Пример первый (агитационная фраза). В оригинале сказано: I knew as well as any American that America was shipping oil and scrap iron to Tokyo to bomb Chinese women and children. Линь Юйтан перевел: «美国运汽油烂铁供给日本轰炸中国妇孺, 这美国人知道, 我也知道». Повтор «知道...知道» — это придает фразе ритм, как в китайской ораторской речи. Слово «烂铁» (ржавое железо) звучит грубее и эмоциональнее, чем в нейтральное *scrap iron*.

Пример два (передача культурных реалий). В оригинале упоминается французский предсказатель Нострадамус. Для китайского читателя это имя ничего не значит. Линь Юйтан пишет: «我们不能效诺斯特拉达姆士 (Nostradamus, 欧洲的刘伯温, 生于十六世纪) 预言其详». Он добавляет пояснение: «европейский Лю Бовэнь». Лю Бовэнь — легендарный китайский предсказатель эпохи Мин. Этот пример называется культурной аналогией. Читатель может понять, о ком идет речь.

Пример третий (художественный образ). В оригинале есть описание: a shape that comes behind us on a silent night and suddenly puts its hands across our eyes and whispers? «Guess who?». Линь Юйтан перевел: «像个巫山神女, 在我们半夜三更闭门独坐之时, 偷进室内, 用手从后头掩住我们的双眼, 轻声地说: «你猜是谁?». «Вместо абстрактного «shape» (нечто бесформенное) он использует образ «巫山神女» — феи с горы Ушань из древней китайской поэзии. Это делает текст красивее и понятнее.

Таким образом, Линь Юйтан активно перерабатывает текст: дробит длинные английские предложения, добавляет китайские идиомы, создает ритм. Его субъективность направлена на

усиление авторского послания. Он действует как «культурный посредник», который хочет убедить писателя.

2. Перевод Сун Биюнь: вынужденная трансформация

Перевод Сун Биюнь создавался в принципиально иных условиях — на Тайване в эпоху «белого террора», когда любые высказывания жестоко преследовались, если могли быть истолкованы как критика западных союзников или сочувствие коммунизму. Ли Чанбао и Ли Цзин писали, «страх перед репрессиями за «пропагандирующую» литературу заставил ее полностью нейтрализовать политический пафос Линь Юйтана» [1, с. 59].

Сун Биюнь предприняла радикальные меры: из 23 глав оригинала она удалила 8 (о Третьей мировой войне, будущем Азии, критике Черчилля). На лексическом уровне конкретные названия стран заменены на абстрактные «某方» (некая сторона), «甲国» (государство А). Это лишило текст конкретики. Читатель не может понять, кого именно критикует автор.

Пример четвертый (деполитизация). Вместо упоминаний «Anglo-American», «Churchill» в переводе Сун Биюнь появляется «某氏» (некий господин). Как отмечают исследователи, это блестящий, хотя и вынужденный, ход, позволяющий сохранить видимость текста, лишив его опасного содержания. Кроме того, Сун Биюнь избегает использования классических китайских фразеологизмов, заменяя конфуцианское «治国平天下» (управлять государством и устанавливать мир в Поднебесной) на нейтральное «家庭和平, 国内和平» (мир в семье, мир в стране) [1, с. 60]. Она также сознательно нейтрализует гендерно окрашенные выражения (например, danseuses переводит как «舞蹈者»).

Сун Биюнь, формально находясь в подчинённом («женском») положении по отношению к тексту авторитетного автора, проявила колоссальную «мужскую» активность, взяв на себя роль цензора и соавтора. Ли Чанбао и Ли Цзин характеризуют её как «андрогинного другого»: она не создала копию, а создала новый независимый текст, позволивший произведению выжить в ином социокультурном контексте.

Сопоставление двух переводов позволяет выделить два полярных типа переводческой субъективности. Тип А (Линь Юйтан) — субъективность «культурного посредника»: движущая сила — патриотическая цель; отношение с автором — полное совпадение; отношение с читателем — диалог на равных; активность — созидательная, направленная на усиление и украшение текста. Тип Б (Сун Биюнь) — субъективность «андрогинного другого»: движущая сила — инстинкт самосохранения текста; отношение с автором — вынужденный конфликт; активность — вынужденно-творческая, направленная на нейтрализацию и сокращение.

Проведённый анализ показывает, что перевод — это не просто лингвистическая операция, а социально-культурный и политический акт. Один и тот же исходный текст в руках двух переводчиков в разных исторических контекстах превратился в два разных произведения. Линь Юйтан доказал, что перевод может быть актом высокого искусства и гражданского мужества. Сун Биюнь доказала, что даже в условиях несвободы перевод может быть актом творчества и спасения, позволяя литературе жить в изменённом обличье.

Литература

1. 黎昌抱, 李菁. 雌雄同体的»她者«——译者主体性视角下宋碧云《啼笑皆非》汉译研究 // 北京第二外国语学院学报. 2017. № 2. С. 55–69.
2. 王显辉. 浅析林语堂自译本《啼笑皆非》 // 南昌航空大学学报 (社会科学版). 2014. Т. 16, № 2. С. 96–99.
3. 林语堂. 啼笑皆非 / 林语堂, 徐诚斌译. 北京: 群言出版社, 2010. 216 с.
4. 林语堂. 啼笑皆非 / 宋碧云译. 台北: 远景出版社, 1980. 205 с.

Сведения об авторе

Машанова Валерия Евгеньевна, студентка 4-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: valninglin @gmail.com

Mashanova Valeria Evgenievna, 4nd year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Ulan-Ude

Научный руководитель

Дышенов Александр Валерьевич, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: mr.graf3@gmail.com

Dyshenov Alexander Valeryevich, Research Assistant, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ОБРАЗОВАНИЕ В КОРЕЕ: ИСТОРИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ

© Мункуева Туяна Саяновна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
kontt4567@gmail.com

От искоренения неграмотности при Ли Сынмане до создания высокотехнологичной модели Шестой республики. Особое внимание уделено трансформации школы из инструмента государственной мобилизации в систему, ориентированную на глобализацию. Автор подчеркивает связь между историческим наследием, культом экзаменов и современными вызовами корейского общества.

Ключевые слова: Южная Корея, история образования, уровень грамотности.

EDUCATION IN KOREA: HISTORY AND ITS INFLUENCE

Munkueva Tuyana Sayanovna

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
kontt4567@gmail.com

From the eradication of illiteracy under Syngman Rhee to the creation of the high-tech model of the Sixth Republic, special attention is paid to the transformation of schools from an instrument of state mobilization to a system oriented toward globalization. The author emphasizes the connection between historical legacy, the cult of examinations, and the contemporary challenges of Korean society.

Keywords: South Korea, History of education, literacy rate.

В период династии Чосон (1392–1910) образование было в основном привилегией для богатых знатных представителей мужского пола. Однако отбрасывая в сторону эту часть образования в те годы, оно служило важным инструментом социальной мобильности, которая заключалась в подготовке к государственной службе через сдачу экзамена Кваго. Поступление на государственную службу означало бы для семьи почет и уважение, но также это было способом обеспечить спокойное существование для рода на десятилетия вперед. Кроме социального роста в обществе успешная сдача экзамена Кваго означала бы выполнение одного из главных обязательств сына, которое заключалось в прославлении имени своих родителей. Это считалось высшим проявлением сыновней почести. Это касалось в основном мужчин, так как женщины получили отличное от них образование, завязанное в основном на поддержании очага семьи. Например, девочек из знатных семей обучали на дому. Дисциплины, которые они изучали входили понятия такие как: этикет, письмо, этикет, ведение домашнего хозяйства и конфуцианским добродетелям: послушание мужской половине семьи. Так же государство специально для женщин издавало учебник «Наставление для женщин» где акцент был на моральном воспитании.

Ситуация начала меняться во второй половине XIX в. и это было связано с острым национальным кризисом, который был начат из-за того, что старая система не могла отвечать на запросы общества. Но также кризис был связан с началом постепенного насильственного открытия Кореи или же миссионерскими миссиями США и Европы в Корею тех годов. Чтобы вытянуть страну из кризиса, просвещенный слой общества понимал, что нужно в корне менять систему образования, которое бы вырастило людей, способных решить его. Потому первым шагом можно считать открытие первой частной школы в портовом городе Вонсан. За ней открылась первая государственная школа Юкген Гонгвон в Сеуле. Более значимыми событиями стали реформы года Кабо (1894). В реформы вошли: отмена экзамена Кваго, а с ним вместе изучение конфуцианских классик. Было официально объявлено равенство в по-

лучении образования, то есть был положен конец дискриминации по сословному признаку. В связи с этим официальные документы и учебные материалы были переведены и стали составляться на хангыле, который был в разы легче чем сложные китайские иероглифы.

Во времена японской оккупации образование также существовало, но оно было полностью подчинено японскому генеральному представительству. В этой системе корейская история, культура и язык были полностью под запретом, но также и корейцы придавались национальной дискриминации. Позже корейцам было разрешено посещать школы, но национальное наследие корейского народа так же существовало под запретом.

Однако существовало подпольное и неофициальное образование в годы японской оккупации. Оно стало формой интеллектуального сопротивления и способом сохранения национальной идентичности.

Корейские националисты основывали ночные школы, где могли осуществлять запрещенную просветительскую деятельность. Аудиторией для них становились рабочие и бедные дети, которые не могли посещать официальные учебные заведения. Их обучали грамоте, истории Кореи и основам национального самосознания.

Студенты создавали подпольные кружки и клубы, где могли обсуждать политику и читать запрещенную литературу. Такие группы по интересам в основном и становились ячейками движения за независимость.

Стоит упомянуть также и домашнее обучение, где родители передавали своим детям знания истории и обучали корейскому алфавиту хангыль.

Наказания за подпольную организацию обучения запрещенной информации были жестокими, так как данные деяния были приравнены к государственной измене. Участников данной деятельности подвергали пыткам, тюремному заключению, а также смертной казни. Несмотря на данные меры, предпринятые японским правительством, подпольная деятельность не угасала, продолжая сохранять и передавать следующим поколениям национальную идентичность. После освобождения от японского протектората именно выпускники таких неофициальных школ стали основой политической и интеллектуальной элиты общества. Однако в целом рассматривая общество, грамотность на момент освобождения Кореи от японской оккупации составляла 20%.

После 1948 г. правительство Ли Сынмана адаптировало американскую модель внедренную в 1945–1948 гг., под местные реалии и ограниченные ресурсы. Была введена школьная система «6-3-3-4», другими словами, 6 лет начальной школы, 3 года средней школы, 3 года старшей школы и 4 года высшего образования. Была также упразднена система, в которой контроль над школами осуществлялся через местные советы, за место них пришло министерство образования. Это позволило выпускать одинаковые учебные планы и проводить сертификацию учителей.

В 1949 г. правительство Ли Сынмана выпускает закон об образовании, по которому начальная школа теперь считалась обязательной для детей от 6 до 12 лет. Благодаря этому закону к концу 1950-х уровень охвата начальным образованием в стране превысил 95%.

Реформы, повлиявшие на образование, были насыщены идеологическими и социальными установками, направленные на выживание государства. Например, образование использовалось как инструмент политической лояльности. В учебные программы включались разделы об опасностях коммунизма и в школах регулярно проводились антикоммунистические митинги. Конечно, система была не идеальна, так в среднюю и старшую школы были очень сложные экзамены на поступление, что стало фактором, который помог взрастить сектор частного образования или репетиторства. То есть увеличивая конкуренцию между учащимися и их семьями, создавая разные возможности.

В период третьей республики под руководством Пак Чонхи образование приобрело формы подготовки кадров для экономического подъема страны и укрепления государственной безопасности. Другими словами, общество Кореи подготавливалось к индустриализации. Так как образование в период Пак Чонхи было тесно связано с выпускаемыми пятилетними планами, оно ставило задачу перед собой развитие профессионально-технической ветви образо-

вания, чтобы выпускать квалифицированных кадров для заводов и строек. Образование ставило в одну из важнейших задач продолжение воспитания «патриотического духа». Оно должно было внушить гражданам преданность государству и готовность жертвовать личными интересами ради экономического процветания страны. Также продолжалась идеологическая борьба с коммунизмом на фоне противостояния с КНДР.

В 1968 г. была принята «Хартия национального образования», которая фактически стала моральным кодексом гражданина. В школах внедрялась военная дисциплина и физическая подготовка. По данной хартии главная цель ученика есть служение нации для достижения экономического успеха. В ней образование должно было объединить традиционные конфуцианские ценности с западным прагматизмом и трудовой этикой.

В 1969 г. была принята отмена вступительных экзаменов в среднюю школу. Это было сделано с целью снижения нагрузки на детей и уменьшения расходов родителей на частных репетиторов, а также уравнивать возможности учащихся. После принятия конституции Юсин в 1972 г. школа превратилась в институт дисциплины и националистической мобилизации. В учебных заведениях была введена обязательная военная подготовка для юношей и основы гражданской обороны для девушек. Дисциплина поддерживалась жестким контролем над внешним видом и поведением студентов. В 1974 г. правительство ввело систему распределения в старшие школы по принципу лотереи в определенных районах, отменяя вступительные экзамены для многих из них. После установления 5-й республики под руководством Чон Ду Хвана начались глубокие реформы, которые были направлены на снижение социального неравенства в обучении и модернизации высшей школы.

Реформа образования в 1980 г. были направлены на сокращения сектора частного образования:

- запрет частного репетиторства было продиктовано желанием создать равные условия для всех семей Кореи.

- отмена вступительных экзаменов в университеты. Они были заменены единым государственным тестом и учетом достижений учеников в старшей школе.

- система квот на выпуск. Университеты обязали принимать больше студентов, чем они могли выпустить. Диплом получали только лучшие, что должно было стимулировать студентов учиться усерднее уже после поступления. Этот период в истории образования можно охарактеризовать как инструмент социальной политики, а не идеологии:

- развитие образовательного вещания. Чтобы компенсировать запрет на репетиторство, была выпущена система учебных теле- и радиопрограмм, предоставляющая качественные лекции бесплатно для всех жителей страны.

- массовое высшее образование. Благодаря увеличению квот на прием количество студентов в вузах выросло в период с 1980 по 2000 г., что создало огромный слой высококвалифицированных кадров.

- акцент на здоровье и творчество. В школьную программу добавили больше часов физической культуры, стали уделять внимание этике и эстетическому воспитанию.

Несмотря на авторитарный характер власти, реформы Пятой республики сделали образование более доступным и менее зависимым от благосостояния родителей. Однако запрет на репетиторство породил «черный рынок» образовательных услуг, который позже заставил государство легализовать их в 90-е гг.

В период Шестой республики, которая протекает в настоящий момент, это современный этап в истории Южной Кореи, начавшийся с перехода к полноценной демократии и прямых президентских выборов. Образование в этот отрезок времени трансформировалось из инструмента государственной мобилизации в гибкую систему, ориентированную на индивидуальность, глобализацию и высокие технологии. Ключевые реформы затронули упрощение систем вступительных экзаменов в вузы, стремясь снизить психологическую нагрузку на абитуриента и уменьшить зависимость от частных репетиторов. В 1997 г. был введен первый десятилетний план, вмещающий в себя базовую программу обучения. Данный план также предоставил ученикам право выбирать самостоятельно элективные курсы.

Современные тенденции в образовании включают в себя акцент на креативность и «ключевые компетенции», развивая у молодого поколения критический взгляд на вещи. В эти тенденции также выходит интернационализация, где университеты Республики Кореи внедряют международные программы, открывают курсы на английском языке и стремятся привлечь иностранных студентов для борьбы с демографическим кризисом.

Статический профиль Кореи, который составляет сейчас это, то, что Корея тратит около 8% ВВП на образование, при этом значительная доля приходится на частные расходы семей. Стоит также отметить как раз-таки огромный рынок частного образования, большую часть которого занимают хагвоны, или частные академии, где ученики компенсируют нехватку классных часов.

Подводя итоги, можно сказать, что дух времени непременно будет отражаться в тенденциях обучения, где правительство будет использовать образование в своих целях. Например, послевоенный период сфокусировал свое внимание на внедрение идеологии в учебные материалы, а также сделал акцент на получении технического образования, чтобы отвечать нуждам индустриализации. С приходом демократии в учебные программы стали добавлять больше элективных курсов, позволяя ученикам развивать критическое мышление, которые помогут в будущем поддержать экономику современного мира.

Литература

1. Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 626 с.
2. Ланьков А. Н. Модернизация в Восточной Азии: на примере Кореи // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 110–123.
3. Ланьков А. Н. Быть корейцем. Москва: Изд-во АСТ: Восток-Запад, 2006. 542 с.
4. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 томах. Т. 2. С 1905 г. до начала XXI в. Москва: Наталис, 2011. 499 с.
5. Син Хён Гва. Система образования в Республике Корея: история и современность // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4(37). С. 264–269.
6. Seth M. J. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002.
7. The 60-year History of Korean Education / ed. by Sun-Geun Baek. Seoul: Seoul National University Press, 2009.
8. Constitution of the Republic of Korea (1948, 1972, 1987) // Korea Legislation Research Institute. URL: re.re.kr (дата обращения: 23.04.2024).

Сведения об авторе

Мункуева Туяна Саяновна, студентка 4-го курса, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: kontt4567@gmail.com

Munkueva Tuyana Sayanovna, 4nd year student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Бритова Виктория Римовна, кандидат исторических наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: mengly@mail.ru

Britova Victoria Rimovna, Cand. Sci. (Hist.), Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *УЧИТЕЛЬ* В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

© Павловская Анастасия Александровна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
amalteertare@xmail.ru

В настоящей статье предпринимается попытка раскрыть, через какие лексические единицы реализуется концепт «учитель» в японском языке. Актуальность работы определяется почти полным отсутствием исследований данного вопроса. Были проанализированы особенности каждой лексической единицы путём дефиниционного анализа. В результате исследования было выяснено, что разнообразие эквивалентов, передающих разные оттенки, во многом обусловлено особенностями иероглифической письменности, а также то, что концепт «учитель» в японском языке многое унаследовал из того же концепта в китайском языке.

Ключевые слова: учитель, концепт, лексикография, японский язык.

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF THE *TEACHER* CONCEPT IN JAPANESE

Pavlovskaya Anastasiya Aleksandrovna

Dorzhii Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
amalteertare@xmail.ru

This article attempts to reveal through which lexical units the concept of «teacher» is realized in the Japanese language. The relevance of the work is determined by the almost complete lack of research on this issue. The features of each lexical unit were analyzed by means of a definitional analysis. As a result of the research, it was found that the variety of equivalents that convey different shades is largely due to the peculiarities of hieroglyphic writing, as well as the fact that the concept of «teacher» in Japanese has inherited a lot from the same concept in Chinese.

Keywords: teacher, concept, lexicography, Japanese language.

Хотя понятие концепта употреблялось в научном дискурсе ранее, в качестве лингвистического термина впервые слово «концепт» стало употребляться с 1997 г. филологом С. А. Аскольдовым. Учёный считает, что концепт является реальностью психофизической природы и связан с представлениями, которые возникают в нашем сознании. [5, с. 288] А. Л. Шарандин определяет термин «*концепт*» как мыслительную единицу, отражающую и интерпретирующую предметы и явления. Поскольку значение той или иной лексемы отражает суть понятийного концепта, основным средством выражения концепта является слово [7, с. 15–16]. В данной статье посредством лексикографического метода мы сделаем попытку обнаружить в лексических толкованиях слов наиболее стабильные признаки концепта.

Обратившись к русско-японскому словарю под редакцией А. И. Виноградова, мы обнаружили 7 эквивалентов слова «учитель» в японском языке: '教員', '教師', '教諭', '師', '先生', '恩師' и '師匠' [4]. Чтобы раскрыть особенности употребления каждого из эквивалентов, далее к каждому эквиваленту нами будет подобран перевод из японско-русского словаря под редакцией Н.И. Конрада [2], ниже будет дано значение, которое предлагают японский толковый словарь «Кодзиэн» [8] и онлайн словари «Weblio» [10] и «Kotobank» [9].

1. '教員' — «Преподаватель, учитель, педагогический персонал». Японские толковые словари дают следующие толкования слова: «Лицо, которое работает в учебном заведении и ведёт образовательную деятельность.»; «Человек, чья деятельность связана с образованием, воспитанием детей, учеников, студентов в учебном заведении.». В примерах даны предложения, где слово используется в контексте профессии, рода деятельности человека, связанной с

обучением и преподаванием: «この頃は、大学教員の名簿が手に入れにくくなってきた» («В последнее время стало сложно получить поимённый список преподавательского состава университета») и др. Что касается иероглифов, из которых состоит слово, первый иероглиф ‘教’ имеет значения «1. Преподавать, учить; 2. Объяснять, показывать», а ‘員’ — «Сотрудник, член персонала». Иными словами, данный эквивалент носит формальный оттенок и смысловой акцент ставится на принадлежность к преподавательскому составу.

2. ‘教師’ — «Преподаватель, учитель; педагог». У этого эквивалента присутствует и второе значение — «миссионер», что уже указывает на подчеркнутую «воспитательную» роль. ‘教師’ толкуется как «Человек, ведущий учебные занятия, обучающий искусствам; учитель; преподаватель в учебном заведении». Пример употребления: «教師は新しい教授法を試みた» («Учитель попробовал новый метод обучения.») и данное выше толкование слова указывает на определённые воспитательные функции человека, называемого ‘教師’. Слово состоит из иероглифов, значение первого из которых уже раскрыто выше, и иероглифа ‘師’ — «Учитель, духовный отец». Таким образом подчеркнута связь с обучением искусству и науке, но при этом сохраняется и формальный оттенок значения должности.

3. ‘教諭’ — «Учитель, наставник; преподаватель». В японских словарях дано значение учителя младших и средних учебных учреждений, который имеет официальную лицензию. Например: «そして、幼稚園教諭という免許を取らなければいけません。」 («Также необходимо получить лицензию воспитателя в детском саду»). В составе слова входит иероглиф ‘諭’ — «увещевать; предостерегать; уговаривать». То есть, данный лексический вариант концепта, как правило, употребляется в контексте обладания или получения учителем лицензии, и имеет «наставнический» оттенок.

4. ‘師’ — «Учитель». Данный эквивалент не является лексически-самостоятельной единицей, а присоединяется в качестве суффикса к названию мастерства, науки или искусства и обозначает профессионала данного дела или человека, который обучает данной науке или искусству. Таким образом, ‘師’ используется для конкретизации дела, в котором учитель достиг мастерства. Однако, важно отметить, что ‘師’ куда более часто обозначает не непосредственно учителя, а человека другой профессии (напр. ‘医師’ — «врач», ‘庭師’ — «садовник» и т.п.) или духовное лицо. Иначе говоря, данный суффикс имеет значение «человека, который заслужил уважение тем, что он достиг такой степени мастерства в той или иной деятельности, что у него можно учиться».

5. ‘先生’ — «Учитель, преподаватель». Это самый употребляемый лексический эквивалент, и в толковых словарях дано несколько значений данного слова: «Школьный учитель»; «Человек, преуспевший в знании и добродетели и обучающий им»; «Человек, родившийся ранее», «Обращение к человеку с уважаемой профессией». Также слово употребляется в качестве обращения к учителю и вообще человека с уважаемой профессией (врача и т.п.). Пример употребления в основном значении: «先生は私たちにたくさん宿題を課した。」 («Учитель задал нам много домашнего задания»). Особый смысл, который содержится в слове, становится понятным по значению иероглифов: ‘先’ — «впереди; раньше», ‘生’ — «жизнь; рождение». ‘先生’ — человек, который родился и жил ранее, это подразумевает некую мудрость, опыт, следовательно, учитель — мудрый человек, идущий впереди.

6. ‘恩師’ — «кн. [уважаемый] учитель». В толковых словарях даётся значение ‘恩師’ как учителя, который когда-то учил и к которому бывший ученик чувствует благодарность. Часто употребляется в связке со словом ‘世話’ «заботы, услуга», как в примере «私は恩師の世話でこの仕事に就いた» («Я поступил на эту работу благодаря моему учителю»). Первый иероглиф в составе слова 恩 имеет значения: «1. долг признательности, благодарность; 2. добро; благодеяние, одолжение». Данный эквивалент имеет особый оттенок — он употребляется по отношению к, как правило, бывшему учителю и подразумевает чувство благодарности к нему.

7. '師匠' — «Учитель, учительница (пения, игры на кото, икебана и т.п.)». Значения данного эквивалента: «Человек, который преподаёт в области науки, искусства; учитель»; «Человек, обучающий изящным видам искусств, таким как пение, танцы, музыка». Это лексическая единица с более узким значением, часто применяемая конкретно по отношению к учителям искусств, например: «踊りの師匠» («Учитель танцев»). Значение иероглифа '匠' — «Мастер, ремесленник», что подчёркивает то, что '師匠' обучает определённому мастерству.

Необходимо отметить, что все найденные эквиваленты имеют китайское происхождение и, следовательно, концепты «учитель» в японском и китайском языках пересекаются. Обратившись к русско-китайскому словарю, мы нашли следующие слова со значение «учитель»: '教师', '教员', аналогичные данным выше японским словам (иероглиф '師' и '員' — это упрощённые варианты иероглифов '師' и '員'), '老师' ('老' — «старый») и '导师' ('导' — «направлять, указывать путь») [1, с. 1221]. Как уже было указано в работе М. Г. Жанцановой и Д. Э. Дагбаева, этимология слова «учитель» в этих двух языках сходится в том, что учитель обозначается как «предшественник» [3, с. 35].

Это восходит к древней конфуцианской традиции. Одним из главных принципов в учении Конфуция была почтительность к старшим (включая отношение учеников к учителю). Более того, в конфуцианстве требования к личности учителя были высокими: учителем мог быть только тот человек, который обладает большим запасом знанием. Учитель должен постоянно стремиться к самообразованию и подавать пример в нравственном совершенствовании. Для него нет ничего постыдного в том, чтобы обратиться с вопросами к низшим. Истинный учитель получает полезные знания из общения со всеми, что иллюстрирует следующее суждение Конфуция: «Каждый из двух моих попутчиков — мой учитель. Я буду выбирать то хорошее, что есть в одном из них, а на ошибках другого буду учиться.» Следовательно, и уважение к такому учителю должно быть соответствующим [6, с. 272–274].

Обобщая всё вышесказанное, можно сказать, что концепт «учитель» в японском языке берёт начало из китайской культурной традиции, где особенностью концепта является то, что учитель — это тот, кто «идёт впереди», мудрый предшественник, который направляет, наставляет и подаёт пример. Иероглифическая форма письменности в японском языке позволила образовать несколько синонимичных слов, самостоятельных лексических единиц, с разными оттенками: от довольно сухих и официальных, до тех, которые выражают благодарность, уважение к мудрости учителя.

Литература

1. Большой русско-китайский словарь / Ван Цзы-юн, Ли И-фан, Лю Цзе-жун, Лю Цзе-жун и др.; под ред. Лю Цзе-жун. Пекин: Шанву иншугуань, 1993.
2. Большой японско-русский словарь / С. В. Неверов, К. А. Попов, Н. А. Сыромятников, Н. И. Фельдман, М. С. Цын; под ред. Н. И. Конрада. 4-е изд. Москва: Живой язык, 2007.
3. Жанцанова М. Г., Дагбаев Д. Э. Концепт «учитель» в современной лингвистике // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-uchitel-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Русско-японский словарь / С. Ф. Зарубин, А. М. Рожецкий; под ред. А. И. Виноградова. Москва: Русский язык, 1988.
5. Татарская Д. А. Понятие «Концепт» в системе наук о культуре // Вестник МГИМО. 2014. № 4(37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsept-v-sisteme-nauk-o-kulture> (дата обращения: 14.04.2026).
6. Чу Цзяньминь, Кошкарлова Н. Н. Реализация идей конфуцианства в педагогическом дискурсе: лингвокультурный комментарий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-idey-konfutsianstva-v-pedagogicheskom-diskurse-lingvokulturnyy-kommentariy> (дата обращения: 14.04.2026).

7. Шарандин А. Л., Мэн У. Лексикографическая репрезентация концептов как отражение эволюции языка и мышления // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskaya-reprezentatsiya-kontseptov-kak-otrazhenie-evolyutsii-yazyka-i-myshleniya> (дата обращения: 10.04.2026).

8. Kōjien // Internet Archive.org. URL: <https://archive.org/details/kojien0000shin/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 10.04.2026).

9. コトバンク. URL: <https://kotobank.jp/> (дата обращения: 10.02.2026).

10. Weblio 辞書. URL: <https://www.weblio.jp/> (дата обращения: 10.02.2026).

Сведения об авторе

Павловская Анастасия Александровна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: amalteertare@xmail.ru

Pavlovskaya Anastasia Alexandrovna, student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Жанцанова Марина Георгиевна, кандидат культурологии, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: dari9@yandex.ru

Zhantsanova Marina Georgievna, candidate of cultural studies, A/Prof, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

АББРЕВИАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

© Проха Мария Олеговна

Московский государственный лингвистический
университет, г. Москва,
prokhamaria@gmail.com

Современный монгольский язык, как и многие другие языки мира, активно использует аббревиацию — один из наиболее экономных и динамичных способов словообразования. Особую значимость этот процесс приобретает в политической лексике, где сложные и многосоставные наименования государственных органов, должностей, партий и международных организаций требуют компактных и легко воспроизводимых эквивалентов. Однако, несмотря на повсеместное использование сокращений, их лингвистическое описание применительно к монгольскому политическому дискурсу остаётся фрагментарным. Большинство существующих работ либо носят сугубо практический характер (словари сокращений), либо рассматривают аббревиацию в общем ряду словообразовательных средств, не уделяя специального внимания её структурным типам и функциональным особенностям в политической лексике.

Ключевые слова: аббревиация, монгольский язык, политическая лексика, типы аббревиатур, инициальные (буквенные) аббревиатуры, слоговые аббревиатуры, смешанные аббревиатуры.

ABBREVIATION IN THE POLITICAL VOCABULARY OF MODERN MONGOLIAN

Prokha Mariia Olegovna

Moscow State Linguistic University, Moscow
prokhamaria@gmail.com

Modern Mongolian, like many other languages of the world, actively employs abbreviation — one of the most economical and dynamic word-formation devices. This process is particularly significant in political vocabulary, where complex multi-component names of state bodies, official positions, political parties and international organizations require compact and easily reproducible equivalents. However, despite the widespread use of abbreviations, their linguistic description with respect to Mongolian political discourse remains fragmentary. Most existing works are either purely practical in nature (dictionaries of abbreviations) or consider abbreviation within the general range of word-formation means without paying special attention to its structural types and functional features in political vocabulary.

Keywords: abbreviation, Mongolian language, political vocabulary, types of abbreviations, initial (letter-based) abbreviations, syllabic abbreviations, mixed abbreviations

Аббревиация (монг. товчилго, товчилсон үг) представляет собой один из наиболее продуктивных способов словообразования в современном монгольском языке. Под аббревиацией понимается процесс создания сокращённых наименований на основе исходных сложных слов или словосочетаний, при котором происходит сжатие лексической единицы при сохранении её семантической целостности. Результатом данного процесса являются аббревиатуры (товчилсон нэр), которые активно функционируют в различных сферах языковой практики, в том числе в политическом дискурсе, где потребность в экономии речевых средств и создании удобных для запоминания номинаций особенно высока. Особенностью монгольского языка является то, что аббревиатуры не только служат краткой заменой полных наименований, но и подчиняются фонетическим и морфологическим законам языка.

Политическая лексика современного монгольского языка даёт богатый материал для изучения аббревиации. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в сфере политики широко используются сложные составные наименования органов власти, партий, международных организаций и нормативно-правовых актов (например, Монгол Ардын Хувьсгалын Нам — Монгольская народно-революционная партия; Улсын Их Хурал — Великий Государственный Хурал). Во-вторых, политический дискурс требует лаконичности, особенно в средствах массовой информации и официально-деловых текстах, что стимулирует активное использование аббревиатур.

В зависимости от способа образования в монгольском языке выделяют несколько типов аббревиатур: инициальные (буквенные или звуковые), слоговые (образованные из начальных слогов слов) и смешанные (сочетающие элементы разных типов). Каждый из этих типов имеет свои структурные и функциональные особенности, которые будут рассмотрены в следующих разделах на материале учебных пособий и интернет-ресурсов, используемых в качестве источников примеров.

Таким образом, аббревиация в монгольском языке представляет собой не просто формальное сокращение, но и важный механизм терминообразования, тесно связанный с экстралингвистическими факторами. Изучение её проявлений в политической лексике позволяет проследить динамику языковых изменений и выявить тенденции развития современной монгольской терминосистемы.

Типы аббревиатур в политической лексике современного монгольского языка

В современном монгольском языкознании классификация аббревиатур традиционно опирается на структурный принцип: способ сокращения исходного словосочетания определяет принадлежность производной единицы к тому или иному типу. Монгольский исследователь Н. Мөнхцэцэг в своей монографии «Нэр томьёоны орчуулга судлал» (2020) указывает, что классификация Ц. Пүрэвжава (1990, 2012) является наиболее четкой и признанной.

Ц. Пүрэвжав разделил аббревиатуры на три основные группы: үсгээр товчилсон үг (буквенные аббревиатуры), үеэр товчилсон үг (слоговые аббревиатуры) и холимгоор товчилсон үг (смешанные аббревиатуры) [Н. Мөнхцэцэг, 2020: 158]. Данная типология позволяет системно описать как устоявшиеся термины, так и новообразования, активно используемые в политическом дискурсе.

Буквенные аббревиатуры (үсгээр товчилсон үг)

К данному типу относятся сокращения, образованные путём отбора первых букв (или звуков) каждого знаменательного слова исходного наименования. В монгольском языке такие аббревиатуры сохраняют самостоятельность написания и могут читаться как по названиям букв, так и слитно, приближаясь к акронимам. В политической лексике этот тип является одним из наиболее продуктивных, особенно в сфере наименований государственных органов, международных организаций и политических партий. Например:

ДЭМБ — Дэлхийн Эрүүл Мэндийн Байгууллага (Всемирная организация здравоохранения).

МУИС — Монгол Улсын Их Сургууль (Монгольский государственный университет).

НҮБ — Нэгдсэн Үндэстний Байгууллага (Организация Объединённых Наций).

Этот пример подчёркивает, что подобные сокращения в политическом дискурсе воспринимаются как полноценные термины.

На примерах, зафиксированных на сайтах монгольских новостных изданий, можно проследить активное использование инициальных аббревиатур:

Хууль зүй, дотоод хэргийн яам (ХЗДХЯ) — Министерство юстиции и внутренних дел Монголии

Хүний эрхийн үндэсний Комисс (ХЭҮК) — Национальная Комиссия по правам человека

Үндэсний аюулгүй байдлын зөвлөл (ҮАБЗ) — Совет национальной безопасности

Тагнуулын ерөнхий газар (ТЕГ) — Главное разведывательное управление

Цагдаагийн ерөнхий газар (ЦЕГ) — Главное управление полиции

Монголын сэтгүүлчдийн нэгдсэн эвлэл (МСНЭ) — Союз журналистов Монголии

К буквенным аббревиатурам также относятся широко известные сокращения, зафиксированные в учебных пособиях разных периодов: МАХН (Монгол Ардын Хувьсгалын Нам — Монгольская народно-революционная партия), БНМАУ (Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улс — Монгольская Народная Республика), УИХ (Улсын Их Хурал — Великий Государственный Хурал). Все они построены по модели отбора начальных букв ключевых слов и демонстрируют высокую степень компрессии.

Эмпирическим материалом для анализа буквенных аббревиатур также послужила официальная схема состава правительства Монголии, представленная на рисунке 1. На данной схеме наименования министерств и ведомств приведены в полном виде. На основе этих наименований в настоящей работе были выделены соответствующие инициальные аббревиатуры, что позволяет наглядно проследить механизм аббревиации в современной политической практике.

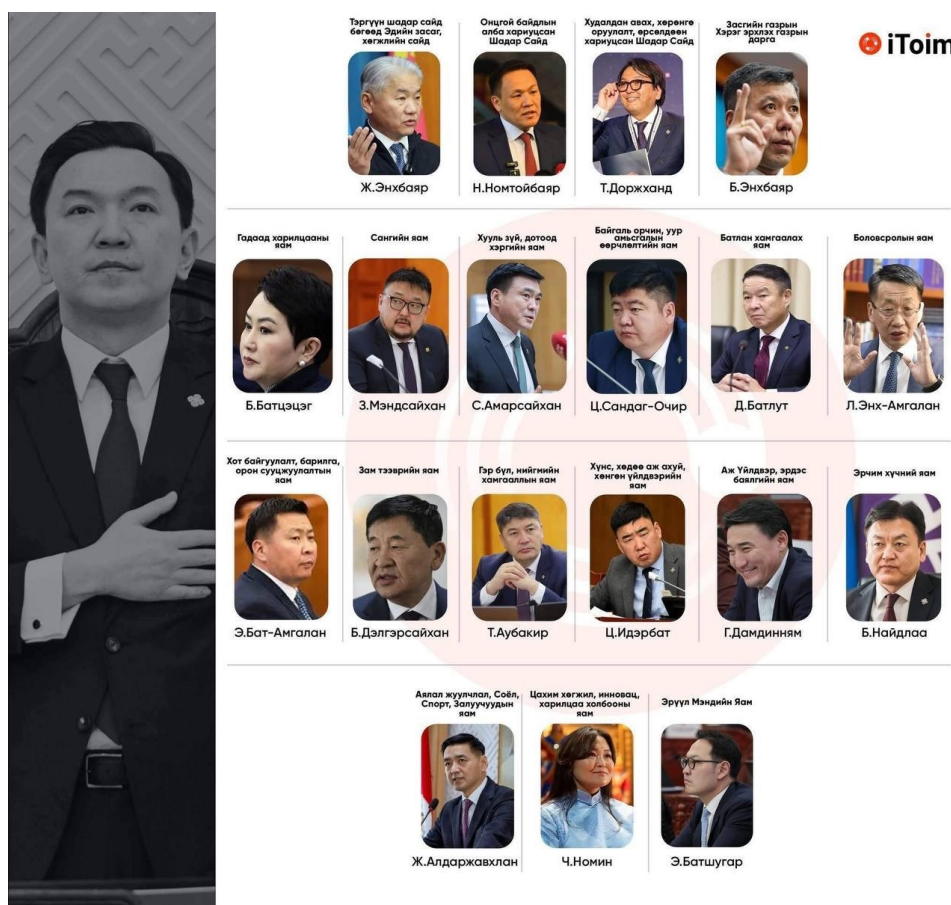

Рис. 1. Схема состава правительства Монголии с указанием должностей и аббревиатур

ЗГХЭГ — Засгийн газрын Хэрэг эрхлэх газрын дарга (Управляющий делами правительства)

ХББОС — Хот байгуулалт, барилга, орон сууцжуулалтын яам (Министерство городского развития, строительства и жилищного хозяйства)

ХХААХУ — Хүнс, хөдөө аж ахуй, хөнгөн үйлдвэрийн яам (Министерство продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности)

АУЭБ — Аж үйлдвэр, эрдэс баялаг, эрчим хүчний яам (Министерство промышленности, минеральных ресурсов и энергетики)

ССАЖ — Соёл, спорт, аялал жуулчлалын яам (Министерство культуры, спорта и туризма)

ХЗДХ — Хууль зүй, дотоод хэргийн яам (Министерство юстиции и внутренних дел)

БОУАӨ — Байгаль орчин, уур амьсгалын өөрчлөлтийн яам (Министерство окружающей среды и изменения климата)

ЭМ — Эрүүл мэндийн яам (Министерство здравоохранения)

ХНХ — Хөдөлмөр, нийгмийн хамгааллын яам (Министерство труда и социальной защиты)

ХХ — Харилцаа холбооны яам (Министерство связи)

Слоговые аббревиатуры (үеэр товчилсон үг)

Второй тип объединяет сокращения, создаваемые путём соединения первых слогов (реже — начальных частей) слов, входящих в исходное словосочетание, которые Ц. Пүрэвжав квалифицирует их как акронимы (асгонум) [Н. Мөнхцэцэг, 2020: 158]. В монгольском языке такие единицы легко адаптируются к фонетическим законам, прежде всего к сингармонизму, и часто превращаются в обычные нарицательные слова. В политической лексике слоговые аббревиатуры менее многочисленны, чем буквенные, но отличаются высокой степенью интеграции в языковую систему.

В качестве примеров в монографии Н. Мөнхцэцэга приводятся единицы, первоначально возникшие в технической или экономической сферах, однако аналогичные механизмы действуют и в политической терминологии:

бармаш — барилгын машин (строительная машина);

монэл — монгол электрон (монгольский электрон);

монцамэ — монголын цахилгаан мэдээ (монгольское электрическое сообщение / радио);

нябо — нягтлан бодогч (бухгалтер).

В собственно политической сфере слоговой способ активно используется для сокращения названий государственных учреждений, банков и некоторых официальных структур. Показательным примером служит Монголбанк (Монгол Улсын Банк — Центральный банк Монголии), образованный слиянием первого слога первого слова (Монгол) и полной формы второго слова (банк).

Смешанные аббревиатуры (холимгоор товчилсон үг)

Третий тип, выделенный Ц. Пүрэвжавом, охватывает сокращения, в которых сочетаются разные способы смешения: элементы могут извлекаться из начала слов (буквы или слоги), из середины или конца исходных единиц, а также использоваться полные слова в сочетании с усечёнными. Такие аббревиатуры Ц. Пүрэвжав называет «холимгоор товчилсон үг» (смешанные сокращённые слова) и приводит следующие иллюстрации [Н. Мөнхцэцэг, 2020: 159]:

алтанхуа — алтан лянхуа (золотая лилия);

ураацай — уран хараацай (домашняя ласточка);

цардуу — цардуулын цавуу (крахмальный клей);

цайван — цайрын байван (цинковый купорос).

В политической лексике смешанный тип встречается реже, однако он может быть представлен сложносокращёнными наименованиями, в которых один из компонентов сохраняется полностью, а другой подвергается усечению. Например, в текстах, посвящённых политической истории, можно встретить такие гибридные образования, как МАХН-ын Төв Хороо (Центральный комитет МНРП), где первая часть представляет собой буквенную аббревиатуру, а вторая — полное слово, или УИХ-ын дарга (председатель Великого Государственного Хурала). Подобные конструкции, хотя и не являются самостоятельными аббревиатурами в строгом смысле, демонстрируют взаимодействие разных типов сокращения в рамках единого терминологического поля.

Типологическая характеристика политических аббревиатур

Проведённый на основе классификации Ц. Пүрэвжава анализ показывает, что в политической лексике современного монгольского языка доминируют буквенные аббревиатуры, что объясняется необходимостью точного и однозначного обозначения сложных официальных наименований. Слоговые аббревиатуры занимают промежуточное положение: они уступают буквенным по формальной строгости, но превосходят их по фонетической естественности и часто проникают в неформальные политические дискурсы (публицистику, разговорную речь). Смешанные аббревиатуры в чистом виде в политической терминологии встречаются эпизодически, однако механизмы смешения активно используются при образовании сложных терминов и в синтагматических сочетаниях.

Литература

1. Ерөнхий сайд Н.Учралын танхимд ажиллах сайд нарын нэр тодорлоо // itoim.mn. 2026. 3 апр. URL: <https://itoim.mn/a/2026/04/03/government/shw> (дата обращения: 05.04.2026).
2. Мандалговь-Арвайхээр чиглэлийн 287 км урт цахилгаан дамжуулах агаарын шугамыг барина // Montsame.mn. 2026. URL: <https://montsame.mn/mn/read/394729> (дата обращения: 31.03.2026).
3. Мөнхцэцэг Н. Нэр томъёоны орчуулга судлал. Улаанбаатар, 2020. С. 158–159.
4. Ульгийсайхан Д., Скородумова Л.Г. Современный монгольско-русский тематический словарь. Москва: Восточная литература, 2008.
5. Эрүүгийн хуулийн 13.14 дүгээр зүйлийг өөрчлөх асуудлаар хэлэлцүүлэг боллоо // parliament.mn. 2026. URL: <https://www.parliament.mn/nn/76921/> (дата обращения: 31.03.2026).

Сведения об авторе

Проха Мария Олеговна, студентка, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, e-mail: prokhamaria@gmail.com

Prokha Mariia Olegovna, student, Moscow State Linguistic University, Moscow

Научный руководитель

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, e-mail: dug-vema@mail.ru

Vasilyeva Dugvema Natar-Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), Moscow State Linguistic University, Moscow

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА МОНГОЛЬСКОГО РАССКАЗА Г. БОЛОРМЫ «СААРАЛ УЛИАН» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© Сеникова Анастасия Андреевна

Московский государственный лингвистический
университет, г. Москва
sennnastya133@gmail.com

В статье рассматривается перевод монгольского рассказа Г. Болормы «Саарал Улиан» на русский язык. Цель исследования — выявить и проанализировать переводческие трансформации, примененные при передаче лексических и синтаксических особенностей оригинала. В работе использованы классификации трансформаций В.Н. Комиссарова. На примерах из перевода показаны такие приемы, как смысловое развитие, грамматические замены, добавления, опущения, членение предложений, конкретизация, генерализация и калькирование. Рассказ переведен на русский язык впервые.

Ключевые слова: переводческие трансформации, монгольский рассказ, смысловое развитие, грамматическая замена, анализ перевода.

ANALYSIS OF THE TRANSLATION OF G. BOLORMAA'S SHORT STORY «SAARAL ULIAN» INTO RUSSIAN

Sennikova Anastasia Andreevna

Moscow State Linguistic University, Moscow
sennnastya133@gmail.com

The article examines the translation of G. Bolormaa's Mongolian short story «Saaral Ulian» into Russian. The aim is to identify and analyze the translation transformations used to convey the lexical and syntactic features of the original. The study draws on the classifications by V. N. Komissarov. Using examples from the translation, the analysis covers such techniques as modulation, grammatical substitutions, additions, omissions, sentence splitting, concretization, generalization and calquing. The story is translated into Russian for the first time.

Keywords: translation transformations, Mongolian short story, modulation, grammatical substitution, translation analysis.

В последние десятилетия в России наблюдается устойчивый рост интереса к монгольской литературе. Художественный перевод произведений монгольских авторов играет ключевую роль в укреплении межкультурного взаимопонимания. Особого внимания в этом контексте заслуживают малые жанры, в частности сказки и рассказы, которые несут в себе национальную мудрость, самобытность мышления и уникальные языковые средства. Сопоставительный анализ оригинальных текстов и их переводов позволяет выявить универсальные и национально-специфические приемы работы с языковым материалом.

Автор исследуемого рассказа — Галсангийн Болормаа. Писательница стала финалисткой национального конкурса коротких рассказов «Утгын чимэг — 2024». Она является членом Союза писателей Монголии, лауреатом премии имени Ч. Лодойдамбы и журналисткой Монгольского национального общественного радио и телевидения, а также доктором филологических наук. В 2024 г. конкурс «Утгын чимэг» был организован и проведен в честь 90-летия народного писателя и выдающегося мыслителя Лодонгийн Тудэва.

В статье рассмотрим её рассказ «Саарал Улиан», переведенный нами в рамках участия в конкурсе переводов рассказов с монгольского языка «Кони, рвущиеся к победе», который был проведен Посольством Монголии в РФ в 2025 г. В скором времени ожидается публика-

ция сборника рассказов на русском и сербском языках. Научная новизна исследования заключается в том, что рассказ «Саарал Улиан» впервые переведен на русский язык и впервые становится объектом переводческого анализа.

Цель данной статьи — провести анализ перевода рассказа «Саарал Улиан» Г. Болормы с монгольского языка на русский и обозначить основные трансформации, использованные при переводе.

В основе рассказа лежит история серой волчицы. Её возлюбленный — синегривый волк — погиб от рук человека с кнутом, когда возвращался с добычей для неё и их четверых волчат. Оставшись одна, волчица страдала от голода и боли, пытаясь выкормить потомство. Отправившись на охоту, она сама попала в капкан и, чтобы выжить, перегрызла собственную лапу. Вернувшись в логово, она обнаружила, что ее волчата погибли от голода. Горе навсегда поселилось в ее сердце. Через какое-то время волчица нашла другое логово с тремя волчатами и начала выкармливать их, приняв как своих. Она стала частью чужой волчьей семьи. Однако ее здоровье стремительно ухудшалось — она умирала от ран, голода и истощения.

Когда волки увели подросших волчат на новое место, она, собрав последние силы, попыталась встать и пойти за ними. В этот момент её настиг человек с кнутом — тот самый охотник, от рук которого погиб её возлюбленный. Волчица узнала его запах на кнуте и в порыве ярости бросилась на обидчика, перегрызла ему горло и умерла, отомстив за своего самца.

Для анализа перевода данного рассказа необходимо обратиться к теории. Л. С. Бархударов писал, что слово «перевод» имеет два разных значения: 1) «Перевод как результат определенного процесса», то есть обозначение самого переведенного текста (напр., в предложениях: «Это — очень хороший перевод романа Диккенса»); 2) «Перевод как сам процесс», то есть как действие от глагола переводить, в результате которого появляется текст перевода в первом значении (в данном случае термин «процесс» применительно к переводу понимается как межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке) [1, с. 3]. Далее ученый дает уточненное определение перевода:

«Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [1, с. 6].

В. Н. Комиссаров считал, что главная переводческая задача — полнота передачи содержания текста оригинала, а также подчеркивал, что абсолютной тождественности между оригиналом и переводом нет. Ученый определял переводческие трансформации как «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода». Ученый подразделял их на лексические (транскрибирование, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция), грамматические (синтаксическое уподобление, членение и объединение предложений, грамматические замены) и лексико-грамматические (антонимический перевод, экспликация, компенсация) [2, с. 172].

Далее мы представим некоторые примеры из нашего перевода и проанализируем примененные переводческие трансформации. Главными героями анализируемого рассказа являются волки. В оригинале имя волчицы представлено в нескольких вариантах:

- 1) Саарал улиан — дословно «серая воющая» (в русско-монгольском словаре указано, что «улиан» встречается как бранное слово и обращение к собаке);
- 2) Саарал — просто «серая»;
- 3) Өлөгчин саарал — «серая самка».

В нашем переводе все три варианта переданы как «Серая волчица»:

Өлөгчин саарал гурангидан гиншсэнээ үүрнээсээ гулсан гараад хөх уулсын гүймэг салхийг зүсэн, очгүй шар нүдээрээ тэнгэр газрын хооронд онож алдан харлаа. (Г. Болормаа, Саарал Улиан). — Серая волчица, заскулив, выскользнула из логова и, рассекая бушующий ветер синих гор, ослепительно жёлтыми глазами устремилась в бескрайний простор, где небо сходится с землёй.

Поскольку в русском языке отсутствует возможность передать лексические различия между монгольскими вариантами именования волков, применена генерализация — все вари-

анты объединены под родовым понятием «волчица». Имя возлюбленного героини переведено с сохранением образной структуры. Дэлт хөх — «синегривый волк»:

Хүрэн Өндрийн ар шилд саарал дэлт хөхтэйгөө бүлссэн нь саяхан юм. (Г. Болормаа, Саарал Улиан). — Кажется, совсем недавно она нашла себе пару — синегривого волка — на вершине Бурых Холмов.

В данном случае применен прием калькирования: дэлт — «имеющий гриву»; хөх — «синий». Это позволило сохранить внутреннюю форму монгольского имени. Также здесь мы можем наблюдать грамматическую замену. Монгольское составное наименование преобразовано в русское сложное прилагательное «синегривый».

По сюжету, синегривый волк попадает в ловушку, оказавшись в низине в поисках пищи для своего семейства. Так, ниже представлен фрагмент из рассказа, в котором описывается данное событие:

Тэгтэл нам доор руу оронгуут л хүлгийн дөрөөндөө жийж, яргай тэнз ташуураа далайж зэхсэн эрийн отолт, улаан дайралттай халз тулгарчээ. (Г. Болормаа, Саарал Улиан). — И тут же, как только он спустился в низину, его встретила засада: всадник, привстав на стременах, уже замахнулся деревянным кнутом, готовясь к яростной атаке.

В данном предложении были применены следующие переводческие трансформации: членение предложения, синтаксическое уподобление, грамматическая замена, смысловое развитие и добавление. Членение предложения позволило преобразовать плотную монгольскую синтаксическую конструкцию в логически расчлененный русский текст с использованием двоеточия. Синтаксическое уподобление выразилось в сохранении последовательности деепричастных оборотов (привстав... замахнулся... готовясь), что передает динамику оригинала. Грамматическая замена применена при переводе «хүлгийн дөрөөндөө жийж» («вытягиваясь на стременах») как «привстав на стременах», что является более естественным для русской языковой нормы. Смысловое развитие (модуляция) проявилось в замене конкретного названия породы дерева (яргай тэнз — «кизил») родовым понятием «деревянный», а также в передаче улаан дайралт как «яростная атака» (вместо буквального «красная»). Добавление («уже») усиливает ощущение неизбежности столкновения.

Далее по тексту овдовевшая волчица вынуждена справляться с кормлением детенышей в одиночку, испытывая при этом сильную боль и усталость:

Үүр шөнийн заагаар цурам хийхийн тулд хорсож хөндүүрлэх дэлэнгээ хавчин нүхний амсарт гарч амсхийж байлаа. (Г. Болормаа, Саарал Улиан). — Чтобы хоть немного вздремнуть на границе ночи и рассвета, она, сжав воспаленное вымя, вышла ко входу норы и перевела дух.

В данном примере мы можем наблюдать такие переводческие трансформации, как смысловое развитие, грамматическая замена, добавление и опущение.

Смысловое развитие (модуляция) проявилось в передаче цурам хийхийн тулд («чтобы немного поспать») как «чтобы хоть немного вздремнуть». Глагол «вздремнуть» передает не просто сон, а его кратковременность, что важно для контекста: волчица находится в состоянии постоянной бдительности и может позволить себе лишь короткий отдых.

Грамматическая замена применена при переводе деепричастного оборота хорсож хөндүүрлэх дэлэнгээ хавчин. В монгольском тексте использовано сложное определение с двумя глаголами (хорсож хөндүүрлэх — «ноющее, воспалённое»), которые в переводе переданы одним кратким прилагательным «воспалённое». Это позволило избежать громоздкости фразы.

Добавление представлено введением частицы «хоть», которая отсутствует в оригинале. Частица подчеркивает явный недостаток отдыха, усиливая ощущение изнуренности волчицы и ее положения как матери, вынужденной жертвовать сном ради потомства.

Опущение коснулось оборота амсхийж байлаа («перевела дух», дословно — «отдышалась»). В нашем переводе сохранена семантика («перевела дух»), однако опущена длительная форма байлаа, которая в монгольском языке указывает на процесс. В русском эта длительность считывается из общей ситуации усталости волчицы, поэтому ее прямое лексиче-

ское выражение было бы лишним. Волчата, измученные голодом, высасывают последние капли молока из материнской груди. Это причиняет волчице душевные страдания, как можно увидеть в данном фрагменте:

Тунасан жаахан сүүгээ шуухитнан хөхөх тэднийгээ хараад өр нь өвдөнө. (Г. Болормаа, Саарал Улиан). — Смотря на то, как они, жадно причмокивая, высасывают оставшиеся капли молока, её сердце сжималось от боли.

Для передачи рассматриваемого отрывка на русский язык мы использовали следующие трансформации: членение предложения, добавление, смысловое развитие, грамматическая замена и конкретизация.

Членение предложения применено в связи с различиями в синтаксическом строе двух языков. Монгольское предложение представляет собой конструкцию с деепричастным оборотом (хараад), подчиненным сказуемому (өр нь өвдөнө). В нашем переводе эта конструкция преобразована в сложноподчиненное предложение с придаточным («Смотря на то, как...») для лучшего звучания. Добавление представлено введением слова «жадно», которое отсутствует в оригинале. В монгольском тексте действие шуухитнан хөхөх («причмокивая/фыркая сосать») передает сам процесс, но добавление наречия «жадно» усиливает образ голодных волчат. Смысловое развитие (модуляция) проявилось при передаче оборота өр нь өвдөнө. Дословно это выражение означает «сердце болит» или «сердце ноет». В нашем переводе использован более образный вариант «сердце сжималось от боли». Это позволило нам передать не просто физическое ощущение, а эмоциональное потрясение, что важно для более точного описания состояния волчицы. Грамматическая замена применена при переводе монгольского деепричастия хараад («увидев») на русскую конструкцию «смотря на то, как...».

Конкретизация использована при переводе словосочетания тунасан жаахан сүү («оставшееся немного молоко») как «оставшиеся капли молока». Вместо абстрактного указания на малое количество («немного») мы вводим конкретный образ «капель», что делает сцену более наглядной.

Таким образом, в ходе исследования был выполнен перевод рассказа Г. Болормы «Саарал Улиан» с монгольского языка на русский, а также рассмотрены основные типы переводческих трансформаций, примененных при передаче лексических и синтаксических особенностей оригинала. В процессе работы мы проанализировали такие приемы, как смысловое развитие (модуляция), грамматические замены, добавления, опущения, членение предложения, конкретизация, генерализация и калькирование. Наиболее частотными трансформациями в данном переводе оказались смысловое развитие и грамматические замены, что можно объяснить необходимостью адаптировать плотную монгольскую синтаксическую структуру и образные средства к нормам и стилистике русского языка.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Москва: Международные отношения, 1975. С. 3–6.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высшая школа, 1990. С. 172–185.

Сведения об авторе

Сенникова Анастасия Андреевна, студентка, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, E-mail: sennnastya133@gmail.com

Sennikova Anastasia Andreevna, student, Moscow State Linguistic University, Moscow

Научный руководитель

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, e-mail: dug-vema@mail.ru

Vasilyeva Dugvema Natar-Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), Moscow State Linguistic University, Moscow

**СТРАТЕГИЯ ОБУЧЕНИЯ В ПОРТРЕТНОМ ИНТЕРВЬЮ
И ЕЁ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ
ДЛЯ МЕДИЦИНСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОРУБРИКИ «10 ГЛУПЫХ ВОПРОСОВ»)**

© Соколова Майя Олеговна

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
sokolova.mo@dvfu.ru

В данной статье рассматривается лингводидактический потенциал стратегии обучения на примере видео из рубрики «10 глупых вопросов» в контексте преподавания русского как языка специальности для медицинских направлений. На основе дискурс-анализа выявляются и описываются тактики определения слов и обращения к авторитетным источникам, а также ряд речевых ходов (этимологизация, развитие реплики, создание образного представления, характеристика источников). Устанавливается, что данный материал обладает потенциалом формирования у студентов-медиков умений, необходимых для эффективного общения с пациентами.

Ключевые слова: портретное интервью, стратегия обучения, тактика, лингводидактический потенциал, аутентичный материал.

**EDUCATIONAL STRATEGY IN A PORTRAIT INTERVIEW
AND ITS LINGUODIDACTIC POTENTIAL IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE FOR MEDICAL MAJORS (USING THE SERIES ‘10 SILLY QUESTIONS’)**

Sokolova Mayya Olegovna

Far Eastern Federal University, Vladivostok
sokolova.mo@dvfu.ru

This article examines the pedagogical potential of a teaching strategy, using a video from the ‘10 Silly Questions’ series, for teaching Russian as a specialised language for medical majors. Based on discourse analysis, the article identifies and describes tactics for defining words and referring to authoritative sources, as well as a range of speech moves (etymologisation, developing a response, creating a mental image, and characterising sources). The study shows that this material has the potential to develop the skills required for medical students to communicate effectively with patients.

Keywords: portrait interview, teaching strategy, tactic, linguodidactic potential, authentic material.

В современном мире трудно представить преподавание иностранного языка без опоры на всевозможные интернет-источники. С развитием коммуникативных технологий и массмедиа разнообразные аутентичные тексты стали доступными для каждого. Личные видеоблоги, сериалы, новостные ресурсы и многие другие форматы на изучаемом языке несут в себе обширный лингводидактический потенциал, следовательно, *актуальность* нашей работы обусловлена необходимостью привлечения нового цифрового материала в практику преподавания РКИ. Данные тенденции характерны и для иноязычного образования Азиатско-Тихоокеанского региона, одним из центров которого является Дальневосточный федеральный университет, где несколько тысяч иностранных студентов обучаются на медицинских, технических, инженерных и прочих специальностях. Это определяет дополнительную необходимость в разработке новых материалов и их внедрениях в образовательный процесс.

Цель нашей статьи заключается в выявлении дискурсивных особенностей речи участников отобранных портретных интервью и определении возможностей их использования в практике обучения РКИ. Для достижения поставленной цели мы выделили следующие задачи:

- 1) уточнить теоретико-понятийный аппарат исследования («интервью», «портретное интервью», «коммуникативная стратегия» и т.д.);
- 2) выявить и систематизировать дискурсивные особенности портретных интервью на прагматическом и языковом уровнях;
- 3) определить лингводидактический потенциал выявленных особенностей для обучения русскому языку как иностранному для студентов-медиков.

В нашем исследовании мы использовали следующие методы: описательный метод, дискурс-анализ и лингводидактическая интерпретация.

Материалом исследования послужили интервью с профессионалами под названием «10 глупых вопросов» от канала «ЖИЗА», публикуемые на таких площадках, как «Rutube» [4], «Дзен» и пр. В рамках данной рубрики приглашенные профессионалы отвечают на 10 юмористических вопросов от аудитории этого канала, а также участвуют в небольшом блиц-опросе в конце.

Интервью как публицистический жанр может иметь следующие разновидности: «информационное, оперативное, блиц-опрос, интервью-расследование, интервью-портрет (персональное интервью), креативное интервью» [1]. Интервью из отобранного нами материала относится к *портретному* типу, поскольку в его рамках приглашенный гость выступает ключевой фигурой, вокруг личности и/или профессиональной деятельности которого строится весь сюжет. Так мы отобрали и транскрибировали интервью со следующими специалистами: гастроэнтеролог, гепатолог, дерматолог, лор-хирург, медсестра, педиатр, терапевт.

Для разграничения базовых понятий, посредством которых описывается коммуникативное поведение личности, обратимся к классификации О.С. Иссерс, в которой самым широким термином является *стратегия*, представляющая общий замысел высказывания и подразделяющаяся на *тактики*, реализуемые через *ходы*, т.е. элементарные коммуникативные приемы [3, с. 100–114]. Опираясь на типологию Т.Е. Арсеньевой [2, с. 12–13], мы выявили актуальную для нашего исследования стратегию, которую проиллюстрировали прямыми цитатами из текстов транскриптов (таблица 1).

Таблица 1

Стратегия обучения и примеры её реализации

Стратегия	Тактика	Ход	Пример	Языковые средства
Стратегия обучения	Тактика определения слов	Этимологизация	1. <i>Гастроэнтеролог — это врач, который занимается патологией органов пищеварения. [10 глупых вопросов ГАСТРОЭНТЕРОЛОГУ]</i> 2. <i>Кардиолог — это человек, который лечит сердечно-сосудистую систему, независимо от его музыкальных пристрастий. [10 глупых вопросов КАРДИОЛОГУ]</i> 3. <i>Гепатит — это воспаление печени, воспаление клеточек печени. [10 глупых вопросов ГЕПАТОЛОГУ]</i>	Составное именное сказуемое, выраженное существительным в именительном падеже.
		Развитие реплики	1. <i>Желтуха — это повышение уровня билирубина в крови. Желтуха не обязательно бывает при гепатитах: желтуха может носить и другой</i>	Повторение идентичных или сходных по значению слов.

			характер, другие причины; она может быть и при заболеваниях крови, и при заболеваниях желчевыводящих путей, и не обязательно это должен быть гепатит. [10 глупых вопросов ГЕПАТОЛОГУ] 2. Поэтому все лор-врачи, они хирурги. На самом деле лор-хирурги, они имеют свою специализацию. Есть общие лор-хирурги, кто оперирует стандартные операции, скажем, пластика перегородки, удаление миндалин. [10 глупых вопросов ЛОР-ХИРУРГУ]	
		Создание образного представления	1. Сердечные желудочки перекачивают кровь. Камеры сердца — всего их 4: 2 предсердия, 2 желудочка. Желудочки — это непосредственно те насосы, которые качают кровь по телу. [10 глупых вопросов ГЕПАТОЛОГУ] 2. Ты же как маркером работаешь (во время операции — М.С.). То есть рисуешь линию, ты её провёл, аккуратно рисовал. Плюс ультразвук он же не прорезает сразу насквозь, он вначале делает царапинку. [10 глупых вопросов ЛОР-ХИРУРГУ]	Сравнение медицинского и немедицинского понятия при помощи союза «как» или составного именного сказуемого, выраженного существительным.
	Тактика обращения к авторитетным источникам	Характеристика источников	Эти виды силовых тренировок тоже очень хорошо влияют на сердце. Они способствуют снижению давления. И всё это доказано в огромных исследованиях. [10 глупых вопросов КАРДИОЛОГУ]	Определение источника через оценочное прилагательное.

В рамках преподавания русского языка как языка специальности для медицинских направлений данная стратегия может стать основой для эффективного общения специалиста с пациентом, не обладающим профильными знаниями в медицине и анатомии. Примером задания может стать следующее условно-коммуникативное упражнение, направленное на развитие умения объяснять диагноз:

*«Вы врач-терапевт, которому нужно объяснить пациенту его диагноз. Найдите определение одного из указанных слов в словаре и объясните его без использования других медицинских терминов: **ОРВИ, гипертония, гастрит, диабет**.*

Пример: Гастрит — это заболевание желудка. Его вызывает воспаление слизистой оболочки, которая покрывает желудок изнутри».

Таким образом, результаты нашего анализа демонстрируют, что стратегия обучения, реализуемая врачами в рамках данных интервью, обладает значительным лингводидактическим потенциалом. Внедрение материалов рубрики «10 глупых вопросов» в преподавание решает актуальную проблему подготовки будущих врачей к реальной коммуникации, поскольку выделенные прагматические и языковые средства позволяют моделировать учебные ситуации, в которых будущие специалисты будут учиться объяснять диагнозы и рекомендации доступным для пациента языком.

Литература

1. Алтынбаева А. О. Типология интервью // Исследования молодых ученых: материалы LXXVIII Международной научной конференции (г. Казань, март 2024 г.). Казань: Молодой ученый, 2024. С. 93–96. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/512/18414>.
2. Арсеньева Т. Е. Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Нац. исслед. Том. гос. ун-т. Томск: [б. и.], 2013. 24 с. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000463732/SOURCE1?view=true> (дата обращения: 01.04.2026).
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. Москва: URSS, ЛКИ, 2008. 284 с.
4. 10 глупых вопросов: плейлист / канал «ЖИЗА». 03.04.2026. URL: <https://rutube.ru/plst/71385/> (дата обращения: 11.04.2026).

Сведения об авторе

Соколова Майя Олеговна, магистрант, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, e-mail: sokolova.mo@dvfu.ru
Sokolova Mayya Olegovna, Master Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Научный руководитель

Кормазина Ольга Петровна, кандидат филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, e-mail: kormazina.op@dvfu.ru
Kormazina Olga Petrovna, Cand. Sci. (Philology), Far Eastern Federal University, Vladivostok

ГИДРОНИМИЯ КУДИНСКОЙ ДОЛИНЫ

© Сундуев Санжи Витальевич

Московский госуниверситет, г. Москва
sanzhisund@gmail.com

В статье рассматриваются названия водных объектов, относящихся к бассейну реки Куды, протекающей по территории Баяндаевского и Эхирит-Булагатского районов Иркутской области. Автор выделяет мотивы номинации, предлагает некоторые варианты этимологии названий.

Ключевые слова: монгольские языки, топонимия, гидронимия, семантика, основа, топоформант.

HYDRONYMY OF KUDA VALLEY

Sunduev Sanzhi Vitalyevich

Moscow state university, Moscow
sanzhisund@gmail.com

The paper deals with the names of water objects of the basin of the Kuda River, which flows through the territory of Bayandaevsky and Ekhirit-Bulagatsky regions of the Irkutsk district. The author considers the motives of the nomination, suggests some variants of the etymology of the names.

Keywords: Mongolic languages, toponymy, hydronymy, semantics, stem, toponymic suffix.

Данная работа посвящена рассмотрению гидронимии реки Куды, правого притока реки Ангара, берущей начало в болотах Олхинского плато. Река протяженностью 226 км протекает по территории Баяндаевского и Эхирит-Булагатского районов Иркутской области. М. Н. Мельхеев приводит четыре варианта значения данного гидронима: 1) от термина родства бур. *худа* 'сват' (*Худайн гол* 'сватова долина'); 2) от этнонима бур. *худай*, происходящего от имени сына Хоридоя; 3) от прилагательного тюрк. *када* 'крутой, обрывистый, отвесный' (о берегах р. Куды); 4) от наречия рус. *куда* (*куда, куда идешь*) [4, с. 136]. Т. М. Михайловым предложена версия происхождения названия реки Куды от тюрк. *qudai* 'бог' [6, с. 152]. Примечательно, что Б. З. Нанзатов, напротив, возводит бурятский этноним *худай* к топониму Куды [7, с. 54].

Рассмотрение семантики топонимических основ позволило выделить мотивы номинации географических объектов, характерные для топонимикона не только монгольских народов. Как отмечает Л. В. Шулунова, «универсальность эта основана, прежде всего, на общности человеческого мышления, а также на единых путях эволюции именных систем» [10, с. 189].

Основными мотивами номинации географических объектов выступают их размер, цвет, форма, положение в пространстве, а также особенности флоры и фауны, характер почвы, течения. Один гидроним представляет собой собственно географический термин, перешедший в сферу онимической лексики. Это гидроним *Мурын* от бур. *мүрэн* 'река'.

Название *Гун-Жалга* представляет собой сочетание прилагательного бур. *гүн* 'глубокий' и существительного *жалга* 'овраг'. Первый компонент названия ручья *Ата-Нур*, как предполагают авторы «Топонимического словаря этнической Бурятии», может иметь тюркское происхождение от *ата* 'отец' [9, с. 22]. Можно также предположить, что *ата* является видоизмененным прилагательным бур. *ута* 'длинный'. Название ручья *Охор* имеет противоположное значение бур. *охор* 'короткий'.

Цветовая характеристика прослеживается в топониме *Шара-Тала* от бур. *шара* 'желтый', *тала* 'степь'; в лимнониме *Хара-Гон*, где бур. *хара* 'черный', *гон* от бур. *уһан* 'вода'. Извест-

но, что в топонимии цветообозначение *хара* по отношению к воде может иметь значения: «1) ‘чистая прозрачная вода, пригодная для питья’; 2) ‘вода, не замерзающая зимой’» [5, с. 155]. Гидроним *Харат* имеет три версии происхождения: 1) от названия рода *харад* [9, с. 163]; 2) от прилагательного бур. *хари* ‘чужеродный’, поскольку улусы были образованы переселенцами — бурятам чужого, другого племени [4, с. 170]; 3) от прилагательного *хара* ‘черный’ [<http://harat.ehirit.ru/istoriya-poseleniya.html>].

Вызывает интерес название населенного пункта *Зурцаган*, о значении которого отмечается: «в переводе с монгольского языка *цагаан* — белый, а *зур* — бесконечность или начало» [1]. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» слов *зур*, *зур* с подобным значением нами не обнаружено. С. А. Гурулев дает более точный «ориентир» — бур. *зуура* ‘по дороге, по пути’ [2, с. 70], однако *зуура* в бурятском языке чаще используется как послелог (например, *нюдэ сабшаха зуура* ‘в мгновение ока’), реже наречие, поэтому его участие в образовании сложного топонима вызывает сомнение. Если допустить, что *цагаан* / *сагаан* — это цветообозначение, то компонент *зур* можно трактовать как монг. *зур* ‘дикая коза, косуля’, бур. *зүрэ(н)* ‘сайга, антилопа’. Что касается структуры данного названия, то в монголоязычной топонимии представлены топонимы с зависимым компонентом существительным и главным компонентом — прилагательным, которое чаще бывает эпитетом (например, монг. *Арц богд*, *Ерөө сайхан*, *Сонгино хайрхан*), реже цветообозначением (*Адгийн цагаан*, *Хажуу улаан* и др.). Подобные названия возникли в результате опущения географического термина, например, *Арц богд* (уул).

На местоположение географического объекта в пространстве указывает название реки *Дундай* от бур. *дунда* ‘средний’. Характер почвы, а также особенности рельефа по берегам водных объектов прослеживаются в названиях *Шабартуй* от бур. *шабар* ‘грязь; глина’, *Шулуута* от бур. *шулуун* ‘камень’, *Люры* от бур. *налюур* ‘покатый, отлогий’ [9, с. 96]. Название *Онида*, возможно, образовано от ныне не функционирующего в бурятском языке слова *они*, сопоставимого с монг. *онь* ‘теснина; небольшая седловина’, с помощью топонимического форманта *-то*. Схожий мотив номинации может быть в гидрониме *Хига*, который «прочитывается» в монгольском географическом термине *хясаа* ‘круча над рекой, крутизна; теснина узкая полоса между рекой и отвесной скалой’. Гидроним *Унхур* происходит от бур. *онхор* ‘углубление, впадина’. В основе топонима *Шэнгэлтэй* бур. *шэнгэл* (*шэбээ*) ‘название плетеной загородки у аларских бурят’. Тот же мотив номинации находим в названии мыса *Шибэтуй* на Ольхоне, где бур. *шэбээ* ‘изгородь, частокол; укрытие’. «Этот скалистый, неприступный со стороны воды мыс был отгорожен от суши каменной стеной. Стены эти сложены из плиточного камня, высотой до трех, длиной в несколько сотен метров» [3, с. 83].

К топонимам с «метеорологической» семантикой можно отнести гидроним *Ибартуй*, в основе которого лежит бур. зап. *ябар*, бур. *жабар* ‘хиус, ветер-верховик’ [9, с. 72]. В названии *Задай-Тологой* С. А. Гурулев видит бур. *зада* ‘нелюбовь, непогода’ и *толгой* ‘холм’, при этом допуская трактовку от бур. *задагай* ‘открытый, дикий — о степи’, *жада* ‘копье’ [2, с. 70].

В регионе представлены названия, отражающие растительный мир региона. Так, гидроним *Мольта* возник от п.-монг. *тоуил*, монг. *мойл*, бур. *мойһон* ‘черемуха’ с помощью топонимического форманта *-та*. Название реки *Хуш-толгой* состоит из бур. *хуша* ‘кедр’ и географического термина *толгой* ‘холм’. В гидрониме *Хартактай* можно выделить в качестве основы бур. *хартага*, *хартаганаан* ‘небольшие кустики полевого растения, употребляемого на веники’ и суффикс *-тай*. Названия представителей животного мира зафиксированы в топонимах: *Загатуи* от бур. *загаһан* ‘рыба’, *Гахай* от бур. *гахай* ‘свинья, кабан’, *Харазарга* от бур. *хара* ‘черный’, *азарга* ‘жеребец’. С. А. Гурулев склонен возвести *Загатуи* к монг. *зааг* ‘рубеж, стык, граница’, либо *заг* ‘саксаул’ [2, с. 70].

В целом рассмотрение семантики гидронимов Кудинской долины позволяет выявить преобладание названий, отражающих особенности самих объектов, физико-географических реалий региона, что в целом характерно для рассматриваемого пласта онимов. Что касается словообразовательной структуры гидронимов, многие из них имеют топообразующий формант -

та(й) со значением обладания предметом, свойством, качеством, указанным в производящей основе. Этимологический анализ топонимов с возможностью определения исходного языка их носителей и, соответственно, атрибуции групп монголоязычного населения, важен в контексте изучения исторической географии региона [8, с. 82].

Принятые сокращения

бур. — бурятский

бур. зап. — западно-бурятские говоры

монг. — халха-монгольский

м.-монг. — старописьменный монгольский

рус. — русский

тюрк. — тюркские языки

Литература

1. Бабкина А. Зурцаган — светлое начало. URL: <https://irkutsk.bezformata.com/listnews/zurtsagan-svetloe-nachalo/98304506/> (дата обращения: 07.03.2026).
2. Гурулев С. А. Топонимика Усть-Ордынского Бурятского округа. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2011. 251 с.
3. Мельхеев М. Н. Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1964. 90 с.
4. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии: история, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 186 с.
5. Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1995. 316 с.
6. Михайлов Т. М. Заметки о топонимах Усть-Ордынского национального округа // Труды БИОН СО РАН. Улан-Удэ, 1976. Вып. 26. С. 152–167.
7. Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск: Радиан, 2005. 160 с.
8. Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Бурятская топонимика долины р. Итанцы как источник по исторической географии // Вестник БНЦ СО РАН. 2023. № 3(51). С. 82–88.
9. Топонимический словарь этнической Бурятии / сост. И. А. Дамбуев, А. В. Ринчинова, Ю. Ф. Манжуева. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2007. 190 с.
10. Шулунова Л. В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1995. 207 с.

Сведения об авторе

Сундуев Санжи Витальевич, студент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, e-mail: sanzhisund@gmail.com

Sunduev Sanzhi Vitalyevich, student, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Научный руководитель

Нанзатов Баир Зориктеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: nanzatov@yandex.ru

Nanzatov Bair Zoriktoevich, Cand. Sci. (Hist.), senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ВНЕДРЕНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И ПРЕОДОЛЕНИЕ НАЧЕРТАТЕЛЬНЫХ ТРУДНОСТЕЙ

© **Фомичев Алексей Эдуардович**

Московский педагогический государственный
университет, г. Москва,
alekseifomichev0720@mail.ru

В исследовании обосновывается важность развития междисциплинарного подхода в обучении китайскому языку и изобразительному искусству; также происходит анализ научной литературы, посвящённой применению методов ИЗО и рисования в образовательном процессе по китайскому языку. Также в рамках исследования было создано упражнение с использованием композиционных знаний для предотвращения начертательных трудностей в процессе изучения иероглифики. Рассматриваются перспективы разработки междисциплинарных образовательных программ по китайскому языку и изобразительному искусству.

Ключевые слова: китайский язык, междисциплинарный подход, живопись, изобразительное искусство, интегративное обучение.

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO CHINESE LANGUAGE TEACHING: INTEGRATION OF VISUAL ARTS AND OVERCOMING GRAPHIC DIFFICULTIES

Fomichev Aleksei Eduardovich

Moscow pedagogical state university, Moscow
alekseifomichev0720@mail.ru

The study substantiates the importance of developing an interdisciplinary approach to teaching the Chinese language and visual arts; it also analyzes scientific literature devoted to the application of fine arts and drawing methods in the educational process for the Chinese language. Additionally, the research resulted in the creation of an exercise utilizing compositional knowledge to prevent graphic difficulties in the process of learning Chinese characters. Furthermore, the prospects for developing interdisciplinary educational programs in the Chinese language and visual arts are considered.

Keywords: Chinese language, interdisciplinary approach, painting, visual arts, integrative learning.

В последнее время все чаще встаёт вопрос о необходимости применения междисциплинарного подхода для развития личности, готовой адаптироваться к различным социальным и технологическим изменениям с самых ранних этапов обучения, поскольку новая эпоха искусственного интеллекта, в которую наше общество недавно вступило, ещё больше угрожает специалистам, способным функционировать только в рамках своей узкой специальности. Современные реалии диктуют, что успешный человек должен уметь находить нестандартные решения, находящиеся на стыке разных дисциплин. Более того, многие нейрофизиологи и другие исследователи когнитивных функций головного мозга указывают на тесную взаимосвязь искусства (музыки, живописи, поэзии и так далее) и нестандартного творческого (вплоть до гениального) мышления, выходящего далеко за рамки искусства, а некоторые и вовсе считают, что наука и искусство не различны между собой [9, с. 61].

Примером могут послужить Эйнштейн и его тесная связь с музыкой, которая, по словам исследователей, позволяла ему думать за пределами привычной логики. Поэтому мы видим огромный потенциал за разработкой интегративных программ с включением именно

элементов различных видов искусства. В данном исследовании мы сконцентрировались на живописи как виде искусства (в нашем исследовании «живопись» и «изобразительное искусство» являются взаимозаменяемыми понятиями), а в качестве второй дисциплины для реализации междисциплинарного подхода рассматриваем китайский язык. Выбор китайского языка объясняется тем, что предмет «иностранный язык» обладает наибольшим потенциалом для развития кругозора личности и формирования у него адекватной ценностной системы координат. Кроме того, китайская культура и философия являются уникальными явлениями человеческой цивилизации, погружение в которые оказывает колоссальное влияние на формирование личности. Также природосообразность и гармоничность объединения дисциплин «китайский язык» и «живопись» обуславливаются иероглифической письменностью китайского языка, а также схожестью когнитивных процессов, задействованных в обеих сферах [8; 1].

Цель данного исследования состоит в том, чтобы рассмотреть перспективу интеграции двух дисциплин с позиции развития начертательных навыков овладения китайской иероглификой. Это станет важным этапом перед созданием эффективной образовательной программы, в которой изобразительное искусство и китайский язык будут гармонично дополнять друг друга, развивая творческий потенциал личности и формируя гуманистические ценности наряду с коммуникативными навыками соответственно.

В нашем исследовании мы исходили из следующего определения междисциплинарного подхода, предложенного Э. М. Мирским: «взаимообусловленная система интеграции знаний, выраженная в исследованиях и преподавании», на которое ссылается Т. В. Крепс в своём исследовании [2, с. 116]. Более того, Крепс подчёркивает в своей статье следующие преимущества междисциплинарного подхода в подготовке профессиональных кадров: «возможность переноса знаний, умений и навыков из одной сферы науки и профессиональной деятельности в другую, поэтому связи определяются как теоретические, логические, философские, семиотические, практические и т. д.» [2, с. 117]. Крепс рассуждала о междисциплинарном подходе в рамках экономических, исторических и других дисциплин, однако мы считаем, что данное преимущество распространяется и на другие области знания, в частности на методику преподавания китайского языка и живописи для различных возрастных категорий.

Мы предполагаем, что интеграция изобразительного искусства в образовательный процесс по китайскому языку, как раз позволит произвести «перенос умений и навыков», выделенный Т. В. Крепс, на процесс овладения китайским языком, в частности овладение китайской иероглификой. Также идеи о положительном влиянии рисования на обучение иероглифике находят отражение у различных исследователей. Так, например, старший преподаватель кафедры восточных языков МПГУ Е. А. Емец в интервью для Агентства городских новостей «Москва», упоминает, что «дети, которые любят рисовать, часто преуспевают, так как им проще запомнить элементы, из которых состоит иероглиф, и прописи не вызывают у них негативных эмоций» [5, электронный ресурс].

В ходе исследования выяснилось, что вопрос преодоления начертательных трудностей в процессе обучения китайскому языку с применением живописи остаётся мало изученным. Тем не менее, нами были рассмотрены работы современных исследователей, посвящённые интеграции изобразительного искусства в дисциплину «китайский язык». Так, например, преподавателем китайского языка (Ли Сюань) была разработана стратегия подготовки к Всероссийскому конкурсу по китайскому языку (г. Екатеринбург, 2024–2025). Согласно этой стратегии, дети рисовали сцены из стихотворения для подготовки к декламации стихов на китайском языке [3, с. 92]. В данном случае живопись выступает средством создания ассоциаций у учащихся, что способствует лучшему запоминанию содержания стихотворения. Также М. С. Роднина проанализировала собственный опыт применения декоративно-прикладного искусства в классе. Исследователь использовала техники китайских узлов, вырезания из бумаги (剪纸), Гохуа (国画) [7, с. 169]. Учащиеся с помощью традиционных видов китайского изобразительного искусства закрепляли изученные лексические единицы.

Изученный нами опыт внедрения изобразительного искусства в обучение китайскому языку несомненно способствует лучшему запоминанию информации, погружению в китай-

скую культуру и повышению мотивации, однако в данном контексте интеграция искусства имеет несистемный характер и не направлена на преодоление начертательных трудностей, которые возникают при овладении китайской иероглификой [4, с. 125]. В наших более ранних исследованиях было изучено влияние изобразительного искусства на качество написания иероглифов [10]. Было установлено, что учащиеся, которые имеют представление о композиции и активно применяют её в жизни, лучше других пишут иероглифы (по отдельным критериям эти учащиеся пишут иероглифы на 33% более качественно, чем остальные). Поэтому далее мы хотим предложить разработанное нами упражнение с применением материала из дополнительной общеобразовательной программы «Изобразительное искусство» (в т.ч. из предмета «Композиция станковая») ДШИ им. А. Д. Кившенко (Московская область, п. Серебряные Пруды), которое будет направлено на преодоление некоторых начертательных трудностей на начальном этапе обучения.

Упражнение «Посади иероглиф в клетку»

Класс обучения: 2–4 классы. Выбор обусловливается объективной сложностью работы с учащимися начальной школы и необходимостью тщательной разработки мотивов деятельности с включением в игровую деятельность [6, с. 17]. Данное упражнение может быть адаптировано для различных групп обучающихся, однако стоит учитывать возраст и интересы учеников при формулировке мотивации. Организационные формы работы: индивидуальная/фронтальная/групповая. Междисциплинарность упражнений проявляется в том, что развитие композиционных навыков (и преодоление начертательных трудностей) производится с привлечением знаний из предмета «живопись», тогда как развитие лексических навыков — в рамках дисциплины «китайский язык». Мы считаем, что данные упражнения рационально включать в образовательный процесс на этапе тренировки после завершения процесса семантизации лексических единиц. Однако на более поздних этапах обучения упражнения можно также адаптировать под этап ознакомления.

Цель упражнения: преодоление начертательных трудностей (посредством формирования композиционных навыков); задачи: знакомство учащегося с законом «золотого сечения» («правилом третей»), знакомство со способами распределения пустого пространства внутри иероглифической клетки, формирование навыков компоновки предметов внутри формата.

Преимущества упражнения: преодоление начертательной трудности «центрирование знака внутри клетки» [4, с. 125]; дополнительные преимущества: возможность тренировки изученных лексических единиц, семантизации новых единиц.

Этапы упражнения:

1. Формирование мотивации учащихся. Учитель должен качественно определить мотив деятельности для учащихся и включить его в игровую деятельность для успешного проведения упражнения. Например: *«Ребята, к нам приехал добрый волшебник со своим цирком, но в этом цирке выступают не звери, а волшебные существа: наш волшебник приручил огонь, воду и гору! Но вот беда, элементы убежали из своих клеток, и волшебник никак не может начать представление. Ребята, мы поможем нашим гостям?»*.

2. Объяснение правил и демонстрация эталонного выполнения учителем. Например: *«Ребята, только есть одна проблема, волшебник наложил на клетки заклинание „золотое сечение». Он провёл 4 линии и приказал, чтобы иероглифы располагались близко к точкам пересечения этих линий и не выходили за края клетки, только так получится красиво и представление сможет начаться. Если вы поставите иероглиф слева, а справа будет слишком много места, то магия не случится»* (Рисунок 1). Далее педагог берёт вырезанный из бумаги иероглиф и располагает его на бумажной «клетке» ровно на точках пересечения «золотого сечения».

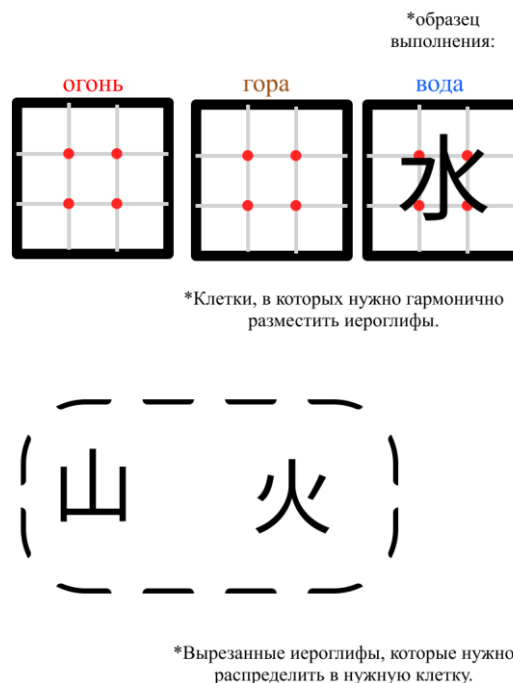

Рис. 1

2. Самостоятельное выполнение учащимися. На данном этапе учащиеся должны: 1) распределить иероглифы в зависимости от их значения в соответствующие клетки (над клетками написан перевод иероглифов на русский); 2) расположить иероглиф ровно на точках пересечения «золотого сечения», как результат иероглиф располагается ровно по центру иероглифической клетки.

3. Исправление ошибок. Учитель должен подойти к каждому из учеников и подтолкнуть его к поиску лучшего расположения для иероглифа в клетке: выше, ниже, левее и др. Главная задача на данном этапе дать толчок формированию способности композиционного видения плоского пространства у учащегося. Индикатором выполнения данной задачи будет постоянное перемещение иероглифа на листе и поиск учеником более гармоничного расположения.

4. Завершающий этап и рефлексия. В конце упражнения учитель помогает ученикам приклеить скотчем иероглифы к листам с «клетками». Далее каждый ученик рассказывает про свой иероглиф: какие цирковые трюки он умеет делать и др. Пока учащиеся обмениваются между собой работами, учитель подчёркивает важность соблюдения иероглифической клетки и расположения его на пересечении линий «золотого сечения»: *«Ребята, вы большие молодцы, но заклинание волшебника действует не только в его цирке, вы должны использовать „золотое сечение» всегда, когда рисуете, пишете иероглифы и даже делаете фотографии, тогда у вас будут получаться волшебные рисунки, иероглифы и фотографии!»*

В результате нашего исследования было предложено упражнение для преодоления некоторых начертательных трудностей при овладении китайской иероглификой с привлечением знаний из дисциплины «живопись» с целью развития междисциплинарного подхода. Также следует отметить, что разработка интегрированных образовательных программ должна происходить комплексно и с привлечением всестороннего анализа. Следовательно, в дальнейших работах планируется исследовать перспективу интеграции изобразительного искусства и китайского языка с позиции развития речевых умений и формирования грамматических и лексических навыков (с учётом когнитивных функций мозга человека). Также считаем важным провести анализ различных видов изобразительного искусства и оценить потенциал их включения в обучение китайскому языку.

Литература

1. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. Москва: Советское радио, 1978. 184 с.
2. Крепс Т. В. Междисциплинарный подход в исследованиях и преподавании: преимущества и проблемы применения // Научный вестник ЮИМ. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnyy-podhod-v-issledovaniyah-i-prepodavanii-preimuschestva-i-problemy-primeneniya> (дата обращения: 09.04.2026).
3. Ли С. Практико-ориентированная методика обучения китайскому языку на начальном этапе в российской школе: магистерская диссертация / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт. Екатеринбург, 2025. 125 с. Библиогр.: с. 112-123 (85 назв.). URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/145369/1/m_th_x.li_2025.pdf (дата обращения: 09.04.2026).
4. Масловец О. А. Методика обучения китайскому языку в средней школе: учебное пособие. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. 188 с.
5. Московский педагогический государственный университет. URL: <https://mpgu.su/novosti/lingvist-risujushhie-pocherkom-kitajskij/> (дата обращения: 17.03.2026).
6. Никитенко З. Н. Иностранный язык в начальной школе. Теория и практика: учебное пособие. 2-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2018. URL: <https://e.lanbook.com/book/119074> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Роднина М. С. Методика использования декоративно-прикладного искусства на уроке китайского языка // Новые технологии в обучении иностранным языкам: сборник материалов XVI Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 24 мая 2023 г.). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 2023. С. 169–171.
8. Ротенберг В. С. Мозг. Стратегия полушарий. 2001. URL: <https://lektsia.com/4x7fbf.html> (дата обращения: 17.03.2026).
9. Философия творчества: материалы всероссийской научной конференции (8–9 апреля 2015 г., Институт философии РАН, г. Москва) / под ред. Н. М. Смирновой, А. Ю. Алексеева. Москва: ИИнтелл, 2015. 476 с.
10. Фомичев А. Э. Перспектива применения арт-технологий в процессе обучения китайской письменности // Студент — исследователь — учитель — 2026: материалы 28 межвузовской студенческой научной конференции.

Сведения об авторе

Фомичев Алексей Эдуардович, студент 2-го курса, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, e-mail: alekseifomichev0720@mail.ru

Fomichev Aleksei Eduardovich, 2nd year student, Moscow pedagogical state university, Moscow

Научный руководитель

Дашеева Вера Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, e-mail: vv.dasheeva@mpgu.su

Dasheeva Vera Vitalievna, Cand. Sci. (Philology), A/Prof, Moscow State Pedagogical University, Moscow

© Французова Карина Бахрамовна

Московский государственный лингвистический
университет, г. Москва
frantsuzovakarina@icloud.com

В статье рассматриваются особенности эргонимии городов Элисты и Улан-Батора. Анализируются наименования коммерческих объектов как элементы языкового ландшафта городской среды. Особое внимание уделяется влиянию национальной культуры, исторической памяти и процессов глобализации на формирование эргонимов. Отмечается использование в эргонимии Элисты элементов калмыцкого эпоса «Джангар», а также сохранение названий советского периода. В эргонимии Улан-Батора выявляется значительная доля англоязычных названий, ориентированных на международную аудиторию.

Ключевые слова: эргонимия, ономастика, Элиста, Улан-Батор.

ANALYSIS OF ERGONYMS OF ELISTA AND ULAANBAATAR

Frantsuzova Karina Bahramovna

Moscow State Linguistic University, Moscow
frantsuzovakarina@icloud.com

The article examines the ergonyms of the cities of Elista and Ulaanbaatar. The names of commercial institutions are analyzed as elements of the linguistic landscape of urban space. Particular attention is paid to the influence of national culture, historical memory, and globalization processes on the formation of ergonyms. It is noted that the ergonymy of Elista reflects elements of the Kalmyk epic Jangar as well as names inherited from the Soviet period. In contrast, the ergonymy of Ulaanbaatar demonstrates a significant number of English-language names oriented toward an international audience.

Keywords: ergonymy, onomastics, Elista, Ulaanbaatar.

Эргонимия как раздел ономастики, изучающий наименования деловых объединений, предприятий, организаций и коммерческих структур, в последние десятилетия привлекает все большее внимание исследователей. Это связано не только с динамичным развитием городской инфраструктуры и ростом числа номинаций, но и с тем, что эргонимы выступают своеобразным индикатором социально-экономических, культурных и языковых процессов в обществе. Названия магазинов, ресторанов, гостиниц и других учреждений формируют языковой ландшафт города и отражают ценностные ориентиры его жителей.

Особый интерес в этом отношении представляют города с монголоязычным населением, в которых пересекаются национальные традиции, современные маркетинговые стратегии и процессы глобализации. Все это формирует уникальную систему городских наименований.

Специальное изучение монгольских имен собственных началось в конце XIX в. Значительный вклад в исследование монголоязычной ономастики внесли Г. Н. Потанин, А. Д. Руднев, Г. Е. Грум-Гржимайло, Б. Я. Владимирцов. Их работы были посвящены этимологии и происхождению топонимов и антропонимов. В дальнейшем интерес к данной проблематике усилился. Во второй половине XX в. появились исследования И. Шуберт, Ц. Тафраджийской и Ж. Тумурцэрэна, в которых рассматривались семантика, языковой состав и происхождение монгольских имен собственных.

Существенный вклад в развитие ономастических исследований внесли также Э. М. Мурзаев, Ч. Догсурэн, О. Сухэбатор, Ж. Сэржээ, Э. Равдан, А. Г. Митрошкина, Л. В. Шулунова и Е. В. Сундуева. Их работы позволили расширить представления о структуре монголоязычно-

го ономастикона. В калмыцкой лингвистике эргонимы города Элисты стали объектом рассмотрения в работах Н. А. Кичиковой, А. А. Мукобеновой, В. В. Боковой, А. М. Ибрагимовой, Г. М. Боваевой, Т. В. Бураевой, Э. О.-Ч. Дальдиновой. Эргонимия Улан-Удэ получила освещение в студенческих исследованиях Б. С. Базарсадаевой и Г. Б. Доржиевой, чьи работы позволили выявить специфику номинативных процессов в бурятском сегменте монголоязычного ономастикона. Что касается наименований организаций Улан-Батора, отдельные аспекты данной проблематики затрагивались в статье Т. В. Мархеевой и В. В. Дашеевой, а также в исследовании Э. Цэндбаяра, выполненном на материале эргонимов Эрдэнэти и Улан-Удэ.

Эргоним является онимом. Оним, или имя собственное, — слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект [11, с. 38]. По определению Н. В. Подольской, эргоним — это собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [10, с. 151].

В научной литературе встречаются различные термины, связанные с изучением городских названий. Так, Ю. А. Карпенко использует термин «эргонизмы» для обозначения названий прекративших существование организаций. И. А. Астафьева вводит понятие «ойкодомонимы» — названия коммерческих объектов, давшие имена зданиям. Р. И. Козлов предлагает термин «эргоурбонимы», обозначающий названия локализованных городских предприятий. В. А. Коршунков использует термин «фирмонимы» для обозначения названий фирм.

Сравнительный анализ эргонимов Элисты и Улан-Батора позволяет выявить особенности языкового ландшафта этих городов. В городском пространстве Элисты можно выделить несколько групп названий. Во-первых, это эргонимы, связанные с национальной культурой. Например, «Кишгтэ белг» (счастливый подарок), «Алтн Гер» (золотая юрта), «Седкл» (душа), «Цадхлнг» (сытый), «Булгн» (соболь), «Седклэсн» (от своей души). «Тодо» (ясный), «Амур-кхан» (Амирхан), «Kalmykia Jewelry» (ювелирные изделия Калмкии). Подобные названия отражают традиционные культурные особенности и создают атмосферу национальной идентичности. Во-вторых, особое место в эргонимии Элисты занимают названия, связанные с калмыцким героическим эпосом «Джангар». Имена персонажей и реалии эпоса активно используются в названиях магазинов, кафе и культурных учреждений. Это объясняется тем, что эпос «Джангар» является важнейшим элементом культурной памяти калмыцкого народа. Использование подобных эргонимов формирует уникальный национальный колорит городского пространства, популяризирует эпическое наследие и отличает Элисту от городов Монголии.

Одновременно в эргонимии Элисты сохраняются названия, отражающие советский исторический период. В городском пространстве можно встретить такие эргонимы, как «Родина», «Октябрь», «Дружба». Подобные названия являются своеобразными маркерами исторической памяти и свидетельствуют о культурном наследии советской эпохи. Они демонстрируют, что современная эргонимия города формировалась под влиянием различных исторических периодов.

Помимо русского и калмыцкого языков, в эргонимии города продемонстрированы названия на английском языке. Например, «Coffee Garden» (кофейный сад), «Face factory» (фабрика красоты лица), «Diva» (звезда), «Chic flowers» (шикарные цветы). А также названия, состоящие из слов на калмыцком или русском, написанные латиницей, например, «Dulan» (теплый), «Sansara» (сансара), «Balhsn» (город), «Amтта» (вкусный).

Однако в целом в городском пространстве Элисты преобладают названия на русском языке. Например, «Полина», «Магнит», «Васаби», «Чиполлино», «Гримерка», «Тортико». Это связано с исторически сложившейся языковой ситуацией и тем, что русский язык выполняет функцию основного средства межнационального общения. Стоит добавить, что в последнее время можно заметить тенденцию большего использования калмыцкого языка в эргонимии, а также включение национальной письменности (тод бичг) в городскую среду.

Иная картина наблюдается в Улан-Баторе. Здесь значительную часть вывесок составляют англоязычные названия: «Coffee Bean&Tea Leaf» (кофейное зерно и чайный лист), «City

Mall» (городской торговый центр), «Cyberzone» (компьютерная зона), «Olympic Galleria» (олимпийская галерея), «Blue Sky Hotel&Tower» (гостинично-башенный комплекс «голубое небо»). Такого рода эргонимы ориентированы на международную аудиторию и отражают влияние глобализации.

В то же время в столице Монголии встречаются названия, связанные с национальной историей: «Chinggis Khaan Hotel» (отель «Чингисхан»), «Modern Nomads» (современные кочевники), «Nomadic Dream» (кочевая мечта), «Хаан Гэр» (юрта хана), «Хархорум» (Каракорум), «Чингисхаан банк» (банк «Чингисхан»). Указанные эргонимы выполняют важную культурно-репрезентативную функцию и подчеркивают связь городской среды с историей монгольской государственности.

Также можно встретить эргонимы на монгольском языке, например, «Амгалан зах» (рынок Амгалан), «Дэлхий» (мир), «Амттай» (вкусный), «Оршил» (милосердие). Данные эргонимы отражают национальную идентичность и выполняют культурно-репрезентативную функцию.

Особенности эргонимии во многом определяются языковой политикой государств. С 1 марта 2026 г. в РФ вступает в силу Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ, обязывающий использовать русский язык на всех вывесках, указателях и информационных табличках для потребителей. Иностранные языки допускаются только как дублирующие, при этом русский текст должен быть основным, идентичным по содержанию и не менее заметным. Использование английского языка в вывесках разрешено, если это официально зарегистрированный товарный знак. Также закон не запрещает дублировать информацию на языках народов России, так как это противоречило бы праву на сохранение родного языка и закону РФ «О языках народов Российской Федерации» (1991), который закрепляет право республик на установление своих государственных языков. Следовательно, в городском пространстве Элисты возможно развитие полиязычной эргонимии, включающей русский, английский и калмыцкий языки.

Одной из актуальных проблем является наличие орфографических ошибок на вывесках. Например, в калмыцком языке дни недели пишутся следующим образом: сарң, мигмр, үлмж, пүрвэ, басң, бемб, нарн. Однако в городской среде часто встречаются искаженные варианты написания. Для решения этой проблемы можно предложить создание консультативных комиссий, которые помогали бы предпринимателям корректно использовать калмыцкий язык в названиях.

Таким образом, анализ эргонимии Элисты и Улан-Батора показывает, что названия коммерческих объектов отражают культурные, языковые и исторические процессы, происходящие в обществе. В Улан-Баторе заметна сильная ориентация на глобальную аудиторию и использование английского языка, тогда как в Элисте доминирует русский язык. В то же время эргонимия Элисты отличается обращением к калмыцкому эпосу «Джангар», что придает городскому пространству особую историко-культурную многослойность. Расширение присутствия калмыцкого языка в эргонимии могло бы способствовать сохранению культурной идентичности и формированию уникального языкового облика города.

Литература

1. Афанасьева И. А. Способы номинаций в речевой ситуации города: на материале ойкодомонимов г. Омска: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1996. 19 с.
2. Бадаев Э. Ч., Кирюхаев В. Л. Русско-калмыцкий разговорник = Орс-хальмг күүндврч. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1986. 112 с.
3. Карпенко Ю. А. Современное развитие русской ономастической системы // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 5–14.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок). Ст. 68.

5. Козлов Р. И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2000. 23 с.
6. Коршунков В. А. Новые названия в старой Вятке // Русская речь. 1997. № 4. С. 85–92.
7. Муниев Б. Д. Калмыцко-русский словарь. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1977. 384 с.
8. О государственном языке Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (в действ. ред.). Ст. 3.
9. О языках народов Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 25 окт. 1991 г. № 1807-1 (в действ. ред.). Ст. 3, 6.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. Москва, 1988. 200 с.
11. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва, 2007. 366 с.

Сведения об авторе

Французова Карина Бахрамовна, студентка, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, e-mail: frantsuzovakarina@icloud.com

Frantsuzova Karina Bahramovna, student, Moscow State Linguistic University, Moscow

Научный руководитель

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, e-mail: dug-vema@mail.ru

Vasilyeva Dugvema Natar-Dorzhievna, Cand. Sci. (Philology), Moscow State Linguistic University, Moscow

АНТРОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В СБОРНИКЕ МО ЯНЯ «ПОЗДНЕСПЕЛЫЕ ЛЮДИ»

© Эрдынеева Арина Баировна

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
arina.erdy300@gmail.com

Анализируются китайские антропонимы (имена собственные, прозвища, обращения) в сборнике нобелевского лауреата Мо Яня «Позднеспелые люди» как средство художественной характеристики персонажей. Рассматриваются традиционные китайские имена, обращения, прозвища и другие. Показано, как Мо Янь передает характер персонажа, его социальное положение и не только через имя.

Ключевые слова: антропонимы, имена собственные, прозвища, «Позднеспелые люди», Мо Янь, художественная характеристика.

ANTHROPONYMS AS A MEANS OF ARTISTIC CHARACTERIZATION OF CHARACTERS IN MO YAN'S COLLECTION «LATE BLOOMERS»

Erdynееva Arina Bairovna

Dorzhii Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude
arina.erdy300@gmail.com

Chinese anthroponyms (proper names, nicknames, forms of address) in the collection Late Bloomers by Nobel laureate Mo Yan are analyzed as a means of artistic characterization of characters. Traditional Chinese names, forms of address, nicknames, and others are examined. It is shown how Mo Yan conveys a character's personality, social status, and more through names.

Keywords: anthroponyms, proper names, nicknames, Late Bloomers, Mo Yan, artistic characterization.

Имя собственное является средством самоидентификации его носителя и идентификации его окружающими, а также одним из способов развития личности на протяжении всей жизни. Имя — центр осознания человеком самого себя и утверждения себя как существа общественного [2, с. 40]. Антропонимы — это имена собственные, которые обозначают людей (личные имена, прозвища, псевдонимы). Любой писатель использует их как инструмент характеристики персонажей. Через имя много что можно понять, кем человек приходится другим, его социальный статус иногда даже бэкграунд.

Мо Янь — нобелевский лауреат, у которого антропонимы играют большую роль в произведениях. Его поэзия погружает читателя в китайскую деревню, где он показывает простых людей и их трудные истории. В этой статье мы рассмотрим антропонимы в сборнике Мо Яня «Позднеспелые», который он выпустил в августе 2020 г., на примере двух рассказов «Левый серп» и «Боец».

Большую роль в истории занимают традиционные личные имена. Это обычные китайские имена, состоящие из фамилии и имени. К ним относятся: 田千亩 (Тянь Цяньму), 田奎 (Тянь Куй), 袁春花 (Юань Чуньхуа), 方明德 (Фан Миндэ), 方保山 (Фан Баошань), 王魁 (Ван Куй), 王登科 (Ван Дэнка), 顾明义 (Гу Миньйи). Разберем некоторые из них:

田千亩 (Тянь Цяньму), фамилия 田 (Тянь) означает поле, а имя 千亩 (Цяньму) значит тысяча му (традиционная китайская мера площади, равная 1/15 гектара) земли. В рассказе упо-

минается, что его семья когда-то владела землей. Здесь автор не вкладывает особый скрытый смысл, это имя прямо говорит о его высоком статусе (бывший помещик).

田奎 (Тянь Куй) — сын Тянь Цяньму, его имя 奎(Куй) — это название созвездия, по воерью покровитель литературы и культуры. Тянь Куй довольно хорошо учился, но из-за ложного обвинения, его отец отрубает ему руку и дальнейшая учеба становится невозможной. Теперь он работает на кладбище и все его светлое будущее, обещанное именем, рушится.

В некоторые имена Мо Янь вкладывает иронию, как например 方明德 (Фан Миндэ), имя 明德(Миндэ) переводится как «высшая добродетель». Фан Миндэ — бывший секретарь партийной ячейки и глава деревни. Но в тексте Мо Яня он описывается как жестокий человек. Его добродетель — лишь маска, которая скрывает темные дела.

武功 (У Гун), что в переводе «военное дело/боевые подвиги». В рассказе У Гун — слабый, его часто обижают и он бедно живет. Но на самом деле он мстит тайно и травит свиней, потому что не может сделать этого прямо. Мо Янь здесь использует контраст и иронию, ведь читатели ожидают от человека с таким именем мощную силу и самых справедливых поступков. Брат У Гуна — Вэнь Чжи (文治) в переводе на русский язык означает — «гражданское управление». Хотя и Вэнь Чжи не появляется в рассказе лично, Мо Янь вводит его имя, чтобы подчеркнуть, как переплетаются друг с другом их имена.

В деревнях и сельской местности распространены прозвища и различные клички. А так как большая часть произведений нобелевского лауреата Мо Яня разворачивается в деревне Гаоми провинции Шаньдун, использование таких прозвищ становится неотъемлемой частью антропонимики сборника.

Для примера разберем 黄耗子 (Хуан Хаоцзы), по-русски «Желтая крыса». Кличка сразу дает читателю некий образ маленького и трусливого мальчика. В рассказе он избивает У Гуна, мочится на него и издевается. Мо Янь использовал зооморфное прозвище, чтобы сразу показать отношение рассказчика к персонажу.

Имена детей 喜子 (Сицзы) и 欢子(Хуаньцзы) это деревенские имена, в которых родители вкладывают пожелание счастья. Обычно, в бедных семьях это частая практика. Что интересно, оба имени имеют один и тот же суффикс «цзы» (子), который в разговорном китайском обычно добавляют к односложным словам, образуя прозвища с уменьшительно-ласкательным окрасом. Хотя Сицзы в переводе — «Счастливый», в реальности он умственно отсталый парень, он бегаёт голым по деревне, его обижают другие дети и он не в состоянии защитить себя. Его отец говорит, что он в прошлой жизни сделал что-то дурное, раз родился у него такой сын.

Сестра Сицзы — Хуаньцзы, если перевести «Радость/веселье». Она всё детство бегала за своим братом, защищала его от жестоких сверстников. Позже она выходит замуж за Сяо Ханя, он умирает, ещё позже выходит ещё раз замуж за Лао Саня, но и этот брак заканчивается смертью мужа. В деревне её прозывают «克夫命» (жена, которая приносит смерть мужьям). Все начинают её избегать и никто не хочет на ней жениться, так она возвращается в деревню одна с детьми. Через её имя автор иронично проигрывает её тяжелую судьбу.

Если сложить первые слоги их имен, 喜 (си) + 欢 (хуань) получится слово 喜欢 (сихуань), что означает «любить/нравится». Родители, когда давали имена детям «Счастье» и «Радость», скорее всего, желали им обоим счастливой и радостной жизни. Однако судьба распорядилась иначе.

Часто персонажи обращаются друг к другу не по личному имени или прозвищам, а по родству или возрасту. Рассмотрим несколько примеров.

Мо Янь любит писать про кузнецов. В начале сборника он даже пишет, что «кузнечный труд — это символ жизненной силы». Самый важный персонаж в рассказе «Левый серп»:

老韩 (Лао Хань) — 老 (Лао) — старый, уважаемый; 韩 (Хань) — фамилия. Все персонажи в рассказе обращаются к нему как старый Хань, подчеркивая его мастерство. Он говорит мало, серьезен и суров, но при этом не жестокий человек. Когда его просят сделать левый серп для безрукого мальчика, он сразу соглашается, без лишних вопросов и жалости.

Мо Янь в детстве часто был с кузнецами, поэтому он их очень уважает и часто о них пишет. Лао Хань — это идеальный образ кузнеца Мо Яня, все его характеристики — это то, как автор видит обычного деревенского ремесленника.

管二 (Гуань Эр) — эпизодический персонаж в рассказе «Левый серп». 管 (Гуань) — фамилия, 二 (Эр) — число два. Он дед рассказчика, тоже рабочий, но уважаемый человек. В тексте не указывается почему именно его так называли, но предположительно, он просто был вторым сыном в своей семье. В отличие от 老三 (Лао Сань) — 老 (Лао) — старый, уважаемый; 三 (Сань) — третий; это ученик Лао Ханя, у него нет фамилии или имени, он просто третий кузнец в деревне.

Можно сказать, что Мо Янь использует имена своих персонажей как средство художественной характеристики. В каждое имя он определенную семантическую нагрузку. В своих других более популярных работах он часто использует этот прием, например, роман «Лягушки», выпущенный в 2009 г. Всех персонажей зовут какой-либо частью тела или органом. А сам рассказчик называет себя Кэдоу (蝌蚪) — «головастик», что символично связывает его имя с заглавием и основной идеей романа.

Писатель отказывается от нейтральных имен, выбирая семантически нагруженные, которые впоследствии становятся неотъемлемой частью художественного образа персонажа. Мо Янь работает с разными типами антропонимов, которые выполняют несколько функций: характеризующую, социально-иерархическую и символическую. Автор хорошо использует иронию, он дает героям имена с положительным значением, но с трагической судьбой. В этом контрасте Мо Янь критикует социальную несправедливость. Через анализ имени мы углубляемся в ту среду, в которую хочет поселить нас автор. Благодаря прозвищам, кличкам и именам читатели лучше понимают персонажей и их иерархию. Зачастую именно имя говорит о человеке больше, чем его история.

Литература

1. 莫言 晚熟的人 [Late bloomer]. 北京 : 人民文学出版社, 2020. 377 p.
2. Дашеева В. В. Воспитательная функция китайских антропонимов // Вестник БГУ. 2013. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitatelnaya-funktsiya-kitayskih-antroponimov> (дата обращения: 12.04.2026).

Сведения об авторе

Эрдынеева Арина Баировна, студентка, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: arina.erdy300@gmail.com

Erdynееva Arina Bairovna, student, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научный руководитель

Алсаева Валентина Федоровна, старший преподаватель, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: borgeeva@list.ru

Alsaeva Valentina Fyodorovna, senior lecturer, Dorzhi Banzarov Butyat State University, Ulan-Ude

Научное издание

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ — XIX

*Материалы международной научно-практической
конференции молодых ученых*

(Улан-Удэ, 28–29 апреля 2026 г.)

Редактор В. Э. Цыремпилова
Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой

Свидетельство государственной регистрации № 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 30.06.2025. Формат 60х84 1/8.
Усл. печ. л. 29,99. Уч.-изд. л. 19,43. Заказ 105.

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
gio@bsu.ru